

Археология:

история
и перспективы

Десятая
межрегиональная
конференция

Ярославль
2022

*Институт археологии Российской академии наук
Ярославский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник*

Археология: история и перспективы

Десятая межрегиональная
конференция

Сборник статей

Ярославль
2022

Электронная библиотека ИА РАН: <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib>

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати
Учёным советом Института археологии Российской академии наук,
Учёным советом Ярославского государственного
историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Е. Леонтьев, д-р ист. наук, отв. редактор,
А. В. Энговатова, канд. ист. наук, Н. В. Артемьева, О. М. Стадник

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

В. Ю. Коваль, канд. ист. наук, О. В. Зеленцова, канд. ист. наук

Статьи сотрудников ИА РАН

*Энговатовой А. В., Сарафановой Н. А., Полянской Е. Ю., Антипиной Е. Е.,
Самойлович Н. Г., Борзовой С. В., Глазуновой О. Н., Медниковой М. Б.,
Тарасовой А. А., Петровой К. А., Яворской И. Э., Яганова А. В.,
Рузаевой Е. И. подготовлены в рамках научной плановой темы
НИОКТР 122011200265-6 «Сохранение археологического наследия:
методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.».*

А87 Археология : история и перспективы : Десятая межрегиональ-
ная конференция : сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Яро-
славль : ГАУК Ярославской области «Ярославский государственный
историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»,
2022. — 288 с.; ил.

Книга представляет собой сборник статей участников Десятой межрегиональной конференции «Археология: история и перспективы», которая состоялась в Ярославле 12–13 ноября 2020 года. Сборник посвящён изучению Ярославля, Ярославского края и близлежащих регионов в археологическом отношении.

Книга предназначена для археологов, историков и краеведов.

ISBN 978-5-907590-34-2

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-907590-34-2

- © Авторы статей, 2022
- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2022
- © ГАУК Ярославской области «Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», 2022

Содержание

<i>Альквист А.</i> Вешка и Вёшка: о некоторых мордовских параллелях в топонимии юга Ярославской области	4
<i>Вишневский В. И.</i> Городище дьяковской культуры Максимка («Волчиха») на р. Лахость	16
<i>Вишневский В. И., Щербаков В. В.</i> Печные изразцы из царских теремов рубежа XVII–XVIII вв. на горе Гремяч на Плещеевом озере	26
<i>Власов Д. В., Энгватова А. В., Сарафанова Н. А.</i> Новые энтомологические находки в культурном слое средневекового Ярославля и их научное значение	36
<i>Кононович А. Ю., Седых В. Н., Френкель Я. В.</i> Крестик с грубым изображением распятия из Тимерёво (опыт комплексного подхода)	53
<i>Кудряшов А. В.</i> Исследование поселения Горка 2 в среднем течении р. Шексны	69
<i>Максимов А. В.</i> Клад бумажных денежных знаков из Тутаевского района Ярославской области	81
<i>Полознев Д. Ф.</i> Сакральная топография домонгольского Ярославля	91
<i>Полянская Е. Ю., Антипина Е. Е., Энгватова А. В.</i> Тульский кремль: первые этапы жизни крепости (археозоологическое исследование костей животных из раскопок 2019 года)	106
<i>Самойлович Н. Г.</i> Археологические исследования в Белогостицком монастыре близ Ростова Великого	129
<i>Спиридонова Е. В., Праздников В. В., Кокорина Е. А.</i> Археологические исследования на селище Яковлевское-3 Угличского района Ярославской области	142
<i>Спиридонова Е. В., Праздников В. В., Кокорина Е. А.</i> Украшения из стекла и фаянса поселения Яковлевское-3 Угличского района Ярославской области	156
<i>Хохлова О. С., Макеев О. А., Энгватова А. В., Гольева А. А., Мякшина Т. Н., Кузнецова Е. А.</i> Мультидисциплинарное изучение культурных слоёв и погрёбённой почвы Тульского кремля	178
<i>Энгватова А. В., Борзова С. В., Глазунова О. Н.</i> Вокруг зубчатой капители (к вопросу о кирпичном и изразцовом производстве Ярославля XVII в.)	209
<i>Энгватова А. В., Медникова М. Б., Тарасова А. А.</i> Возвращаясь к изучению антропологических материалов из раскопок Волосово-Даниловского могильника фатьяновской археологической культуры	221
<i>Энгватова А. В., Тарасова А. А., Петрова К. А., Мустафин Х. Х., Альборова И. Э.</i> Комплексное исследование массового захоронения в сооружении № 60 в Рубленом городе Ярославля (раскопки 2008, 2020 гг.)	230
<i>Энгватова А. В., Яворская Л. В.</i> Эпидемическое захоронение животных из Ярославля: археозоологический контекст заполнения объекта № 1 из раскопа на Волжской набережной в 2021 году	245
<i>Яганов А. В., Энгватова А. В., Рузаева Е. И.</i> Западное крыльцо Спасской церкви 1515 г. Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле по результатам археологических исследований 2008 г.	260
<i>Янишевский Е. Б., Орлов В. Н., Самойлович Н. Г.</i> Результаты раскопок на Подозёрке в Ростове Великом (предварительная публикация)	276
Список сокращений	288

А. Альквист

Хельсинки, Финляндия

Вешка и Вёшка: о некоторых торговых паратиптах в топонимии юга Ярославской области

Ранее в своих работах мною неоднократно было написано о наименованиях частей селений *Кунда*, *Кундыла* и др., прочно очерчивающих территорию расселения летописного племени меря в пределах юга Ярославской области с прилегающими районами.

Меряничность топлекомы *Кунд(V)*- подтверждается её исключительной характерностью и строгой локализацией именно на земле мери в летописных границах. Вплоть до нашего времени данная лексема используется во многих местах в виде апеллятива¹.

Именно микроойконимия *Кунда*, *Кундыла* и др. мною рассматривается важнейшим индикатором для определения языкового ареала летописной мери. Ареал топлекомы *Кунд(V)*- во многом совпадает с территорией расселения летописной мери, определяемой историческими источниками и современной археологией: согласно же А. Е. Леонтьеву, археологические исследования подтвердили справедливость летописного свидетельства об основной области расселения мери в районе озёр Ростовское (Неро) и Клецино (Плещеево)². Предполагается, что топонимическое исследование отчасти даже позволяет уточнить эти границы, конкретизируя изоглоссу указанной топлекомы и её вариантов. Впоследствии топонимическая модель с основой *Кунд(V)*-, состоящая из сотен микроойконимов, будет картографирована подробнее.

¹ Альквист А. Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // *Studia Slavica Finlandensia*, Tomus XV: *Studia Slavica Finlandensia in Congressu XII Slavistarum Internationali Cracoviae anno MCMXCVIII oblata*. Helsinki, 1998. С. 8–10 и последующие работы.

² Леонтьев А. Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996. С. 292.

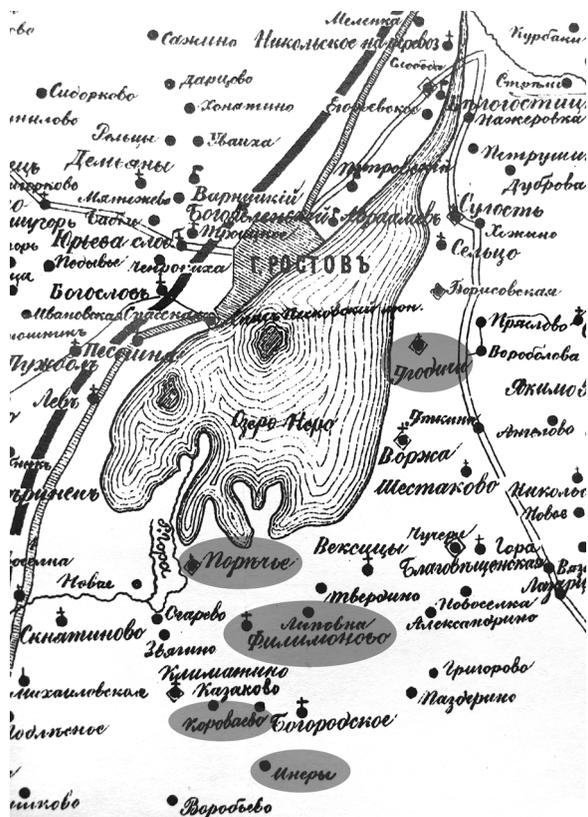

Рис. 1. Фрагмент карты Ростовского уезда А. А. Титова (1885 г.) с указанием населённых пунктов с частями селений Векшия, Вёкша

Тогда как топоним *Кунд* (V) - находит соответствия, прежде всего, на прибалтийско-финской языковой почве³, на летописной земле мери обнаруживаются и другие топонимические модели, указывающие на части селений, которым можно найти ближайшие соответствия в современных мордовских языках. В особенности, в окружности оз. Неро, под Ростовым Великим Ярославской области, обнаружен ряд наименований частей селений, указывающих непосредственно на языковую форму мордовского начала. Речь идёт, прежде всего, о группе микроойконимов *Вешка*, *Вёшка* с некоторой вариацией⁴.

³ Альквист А. Субстратная лексика финно-угорского происхождения...

⁴ См. также: Морозов А. Г. Материалы к топонимическому словарю Ростовского муниципального района: топонимия Пореческого сельского округа на рубеже XX–XXI вв. // Сообщения Ростовского музея. Вып. 18. Ростов, 2009. С. 168.

Рис. 2. Улица Вешка в Угодичах

Эллиптическая тополексема *Вешка*, *Вёшка* является очень близкой к мордовским формам прилагательной основы со значением «малый, небольшой»: ср. морд. (эрзя) *веш*- с производными *вешка*, *вишка* «малый» и пр., а также фин. *vähä* «малый, небольшой; малое количество» и др., считаемое под вопросом ранним заимствованием мизгерманского источника⁵.

Тополексема *Вешка*, в русифицированной форме *Вёшка*, сосредоточена на территории летописной мери: практически все зафиксированные «вёшки» расположены в населённых пунктах вокруг оз. Неро, в особенности на его южном и юго-восточном побережье (рис. 1).

Вёшка/Вёшка — часть селения, посад, с. Угодичи, Ростовский р-н, Ярославская обл. Ещё А. Я. Артынов отмечает, что одна из шести улиц с. Угодичи именуется *Вёшка*⁶. Это и является официальным наименованием улицы (рис. 2).

Уроженец с. Угодичи подчеркнул правильность формы *Вёшка*: «На *Вёшке* старые дома», хотя говорится также «на *Вёшке*, по *Вёшке*». Она же описывается как *Малая сторбнка*; здесь всегда было меньше домов, двадцать с лишним. На *Вёшке* проходит р. *Вороболовка*, которую «пускали в Чистый пруд».

⁵ Подробнее см.: Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. Т. 3. Helsinki, 2000. С. 478; Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1991. С. 818–819; Мордовский словарь Х. Паасонена. Т. IV. Helsinki, 1996. С. 2639–2640; Эрзянско-русский словарь. М., 1993. С. 138.

⁶ *Артынов А. Я.* Село Угодичи Ростовского уезда Ярославской губернии: историко-этнографический очерк. Ярославль, 1889. С. 36.

Вёшка (Вешка) — небольшая улица, упирающаяся в реку Сару, выходит от большой Центральной улицы, пос. Поречье-Рыбное, Ростовский р-н, Ярославская обл. (рис. 3). Описывается также следующим образом: «выходит к Центральной улице, вроде как бы от улицы отросток». Сообщается, что Вёшка состоит из четырёх-пяти домов. Интересно, что от одной жительницы пос. Поречье автору удалось зафиксировать описание улицы *Вёшка* словом *прикундыша*, под которым имеется в виду «огрызок, прилепленный к главной улице» (< *Кунда*).

По другой озвученной версии «Вешка — бОльшая часть ул. Центральная, от транспортного, Большого моста через реку Сару почти до центра». В Поречье имеются также улица *Вёшиний посáд* и улица *Мáленький посáдчик*⁷.

Вёшка — небольшой посад на задворке, с. Филимоново, Ростовский р-н, Ярославская обл.

Вёшка — посад, часть деревни Караваево, Ростовский р-н, Ярославская обл. Жителей Вёшки звали *вёшкински*.

Другой посад д. Караваево назывался *Кунíловка*, а его жители — *кунíловски* (ср. *Кунда*). Согласно информанту 1915 г. р., имелся также *Прямóй посáд*, улица *Запрúдка* («за прудом»), а жителей центральной части д. Караваево звали *деревёнские*. Естественно, неизвестно, каким был посад *Вёшка* во времена его наименования, но в годы исследования он оказался меньшим из всех посадов д. Караваево, из шести домов; даже в Куниловке было в прошлом восемь домов.

Рис. 3. Поречье-Рыбное.
Улица Центральная (Вешка), посадка рябин
(фото А. Г. Морозова, осень 2019 г.)

⁷ Ср. Морозов А. Г. Материалы к топонимическому словарю... С. 186.

Вёшка — посад, бывш. д. Инеры, Ростовский р-н, Ярославская обл. Сообщается: «В деревне было около двадцати домов. Они располагались в два посада. Третий посад, *Вёшка* — небольшой, был на задворке».

Речь идёт о частях, концах селений под названием «малая сторона». Аналогичная ойконимическая модель является нередкой в русской топонимии. Зафиксированы такие названия частей населённых пунктов, как *Мáлая сторoнá*, пос. Н. Писцово, Ивановская обл.; *Мáленька сторoнka*, д. Тукаленка, Переславский р-н, Ярославская обл.; *Мáловская сторoнá*, с. Романово, Переславский р-н, Ярославская обл. Далее, к примеру, в д. Искробол, Некрасовский р-н, Ярославская обл., имеется две основных части: *Мáлый Ёскробол* и *Большой Ёскробол*.

В целом же тополексемы с прилагательными основами со значениями «большой» и «малый» представляют из себя обширную проблематику. В исследуемом регионе выступает ряд других географических названий, схожих по звучанию. К примеру, в Переяславском уезде упоминается село, впоследствии пустошь *Вишка/ Вишки*, 1498 г.⁸ Судя по локализации, речь может идти о референте *Ви́шка*: 1) речка (канавка) → р. Шаха (л.); 2) лес, дд. Внуково и Высоково, Переславский р-н, Ярославская обл.⁹ К с. Петровское, Переславский р-н, Ярославская обл., относится овраг под названием *Вёскай враг*. Поскольку в этой местности находится исток р. Трубеж и здесь упоминается *Мáлый Трúбеж*, можно предполагать нечто вроде полуперевода. Однако одно из соседних селений именуется *Вёска*, с которым название оврага, возможно, имеет корреляцию¹⁰. Русская аналогия обнаруживается несколько выше по течению Трубежа в микрогидрониме *Мáленькая рéчка* — место для купания на р. Трубеж, с. Красное, Переславский р-н, Ярославская обл.

По всей видимости, тополексема встречается и в качестве производных, часто испытывавших влияние контаминации на русской почве: ср., к примеру, *Ви́шенки* — один конец д. Коргашино [?], Переславский р-н, Ярославская обл.; *Ви́шенки* — поле, бывший лес, бывш. д. Горженицы, Ростовский р-н, Ярославская обл. Имеются исторические ойконимы *Вишанка, Вишенки*, Ростовский уезд 1629–1631 гг.¹¹, а также исчезнувшая деревня *Ви́шенки*, Переславский р-н, Ярославская обл., где упоминается как *Ви́шенское болóтце*, так и *Мáленькое болóтце*. В районе бывшей

⁸ *Смирнов М. И.* Переславль-Залесский: его прошлое и настоящее. М., 1911. С. 215; *Смирнов М. И.* Историко-географическая (хорографическая) номенклатура Переславль-Залесского края. Переславль-Залесский, 1929. С. 26; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / под ред. С. В. Бахрушина. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. С. 346, 530.

⁹ См. Атлас Ярославской области. М., 2002. С. 116.

¹⁰ Там же. С. 120.

¹¹ *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб., 2009. С. 239.

д. Вишенки упоминается также наименование *Мáленькая горúшка*, с. Лучинское, Переславский р-н, Ярославская обл. Топонимическая пара *Ви́шенское болóто* и *Мáленькое озеркó* представлены в области оз. Вашутино, Переславский р-н, Ярославская обл. К д. *Вишнякóво*, Александровский р-н, Владимирская обл., относится болото под названием *Мáленький ручей* — болото (30 га).

Изначальная принадлежность названия речки и посёлка *Вёшка, Вешка*, а также болота *Вёшкинское*, Кадыйский р-н, Костромская обл., к данной ойконимической модели кажется невероятной, поскольку в этом случае топоним мог образоваться вследствие прикрепления к иной, односложной основе русской суффиксации. В любом случае, в связи с обсуждаемой тополексемой вероятность разного рода контаминаций большая. Вопрос обсуждается в другой связи.

В качестве ойконима тополексема *Вешка, Вешки* и др. встречается также, в частности, в пределах Московской, Владимирской, Рязанской и Тверской областей, но их принадлежность именно к данной топонимической модели следует оценивать отдельно. Некое доказательство для подтверждения предполагаемой этимологии можно иногда получить и на основе картографических данных, вроде расположения д. Вешки на р. Маляве, Сонковский р-н, Тверская обл., или наличия по соседству селений Вышка и Великое Село, Максатихинский р-н, Тверская обл.¹²

Наличие непроизводной основы в виде *Веш(V)*-, *Вёш(V)*- можно предугадать в таких микротопонимах Ярославской области, как *Вёшний луг* — луг, д. Тереньково, Ростовский р-н; *Вёшняя горá* — поле, д. Выползова Слободка, Переславский р-н, или *Вёшнее пóле* — поле, на берегу р. Кострома, д. Белоголазово, Любимский р-н, Ярославская обл. В этих случаях следует отметить вероятное влияние русского поэтического прилагательного *вешний*, хотя из-за семантических причин здесь, скорее всего, имела место народная этимология.

Помимо обсуждаемой микроойконимической модели *Вешка, Вёшка*, на летописной земле мери в какой-то степени встречается и вторая модель наименования частей селений, сопоставляемая с данными мордовского языка, а именно *Куриловка* с вариантами, которое следует сравнивать с морд. (эрзя) *куро*, (мокша) *кура* — словом, обозначающим не только «куст, кустарник», но и «порядок, часть, участок улицы (по обеим сторонам), конец, сторона (деревни), часть, квартал деревни»¹³. Народной этимологией может оказаться связь с курными избами или тем, что «вся улица сгорела» или «когда Поречье горело, осталась *Куриловка*», как

¹² См. Атлас Тверской области. М., 2003. С. 64, 76.

¹³ См. Uralisches Etymologisches Wörterbuch... С. 217; Мордовский словарь Х. Паасонена... Т. II. С. 968–970; Эрзянско-русский словарь... С. 317; Мокшанско-русский словарь. М., 1998. С. 305.

предполагалось в с. Поречье-Рыбное, Ростовский р-н, Ярославская обл. Подобно тому, как и в микроойконимии *Кундыла* с вариантами, указанная топооснова осложнена суффиксальным компонентом *-ла*, имеющем широкое распространение в прибалтийско-финских названиях селений. Ойконимия вроде *Курилово*, *Куриловка* осложнена впоследствии и русской суффиксацией. В любом случае уже наличие суффикса *-ла* говорит в пользу субстратного начала ойконима.

С. В. Стрельников сообщает, что топонимы *Курилова*, *Курилово*, *Куриловец* встречаются на территории Ростовского уезда в Поречском и Якимовском станах. В конце XV — начале XVI в. послухами в Лутском стане названы Лёва Савин сын *Курилова* и Иван Меншой Васильев сын Дрокин¹⁴. Зафиксирован микроойконим данного ряда, в частности, на южном побережье оз. Неро, а именно: *Куриловка* — совр. улица Комсомольская, пос. Поречье-Рыбное, Ростовский р-н, Ярославская обл.¹⁵ и *Куриловка* — часть д. Короваево, Ростовский р-н, Ярославская обл. В г. Нерехте, Костромская обл., было получено сведение: *Курёнь* — на краю деревни, окраина деревни. По всей видимости, к данной ойконимии можно причислять и двусложное наименование *Кандакúровка* — конец с. Нила, Переславский р-н, Ярославская обл.

Учитывая ограниченный ареал топонимической модели *Вешка*, *Вёшка* и, возможно, *Куриловка*, на южном и юго-восточном побережье оз. Неро, необходимо отметить наличие здесь ряда других топонимических компонентов, которым можно найти соответствие именно в мордовском языке. Во-первых, близко именно к мордовским языковым данным подходит наименование самого озера *Нéро* / *Нэ́ро* / *Нэ́ро* / *Нéра* / *Нерó* и пр. (< *Инеро) с переводом «великое озеро». Из указанных селений аналогичное строение имеется у ойконима *Йнэ́ра* / *Йне́ра* / *Йне́ры* с речкой *Инерка* / *Йнерская*, сравниваемой, в частности, с лимнонимами *Инерка*, *Инарка*, *Имерка* в Мордовии¹⁶.

Этимологическая связь обсуждаемых микроойконимов именно с близким к мордовским языкам лексикону усиливается наличием в округе типичной мордовской топонимии. В данном микрорегионе, в пограничье Ярославской и Ивановской областей, зафиксирован ряд топонимов с ближайшими соответствиями именно в мордовских языках. Даже оставляя в стороне отдельные топонимические модели, требующие более подробного изучения, можно указать на такие отдельные географические названия, как, к примеру, *Нáчково* — 1) местечко, луг, д. Красново; 2) поле (20 га), прежний хутор, дд. Мирославка, Исаково, Ростовский р-н, Ярославская

¹⁴ Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае... С. 140, 255, 348.

¹⁵ Ср. Морозов А. Г. Материалы к топонимическому словарю... С. 184.

¹⁶ Альквист А. [Ahlqvist A.] Merjalaiset — suurten järvien kansaa. Virittäjä, 1998/1. С. 24–55.

обл. Топооснова сравнивается с данными волжских языков, а именно морд. (эрзя) *начко*, (мокша) *начка* «мокрый, сырой», *имар* (луговой) *но́чко*, (горный) *на́чки* «мокрый, сырой, влажный» и др.¹⁷ В соседней местности отмечается русская аналогия, а именно *Мо́крый луг / Мо́крой луг* — луг, сенокос, в лесу, около *Чи́стого болота*, за д. Паздереино, сс. Климатино и Филимоново, Ростовский р-н, Ярославская обл. Дается объяснение: «Там был родник».

Именно здесь зафиксирован микропоним *Тишино* — болото, дурное место, у д. Паздерино, Ростовский р-н, Ярославская обл. Название имеет объяснение народно-этимологического характера: «Там какой-то *Тихон* удушился, его закопали, и он водил. Там черти ходили». Стоит отметить, что именно сенокосы очень часто имеют поверья с явлениями нечистой силы, с чертями. Гелоним сопоставляется всё же с морд. (эрзя) *тикше* «трава, сено; травяной» и, в особенности, (мокша) *тише* «трава, сено», *тишень* «травяной»¹⁸. Речь идёт об одном из обозначений «сена», имеющем в исследуемом регионе широкое, но спорадическое распространение.

К той же местности относится *Ра́кшино (болото)* — болото, между лесом и Новой деревней, Ростовский р-н, Ярославская обл.¹⁹ Судя по расположению, один и тот же объект указывается под вариантами названия *Ра́кушино* или *Ра́кушево болото*. Тополексема *Раки(V)*- сравнима с морд. *Ракиша* «конь, лошадь» и др., (эрзя) *ракшань* «лошадиный». С точки зрения датировки топонимического компонента, необходимо обратить внимание на то, что лексема *ракша* мордовских языков относится, по всей видимости, не к древнейшему лексикону — несмотря на то, что слово рассматривается устаревшим²⁰. В пользу достоверности этимологии говорит наличие в одной местности оронима *Кобь́лья голова* — гора, «к Паздерино», если смотреть со стороны с. Вексицы, Ростовский р-н. На самом деле предполагается наличие двух микропонимов *Кобь́лья голова́* на южном побережье оз. Неро, поскольку локализация одноимённого места в с. Поречье-Рыбное, Ростовский р-н, связана с оз. Неро: это тоня или лов, а также сенокос, типа полуострова, «в Мысах, к озеру», «как лошадиная голова». В качестве участка р. Сары упоминается *Ко́нское сто́йло*, с. Климатино, Ростовский р-н²¹.

¹⁷ См. Suomen sanojen alkuperä... Т. 3. С. 202; Uralisches Etymologisches Wörterbuch... С. 311; Мордовский словарь Х. Паасонена... Т. III. С. 1307; Эрзянско-русский словарь... С. 405; Мокшанско-русский словарь... С. 410; Словарь марийского языка. Т. 4. 1998. С. 195–196.

¹⁸ Мордовский словарь Х. Паасонена... Т. IV. С. 2402–2407; Эрзянско-русский словарь... С. 662; Мокшанско-русский словарь. М., 1998. С. 724; ср. Suomen sanojen alkuperä... Т. 3. С. 353; Uralisches Etymologisches Wörterbuch... С. 795.

¹⁹ Ср. *Морозов А. Г.* Материалы к топонимическому словарю... С. 196.

²⁰ Мордовский словарь Х. Паасонена... Т. III. С. 1878; Эрзянско-русский словарь... С. 536; Мокшанско-русский словарь... С. 567.

²¹ См. также: *Морозов А. Г.* Материалы к топонимическому словарю... С. 180, 182.

В качестве другого примера можно указать на микропотамоним *Телелёйка*, под которым именуется также лес и поле, в области д. Исаевское, Ильинский р-н, Ивановская обл. Наименование входит в гидронимическую модель на *-лей*, *-ляй*, широко распространённую на мордовских землях, для дальнейшего обсуждения которой здесь нет необходимости: ср. морд. (эрзя) *лей*, (мокша) *ляй* «река, речка; овраг»²². Вблизи упоминается поле и местечко *Тялиха*, с. Кулачево, Ильинский р-н, название которого объясняется информантом из соседнего села Спас-Городец из рус. *телёнок*, что является чистой народной этимологией. Топооснова находит прямое соответствие в морд. (эрзя) *теле*, (мокша) *тяла* «зима», хотя можно было бы указать и на имя эрзянского царя *Телелей*²³. Фактически на этом же водном пути фигурирует речное название *Зименка* (< рус. *зима*), левый приток Нерли [Клязьминской]²⁴.

Проблематика обсуждаемых частей селений, схожих с мордовскими данными, представляет интерес с точки зрения истории заселения не только местности южнее и юго-восточнее оз. Неро, но и по водному пути Нерли Клязьминской и её левому притоку, р. *Ухтома* (реже *Ухто́ма*), название которой зафиксировано автором однажды в эллиптической форме *Ухта*, Ивановская и Ярославская обл. Потамоним указывает на наличие волока, и по Ухтоме можно было добраться до водораздела речек, впадающих в оз. Неро²⁵.

Давно обращалось внимание на топонимию чисто мордовского характера в бассейне Клязьмы, вроде названия реки *Пёкша*: 1) река → р. Клязьма (л.); 2) деревня, Юрьев-Польский, Кольчугинский и Петушинский р-ны, Владимирская обл.²⁶ Ещё А. И. Попов замечал, что такие названия, как *Пекша*, встречаются далеко за пределами мест, заселённых мордвой ныне или бывших мордовскими в историческое время²⁷. В Центральной России насчитывается всего четыре реки с названием *Пекша*, две из которых — в Ярославской области. Эти эллиптические речные названия подходят близко к мордовским соответствиям финно-волжской лексемы, а именно (эрзя) *пекше*, *пекшя* и пр., (мокша) *пяше*, *päšä* «липа; липовый»²⁸.

²² Мордовский словарь Х. Паасонена... Т. III. С. 1878; Эрзянско-русский словарь... С. 536; Мокшанско-русский словарь... С. 567.

²³ Suomen sanojen alkuperä... Том 3. С. 265; Uralisches Etymologisches Wörterbuch... С. 516; Мордовский словарь Х. Паасонена... Т. IV. С. 2386–2387; Эрзянско-русский словарь... С. 653; Мокшанско-русский словарь... С. 764.

²⁴ Ивановская область: Атлас. Нижний Новгород, 2007. С. 25.

²⁵ Атлас Ярославской области... С. 102; Ивановская область: Атлас... С. 17, 25.

²⁶ Атлас Владимирской области. М., 2003. С. 14, 32, 53, 72.

²⁷ Попов А. И. К вопросу о мордовской топонимике // Советское финноугроведение. Том II. Саранск, 1948. С. 212.

²⁸ Uralisches Etymologisches Wörterbuch... С. 726; Мордовский словарь Х. Паасонена... Том III. С. 1596; Эрзянско-русский словарь... С. 467; Мокшанско-русский словарь... С. 559.

Наиболее известной среди параллельных потамонимов является значительный приток Клязьмы, *Пекша*. Этимология субстратного топонима подтверждается наличием смежного притока Клязьмы, *Большая Липня*, с притоком *Малая Липня* (< рус. *lípa*), Владимирская обл.²⁹ Переводной характер топонимической пары может быть подтверждён и на истоках р. Пекши, в районе бывш. д. Мещёрка, Юрьев-Польский р-н, Владимирская обл., где упоминается микротопоним *Ліпов враз*.

С потамонимом *Пекша* бассейна Клязьмы имеет связь ряд других речных наименований мордовского характера, одно из которых представляет собой проявление субстратной тополексема *Локс(V)-, Локиш(V)-* со значением «лебедь; лебединый», а именно *Локса*. Впоследствии при полевой работе автору удалось зафиксировать этот потамоним в непроизводной, эллиптической форме *Локса*: 1) река → р. Селекша (л.); 2) гора, Юрьев-Польский р-н, Владимирская обл.³⁰ Уроженец с. Теньки, Юрьев-Польский р-н, 1935 г. р., подтвердил, что его родители использовали именно форму *Локса* [вин. (*на/в*) *Локсу*, пред. (*на*) *Локсе*, род. *Локсы*]. Зафиксированы интереснейшие культурно-исторические сведения о данной местности, которые будут обсуждаться в другом контексте.

Далее в местности протекает река *Селекша*, приток р. Нерли [Клязьминская] (п.), берущая начало в одном и том же болотном пространстве с р. Пекшей, Юрьев-Польский р-н, Владимирская обл.³¹ Лучшим образом с топоосновой речного названия на *-(V)киша* сравниваются морд. (эрзя) *селей*, (уст.) *селенг*, (мокша) *сяли* «вяз», в которых *-j*, *-ŋ*, *-i* являются суффиксами³². Следует также отметить приток Пекши (л.), р. *Кильгиш*, название которого тяготеет к языковой форме, близкой к мордовским данным со значением «берёза». Одним из наиболее наглядных и является топооснова с соответствиями в мордовских языках: ср. морд. (Э) *килей*, в особенности устаревшая, архаичная форма *киленг* «берёза; берёзовый»³³. Недалеко протекают речки *Мурмога / Мурнога*, приток р. Пекши (п.), зафиксированная мною также в форме *Муромга*, и *Мещёрка*, бывшая деревня

²⁹ См., напр.: *Попов А. И.* К вопросу о мордовской топонимике... С. 212, 222; и другие его работы; Атлас Владимирской области... С. 32, 52–53, 71.

³⁰ См. подробнее: *Альквист А.* Локсимерь // Археология: История и перспективы. Восьмая межрегиональная конференция: сб. статей. Ярославль, 2018. С. 17–18; Атлас Владимирской области... С. 14–15.

³¹ Атлас Владимирской области... С. 8–9, 14–15; *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. (Список рек и озёр). М., 1976. С. 208.

³² *Suomen sanojen alkuperä*... Т. 3. С. 147; *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*... С. 458–459; Мордовский словарь Х. Паасонена... Т. IV. С. 2126; Эрзянско-русский словарь... С. 577; Мокшанско-русский словарь... С. 696.

³³ *Suomen sanojen alkuperä*... Т. 1. С. 386; *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*... С. 169; Мордовский словарь Х. Паасонена... Т. II. С. 758–760; Эрзянско-русский словарь... С. 261; Атлас Владимирской области... С. 14.

и приток р. Колокши (п.)³⁴, отэтнонимическое начало которых подчёркивается парностью двух потамонимов. Под Владимиром зафиксировано как название речки и болота *Мордвіны*, так и гелоним *Пёнзенское болото*, д. Новское, Камешковский р-н, Владимирская обл. Местным населением наименования связываются с набегами мордвы.

Даже приблизительное датирование обсуждаемых здесь топонимов мордовского характера — как в бассейне Клязьмы, так и на летописной земле мери, в особенности, в округе оз. Неро — потребует специальных исследований. Эти водные пути должны были быть хорошо знакомы ещё в давние доисторические периоды и даже позднее. Касательно обсуждаемой топонимии речь может отчасти идти и о более позднем влиянии, нежели период существования летописных финно-угров Центральной России. На фоне определённых специфических черт субстратной топонимии исследуемого региона серьёзное внимание заслуживает также гипотеза А. Е. Леонтьева о возможном появлении в VI–VII вв. в Волго-Клязьминском междуречье финских племён из бассейна Оки³⁵.

Список источников и литературы

1. *Альквист, А.* Локсимерь / А. Альквист // Археология : История и перспективы : Восьмая межрегиональная конференция : сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль, 2018. — С. 10–27.
2. *Альквист, А. [Ahlqvist, A.]* Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья / А. Альквист // Jurki Rapinnemi, Jouko Lindstedt & Pekka Pesonen (Ed.), *Studia Slavica Finlandensia*, Tomus XV : *Studia Slavica Finlandensia in Congressu XII Slavistarum Internationali Cracoviae anno MCMXCVIII oblata*. — Helsinki, 1998. — С. 5–38.
3. *Альквист, А.* Merjalaiset — suurten järvien kansaa / А. Альквист. — Virittäjä, 1998/1. — С. 24–55.
4. *Артынов, А. Я.* Село Угодичи Ростовского уезда Ярославской губернии : историко-этнографический очерк / А. Я. Артынов. — Ярославль : Типография губернского правления, 1889. — 51 с.
5. Атлас Владимирской области. Масштаб 1:100000. — Москва, 2003.
6. Атлас Тверской области. Масштаб 1:100000. — Москва, 2003.
7. Атлас Ярославской области. Масштаб 1:100000. — Москва, 2002.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / под ред. С. В. Бахрушина. — Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. — 585 с.
9. Ивановская область: Атлас. Масштаб 1:200000. — Нижний Новгород, 2007.

³⁴ Атлас Владимирской области... С. 14–15, 32; *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки... С. 208.

³⁵ *Леонтьев А. Е.* Археология мери... С. 21–22, 293–294.

10. *Леонтьев, А. Е.* Археология мери : К предыстории Северо-Восточной Руси / А. Е. Леонтьев. — Москва : Гэоко, 1996. — 360 с.
11. Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. — Москва, 1998.
12. Мордовский словарь Х. Паасонена / Сост. Кайно Хейккиля ; отв. ред. Мартти Кахла. Т. I–IV / Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXIII, 1–4&ККТJ59. — Helsinki, 1990–1996.
13. *Морозов, А. Г.* Материалы к топонимическому словарю Ростовского муниципального района : топонимия Пореческого сельского округа на рубеже XX–XXI вв. / А. Г. Морозов // Сообщения Ростовского музея. — Ростов, 2010. — Вып. XVIII. — С. 160–226.
14. *Попов, А. И.* К вопросу о мордовской топонимике / А. И. Попов // Советское финноугроведение. — Т. II : Филологические доклады конференции по вопросам финноугорской филологии в Ленинграде в 1947 г. — Саранск, 1948. — С. 203–230.
15. Словарь марийского языка. — Т. 1–10. — Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1990–2005.
16. *Смирнов, М. И.* Историко-географическая (хорографическая) номенклатура Переславль-Залесского края / М. И. Смирнов // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея. — Вып. 11. — Переславль-Залесский, 1929. — 140 с.
17. *Смирнов, М. И.* Переславль-Залесский : его прошлое и настоящее / М. И. Смирнов. — Москва : Типолит. т-ва И. М. Машистова, 1911. — 240 с.
18. *Смолицкая, Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. (Список рек и озер) / Г. П. Смолицкая. — Москва : Наука, 1976. — 403 с.
19. *Стрельников, С. В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века / С. В. Стрельников. — Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2009. — 358 с.
20. Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузакова, М. В. Мосина. — Москва, 1993.
21. Suomen sanojen alku: Etymologinen sanakirja. 1–3. Erkki Itkonen (гл. ред. 1) & Ulla-Maija Kulonen (гл. ред. 2–3) / SKST556& ККТJ62. — Helsinki, 1992–2000.
22. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band I–II, Band III : Register. Zusammenestellt von Attila Dobó und Éva Francsaly. — Budapest, 1986–1991.

В. У. Вишневецкий

Сергиев Посад

Городище дьяковской культуры Максимка («Волчиха») на р. Лахость

Городище в верховьях р. Лахость (приток р. Которосли, правого притока р. Волги) было открыто летом 1975 года автором в составе отряда экспедиции Ярославского государственного университета. История обнаружения его такова.

На карте, опубликованной П. Н. Третьяковым в сводном труде 1941 года, была обозначена неолитическая стоянка со ссылкой на сообщение Н. М. Бекаревича, сделанное в 1902 году на Ярославском областном археологическом съезде. Бекаревич писал, что есть сообщения о находках каменных орудий на берегу Нерехтского озера, но такого озера он не нашёл, а ближайшее к Нерехте озеро — Подозёрское, на границе Владимирской и Ярославской областей (в 35 верстах от Нерехты). На берегу р. Лахость, вытекающей из массивного болота размером 5 × 6 вёрст, им были найдены фрагменты неолитической керамики¹. Третьяков нанёс на излучине р. Лахость условный знак стоянки каменного века, упомянув стоянку на р. Лахость у г. Нерехты², и на этой излучине было обнаружено дьяковское городище.

Согласно отчёту 1976 года И. Л. Станкевич, экспедицией Ярославского государственного университета была проведена разведка этого памятника, расположенного в 1,5 км к востоку от д. Максимка, на правом высоком берегу р. Лахость, между устьями двух ручьёв: 150 м выше по течению Лахости и в 800 м ниже по течению. «Местное название — “Волчиха”, или “Красная круча”. Часть площадки уничтожена рекой, сохранилась площадь около 1 000 кв. м, что составляет примерно половину первоначальной площади. Площадка городища опоясана двумя рвами и двумя валами (рис. 1).

¹ Бекаревич Н. М. О каменном веке в Костромской губернии. Труды Ярославского областного археологического съезда. М., 1902. С. 161.

² Третьяков П. Н. К истории племён Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. // МИА. № 5. 1941. С. 13 (рис. 1), С. 17.

В подъёмном материале, собранном в осыпи берега, — 6 фрагментов “сетчатой” керамики, 14 — гладкостенной и кресало пластинчатое с верхним концом в виде петли длиной 11,5 см (рис. 5: 1). На южном и юго-западном краях памятника были заложены 3 разведочных шурфа: № 1 — 4 кв. м, № 2 и № 3 — 2 кв. м. Мощность культурного слоя — 0,2–0,5 м. Керамика позволяет датировать памятник предположительно началом н. э.»³. Больше половины керамической коллекции составила «сетчатая» керамика (табл. 1).

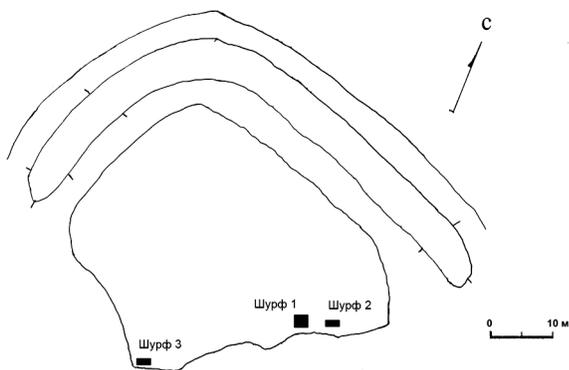

Рис. 1. Городище Максимка («Волчиха»).
План 1976 г. (по И. Л. Станкевич)

Таблица 1. Городище Максимка («Волчиха»). 1976 г.
Статистика керамики шурфов

Пласт	Гладкая	Сетчатая	Общее количество
2	3	8	11
3	7	17	24
4	11	19	30
5	4	-	4
итого	35	47	82
	43 %	57 %	100 %

В 1987 году В. И. Вишневым⁴ были проведены осмотр и шурфовка городища (рис. 2), культурный слой содержал лепную керамику: гладкую грубую неорнаментированную и сетчатую (табл. 2). Площадь городища не уменьшилась, осыпь обрыва заросла лесом. В 400 м к северо-востоку от городища проведено шоссе Гаврилов-Ям – Иваново, и от шоссе

³ Станкевич И. Л. Отчёт о работах археологической экспедиции Ярославского государственного университета в 1976 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 6495. Л. 27; Работы экспедиции Ярославского государственного университета / И. Л. Станкевич, В. И. Вишневецкий, М. Ю. Тимофеева, Т. Б. Ширихина // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 73.

⁴ Вишневецкий В. И. Отчёт об археологических разведках в Борисоглебском и Гаврилов-Ямском районах Ярославской области в 1987 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 11934. Л. 7.

к памятнику прошёл просёлок, прорезавший при выходе на площадку вал с северной стороны.

Современные размеры площадки городища составляют по линии С-Ю — 30 м, З-В — 35 м, площадь — 1 000 кв. м. Ширина внутреннего рва от края площадки до вершины вала достигает 11 м, глубина от края площадки и от вершины вала — 2 м. Внешний вал имеет ширину в основании 10 м, высоту от дна рвов — 2 м. Ширина внешнего рва от вершины вала до противоположного края — 8 м, глубина от вершины вала — 2 м, от противоположного напольного края — 1 м. Высота внутреннего вала от уровня площадки — 0,7–1,0 м (рис. 2). Площадка ровная, без заметного перепада высот.

В 10 м от обрыва и в 20 м от края площадки заложен шурф А (2 × 3 м) (рис. 2), пласты снимались по 10 см. Культурный слой — тёмно-коричневая супесь с примесью углей и фрагментов лепной керамики, переходящая во втором пласте в коричневую и светло-коричневую супесь. В третьем пласте было найдено бронзовое височное кольцо (диаметр 4 см), из плоской полосы с заходящими, соединёнными внахлест концами (рис. 5: 2). При снятии четвертого пласта выявлен материк — светло-коричневый суглинок, в центре шурфа — яма (1 × 0,5 м, глубиной 0,2–0,3 м) со скоплением фрагментов лепных неорнаментированных сосудов, грубого теста с примесью дресвы. В слое преобладала гладкостенная керамика (табл. 2).

*Таблица 2. Городище Максимка («Волчиха»). 1987 г.
Статистика керамики шурфа А*

Пласт	Гладкая				Сетчатая			Общее количество
	венчики	донца	стенки	всего	донца	стенки	всего	
1	-	-	1	1	-	-	-	1
2	2	-	21	24	-	6	6	30
3	3	-	21	24	2	11	13	35
4	3	-	10	13	-	1	1	8
6	3	3	21	32	-	1	1	33
Итого	11	3	36	94	2	19	21	115
				82 %			18 %	100 %

Шурф Б на краю площадки в 20 м к северу от шурфа А (рис. 2) обнаружил культурный слой — коричневая супесь 20–30 см. Найден один фрагмент гладкой лепной керамики.

В 1989 году городище обследовано К. И. Комаровым, который снял новый план и составил паспорт памятника (рис. 3). Он отметил, что «площадка в форме неправильного овала площадью 35 × 30 м с юга и запада ограничена склоном террасы, с севера — системой укреплений из двух валов и двух рвов. Внутренний вал имеет длину около

50 м, высоту — до 0,5 м, ширину основания — 5 м, внешний вал длиной около 70 м, высота относительно внешнего рва — до 2 м, ширина в основании — до 7 м. Ров между валами имеет глубину 1 м, ширину 4 м. В восточном краю укрепления оставлен проём для входа на городище шириной 4 м (этот проём появился в начале 1980-х гг. — В. В.). Территория поросла смешанным лесом. Культурный слой толщиной 0,2–0,6 м состоит из серо-коричневого песка с прослойками чёрного песка в нижнем горизонте толщиной 0,05 м»⁵.

А. Е. Леонтьев отметил, что «двойной вал и ров по периметру сохранившейся части поселения свидетельствует о его принадлежности к эпохе раннего железа. Но в культурном слое, помимо сетчатой керамики, встречена и неорнаментированная лепная, было также найдено пластинчатое кресало, что говорит о заселении площадки городища во второй половине I тыс. н. э.»⁶.

Несмотря на ограниченный объём материала,

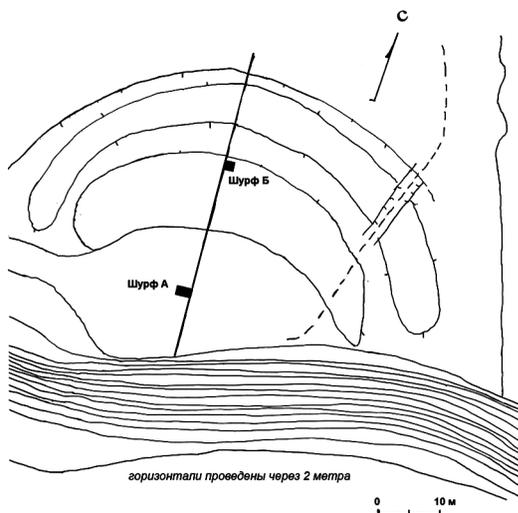

Рис. 2. Городище Максимка («Волчиха»).
План 1987 г. (по В. И. Вишневному)

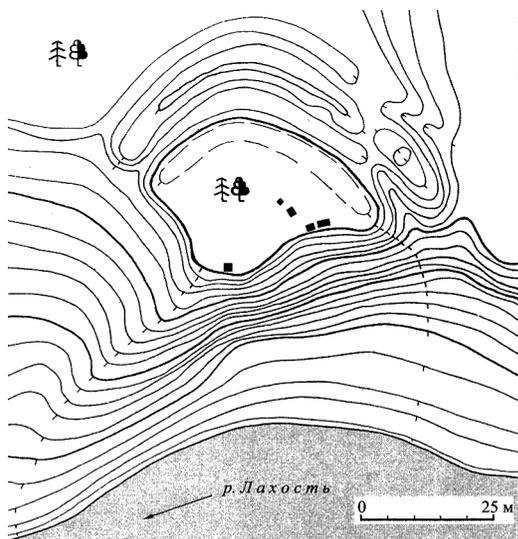

Рис. 3. Городище Максимка («Волчиха»).
План 1989 г. (по К. И. Комарову)

⁵ Археологическая карта России. Ярославская область / под ред. А. В. Кашкина. М., 2005. С. 115–116.

⁶ Леонтьев А. Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996. С. 221.

Рис. 4. Городище Максимка («Волчиха»)
Вид с юго-востока. 2020 г.

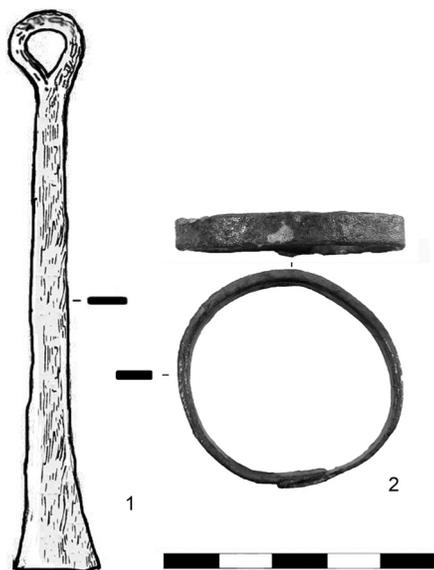

Рис. 5. Городище Максимка («Волчиха»)
Железное кресало (1) и бронзовое височное кольцо (2)

можно сделать некоторые выводы по датировке памятника.

Оборонительные сооружения «2 вала – 2 рва» характерны как для весьма ранних дьяковских городищ (Лесничино, Калязинское, Борки, Иваньковское, Графская Гора, Дьяков Лоб), так и для поздних (Грехов Ручей). Из городищ, имеющих подобную систему укреплений, два относятся к первому, раннему этапу дьяковской культуры (VII–VI – V вв. до н. э.), пять – ко второму этапу (V в. до н. э. – III в. н. э.), два – к третьему, позднему этапу (III–VIII вв.)⁷.

⁷ Вишневский В. И. Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. – VII–VIII вв. н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 13.

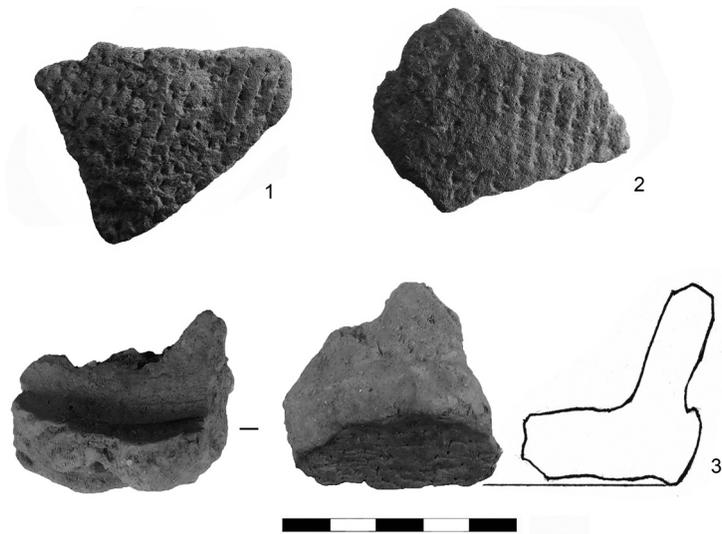

Рис. 6. Городище Максимка («Волчиха»). 1987 г. Шурф А.
«Сетчатая» керамика: 1 – пласт 2; 2 – пласт 6; 3 – пласт 3

Наличие в керамическом комплексе «сетчатой» керамики (20 %) свидетельствует, вероятно, о том, что заселено и укреплено поселение было на рубеже н. э. — в первой трети I тыс. «Сетчатые» фрагменты, сильно затёртые, от баночной формы сосудов, днища с закраиной (рис. 6: 3). Отпечатки «рябчатые», ячеистые, «сетка» присутствует на внешней стороне днища (рис. 6: 1–2). Основной комплекс керамики (преимущественно гладкостенной, неорнаментированной) характерен для середины — второй половины I тыс. Это округлобокие гладкостенные сосуды плавной профилировки с небольшим скруглённым венчиком. Тесто грубое с примесью крупной дресвы, стенки толстые (0,8–1,0 см), поверхность не выровнена и не заглажена. Орнамент отсутствует (рис. 7–8). Найден один венчик с выделенным ребром на плечике (рис. 7: 9). Днища без закраины (рис. 8: 4). По качеству теста и формам венчиков эта керамика имеет мало общего с керамикой дьяковских городищ. Некоторые черты сходства она имеет с керамикой мерянских селищ озёр Неро⁸ и Плещеево⁹, а также Заволжья (Дурасовское городище¹⁰,

⁸ Леонтьев А. Е. Археология мери... С. 54–55.

⁹ Вишневский В. И. Позднедьяковские и мерянские находки с поселений побережья Плещеева озера // Археология: история и перспективы: Пятая межрегиональная конференция: сб. статей. Ярославль: Изд-во ОАО «Рыбинский Дом печати», 2012. С. 40–41 (рис. 4, 1–3).

¹⁰ Горюнова Е. И. Древняя история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М.: Л., 1961. С. 113 (рис. 52, 1, 2).

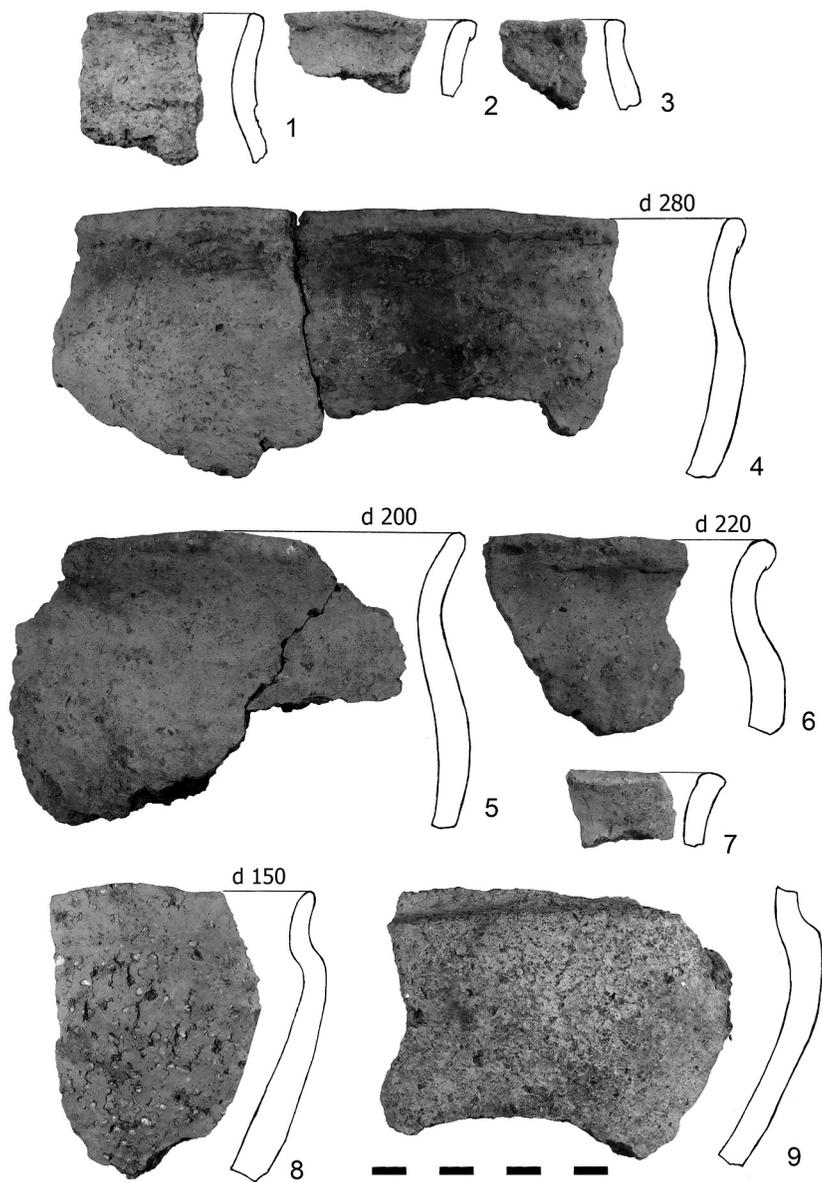

Рис. 7. Городище Максимка («Волчиха»). 1987 г. Шурф А.
 Гладкостенная керамика: 1–3 – пласт 3; 4–6 – пласт 4; 7–9 – пласт 6

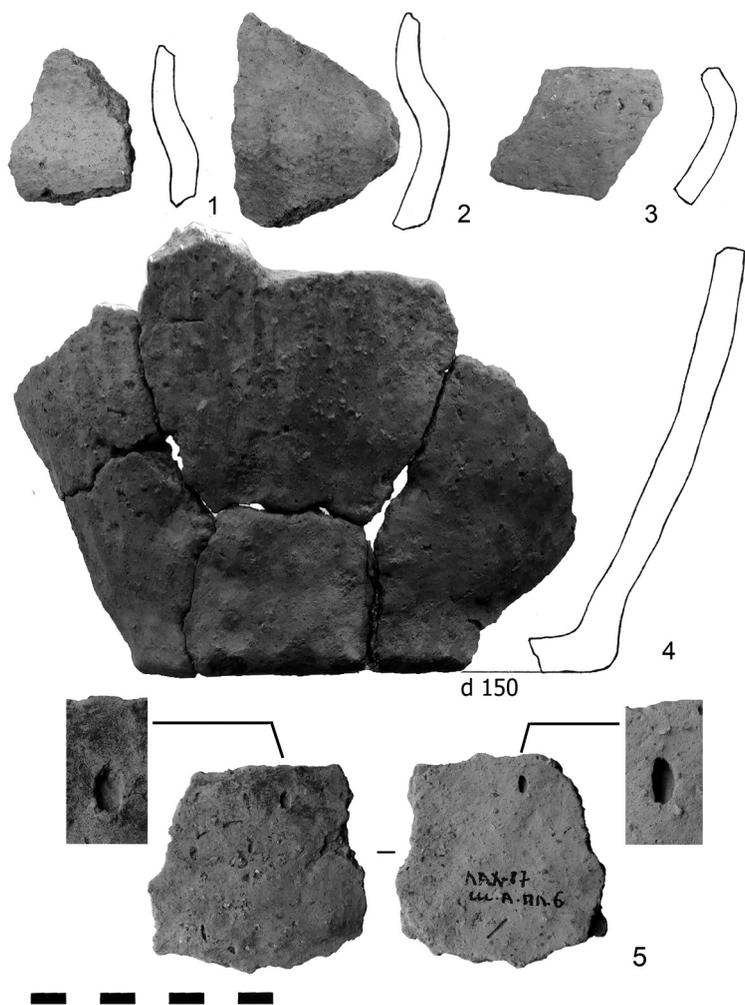

Рис. 8. Городище Максимка («Волчиха»). 1987 г. Шурф А.
Гладкостенная керамика: пласт 6

селище Баскаково на р. Касть¹¹) — приземистыми кубоватыми сосудами¹² группы 3 и 4 (по А. Е. Леонтьеву): с шероховатой поверхностью с примесью крупной дресвы. Отличительной чертой мерянской керамики является способ оформления венчиков: вертикальный или чуть отогнутый венчик

¹¹ Вишневский В. И. Отчёт о разведках в Даниловском районе Ярославской области в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 10978.

¹² Горюнова Е. И. Древняя история Волго-Окского междуречья... С. 107.

не имеет резких изгибов. Эти признаки свойственны подавляющему большинству сосудов (всех групп). Характерна прямосрезанная, иногда с внешним выступом или аккуратно скруглённая кромка без каких-либо утолщений и налепов¹³. Известны фрагменты венчиков с ребром на плечике¹⁴.

Пластинчатое кресало (рис. 5: 1) по форме относится к типу II виду 2 (по И. Г. Розенфельдт), который датируется VI–VIII вв.¹⁵ Аналогичные находки происходят с Попадьянского селища¹⁶ и Сарского городища¹⁷, а также с памятников Верхней Волги и притоков Мологи — городищ Николо-Рожок¹⁸ и Орлов Городок¹⁹.

К этому же периоду относится, по-видимому, височное (?) кольцо²⁰ (рис. 5: 2) диаметром 4 см, свёрнутое из ковanej полосы медного сплава, концы которой соединены внахлёт. Ширина кольца на концах — 6 мм при толщине 1–1,5 мм, в остальных местах — толщина 2–3 мм, ширина 5 мм. Височные кольца такого размера, но в 2,5 оборота и сегментовидного сечения, найдены на Кикинском городище²¹. В типологии височных колец И. Г. Розенфельдт такие вещи отсутствуют, их нет ни в позднедыяковских, ни в мерянских, ни в рязано-окских памятниках.

Вероятно, памятник содержит остатки слоёв разных этапов: как первых веков н. э., так и периода середины — второй половины I тыс. н. э.

Список источников и литературы

1. Археологическая карта России. Ярославская область / под ред. А. В. Кашкина. — Москва: Ин-т археологии РАН. — 408 с.

¹³ Леонтьев А. Е. Археология мери... С. 52–55.

¹⁴ Леонтьев А. Е. Археология мери... С. 54 (рис. 16, 21, 22).

¹⁵ Розенфельдт И. Г. Древности Западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982. С. 144–145 (рис. 36, 22–24).

¹⁶ Горюнова Е. И. Древняя история Волго-Окского междуречья... С. 88 (рис. 33, 1, 2).

¹⁷ Леонтьев А. Е. Археология мери... С. 143 (рис. 59, 7).

¹⁸ Успенская А. В. Городища XI–XIII вв. на юге Новгородской земли // Экспедиция государственного исторического музея. Б. м., 1969. С. 204; Исланова И. В. Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье) (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей). Вып. 14. М., 2012. С. 44, 97 (рис. 28, 5); Исланова И. В. Раннесредневековые поселения типа Подол в верховьях Волги // КСИА. 2013. Вып. 228. С. 202 (рис. 2, 10); Исланова И. В. Древности в верховьях Волги... С. 44, 97 (рис. 28, 5).

¹⁹ Максимов А. Д. Отчёт о раскопках городища Орлов городок и разведках в Осташковском и Калининском районах Калининской области в 1981 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 8385. Л. 25.

²⁰ Вишневский В. И. Отчёт об археологических разведках в Борисоглебском и Гаврилов-Ямском районах Ярославской области в 1987 году // Архив ИА РАН. Л. 7 (рис. 14, 15, III).

²¹ Вишневский В. И. Кикинское городище. Древнее поселение середины I тысячелетия н. э. на Севере Подмосковья. М., 2021. С. 144 (рис. 48: 48–87, 49–87).

2. *Бекаревич, Н. М.* О каменном веке в Костромской губернии / Н. М. Бекаревич // Труды Ярославского областного археологического съезда. — Москва, 1902.
3. *Вишневский, В. И.* Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. — VII–VIII вв. н. э.) : авт. дис. ... канд. ист. наук / В. И. Вишневский. — Москва, 1991.
4. *Вишневский, В. И.* Кикинское городище. Древнее поселение середины I тысячелетия н. э. на Севере Подмосковья / В. И. Вишневский. — Москва : ООО «Белый ветер», 2021. — 223 с.
5. *Вишневский, В. И.* Обронзолитейном деле на Кикинском городище / В. И. Вишневский // Проблемы изучения эпохи первобытности и средневековья лесной полосы Восточной Европы. — Вып. 3. — Иваново, 1996. — С. 52.
6. *Вишневский, В. И.* Отчёт о разведках в Даниловском районе Ярославской области в 1986 году / В. И. Вишневский // Архив ИА РАН. P-1. № 10978.
7. *Вишневский, В. И.* Отчёт об археологических разведках в Борисоглебском и Гаврилов-Ямском районах Ярославской области в 1987 году / В. И. Вишневский // Архив ИА РАН. P-1. № 11934.
8. *Вишневский, В. И.* Позднediaковские и мерянские находки с поселений побережья Плещеева озера / В. И. Вишневский // Археология : история и перспективы : Пятая межрегиональная конференция : сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль, 2012. — С. 35–42.
9. *Горюнова, Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья / Е. И. Горюнова // МИА. — № 94. — Москва ; Ленинград, 1961. — 264 с.
10. *Исланова, И. В.* Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье). (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 14). — Москва : Ин-т Археологии РАН, 2012. — 220 с.
11. *Исланова, И. В.* Раннесредневековые поселения типа Подол в верховьях Волги / И. В. Исланова // КСИА. — 2013. — Вып. 228. — С. 199–208.
12. *Леонтьев, А. Е.* Археология мери : К предистории Северо-Восточной Руси / А. Е. Леонтьев. — Москва : Геоэко, 1996. — 340 с.
13. *Максимов, А. Д.* Отчёт о раскопках городища Орлов городок и разведках в Осташковском и Калининском районах Калининской области в 1981 года / А. Д. Максимов // Архив ИА РАН. P-1. № 8385. Л. 25.
14. Работы экспедиции Ярославского государственного университета / И. Л. Станкевич, В. И. Вишневский, М. Ю. Тимофеева, Т. Б. Ширихина // Археологические открытия 1976 года. — Москва : Наука, 1977. — С. 73-74.
15. *Розенфельдт, И. Г.* Древности Западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. / И. Г. Розенфельдт. — Москва : Наука, 1982. — 179 с.
16. *Станкевич, И. Л.* Отчёт о работах археологической экспедиции Ярославского государственного университета в 1976 году / И. Л. Станкевич // Архив ИА РАН. P-1. № 6495.
17. *Третьяков, П. Н.* К истории племён Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. / П. Н. Третьяков // МИА. — № 5. — 1941. — 150 с.
18. *Успенская, А. В.* Городища XI–XIII вв. на юге Новгородской земли / А. В. Успенская // Экспозиции государственного исторического музея. — Москва : Б. и., 1969. — С. 200–213.

В. С. Вишневский, В. В. Щербаков

Сергиев Посад

Печные изразцы из царских теремов рубежа XVII–XVIII вв. на горе Гремяч на Плещеевом озере

1. Историческая справка

К общеизвестным историческим фактам относится пребывание Петра I на Плещеевом озере в период создания здесь «потешного флота». С этим фактом было связано строительство нового путевого дворца. «Для царских приездов на южном берегу Переславского или Плещеева озера были построены царские хоромы — деревянный одноэтажный дворец с окнами из слюды, расписанной разными изображениями; для теплоты двери были обиты белым войлоком; на крыше стоял двуглавый орёл с вызолоченной короною. Вправо от дворца находилась деревянная церковь, а влево, на мысу Гремяч, батарея. Прямо перед дворцом, на озере, саженях во сто от берега, на сваях построена была пристань. Летом суда стояли у пристани, на зиму их отводили в Трубеж к мосту близ церкви Знамения Пресвятыя Богородицы, что при кораблях. Там они были безопасны от льдов. ... В течение зимы 1691 года Пётр несколько раз ездил в Переславль. В 1692 году спустил на озеро первый корабль. В конце июля приехали царицы и царевны со всем своим двором и прожили целый месяц в Переславле. При них было торжественное водоосвящение на середине Плещеева озера, а через две недели проходили сухопутные манёвры во главе с Фёдором Юрьевичем Ромодановским. В начале Великого поста Пётр отправился на Переславское озеро и недели три катался на нём, но это была его последняя поездка: для него озеро стало мелко и недостаточно далеко...»¹.

¹ Чистяков М. Б. История Петра Великого. М., 1992. С. 96–100.

Более детально реконструировал постройку путевого дворца М. И. Смирнов²: «Местом для устройства “потешного двора” избрана была гора Гремяч, за монастырским селом Вёськовым (рис. 1), поблизости к старинным курганам. С зимы 1691 года старинное кладбище ожило, и к весне следующего 1692 года

Рис. 1. Ситуационный план горы Гремяч на Плещеевом озере

здесь возник целый городок. Тут выстроены были и “потешный двор”, и новый “деловой двор”. По кратким записям расходных дворцовых книг того года мы узнаем, что дворец строился для “пришествия великого государя” не одного лично, а тут были хоромы царицы Евдокии Фёдоровны и царевича Алексея. “Слюдовые окончины” в их половину расписывал живописец Ивашко Новиков “по 4 гривны от окончины”. Изразцовые печи делал “ценинных дел мастер” Ивашко Денешка, доставивший их сюда из Москвы сначала на 7, потом на 15 подводках. На постройку дворца пошло громадное количество леса: 40 срубов избяных и 10 срубов погребных, а, кроме того, около 1 000 брёвен разной длины. Дворцовые службы состояли из четырёх изб, двух конюшен на 52 стойла и двух сараев каретных. По соседству с потешным двором был поставлен “деловой двор”, состоявший из кладовых и мастерских, в которых хранились и изготовлялись необходимые принадлежности и части судов. Он вмещал в себе шесть “анбаров” разной величины, шесть изб, крытых “дранью сканою”, а на них “охлупные желобы с прикраскою”, конюшни, сарай и забор со стороны озера... Сюда “на государев новопостроенный двор для их государских походов” местное население было привлечено ещё зимою 1691 года выставить 500 сажень дров [1 619 куб. м]. По сохранившемуся народному преданию, царский дворец стоял на том месте, где теперь Петровский Музей, вмещающий в себе ботик “Фортуна”, — только он подходил ближе к озеру. Против дворца к озеру был фруктовый сад. Вправо от дворца к с. Вёськово находилась деревянная церковь Вознесения, отчего ближайший овраг получил название Вознесенского. Влево от дворца был колодезь, далее возвышение, известное под именем Гремяч, а за ним

² Михаил Иванович Смирнов (1868–1949), известный историк и краевед, первый директор Переславского музея в 1919–1930 гг.

курганы («несколько холмов, расположенных рядами»); позади дворца амбары и погреб; за ними немного в сторону к селу Вельсково стояла кузница... По народной же памяти царский дворец стоял на двенадцати венцах, на пространстве восьми сажен [36 кв. м] и крыт был, одни говорят — черепицей, другие — железом. Оконницы были слюдяные, в одних комнатах простые, в других — с изображением разных фигур человеческих, цветов и животных. Вход во дворец был от озера; в него вели три двери, обитые войлоком; над средней дверью был прикреплен на железном шпиле двуглавый орел из листового железа. Во дворце было пять комнат, — полы в них дубовые, печи изразцовые муравленые с изображением людей, птиц, цветов и зверей. Но, несомненно, в народной памяти многое утратилось, и на самом деле жилых строений здесь было гораздо более... Дворец был окончен постройкой поздней весной или даже летом, а судостроение началось ещё зимой 1691 года»³.

II. Находки у Белого дворца

В 2004 году охранные работы на горе Гремяч проводились экспедицией Сергиево-Посадского музея-заповедника и Переславль-Залесского музея-заповедника на месте предполагаемого устройства канализационного асептического резервуара (рис. 2). В 15 м к северу от Белого дворца был заложен раскоп 3 × 12 м. Был вскрыт перекопанный культурный слой мощностью от 0,4 до 1,0 м⁴.

Первый пласт включал мусор XX века, кирпичный бой, фрагменты изразцов XIX века (9 фр.), монета 5 копеек 1952 года, фрагмент красноглиняной плитки, включения извести, бой оконного стекла. Второй пласт содержал прослойки извести и гравия, единичные фрагменты керамики, фрагменты фарфоровой посуды XX века, фрагмент «муравленого» изразца конца XVII века, кирпичный бой, бой оконного стекла, угли.

Третий пласт содержал кирпичный бой, угли, фрагменты изразцов XIX века, фрагменты керамики (в том числе 32 фрагмента красноглиняной грубой грубой XII–XV вв.), фрагменты кремированных костей. Найден фрагмент «муравленого» изразца конца XVII века. В обнаруженной в материке яме собрано 22 фрагмента курганной керамики.

³ *Иваненко Б. В., Смирнов М. И.* Историческая усадьба «Ботик» близ Переславля-Залесского. К 125-летию находящегося в ней Петровского музея (1803–1928 гг.) // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея. Переславль-Залесский, 1928. С. 19–21.

⁴ *Вишневский В. И.* Раскопки на горе Гремяч («Усадьба Ботик») на Плещеевом озере // Археологические открытия 2004 года. М., 2005. С. 114.

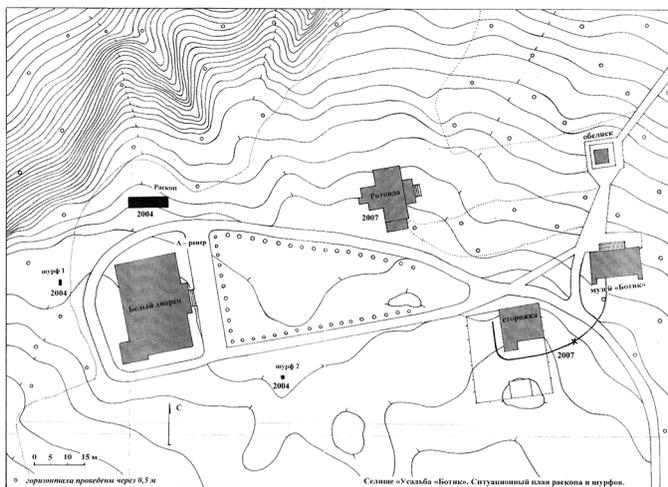

Рис. 2. Селище «Усадьба “Ботик”». Ситуационный план раскопа, шурфов и наблюдений

Рис. 3. Селище «Усадьба “Ботик”». Раскоп 2004 года. Муравленые печные изразцы конца XVII века

Далее в материке было вскрыто два погребения: труположение в яме и трупосожжение в яме — остатки распаханных и не вскрытых П. С. Савельевым древнерусских курганов⁵.

Два фрагмента изразцов — это рельефные «муравленые» (с зелёной поливой) (рис. 3). Один — фрагмент пояска с «ягодой» в центре и двумя девятилепестными цветками (листьями-пальметтами?), по бокам обрамлёнными завитками стеблей (рис. 3: 1). Подобные пояски встречены

⁵ Вишневский В. И. Отчёт об охранных и разведочных работах на селище «Усадьба “Ботик”» в Переславль-Залесском районе Ярославской области в 2004 году // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 24414. С. 7–13. Рис. 12: 1, 2.

в наборе круглой печи в церкви с. Алексеевского (Москва), отмечены в наборах московских печей 1680-х годов⁶, на башнях Иосифо-Волоколамского монастыря⁷, в находках (полихромных изразцов) на месте путевого царского дворца в селе Слотино⁸, при раскопках 2011 года в кремлёвской Грановитой палате⁹ и во владычном дворе (при раскопках Тверского императорского дворца в 2012–2013 годах)¹⁰.

Второй — фрагмент валика, трижды перевитого наискось стеблем виноградной лозы с листьями и двумя «ягодами» (рис. 3: 2). Аналоги также отмечаем в находках при раскопках Путевого императорского дворца в Твери в 2012–2013 годах, где они относятся к остаткам Владычного двора¹¹. А. В. Филиппов указывает, что подобные изразцы встречаются во второй половине XVII века в Москве (Крутицкое подворье, Новодевичий монастырь, кремлёвские приказы), в Ярославле (Церковь Иоанна Предтечи в Толчкове), в Угличе (церковь Петра и Павла)¹². Подобные полихромные изразцы найдены на месте путевого царского дворца в селе Слотино¹³. Аналогии датируются 1670–1680 годами.

III. Находки у Ботного дома и сторожки

В 2007 году в музей поступили находки «муравленых» изразцов, извлечённых при прокладке кабеля из Ботного дома в сторожку (кассы) музея. Изразцы были найдены в 10 м к западу от юго-восточного угла здания сторожки. Слой здесь составлял тёмно-коричневый суглинок мощностью 0,3–0,35 см. Траншея вскрыла скопление размером 1 × 2 м из кирпичей и 54 фрагментов изразцов (ПЗМ-№ 290096), по-видимому, от одного печного набора (рис. 4).

⁶ Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М., 1983. Рис. 139–141.

⁷ Хворостова Е. Л., Шейченко Е. Н. Рельефные поливные одноцветные (муравленые) фасадные изразцы XVII века. Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь, 2010. С. 198. Рис. 14: 3.

⁸ Щербаков В. В. Изразцы царского путевого дворца в селе Слотино // Археология Подмосковья. Вып. 3. М., 2007. С. 363. Рис. 15.

⁹ Липатов А. А., Туганова Д. С. Грановитая палата Московского Кремля по данным археологических исследований 2010–2011 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. 2. Тверь, 2015. С. 408–434.

¹⁰ Хохлов А. Н., Мелькова В. Р. Архитектурная керамика XV — первой половины XVIII в. из раскопок владычного двора в Твери (по материалам археологических исследований 2012–2013 гг. на территории тверского императорского дворца) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь, 2017. С. 206–224. Рис. 15, 4.

¹¹ Там же. С. 216. Рис. 17.

¹² Филиппов А. В. Древнерусские изразцы. М., 1938. URL: <http://www.ibm.bmstu.ru>.

¹³ Щербаков В. В. Изразцы царского путевого дворца в селе Слотино... С. 363. Рис. 14: 2.

Рис. 4. Селище «Усадьба «Ботик»». Траншея у здания сторожки. 2007 г.
 1–13 – муравленые печные изразцы конца XVII века

В печном наборе присутствовали изразцы:

Лицевые:

- 1) с вазой, обрамлённой двумя вьющимися лозами с цветами — 16 целых и 16 фрагментов (рис. 4: 1);
- 2) с маленькой вазой с букетом из трёх цветов-гвоздик, обрамлённой рамкой из двух полукруглых двойных дуг — 3 фрагмента (рис. 4: 6);

Пояски:

- 1) с рядом пальметт — (рис. 4: 2). Изразцы с пальметтами встречаются: на церкви Петра и Павла и других храмах второй половины XVII века в Ярославле; в кабинете Теремного дворца Московского Кремля; в Гончарной слободе в Москве¹⁴, в Тихвинской церкви с. Алексеевского; в Грановитой палате Московского Кремля, в путевом дворце с. Слодино¹⁵;
- 2) с круглой вазой с букетом цветов — 4 целых и 3 фрагмента (рис. 4: 3);
- 3) с вазой, имеющей три прямоугольные ниши, с букетом цветов — 2 (рис. 4: 4). Подобные встречены в Новодевичьем монастыре (фонды ГИМ);
- 4) с цветущим кустом — 1 (рис. 4: 5);
- 5) с рядом выпуклых плоских кружков или полусфер («бусины» или «жемчужины» — 3) (рис. 4: 11–13);

Карнизы:

- 1) с листом и «полулистами» — 2 фрагмента (рис. 4: 7);
- 2) с цветущим кустом (пятилепестковым цветком) — 4 целых и 2 фрагмента (рис. 4: 8);
- 3) с цветущим кустом и пояском из треугольников — 2 фрагмента (рис. 4: 10);
- 4) с растительными стеблями — 2 (рис. 4: 12, 13);

Валик:

с вьющейся лозой с листьями и «ягодами» или «виноградными гроздьями» (рис. 4: 9). Аналогичные встречены в раскопках Тверского владычного двора¹⁶.

Данный печной набор наиболее сходен с набором печных изразцов, найденных на Дьяковом городище в 2004 году¹⁷. Аналогии датируются 1670–1680 годами.

¹⁴ Филиппов А. В. Древнерусские изразцы...

¹⁵ Щербаков В. В. Изразцы царского путевого дворца в селе Слодино... С. 361–365.

¹⁶ Хохлов А. Н., Мелькова В. Р. Архитектурная керамика XV — первой половины XVIII в.... С. 206–224. Рис. 17: 7.

¹⁷ Баранова С. И. Изразцовая летопись Москвы. М., 2012. С. 88.

IV. Находки у Ротонды

В 2007 году при реставрационных работах у здания павильона-ротонды были найдены 12 фрагментов печных рельефных полихромных изразцов (рис. 5).

Фрагменты лицевых изразцов — с ромашками и гвоздиками, рас-сечённые крестообразно изогнутыми рамками (1 целый и 6 фрагментов) (рис. 5: 1–3, 5–8). Фрагменты поясков: 1) с рядом пальметт (рис. 5: 9) и 2) с горизонтальным стеблем с отходящими вверх и вниз листьями (рис. 5: 10–11) (аналогичный, найденный в Москве, опубликован

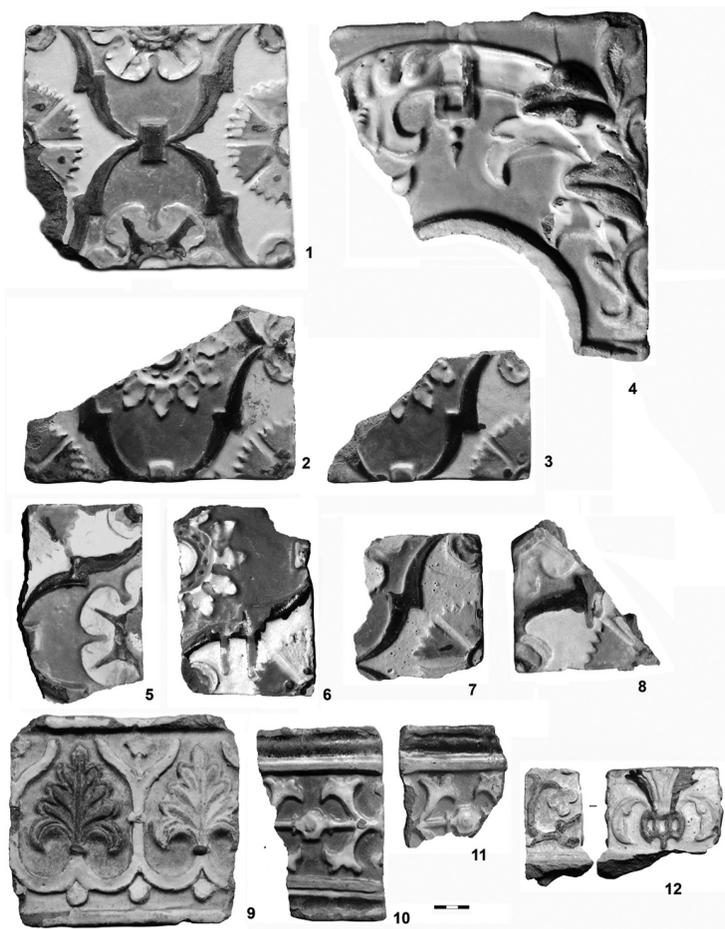

Рис. 5. Селище «Усадьба “Ботик”». Находки у здания ротонды. 2007 г.
1–12 — полихромные рельефные печные изразцы конца XVII века

М. Г. Рабиновичем)¹⁸. Фрагмент арочного изразца с растительным орнаментом (рис. 5: 4). Фрагмент «ноги» с вазой, имеющей три прямоугольные ниши, с букетом цветов (рис. 5: 12). Данный печной набор полностью сходен с известной печью из Тихвинской церкви с. Алексеевского¹⁹ и печами путевого дворца с. Слотино, также есть аналогии с находками в Грановитой палате Московского Кремля²⁰, на Дьяковом городище²¹, Гостином дворе Москвы²². Аналогии датируются 1670–1680 годами.

V. Выводы

Обнаруженные изразцы принадлежат минимум к двум печным наборам — рельефным поливным зелёным («муравленым») и рельефным поливным полихромным. Возможно, полихромные — из царских покоев, «муравленые» — из вспомогательных жилищ. Документальные и вещественные источники свидетельствуют, что они относятся к производству московской Гончарной слободы, в частности, к серии заказов царского двора 1670–1690-х годов. Известен исполнитель заказа для печей царских хором на горе Гремяч — мастер Иван Денешка.

Список источников и литературы

1. *Баранова, С. И.* Изразцовая летопись Москвы / С. И. Баранова. — Москва : Русский импульс, 2012. — 232 с.
2. *Векслер, А. Г.* Некоторые аспекты истории изразцового дела Московской Руси в XV–XVII веках по данным археологии / А. Г. Векслер, Г. К. Патрик, М. Г. Гусаков // Археология Подмосковья. — Вып. 13. — Москва : Ин-т археологии РАН, 2017. — С. 387–405.
3. *Вишневецкий, В. И.* Отчёт об охранных и разведочных работах на селище «Усадьба “Ботик”» в Переславль-Залесском районе Ярославской области в 2004 году / В. И. Вишневецкий // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 24414.
4. *Вишневецкий, В. И.* Раскопки на горе Гремяч («Усадьба Ботик») на Плещеевом озере / В. И. Вишневецкий // Археологические открытия 2004 года. — Москва : Наука, 2005. — С. 114.

¹⁸ *Рабинович М. Г.* Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. (по археологическим материалам) // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 1. Материалы и исследования по археологии СССР. № 7. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. С. 67. Рис. 15.

¹⁹ *Маслих С. А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX вв... Рис. 139.

²⁰ *Липатов А. А., Туганова Д. С.* Грановитая палата Московского кремля по данным археологических исследований... С. 408–434.

²¹ *Баранова С. И.* Изразцовая летопись Москвы... С. 88.

²² *Векслер А. Г., Патрик Г. К., Гусаков М. Г.* Некоторые аспекты истории изразцового дела Московской Руси в XV–XVII веках по данным археологии // Археология Подмосковья. Вып. 13. М., 2017. С. 395. Рис. 17.

5. *Иваненко, Б. В.* Историческая усадьба «Ботик» близ Переславля-Залесского. К 125-летию находящегося в ней Петровского музея (1803–1928 гг.) / Б. В. Иваненко, М. И. Смирнов // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея. — Переславль-Залесский : Государственная типография № 12, 1928. — 77 с.
6. *Липатов, А. А.* Грановитая палата Московского Кремля по данным археологических исследований 2010–2011 гг. / А. А. Липатов, Д. С. Туганова // Тверской археологический сборник. — Вып. 10. — Т. 2. — Тверь, 2015. — С. 408–439.
7. *Маслих, С. А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. / С. А. Маслих. — Москва : Изобразительное искусство, 1983. — 28 с.
8. *Рабинович, М. Г.* Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. (по археологическим материалам) / М. Г. Рабинович // Материалы и исследования по археологии СССР. — Т. 1. Материалы и исследования по археологии СССР. — № 7. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1947. — С. 55–76.
9. *Филиппов, А. В.* Древнерусские изразцы / А. В. Филиппов. — Москва, 1938. — URL: <http://www.ibm.bmstu.ru>.
10. *Хворостова, Е. Л.* Рельефные поливные одноцветные (муравленые) фасадные изразцы XVII века / Е. Л. Хворостова, Е. Н. Шейченко // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Вып. 6. — Тверь : Старый город, 2010. — С. 180–200.
11. *Хохлов, А. Н.* Архитектурная керамика XV — первой половины XVIII в. из раскопок владычного двора в Твери (по материалам археологических исследований 2012–2013 гг. на территории тверского императорского дворца) / А. Н. Хохлов, В. Р. Мелькова // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Вып. 10. — Тверь : Старый город, 2017. — С. 206–224.
12. *Чистяков, М. Б.* История Петра Великого / М. Б. Чистяков. — Москва : Буклет, 1992. — 512 с.
13. *Щербаков, В. В.* Изразцы царского путевого дворца в селе Слотино / В. В. Щербаков // Археология Подмосковья. — Вып. 3. — Москва : Ин-т археологии РАН, 2007. — С. 360–365.

Д. В. Власов, А. В. Энзоватова, Н. А. Сарфанова

Ярославль, Москва

Новые энтоботанические находки в культурном слое средневекового Ярославля и их научное значение

Энтомологические образцы из археологических раскопок могут нести уникальную информацию не только о природной среде, но и о видах хозяйственной деятельности человека (скотоводство, выращивание и хранение зерна, овощей и пр.), которые сопровождаются наличием специфических насекомых. Находки хитиновых оболочек дают также информацию о локальной увлажнённости и других характеристиках места их обитания в городе. Поэтому отбор образцов для определения состава насекомых, обитавших на территории археологических памятников, важен и может дать принципиально новую информацию для характеристики средневекового города в целом и локальных условий обитания в нём человека. В многочисленных работах наших зарубежных коллег это направление получило достойное отражение, исследования ведутся с середины прошлого века, а статьи и монографии исчисляются сотнями¹. Особый вклад в развитие этого исследовательского направления внесли шведские учёные. Именно шведский энтомолог Карл Х. Линдрот (1905–1979) в середине XX в. произвёл реформу в области палеоэнтомологии. Изучая процессы, влияющие на сохранение насекомых, и устанавливая наиболее явные признаки сходства, он провёл серьёзное сравнение между

¹ *Sutton M. Q.* Archaeological aspects of insect use // *Journal of Archaeological Method and Theory*. Vol. 2. 1995. P. 253–298; *Buckland P.* An Introduction to Paleontomology in Archaeology and The BUGS Database Management System. Institutionen for arkeologiochsamiska studier, Umea universitet. 2000; *Carrott J., Kenward H.* Species Associations Among Insect Remains from Urban Archaeological Deposits and their Significance in Reconstructing the Past Human Environment // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 28. 2001. P. 887–905.

ископаемыми и современными видами, прояснив, что большинство видов жуков пережили без изменений последние два миллиона лет.

В 2000-х гг. шведскими исследователями была создана база данных (BUGS), обобщившая все накопленные к этому времени сведения об ареалах распространения древних насекомых, их видовых особенностях, процессах миграции, анализе и интерпретации этих сведений в контексте археологических исследований.

Исследования археологических слоёв англо-саксонского периода (V–XI вв.) в Йорке (Великобритания) позволили собрать коллекцию остатков насекомых, пригодных для лабораторной и аналитической работы с ними. Сборы археологических остатков насекомых (в основном жесткокрылых) из англо-скандинавских зданий и вокруг них по адресу Коппергейт, 16-22, Йорк, были исследованы с целью выявления ассоциаций между парами и группами видов и определения значения этих ассоциаций как индикаторов деятельности человека и условий жизни в средневековом городе. В образцах, взятых из стоков, несмотря на малый процент выборки, сохранность была хорошей, поэтому потери от гниения кажутся минимальными, что свидетельствует о том, что экология в городе в целом была на достаточно высоком уровне. Из образцов, отобранных из ям, только из двух были получены комплексы, допускающие интерпретацию; один объект, возможно, простоял открытым в течение нескольких недель, а другой мог функционировать как своего рода свалка. Образцы с дорог и разных мест городского функционала имели ограниченную интерпретируемую ценность².

Также было проанализировано большое количество образцов отложений с бескислородным заболачиванием из карьеров англо-скандинавского (середина IX – середина XI вв.) периода с того же исследованного участка города Йорк (Коппергейт, 16-22), на содержание в них остатков насекомых. С целью изучения перспектив определения длительности экспозиции гнилых отложений была предпринята попытка установить, можно ли рассматривать какие-либо компоненты энтомофауны как индикаторы либо отдельных сезонов формирования отложений, либо минимального периода экспозиции. В процессе анализа и интерпретации применялись два подхода: а) использование опубликованных данных о периоде активности взрослых насекомых; б) оценка времени, необходимого для периода развития наблюдаемых сообществ насекомых и их гибели. Первый подход, по-видимому, ограничен имеющейся информацией о современном периоде активности взрослой особи. Полученная информация свидетельствует о том, что лишь немногие соответствующие виды имеют короткие периоды

² Carrott J., Kenward H. Species Associations Among Insect Remains from Urban Archaeological Deposits and their Significance in Reconstructing the Past Human Environment... P. 887–905.

активности, и что активные взрослые особи многих из них присутствуют в течение большей части года. Рассмотрение второго подхода показало необходимость моделирования этапов развития сообществ и их гибели³.

Человеческая блоха *Pulex irritans* L. была обнаружена в археологических слоях в Викинг-Йорке (слои скандинавского периода конца IX — первой половины X вв., на территории современного Йоркшира, Англия), а также в Дублине (Ирландия) и на заброшенных фермах в западной Гренландии. Наиболее вероятным путём, по которому этот вид, происходящий из Южной Америки (где известны остальные виды рода *Pulex*), достиг Западной Европы, авторы посчитали азиатский⁴.

Если в европейских странах энтомологические исследования при археологических раскопках активно развивались и применялись ещё в конце XX — начале XXI вв., то для отечественной археологии эта исследовательская отрасль остаётся ещё относительно новой, но достаточно перспективной для расширения информативной базы о жизни в средневековом русском городе.

При раскопках экспедиции Института археологии РАН (ИА РАН) в исторической части г. Ярославля, где частично сохранился мокрый культурный слой, отбирались визуально определяемые остатки насекомых. Несомненно, материалы, собранные таким образом, несут не полную информацию, но полученные результаты изучения даже небольшого числа образцов ставят вопрос о необходимости более тщательного сбора органических остатков, возможно, с полным просеиванием культурного слоя для их дальнейшего исследования не только палеоботаниками, но и энтомологами. Это, несомненно, расширит наши знания о жизни средневекового города.

Первые сведения о фауне жесткокрылых средневекового Ярославля были получены в результате археологических раскопок 2010 г., проведённых ИА РАН. На раскопе у Митрополичьих палат в слоях XI–XIII вв. были обнаружены фрагменты шести экземпляров жуков из надсемейства Scarabaeoidea — *Geotrupes baicalicus* Rtt. (землерой байкальский), *Cetonia aurata* (L.) (бронзовка золотистая), *Oryctes nasicornis* (L.) (жук-носорог)⁵.

Новые находки макроостатков жуков были сделаны в 2019–2020 гг. во время спасательных археологических работ ИА РАН на территории раскопа «Волжская наб., д. 1» на участке у Митрополичьих палат в слоях

³ Kenward H., Large F. Insects in urban waste pits in Viking York: another kind of seasonality // Environmental Archaeology 3. 1998. P. 35–53.

⁴ Buckland P. C., Sadler J. P. A biogeography of the human flea, *Pulex irritans* L. (Siphonaptera: Pulicidae) // Journal of Biogeography. 1989. 16. P. 115–120.

⁵ Власов Д. В. Жесткокрылые (Insecta, Coleoptera) в археологических раскопках г. Ярославля // XIII Тихомировские чтения: материалы научной конференции, Ярославль, 21–23 октября 2011 г. Ярославль: ИПК «Конверсия», 2012. С. 233–236.

XI–XVIII вв.⁶ В ходе этих раскопок были выявлены строительные конструкции: участки фундамента и свайного поля церкви Иоанна Златоуста (конец XVII в.), а также многочисленные деревянные постройки разных периодов. Было продолжено изучение кладбища, а также подполья жилой постройки (объект 156), послужившего вместилищем для останков жертв нашествия 1238 г. Локализация остатков жуков по участкам раскопа, пластам, слоям и комплексам приведена в таблице 1.

Всего было отобрано 16 образцов, содержащих макроостатки жуков: по восемь из раскопов 2019 и 2020 гг. соответственно (рис. 1). Датировка слоёв и объектов, из которых они происходили, базируется на большом количестве находок, а также процентном соотношении керамики.

К наиболее раннему этапу («домонгольский период» и время захвата и разрушения города войсками хана Батыея, начало — первая половина XIII в.) следует отнести три образца из раскопок 2019 г. (3-2019, 5-2019, 6-2019) и 8 образцов из раскопок 2020 г. (1-2020, 2-2020, 3-2020, 4-2020, 5-2020, 6-2020, 7-2020, 8-2020).

Образцы **1-2020** и **4-2020** были отобраны в кв. 17 из заполнения объекта 156 (сооружение 156), находившегося на глубине -3,20 м от дневной поверхности и представлявшего собой заглубленную хозяйственную постройку, погреб, являвшийся вместилищем массового захоронения, совершённого с санитарной целью после разгрома Ярославля в 1238 г. (рис. 2). Этот объект был обнаружен и частично исследован раскопками 2008 г. В заполнении сооружения находились фрагменты человеческих скелетов, представленные разрозненными костями. Удалось установить, что здесь были погребены останки не менее 8 индивидов.

Оставшаяся часть сооружения была исследована в 2020 г. (рис. 2, 3). В процессе разборки объекта было зафиксировано большое количество находок из стекла (фрагменты браслетов, бусины, посуды), изделий из железа, дерева, предметов быта и обихода, подтверждавшее возможный статус этой постройки как административного здания, погибшего при нашествии на город монголо-татар (рис. 4). 80 % керамического материала из сооружения относится к древнерусской круговой и датируется первой третью XIII в., как и большая часть находок.

⁶ *Энговатова А. В.* Отчёт о выполнении спасательных археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия федерального значения «Стрелка — место основания города Ярославля в начале XI в.» на участке строительства гостиницы в г. Ярославле, у д. 1 по Волжской набережной в 2019 г. // Архив ИА РАН; *Энговатова А. В.* Отчёт о выполнении спасательных археологических исследований (раскопки) при проведении земляных/строительных работ по объекту «Строительство гостиницы по адресу: г. Ярославль, у д. 1 по Волжской набережной, в границах объекта археологического наследия “Стрелка — место основания города Ярославля в начале XI века” (в границах котлована) в 2020 г.» (Открытые листы №№ 2297-2020 от 06.10.2020 г.) // Архив ИА РАН.

Таблица 1. Жесткокрылые из раскопок 2019–2020 гг., ЯАЭ, Волжская набережная, д. 1

№ образца	Год раскопок	Участок	Пласт (глубина)	Датировка	Квадрат	Слой	Комплекс	Насекомое
Образцы из слоёв и объектов второй половины XI–XII вв.								
5-2020	2020	Южн.		Вторая половина XI–XII вв.	36, 37	Ж.п. + сер. суп.	Бровка в яме 31	Надкрылья и брюшко <i>Geotrupes sp.</i>
8-2020	2020	Южн.		Вторая половина XI–XII вв.	36, 37	2	Бровка в яме 31 (комок очень плотной органики, ?навоз + опилки/щепа)	Голова, переднеспинка, надкрылья, брюшко и часть конечностей <i>Geotrupes sp.</i>
Образцы из слоёв и объектов начала – первой половины XIII в. («домонгольский» период)								
1-2020	2020	–	380	1-я треть XIII в.	–	–	Об 156	Конечность <i>Geotrupes sp.</i>
4-2020	2020	Сев.	14 (388)	1-я треть XIII в.	17	Сл+ТС (лом), бур. (п.), уг., печ. (или песок)	Об 156	Левая передняя конечность самца <i>Geotrupes stercorarius (L.)</i>
6-2020	2020	Южн.		Начало – первая половина XIII в.	43, 44	1	Об 31	Переднеспинка, надкрылья и брюшко <i>Geotrupes sp.</i>
5-2019	2019	1	240/260	Первая половина XIII в.	34	Кс+щепа	–	Голова, переднеспинка, надкрылья, брюшко и часть конечностей <i>Geotrupes sp.</i>
6-2019	2019	1	280/300	Первая половина XIII в.	45	Кс, др. тл., уг. Коричневая супесь, древесный тлен, угольки	–	Фрагменты тела и передние конечности самца <i>Geotrupes stercorarius (L.)</i>

№ образца	Год раскопок	Участок	Плост (глубина)	Датировка	Квадрат	Слой	Комплекс	Насекомое
3-2020	2020	–	9	Первая половина XIII в.	26	–	–	Голова, переднеспинка, передние конечности самки <i>Geotrupes sp.</i>
3-2019	2019	1	280/300	Первая половина – середина XIII в.	33	Кс+щета	–	Надкрылья и фрагменты брюшка <i>Geotrupes sp.</i>
2-2020	2020	2	86	Первая половина – середина XIII в.	7	ТСС+уг, печина	–	Фрагмент передней конечности самца <i>Geotrupes stercorarius (L.)</i>
7-2020	2020	Вост.	(294)	Первая половина – середина XIII в.	1a	–	Свайное поле (комок древесной щепы обгорелой (?))	Останки (надкрылья и части тела) <i>Setonia aurata (L.)</i>
Образцы из слоёв и объектов второй половины XIII – XV в.								
1-2019	2019	1	250/260	Вторая половина XIII – начало XIV (?) вв.	37	Кс+вин. уч., печины, др. тл.	Соор. 4	Надкрылье <i>Geotrupes sp.</i>
4-2019	2019	1	260/280	Вторая половина XIII – начало XIV вв.	22	Кс+вин. уч., печины	–	Фрагменты <i>Geotrupes sp.</i>
2-2019	2019	1	220/240	Вторая половина XIV – начало XV вв.	39	Кс+щета	Соор. 2	Надкрылья и фрагменты брюшка <i>Geotrupes sp.</i>
7-2019	2019	1	220/240	Вторая половина XIV – начало XV вв.	39	Кс+щета	Соор. 2	Надкрылья, брюшко и часть конечностей <i>Geotrupes sp.</i>
Образцы из слоёв и объектов XVI – XVIII вв.								
8-2019	2019	–	160/180 (173)	Рубеж XVII – XVIII вв.	28	Скопление костей (разрушенное захоронение)	Крест нательный цв. мет. № 170	<i>Rhizophagus parallelcolis Gyll.</i> Фрагменты 3 жуков (2 головы, 2 переднеспинки, надкрылья и брюшко одного жука)

Схема раскопов ИА РАН
2004-21 гг. на территории объекта
культурного наследия федерального значения
«Стрелка - место основания
города Ярославля в начале XI в.»

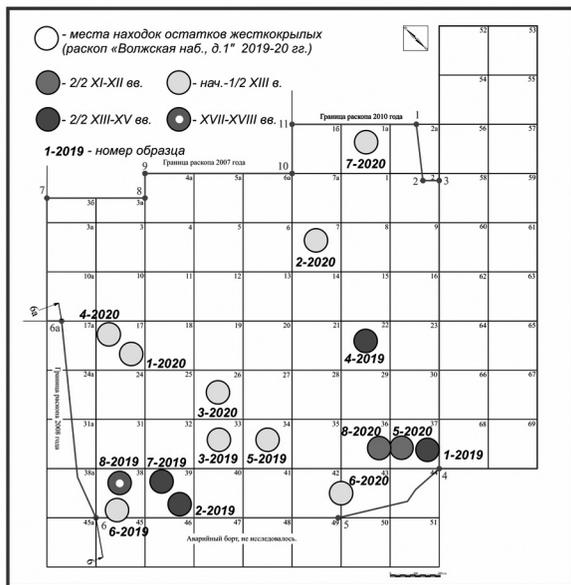
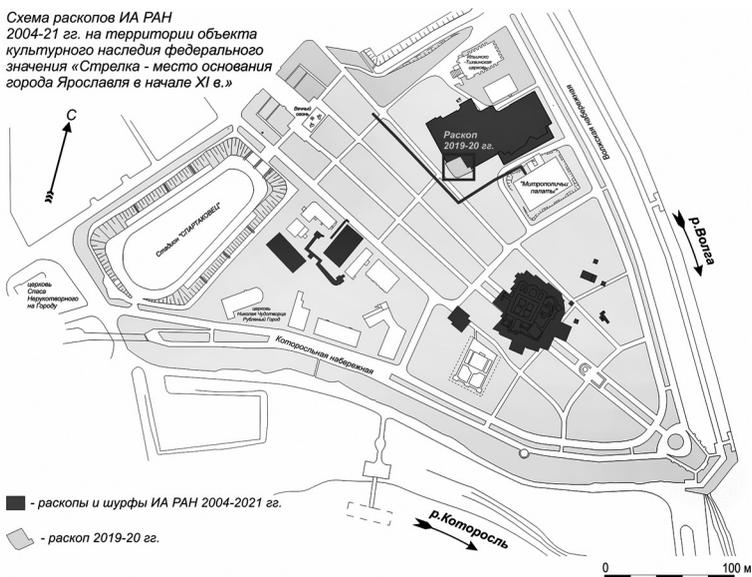

Рис. 1. Схема раскопов ИА РАН 2004–2021 гг.
на территории объекта культурного наследия федерального значения
«Стрелка — место основания города Ярославля»,
с местами находок остатков жесткокрылых в 2019–2020 гг.

*Рис. 2. Ярославль. Волжская набережная, д. 1-2020. Сооружение 156.
Зачистка юго-восточной части объекта на уровне -400. Вид с северо-востока*

*Рис. 3. Ярославль. Волжская набережная, д. 1-2020. Сооружение 156.
Зачистка срубов 1 и 2. Вид с юго-запада*

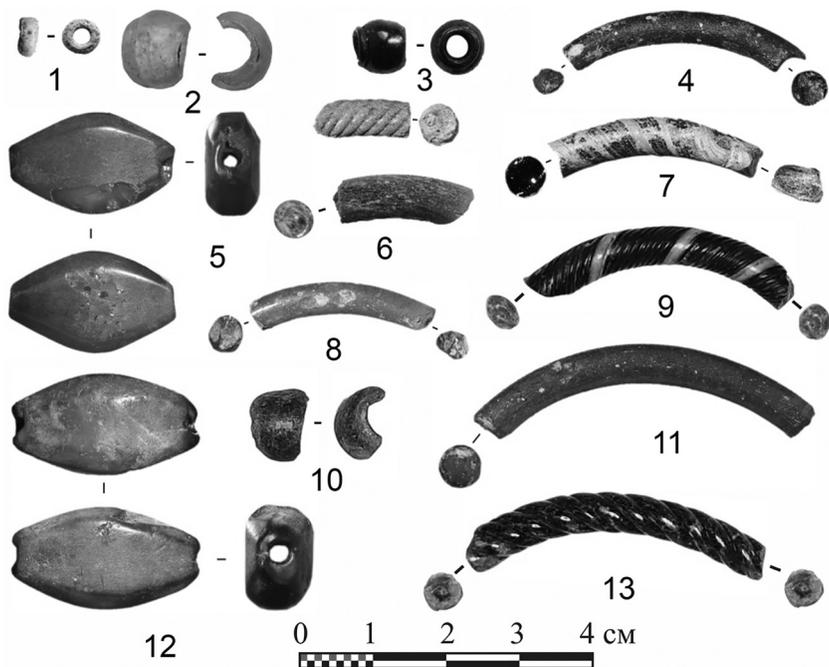

Рис. 4. Находки стеклянных украшений (1-13) и изделий из железа (14, 15) из сооружения 156

*Рис. 5. Ярославль. Волжская набережная, д. 1-2020. Объект 31.
Южный угол внутреннего сруба. Вид с севера*

Три образца на анализ по содержанию остатков насекомых были взяты из объекта 31, представлявшего собой остатки заглубленной в слой и материк деревянной конструкции, зафиксированной с уровня -300 см. В заглубленной материковой части сохранились остатки стенок с фрагментами брёвен трёх нижних венцов смежных сторон сугловым столбом (рис. 5). Основу заполнения составлял слой плотной однородной тёмно-серой супеси с углём и печиной, слои древесного тлена, оставшиеся от деревянных конструкций постройки, а также прослойки жёлтого песка. В верхнем пласте заполнения объекта фиксировался слой пожара. Среди находок — большое количество обломков стеклянных браслетов и сосудов, бусины, донца сосудов с клеймами, изделия из металла бытового назначения, обломки средневековой амфорной тары. При этом 45 % керамики — начала XIII в., 3 % — XII в., есть лепная конца XI в. (16 %). Керамики рубежа XI–XII вв. мало — 0,75 %. **Постройка может быть датирована началом — первой половиной XIII в.**

Из заполнения объекта 31 был получен образец 6-2020. Образцы 5-2020 и 8-2020 были отобраны из слоя предматерика (рис. 6). Керамический материал этого горизонта характеризуется наличием лепной керамики конца XI в. (15,49 %) с преобладанием древнерусской круговой первой половины — середины XII в. (73,24 %–100 %). Поэтому образцы, содержащие остатки жуков, могут быть датированы второй половиной XI–XII вв.

*Рис. 6. Ярославль. Волжская набережная, д. 1-2020.
Объект 31 (кв. 29, 30, 36, 37, 43, 44) и бровка
с местами находок остатков жестокрылых*

Образец **5-2019** был взят на глубине -240/-260. Массовый керамический материал в слое коричневой супеси и щепы демонстрирует 100 % преобладание древнерусской круговой первой половины XIII в., а в слое коричневой супеси с включениями угля и пачины её процент составляет 70,31. Культурный слой, из которого был отобран образец **6-2019** (пласт –280/-300), по составу керамического материала демонстрирует 100 % наличие здесь древнерусской круговой керамики первой половины XIII в. (по Е. К. Кадиевой).

Образец **3-2020** был взят из пласта на глубине -280/-300. Характер обнаруженного в этом пласте массового материала иллюстрирует незначительную перемешанность культурного слоя, большая часть обнаруженных фрагментов керамических сосудов датируется первой половиной XIII в. (89,14 % относится к древнерусской круговой — по Е. К. Кадиевой). Также подавляющее большинство индивидуальных находок датируется первой половиной XIII в. Немногочисленные обломки керамики XVII в., по-видимому, демонстрируют проседание вышележащих слоёв.

Исследованные культурные напластования в месте взятия образца **3-2019** относятся к первой половине — середине XIII в.: **94,4 %** керамического материала относится к древнерусской круговой середины XIII в. (по Е. К. Кадиевой); встречается и материал конца XI – XII вв., вероятнее всего, эти фрагменты попали из переотложенного слоя.

Из слоёв того же времени происходят образцы **2-2020** и **7-2020**. Характер обнаруженного массового материала показывает незначительную перемешанность культурного слоя. Большая часть обнаруженных фрагментов керамических сосудов датируется первой половиной — серединой XIII в.: древнерусская круговая (первая половина XIII в.) — 46,63 %; поздняя древнерусская круговая (вторая половина XIII в.) — 18,80 %.

Рис. 7. А: голень жука-землероя обыкновенного *Geotrupes stercorarius* (L.) (семейство Geotrupidae) из раскопок средневекового Ярославля; Б: голень жука-землероя байкальского *Geotrupes baicalicus* Rtt. из раскопок средневекового Ярославля

Почти все жуки, обнаруженные в слоях второй половины XI – XII вв. и начала – первой половины XIII в., относятся к землероям *Geotrupes* sp. (семейство Geotrupidae). Три экземпляра удалось идентифицировать до вида – это землерой обыкновенный *Geotrupes stercorarius* (L.). Ранее в слоях того же времени⁷ был обнаружен землерой байкальский, и высказывалось предположение о его исконном обитании на территории Верхневолжья и вытеснении в последующем близким и более пластичным обыкновенным землероем, видом, широко распространённым в настоящее время. Виды достоверно различаются по голеним передних ног самцов, у *Geotrupes stercorarius* — широкая острая лопасть снизу голени, у *Geotrupes baicalicus* — лопасть отсутствует, но утолщён 4-й зубец (рис. 7). Благодаря новым находкам стало ясно, что оба вида обитали в Ярославле в одно и то же время, однако про их взаимоотношения ясности пока нет. Находки большого числа этих жуков со второй половины XI в. по первую половину XIII в. говорят о наличии здесь значительного количества навоза (достаточного для существования их полноценной популяции) и подтверждают содержание многочисленных лошадей и рогатого скота на подворьях горожан в данный период.

В комке обгорелой древесной щепы (**7-2020**) обнаружен один экземпляр бронзовки золотистой *Cetonia aurata* (семейство Scarabaeidae). Предыдущая находка макроостатков этого вида была сделана в горелом

⁷ Власов Д. В. Жесткокрылые (Insecta, Coleoptera) в археологических раскопках г. Ярославля... С. 233–236.

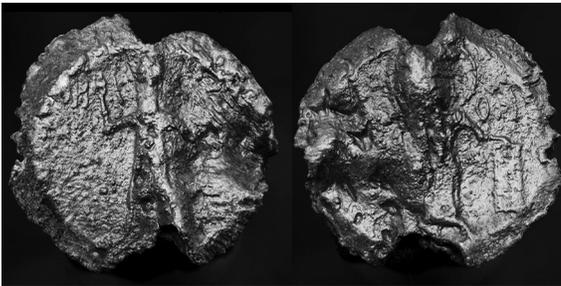

*Рис. 8. Ярославль. Волжская набережная, д. 1-2019.
Сооружение 4. Вид с северо-запада*

тлене (вероятно, сгоревшей щепы) в яме, датированной XI в. Именно в кучах опилок, щепы или компостных кучах развивается этот широко распространённый вид в населённых пунктах. На основании наших находок можно предполагать сходное место обитания их и в средневековом Ярославле.

Следующий хронологический этап — это период со второй половины XIII по XV вв. Из слоёв и объектов этого периода было отобрано четыре образца из раскопок 2019 г. (1-2019, 4-2019, 2-2019, 7-2019).

Образец **1-2019**, из которого собрано одно надкрылье жука, отобран в кв. 37 на глубине -250/-260, в культурном слое, в который была врезана постройка (сооружение 4). Сохранились нижние части венцов

*Рис. 9. Ярославль. Волжская набережная, д. 1-2019.
Сооружение 4.*

Свинцовая княжеская актовая печать

стен и фрагментарно деревянный настил пола (рис. 8). Брёвна стен в восточной части сооружения имеют следы пожара.

К комплексу сооружения относится находка, заслуживающая особого внимания — свинцовая княжеская актовая печать (№ 315 п/о) (рис. 9). Массовый материал

из сооружения представлен 371 фрагментом керамики. Встречается красноглиняная керамика XVI–XVII вв. (15,1 % и 16,5 % от всей выборки соответственно), однако доминирует керамика XIII в. — к поздней древнерусской круговой второй половины XIII — начала XIV в. относится 49,08 % от общей выборки по пласту на -240/-250/-260. Обнаружено по несколько фрагментов красноглиняной керамики XIV–XV вв., золотоордынской и раннекруговой керамики XII в. Данное сооружение может быть датировано второй половиной XIII — началом XIV вв. (?).

Рис. 10. Ярославль. Волжская наб., д. 1-2019. Медная монета (Джучиды, анонимный пул с тамгой и орнаментальной розеткой, Крым, конец XIII — начало XIV вв. (определение А. А. Гомзина))

Слой, из которого получен образец **4-2019**, характеризует поздняя древнерусская круговая керамика второй половины XIII — начала XIV вв. К датирующим находкам из этого пласта относится медная монета (Джучиды, анонимный пул с тамгой и орнаментальной розеткой, Крым, конец XIII — начало XIV вв. (определение А. А. Гомзина)) (рис. 10). Исследованные культурные напластования относятся к XIII–XIV вв., а, скорее, ко второй половине XIII — началу XIV вв., хотя встречается материал и XV–XVI вв.

Взятые близко друг от друга образцы **2-2019**, **7-2019** могут относиться к заполнению сооружения 2, представлявшего собой нижнюю часть сруба с досками пола (рис. 11). В постройке было обнаружено 6 индивидуальных находок и 29 фрагментов керамики, датирующихся второй половиной XIII — началом XV в. (**71 %**) и **XVI–XVII вв. (29 %)**. Ассортимент керамики скуден: в основном представлены горшки, лишь один фрагмент относится к миске конца XIV в. Среди типов керамической посуды преобладает красноглиняная (вторая половина XIV — начало XV вв.) — 47,46 %. Среди находок зафиксированы железные предметы, фрагменты кожаной обуви. По предварительной датировке данное сооружение относится к XIV–XV вв. В заполнении найдены фрагменты двух жуков-землероев *Geotrupes* sp.

В этот период среди находок жуков фиксируются только землерои *Geotrupes* sp. (4 находки), видовой состав которых не определён.

Рис. 11. Ярославль. Волжская набережная, д. 1-2019.
Сооружение 2. Вид с севера

К наиболее позднему хронологическому периоду XVI–XVIII вв. относится образец **8-2019**. Он связан с горизонтом кладбища, в котором было выявлено 24 погребения, а преобладающий процент среди массового керамического материала составила красноглиняная керамика XVII в. — 67,71 %. Сам образец был взят из одного из разрушенных погребений, датированного рубежом XVII–XVIII вв. В патине нательного крестика (рис. 12) были найдены фрагменты трёх экземпляров ризофага параллельношеего *Rhizophagus parallelocollis* Gyll (семейство Monotomidae) (рис. 13). Этот вид развивается в погребках, норах грызунов, компостных кучах, на гнилой погребённой древесине. В Европе он в массе отмечен на кладбищах, где его считают представителем трупной фауны, питающимся на плесени трупов и древесины гробов в склепах⁸. находка жуков в разрушенном погребении свидетельствует о том, что они могли обитать и в грунтовых захоронениях.

Таким образом, фауна жесткокрылых, обнаруженных в культурных слоях средневекового Ярославля, на настоящий момент насчитывает пять видов — *Geotrupes baicalicus* Rtt., *Geotrupes stercorarius* (L.) (Geotrupidae); *Cetonia aurata* (L.), *Oryctes nasicornis* (L.) (Scarabaeidae); *Rhizophagus parallelocollis* Gyll (Monotomidae).

⁸ Клауснитцер Б. Экология городской фауны. М., 1990. С. 82.

Находки большого числа землероев (в общей сложности 18 экземпляров) позволяют сделать вывод о содержании многочисленных лошадей и разнообразного рогатого скота на подворьях горожан как минимум до XV в., что позволило обитать на той территории двум видам (обыкновенному и байкальскому землероям).

Обнаружение жуков ризофага параллельношеего в разрушенном погребении расширяет наши сведения о биологических особенностях вида и условиях его обитания. Также важна эта находка для сравнения со средневековыми кладбищами Европы.

Необходимость проведения энтомологических исследований при археологических раскопках приобретает всё большую актуальность, ведь изучение даже небольшого по объёму материала позволяет не только дополнить сведения о древних поселениях, но и получить новые данные о биологии видов

и времени их распространения на изучаемой территории. Однако важен отбор и систематизация максимально большого объёма материала. Промывка культурного слоя позволила бы более достоверно определить энтомологический спектр, что не представляется возможным при принципе отбора визуально определяемых остатков насекомых из культурного слоя при переборке. Опыт зарубежных коллег показывает, что, как и для сбора палеоботанических проб, флотация больше всего подходит как метод отбора образцов для энтомологических исследований⁹.

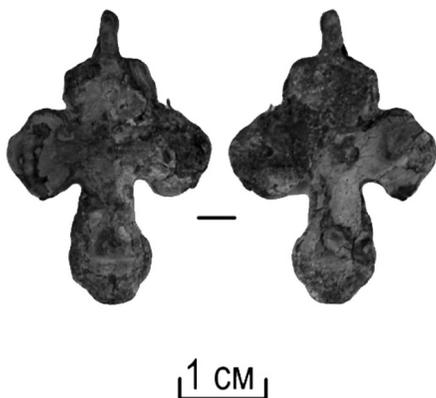

Рис. 12. Ярославль. Волжская набережная, д. 1-2019. Крест нательный цветного металла из разрушенного захоронения, в патине которого были найдены остатки жесткокрылых

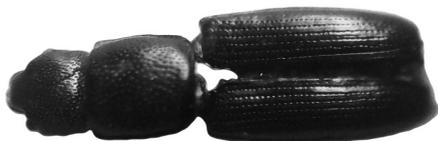

Рис. 13. Жук-ризофаг параллельношей *Rhizophagus parallelocolis* Gyll. (семейство Monotomidae) из раскопок

⁹ Buckland P. An Introduction to Paleontomology in Archaeology... P. 15–19.

Список источников и литературы

1. *Власов, Д. В.* Жесткокрылые (Insecta, Coleoptera) в археологических раскопках г. Ярославля / Д. В. Власов // XIII Тихомировские чтения : материалы научной конференции, Ярославль, 21–23 октября 2011 г. — Ярославль : ИПК «Конверсия», 2012. — С. 233–236.
2. *Клауснитцер, Б.* Экология городской фауны / Б. Клауснитцер. — Москва : Мир, 1990. — 246 с.
3. *Энговатова, А. В.* Отчёт о выполнении спасательных археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия федерального значения «Стрелка — место основания города Ярославля в начале XI в.» на участке строительства гостиницы в г. Ярославле, у д. 1 по Волжской набережной в 2019 г. / А. В. Энговатова // Архив ИА РАН.
4. *Энговатова, А. В.* Отчёт о выполнении спасательных археологических исследований (раскопки) при проведении земляных/строительных работ по объекту «Строительство гостиницы по адресу: г. Ярославль, у д. 1 по Волжской набережной, в границах объекта археологического наследия “Стрелка — место основания города Ярославля в начале XI века” (в границах котлована) в 2020 г.» (Открытые листы №№ 2297-2020 от 06.10.2020 г.) / А. В. Энговатова // Архив ИА РАН.
5. *Buckland, P.* An Introduction to Paleontomology in Archaeology and The BUGS Database Management System / P. Buckland. — Institutionen for arkeologiochsamiska studier, Umea universitet, 2000. — 62 p.
6. *Buckland, P. C.* A biogeography of the human flea, *Pulex irritans* L. (Siphonaptera: Pulicidae) / P. C. Buckland, J. P. Sadler // Journal of Biogeography. — 1989. 16. — P. 115–120.
7. *Carrott, J.* Species Associations Among Insect Remains from Urban Archaeological Deposits and their Significance in Reconstructing the Past Human Environment / J. Carrott, H. Kenward // Journal of Archaeological Science. — 2001. — Vol. 28. — P. 887–905.
8. *Kenward, H.* Insects in urban waste pits in Viking York: another kind of seasonality / H. Kenward, F. Large // Environmental Archaeology, 1998. 3. — P. 35–53.
9. *Sutton, M. Q.* Archaeological aspects of insect use / M. Q. Sutton // Journal of Archaeological Method and Theory. — 1995. — Vol. 2.— P. 253–298.

А. Ю. Кононович, В. Н. Сеџух, Я. В. Френкель
Санкт-Петербург

Крестик с зрубом изображения распятия из Тимерёво (опыт комплексного подхода)

Археологические исследования Тимерёво под Ярославлем продолжаются 150 лет. Заметная роль в этих исследованиях принадлежит работам Ярославской экспедиции ЛГУ. В 1970-х гг. руководитель экспедиции И. В. Дубов (1947–2002 гг.), наряду с «традиционным» исследованием курганного могильника, приступил к раскопкам поселения, непосредственно примыкающего к некрополю. Поселенческий материал, полученный в ходе этих и последующих раскопок, достаточно полно освещён в специальной литературе. В данной небольшой публикации мы остановимся на одной из находок, обнаруженных в сезоне 1977 г.

Находка — нательный крест с грубым изображением распятия (рис. 1) — была обнаружена в ходе работ на *раскопе В*, в яме № 67. Комплекс ямы (площадь около 6 кв. м, глубина 0,3 м) представлял собой остатки конструктивно сложного сооружения, о чём свидетельствовали выявленные глиняная обмазка и древесный тлен, столбовая ямка. Крест был единственным изделием из цветных металлов, обнаруженным в заполнении ямы. Прочие находки, сделанные при разборке заполнения, были в целом невыразительны: железные ножи и обруч, костяная проколка, фрагменты лепной и гончарной керамики¹. Автор раскопок в качестве близких аналогий отметил находки крестов в курганах в окрестностях Весьгонска (точное место неизвестно) и на Аландских островах, датированных XI веком². По комплексу данных И. В. Дубов датировал яму второй половиной X — первой половиной XI в.

¹ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Историко-археологические очерки. Л., 1982. С. 179.

² Там же.

Рис. 1. Крестик из Тимерёво.

1 — фото В. Н. Седых; 2 — рисунок Л. С. Кухаревой
(по: Дубов И. В. 1982. С. 240. Рис. 42: 11)

В сезон 1977 г. при исследовании других ям были найдены изделия из цветных металлов: перстни, накладки, бляшки, металлическое ушко от сосуда³. Изделия из цветных металлов, найденные при разборке перепаханного культурного слоя на площади *раскопа В*, категориально не сильно отличались от находок, сделанных при разборке ям. В перепаханном культурном слое были найдены фрагмент пластинчатого перстня, элементы ременной гарнитуры, фрагменты бортиков металлических сосудов, фрагмент длинной иглы с орнаментом от кольцевидной фибулы и др.⁴ Других нательных крестов в археологической коллекции Тимерёвского поселения пока нет.

Нательные кресты с грубым изображением распятия относятся к серийным раннесредневековым предметам личного благочестия. Такие кресты, найденные на территории Южной, Центральной, Восточной и Северной Европы (рис. 2), подробно освещены в многочисленной специальной тематически централизованной литературе⁵.

³ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь... С. 237 (рис. 39: 5); С. 240 (рис. 42: 4); С. 241 (рис. 43: 8, 9).

⁴ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь... С. 176–182; Седых В. Н., Френкель Я. В. Цветной металл Тимерёвского поселения (по материалам раскопок 1976–1977 гг.) // XVI Тихомировские чтения: К 100-летию революций в России: материалы научной конференции. Ярославль, 19–20 октября 2017 года. Ярославль, 2019. С. 256–290.

⁵ См.: Musin A. Two Churches or two Traditions: Common Traits and Peculiarities in Northern and Russian Christianity before and after 1054 AD through the Archaeological Evidence: a View from the East // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. Bd. II. Mainz, 1998. P. 275–296; Musin A. E. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002; Дончева-Петкова Л. Средневековни кръстове-енколпиони от България (IX–XIV вв.). София, 2011; Макаров Н. А. Древнейшие предметы христианской культовой пластики из центральных районов Северо-Восточной Руси // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2018. С. 317–327; и др.

За последние десять лет число публикаций таких изделий, найденных на территории Древней Руси, выросло⁶.

Наиболее полный анализ крестов с грубым изображением распятия принадлежит А. А. Песковой. В публикации 2014 г. ею был собран обширный каталог, включающий большинство изделий такого облика, известных к этому времени на территории Древней Руси и сопредельных территориях, разработана типология, определена хронология и проанализированы истоки иконографии⁷. В цитируемой работе А. А. Пескова выделила два типа серийных крестов с грубым изображением распятия и убедительно показала, что в основе иконографии таких изделий лежат древнеболгарские миниатюрные кресты-реликварии с изображением распятия. Версия А. А. Песковой была принята в специальной литературе⁸.

Согласно типологии А. А. Песковой, экземпляр из Тимерёво относится к типу I⁹. Кресты первого типа распространены как на территории Древнерусского государства, так и в странах Скандинавии, при этом всю серию объединяют общие северные художественные традиции¹⁰. Кресты первого типа, по типологии А. А. Песковой, датируются X–XI вв., при этом большинство находок с хронологически определяемым археологическим контекстом относится к середине – второй половине XI в. Так, крест из Ростова был обнаружен в площади постройки, время сооружения которой на основании дендротат (1069 г.) надёжно определяется в пределах начала последней трети XI в.¹¹

На современном этапе археологических исследований важную информацию позволяет получить археометрический подход к изучению находок. Рассмотрим состав сплава, из которого изготовлен крест, найденный

⁶ Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Медведева М. В. Новгородская Русь: Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб., 2012. С. 126; Леонтьев А. Е. Археологические данные к истории Ростовской епархии // Города и веси средневековой Руси: история, археология, культура: к 60-летию Н. А. Макарова / ред. П. Г. Гайдуков [и др.]. М.; Вологда, 2015. С. 45–52; Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К. Нательные кресты, крестовидные и крестовключённые привески XI – начала XII в. (по материалам Троицких XII–XIV раскопов) // В камне и бронзе: сборник статей в честь Анны Песковой / под ред. А. Е. Мусина и О. А. Щегловой. Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII. СПб., 2017. С. 467–473; Олейников О. М. Нательные кресты Десятинного-1 раскопа в Новгороде // Звучат лишь Письмена. К юбилею А. А. Медынцевой / отв. ред. В. Ю. Коваль. М., 2019. С. 323–351.

⁷ Peskova A. Byzantine and Scandinavian Elements in Christian Devotional Metalwork Objects of Early Rus' of the 10th–11th Centuries // Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne. P. Bauduin, A. Musin (dir). Caen: PUC, CRAINAM, 2014. P. 113–131.

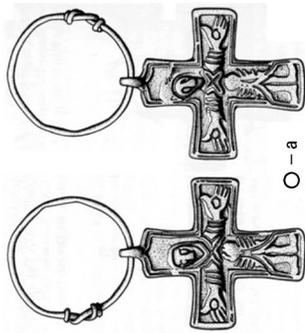
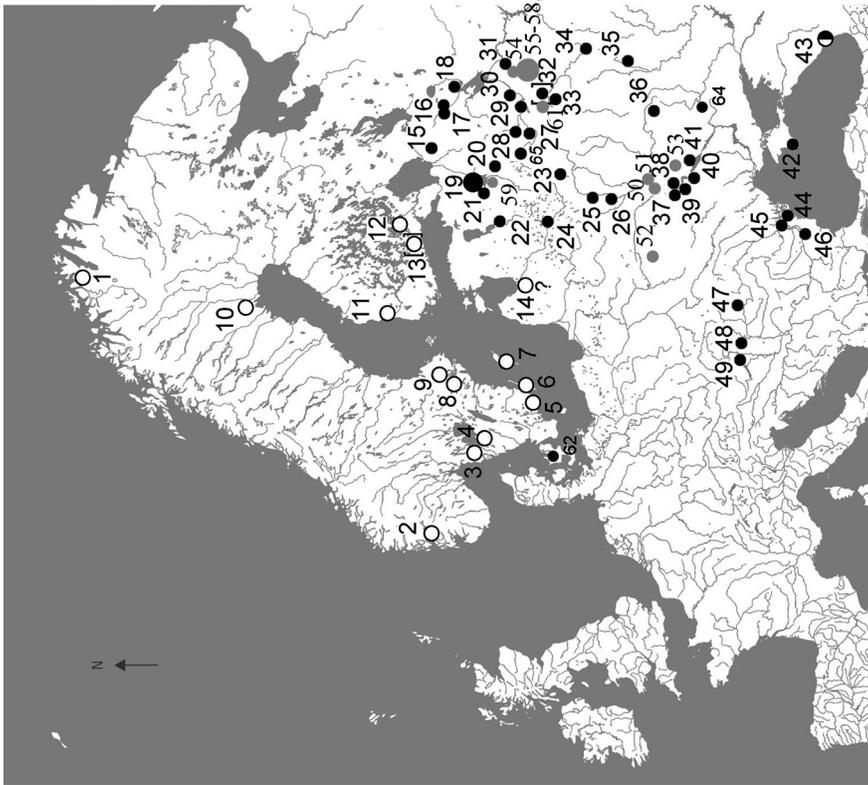
⁸ Макаров Н. А. Древнейшие предметы христианской культовой пластики... С. 319–320.

⁹ Peskova A. Byzantine and Scandinavian Elements... P. 116. Fig. 2–1, 31.

¹⁰ Там же.

¹¹ Леонтьев А. Е. Археологические данные к истории Ростовской епархии... С. 52.

O - a

● - b

● - c

Рис. 2. Карта находок крестов с грубым изображением распятия.

И тит (по: Пескова А. А. 2014 с дополнениями), а — скандинавские двусторонние кресты, выполненные по образцам ранней Руси; в — ранние русские кресты, выполненные по древнеболгарским образцам; с — крест комбинированной иконографии и морфологии. 1 — Шерейё, Норвегия (Пескова 2014, с. 116); 2 — Берген, Норвегия (Пескова 2014, с. 116); 3 — Бохуслен, Швеция (Пескова 2014, с. 116); 4 — Вестергётланд, Швеция (Пескова 2014, с. 116); 5 — Йоханнискрус, Швеция (Пескова 2014, с. 116); 6 — Руд, Глеминге, Эланд, Швеция (Пескова 2014, с. 116); 7 — Сандеверд, Готланд, Швеция (Пескова 2014, с. 116); 8 — Сигтуна, Швеция (Пескова 2014, с. 116); 9 — Вальбо, Швеция (Пескова 2014, с. 116); 10 — Елливаре, Швеция (2 экз.) (Пескова 2014, с. 116); 11 — Лайтила, Финляндия (Пескова 2014, с. 116); 12 — Миккелли, Финляндия (Пескова 2014, с. 116); 13 — Незвестного происхождения, Финляндия (Пескова 2014, с. 116); 14 — Даудгале, Латвия (2 экз.) (Пескова 2014, с. 116); 15 — Орехово, Ленинградская обл., Россия (Пескова 2014, с. 116); 16 — Пугино, Вологодская обл., Россия (Пескова 2014, с. 116); 17 — Никольское, Вологодская обл., Россия (Пескова 2014, с. 116); 18 — Череповец, Вологодская обл., Россия (Пескова 2014, с. 116); 19 — Новгород, Россия (14 экз.) (Пескова 2014, с. 116); 20 — Пески (Князя Гора), Новгородская обл., Россия; (Пескова 2014, с. 116); 21 — Выбути, Псковская обл., Россия (Пескова 2014, с. 116); 22 — Псково, Россия (Пескова 2014, с. 116); 23 — Саки, Смоленская обл., Россия (Пескова 2014, с. 116); 24 — Полоцк, Витебская обл., Белоруссия (Пескова 2014, с. 116); 25 — Яново, Могилёвская обл., Белоруссия (Пескова 2014, с. 116); 26 — Ходасовичи, Гомельская обл., Белоруссия (Пескова 2014, с. 116); 27 — Рог, Тверская обл., Россия (Пескова 2014, с. 116); 28 — Савинские горы, Тверская обл., Россия (Пескова 2014, с. 116); 29 — Глинники, Тверская обл., Россия (Пескова 2014, с. 116); 30 — Посады, Тверская обл., Россия (Пескова 2014, с. 116); 31 — Тимерёво, Ярославская обл., Россия (Пескова 2014, с. 116); 32 — Происхождение неизвестно, Москва, Россия (Пескова 2014, с. 116); 33 — Хотяжи-II, Московская обл., Россия (Пескова 2014, с. 116); 34 — Старая Рязань, Рязанская обл., Россия (Пескова 2014, с. 116); 35 — Литецк, Литевская обл., Россия (Пескова 2014, с. 116); 36 — Гочево, Курская обл., Россия (Пескова 2014, с. 116); 37 — Киев, Украина (Пескова 2014, с. 116); 38 — Вороньков, Киевская обл., Украина (Пескова 2014, с. 116); 39 — Заречье, Киевская обл., Украина (Пескова 2014, с. 116); 40 — Пекари, Черкасская обл., Украина (Пескова 2014, с. 116); 41 — Жоино, Черкасская обл., Украина (Пескова 2014, с. 116); 42 — Херсонес, Крым (Пескова 2014, с. 116); 43 — Сухуми, Абхазия (Пескова 2014, с. 116); 44 — Исакия, Румыния (2 экз.) (Пескова 2014, с. 116); 45 — Диногетия/Гарван, Румыния (2 экз.) (Пескова 2014, с. 116); 46 — Силистра, Болгария (Пескова 2014, с. 116); 47 — Бихарм, Венгрия (Пескова, 2014, с. 116); 48 — Кишкунфеледхаз, Венгрия (Пескова 2014, с. 116); 49 — Вестрем, Венгрия (Пескова 2014, с. 116); 50 — Любеч, Черниговская обл., Украина (Ив. номер ГИМ Оп. В 2926/202); 51 — Седнее, Черниговская обл., Украина (Михельсон, Гростьянский 2019, с. 247, рис. Фото 9.1); 52 — Жерновское городище, Ровенская обл., Украина (Прищепа 2016, рис. 106, 8); 53 — С. Биевчы, Полтавская обл., Украина (Супруненко, Сидоренко, Пономаренко 2015, рис. 2); 54 — Ростов, Ярославская обл., Россия — 2 экз. (Леонтьев 2015, рис. 1, 1, 2); 55 — Селище Шкешово 2 — 2 экз., Ивановская обл. (Макаров 2018, рис. 2, 1, 5); 56 — Селище Каболо 5, Владимирская обл. (Макаров 2018, рис. 2, 2); 57 — Селище Тарбаево 5, Владимирская обл. (Макаров 2018, рис. 2, 3); 58 — Селище Городище 5 (Слуда 5), Ярославская обл. (Макаров 2018, рис. 2, 4); 59 — Ст. Русса (Бропова, Торпов, Самойлов 2016, рис. 6, 3); 60 — Новгород — 5 экз. (Покровская, Степанов, Синх 2017, рис. 2, 3; Олейников 2019, рис. 2, 3, 4; случайная находка. Ив. № НГМ КП 45808/28); 61 — Хотяжи 1 — 2 экз. (Зайдов, Креник, Лазукин 2018, рис. 5, 11); 62 — Хаарехолм, Рингстед, Дания (Национальный музей Дании. NM 18101/99); 63 — г. Владымир (Детинец) (Боскаталов, № 2225322); 64 — Сидоровский археологический комплекс (Кравченко 2020, рис. 208, 36); 65 — Розово, Тверская обл. (Степанова 2014, рис. 1, 4)

Рис. 3. Расчищенная область лопастей креста из Тимерёво

на Тимерёвском поселении. Авторам уже приходилось исследовать цветной металл тимерёвских изделий, происходящих с поселения и обнаруженных при раскопках курганов. Методика исследования и его результаты были опубликованы¹².

Изучение металла креста проводилось неразрушающим методом рентгенофлуоресцентного анализа (далее — РФЛА). Измерения были выполнены одним из авторов в лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа на приборе ArtTAX¹³. Сначала определялся состав патины

наружной и внутренней поверхностей изделия, затем небольшой участок внутренней поверхности лопасти крестика механически расчищался от патинной корки до появления специфического металлического блеска, после чего проводилось измерение состава металла (рис. 3). Всего было произведено 7 измерений: 2 РФЛ-анализа состава патины (табл. 1) и 5 РФЛ-анализов расчищенного участка металла (табл. 2).

Сплав, из которого был отлит крест, может быть охарактеризован как цинковая свинцово-оловянная бронза (Zn — 2,9 %, Sn — 1,8 %, Pb — 5,5 %). В сплаве найдены примеси мышьяка, серебра и сурьмы (0,4 %, 0,2 %, 0,2 % соответственно).

Авторами была разработана номенклатура для дробной классификации тимерёвских сплавов¹⁴ (табл. 3).

¹² Седых В. Н., Френкель Я. В. О металле украшений комплексов курганов № 285 и № 382 Тимерёвского могильника // Города и веи средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова / отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда, 2015. С. 213–228; Седых В. Н., Френкель Я. В. Цветной металл Тимерёвского поселения ... С. 256–290.

¹³ Используемый режим: 50 kV, 700 mA, время экспозиции — 40 сек. Сердечно благодарим С. В. Хаврина и Д. С. Прокуратова за помощь в организации исследования.

¹⁴ Седых В. Н., Френкель Я. В. Опыт классификации медных сплавов Тимерёвского археологического комплекса // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара, 2020. Т. II. С. 216–220. Таблица; Седых В. Н., Френкель Я. В. О цветном металле Тимерёвского поселения (по результатам раскопок 1970–1980-х гг.) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / отв. ред. Н. Ю. Смирнов; Ин-т истории материальной культуры РАН. СПб., 2021. (Труды ИИМК РАН. Т. LVII). С. 112–132.

Таблица 1. Состав патины поверхности крестика из Тимерёво

Объект исследования	Fe	Cu	Zn	Pb	Sn	As	Ag	Sb
Наружная поверхность	0,5	83,6	3,0	10,4	2,4	0,3	0,3	?
Внутренняя поверхность	0,4	85,5	3,2	8,6	2,4	0,3	0,2	?

Таблица 2. Состав металла крестика из Тимерёво (внутренняя поверхность)

	Fe	Cu	Zn	Pb	Sn	As	Ag	Sb
Изм. 1	0,2	88,5	2,8	6,3	1,8	0,5	0,2	?
Изм. 2	0,2	88,8	2,9	5,6	1,8	0,4	0,2	0,3
Изм. 3	0,2	88,2	2,9	5,6	1,8	0,5	0,2	?
Изм. 4	0,2	89,6	2,9	5,2	1,8	0,4	0,2	0,2
Изм. 5	0,2	89,9	3,1	4,7	1,8	0,4	0,2	0,2
среднее	0,2	89,0	2,9	5,5	1,8	0,4	0,2	0,2

Таблица 3. Выделенные группы сплавов металлических изделий Тимерёвского археологического комплекса

Ранг	Zn, %	Sn, %	Pb, %	Характеристика
4	Более 14,5	Более 14,5	Более 15	много...
3	10-14,5	7,3-14,5	7,8-15	средне...
2	2,5-10	1,8-7,3	2,1-7,8	умеренно...
1	0,8-2,5	0,8-1,8	0,9-2,1	мало...

В соответствии с этой классификацией, сплав изделия является многокомпонентным умеренноцинковым, малооловянным или умереннооловянным, умеренносвинцовым и может быть обозначен, как Cu-Zn(2)-(Sn(1\2)-Pb(2)) (рис. 4).

Из проанализированных авторами 83 изделий из цветных металлов, найденных в ходе раскопок И. В. Дубовым и В. Н. Седых Тимерёвского поселения¹⁵, близкий состав имеют только два изделия. Первый – фрагмент напоминающего 14-гранную бусину металлического гранёного предмета с продольным отверстием (рис. 5: 1). Металл 14-гранного предмета (Zn – 7,3 %, Sn – 1,1 %, Pb – 4,1 %) прекрасно сохранился. Выявленные примеси – мышьяк, серебро, сурьма (0,2 %, 0,2 %, 0,5 % соответственно),

¹⁵ Седых В. Н., Френкель Я. В. О цветном металле Тимерёвского поселения... С. 129–130 (Приложение 1).

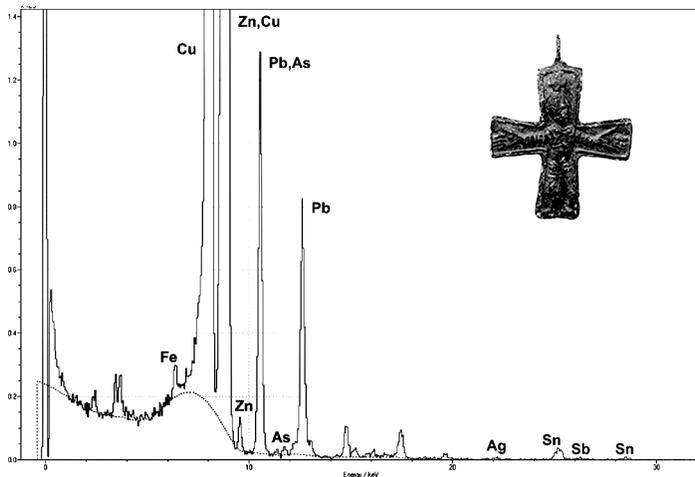

Рис. 4. РФЛ-спектр поверхности креста из Тимерёво

Рис. 5. Предметы, схожие/аналогичные по составу сплава из раскопок Тимерёвского поселения.

1 — бусина (?) с продольным отверстием / напускная деталь составного украшения (?) из пахотного слоя раскопа Б 1977 года;
2 — перстень из комплекса № 21 раскопа А 1976 года. Фото В. Н. Седых

висмут 0,1 %. Изделие было найдено в 1977 г. в пахотном слое *раскопа Б*. По составу сплавообразующих компонентов и примесей металл изделия близок к металлу креста. Назовём также фрагмент широкосерединого перстня с продольно-выпуклым орнаментом из комплекса № 21 *раскопа А* 1976 года раскопок (рис. 5: 2). Однако следует отметить, что металл перстня плохой сохранности.

Из нескольких десятков проанализированных поселенческих находок 1970–1980-х гг. близкий состав металла обнаруживается только у двух

изделий, причём и крест, и «бусина» были найдены в пределах раскопа 1977 г. Это делает маловероятным объяснение выявленного сходства случайным совпадением.

Опубликованные данные о составе металла крестов с грубым изображением распятия пока немногочисленны. В публикации О. М. Олейникова о материале одного из найденных новгородских крестов рассматриваемого облика (Дес-1/9-38) кратко упомянуто: «выполнен из бронзы». Крест был найден при разборе заполнения хозяйственной ямы, датированной автором раскопок концом XI — началом XII в.¹⁶ В статье Н. А. Макарова, посвящённой новым находкам подобных крестов на памятниках центральных районов Северо-Восточной Руси (селища Тарбаево 5, Шекшово 2 (2 экз.), Кибол 5, Городище 5), даётся краткая обобщающая характеристика их сплавов: «... все они отлиты из многокомпонентной бронзы. Это перемешанный сплав, характерный для XI в. Медь легирована свинцом (8,5–20 %), цинком (2–6 %). В крестах, происходящих с памятников Ополя, содержание олова небольшое — 1–3,5 %, в крестах с селища Городище 5 олово составляет 16,5 %»¹⁷. Все находки были сделаны вне стратиграфического контекста. Н. А. Макаров осторожно обозначает время бытования рассматриваемых изделий: «По-видимому, эти кресты находились в обиходе в XI в., для креста с селища Городище 5 возможна и более ранняя дата»¹⁸.

Несмотря на краткость приведённых данных, разработанная номенклатура позволяет охарактеризовать металл крестов из Ополя как умеренноцинковые малооловянные умеренно- и среднесвинцовые (Cu-Zn(2)-Sn(1)-Pb(2-3)).

Благодаря любезности уважаемых коллег¹⁹, авторам была предоставлена возможность привести здесь новые данные о составе металла двух крестов с грубым изображением распятия (табл. 4).

Таблица 4. Состав металла крестов из Любеча и Великого Новгорода

Памятник	Cu	Fe	Zn	Sn	Pb	As	Sb	Ag	Ni	прим
Любеч	основа	0,1	nd	3,1	6,2	nd	0,1	0,1	менее 0,05	Bi 0,1;
В. Новгород	основа	не опр.	9,1	1,3	2,2	0,2	0,3	0,1	менее 0,05	

¹⁶ Олейников О. М. Нательные кресты Десятинного-1 раскопа в Новгороде... С. 328.

¹⁷ Макаров Н. А. Древнейшие предметы христианской культовой пластики... С. 323.

¹⁸ Там же. С. 324.

¹⁹ Сердечно благодарим В. В. Мурашеву (ГИМ) и О. В. Олейникова (ИА РАН) за разрешение использовать неопубликованный материал.

Рис. 6. Кресты из раскопок в Великом Новгороде (1) и в Любече (2)

Один из этих крестов (рис. 6: 1) был найден в ходе раскопок в Великом Новгороде (раскоп на ул. Знаменская, 15)²⁰. Широкая датировка культурного слоя, включающего крест, — XI — начало XII в. Состав металла креста был проанализирован методом РФЛА в лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ (Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии) РАН на РФЛ-спектрометре Axio²¹. Сплав может быть охарактеризован как многокомпонентная латунь (Zn — 9,1 %, Sn — 1,3 %, Pb — 2,2 %). В металле найдены примеси мышьяка, серебра и сурьмы (0,2 %, 0,1 % и 0,3 % соответственно), а также незначительное содержание никеля (менее 0,05 %). Разработанная номенклатура позволяет охарактеризовать сплав, из которого изготовлен новгородский крест, как умеренноцинковый малооловянный умеренносвинцовый (Cu-Zn(2)-Sn(1)-Pb(2)).

Второй крест происходит из раскопок Б. А. Рыбакова в Любече (рис. 6: 2)²². РФЛ-анализ, проведённый в ГИМ²³, позволил выяснить, что материалом для изделия послужила свинцово-оловянная бронза — умереннооловянная умеренносвинцовая (Cu-Sn(2)-Pb(2)), согласно используемой номенклатуре.

Приведённые три анализа состава сплавов крестов с грубым изображением распятия недостаточны для сколько-нибудь основательных выводов. Тем не менее, некоторые соображения могут быть обозначены.

Обращает на себя внимание, что два креста из трёх (тимерёвский и новгородский) выполнены из близких сплавов: Cu-Zn(2)-Sn(1-1\2)-Pb(2). Во всяком случае, часть крестов из Суздальского Ополя, о которых

²⁰ Гайдюков П. Г., Олейников О. М., Богомолов А. В. Новейшие археологические открытия в Великом Новгороде // Новые археологические проекты: Воссоздавая прошлое. К 100-летию российской академической археологии / под ред. Н. А. Макарова. М., 2019. С. 163.

²¹ Аналитик — А. И. Якушев.

²² ГИМ. Инв. № Оп. В 2926/202.

²³ Аналитик — А. О. Шевцов.

идёт речь в статье Н. А. Макарова, также выполнена из очень близкого сплава Cu-Zn(2)-Sn(1)-Pb(2). Ещё раз отметим, что для исследованных изделий из цветного металла Тимерёвского поселения такие сплавы не характерны.

В качестве сравнительной группы рассмотрим достаточно многочисленную выборку крестов скандинавского типа (рис. 7). Такие предметы личного благочестия бытуют практически в то же время, что и кресты с грубым изображением распятия. Нам известны опубликованные анализы металла 18 крестов скандинавского типа: 17 экземпляров из Суздальского Ополя²⁴ и 1 экземпляр из Новгорода²⁵. Все эти кресты выполнены из иных сплавов²⁶, при этом более половины выборки представлены оловянно-свинцовыми бронзами. Заметим, что из такой же бронзы выполнен и упомянутый любечский крест.

Шесть крестов скандинавского типа из Суздальского Ополя²⁷ выполнены из многокомпонентных сплавов. Если записать эти сплавы с помощью используемой номенклатуры, то получится перечень, приведённый в табл. 5. Видно, что эти сплавы заметно отличаются от приведённых нами сплавов крестов с грубым изображением распятия из Верхнего Поволжья, Волго-Окского междуречья и Новгорода, обобщённо обозначаемых формулой Cu-Zn(2)-Sn(1-1\2)-Pb(2). Разница обнаруживается, в первую очередь, в содержании олова.

Сравним теперь составы сплавов интересующих нас

Таблица 5. Состав сплавов крестов из Суздальского Ополя

Крест №	Тип сплава
2	Cu-Zn(1)-Sn(4)-Pb(2)
9	Cu-Zn(2)-Sn(2)-Pb(3)
10	Cu-Zn(2)-Sn(2)-Pb(1)
11	Cu-Zn(1)-Sn(2)-Pb(2)
14	Cu-Zn(2)-Sn(4)-Pb(2)
16	Cu-Zn(2)-Sn(2)-Pb(4)

²⁴ Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополя: новые находки // Археологические вести; Ин-т истории материальной культуры РАН. Вып. 28 / [Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. СПб., 2020. С. 351 (табл. 1).

²⁵ Олейников О. М. Нательные кресты Десятинного-1 раскопа в Новгороде... С. 326.

²⁶ В том числе два креста из сплавов с серебром; эти кресты далее не учитываются.

²⁷ Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополя... С. 351 (табл. 1), №№ 2, 9, 10, 11, 14, 16.

б/м

Рис. 7. Крестик «скандинавского типа» (по: Стицын А. 1905. С. 143. Рис. 211)

изделий не с составом сплавов однотипных изделий (и шире — изделий той же категории), а с составом сплавов разнотипных синхронных изделий региона. Мы уже отмечали, что сплавы, близкие к сплавам рассмотренных крестов с грубым изображением распятия из Верхнего Поволжья, Волго-Окского треугольника и Новгорода, не характерны для исследованных изделий Тимерёвского поселения. Такие составы отличаются и от сплавов изделий ранней группы (XI — начала XII в.) Ярославля и округа, рассмотренных И. Е. Зайцевой и И. А. Сапрыкиной в работе 2014 г. В той статье московские коллеги пишут: «Данные по Ярославлю полностью соответствуют традиции использования сплавов, зафиксированной по материалам других памятников Северо-Восточной Руси домонгольского времени. В период XI — начала XII в. в регионе господствовали латуни, преимущественно свинцовые и многокомпонентные, со средним и высоким содержанием цинка в сплаве (среднее значение по выборке составляет 12–13 %)»²⁸.

Несколько иной результат получаем при сопоставлении состава металла тимерёвского и новгородского крестов с опубликованными И. Е. Зайцевой анализами сплавов ряда украшений из цветного металла могильника Шекшово 9²⁹, расположенного в Суздальском Ополье и функционировавшего в X–XI вв. Среди находок преобладают изделия, категориально связанные с аборигенным, лесным финно-угорским населением. Благодаря обстоятельной и подробной публикации сплавы этого могильника удобно рассматривать как сравнительную группу.

Из 65 опубликованных И. Е. Зайцевой анализов пять (анализы №№ 15, 32, 38, 49, 57)³⁰ сопоставимы с металлом тимерёвского и новгородского крестов и некоторых крестов, состав которых обозначен в вышеупомянутой статье Н. А. Макарова. Если записать составы этих пяти сплавов с помощью используемой номенклатуры, то получаемая формула (Cu-Zn(1/2-2)-Sn(1)-Pb(2)) будет очень близка к формуле сплавов рассмотренных нами выше крестов с грубым изображением распятия из Верхнего Поволжья, Волго-Окского междуречья и Новгорода (Cu-Zn(2)-Sn(1-1/2)-Pb(2)). При этом изделия из материалов могильника Шекшово 9, о которых идёт речь, — это бляха и всевозможные подвески (бутылковидная подвеска, подвеска-лапка и др.) — изделия финно-угорского облика.

²⁸ Зайцева И. Е., Сапрыкина И. А. Цветной металл средневекового Ярославля: химический состав // Славяне и иные языки ... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной // Труды ГИМ. Вып. 198. М., 2014. С. 212–233.

²⁹ Зайцева И. Е. Цветной металл украшений могильника Шекшово 9 X–XI вв. в Суздальском Ополье (химический состав) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 241. М., 2015. С. 252–262.

³⁰ Зайцева И. Е. Цветной металл украшений могильника Шекшово 9 ... С. 260–261 (Приложение 1).

Среди исследованных И. Е. Зайцевой сплавов могильника Шекшово 9 значительно больше сплавов, соотносимых с материалом крестов скандинавского типа — оловянно-свинцовых и свинцово-оловянных бронз (№№ 2, 12, 18, 19, 22, 23, 24, 31, 41, 48, 50, 62, 64), сплавов Cu-Zn(1)-Sn(2)-Pb(2) (№№ 7, 10, 29, 47, 65), сплавов Cu-Zn(2)-Sn(2)-Pb(3) (№№ 4, 13, 14, 16, 26), сплава Cu-Zn(2)-Sn(4)-Pb(2) (№ 40).

Подведём некоторые итоги. Во второй половине X — XI в. в Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье фиксируется серия крестов с грубым изображением распятия. Для некоторых крестов этой серии известны составы сплавов. Эти составы оказываются очень близкими друг другу. Синхронные сплавы Тимерёвского поселения и сплавы ранней группы средневекового Ярославля (XI — начала XII в.) в целом имеют иные составы.

В это же время и в том же регионе бытуют нательные кресты иного облика: кресты скандинавского типа. Опубликованные результаты количественного анализа сплавов таких крестов демонстрируют непохожесть на сплавы крестов с грубым изображением распятия.

Опубликованная серия анализов цветного металла расположенного в Суздальском Ополе «аборигенного» финно-угорского могильника Шекшово 9, принятая за сравнительную группу, обнаруживает большее сходство сплавов этого могильника со сплавами крестов скандинавского типа. Сходство это обеспечивается и бронзами, и многокомпонентными сплавами. При этом сплавы крестов скандинавского типа, находящие соответствие среди многокомпонентных сплавов могильника Шекшово 9, не образуют компактную группу: формулам Cu-Zn(1)-Sn(2)-Pb(2) и Cu-Zn(2)-Sn(2)-Pb(3) отвечают в равной мере по одному сплаву креста скандинавского типа (№№ 11 и 9)³¹ и по пять сплавов изделий из могильника. В то же время формуле Cu-Zn(2)-(Sn(1-1/2)-Pb(2) отвечают как компактная серия сплавов крестов с грубым изображением распятия из Верхнего Поволжья, Волго-Окского междуречья и Новгорода, так и количественно близкая серия из пяти сплавов изделий из могильника Шекшово 9.

Когда речь идёт о сравнении со сколько-нибудь представительной серией анализов многокомпонентных сплавов, сам значительный размер сравнительной выборки, вкупе с особенностями образования сплавов из переплавляемого лома, неизбежно обнаруживает возможность находить самые разные аналогии. Нам представляется важным в данном случае не сам факт обнаружения сплавов близкого состава, а степень компактности сравниваемых серий. Компактность результатов анализов сплавов крестов с грубым изображением распятия отделяет эти изделия как от находок

³¹ Заметим, что крест скандинавского типа № 9 из работы (Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополя ...) происходит из территориально близкого могильнику Шекшово 9 поселения Шекшово 2.

в Тимерёво и в раннем Ярославле, так и от изделий сравнительной группы могильника Шекшово 9. Схожесть сплавов крестов с грубым изображением распятия и сплавов аналогичного состава, обнаруживающихся среди сплавов этого могильника, объясняется скорее случайным совпадением. В противном случае, при сравнении с сериями близких сплавов могильника Шекшово 9, сгруппировавшимися по пять (так уж вышло), следовало бы ожидать две возможности. Либо сопоставимых сплавов крестов скандинавского типа в каждой сравнительной серии было бы больше одного, либо сплавы крестов с грубым изображением распятия не образовывали бы компактную группу, а находили бы аналогии в разных сериях сплавов из сравнительной группы могильника Шекшово 9.

Приведённая здесь статистическая эквилибристика объясняется, конечно, узостью сравнительной базы. Расширение такой базы, несомненно, позволит скорректировать получаемые результаты. Тем не менее, полагаем, что намеченная нами известная специфичность (чтобы не сказать — автономность) сплавов крестов с грубым изображением распятия по отношению к синхронным изделиям из цветных металлов археологических памятников Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья заслуживает пристального рассмотрения. И важно это не только с методических позиций археометрии цветного металла, но и с точки зрения культурной истории населения региона в X–XI вв.

Список источников и литературы

1. *Гайдуков, П. Г.* Новейшие археологические открытия в Великом Новгороде / П. Г. Гайдуков, О. М. Олейников, А. В. Богомолов // Новые археологические проекты : Воссоздавая прошлое. К 100-летию российской академической археологии / под ред. Н. А. Макарова. — Москва : Ин-т археологии РАН, 2019. — С. 160–163.
2. *Дончева-Петкова, Л.* Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX–XIV вв.) / Л. Дончева-Петкова. — София : Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2011. — 734 с.
3. *Заидов, О. Н.* Новые данные о комплексе памятников у д. Хотяжи на Москвереке : (к проблеме славянской колонизации Подмосковья) / О. Н. Заидов, Н. А. Кренке, А. В. Лазукин // РА. — 2018. — № 4. — С. 130–148.
4. *Зайцева, И. Е.* Цветной металл украшений могильника Шекшово 9 X–XI вв. в Суздальском Ополе (химический состав) / И. Е. Зайцева // Краткие сообщения Института археологии. — Вып. 241. — Москва : Языки славянской культуры, 2015. — С. 252–262.
5. *Зайцева, И. Е.* Цветной металл средневекового Ярославля : химический состав / И. Е. Зайцева, И. А. Сапрыкина // Славяне и иные языци ... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной // Труды ГИМ. — Вып. 198. — Москва, 2014. — С. 212–233.

6. *Кравченко, Э. Е.* Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец / Э. Е. Кравченко // Археология евразийских степей. — № 4. — Казань, 2020. — 344 с.
7. *Леонтьев, А. Е.* Археологические данные к истории Ростовской епархии / А. Е. Леонтьев // Города и веси средневековой Руси : история, археология, культура : к 60-летию Н. А. Макарова / ред. П. Г. Гайдуков [и др.]. — Москва ; Вологда : Древности Севера, 2015. — С. 45–52.
8. *Макаров, Н. А.* Древнейшие предметы христианской культовой пластики из центральных районов Северо-Восточной Руси / Н. А. Макаров // У истоков и источников : на международных и междисциплинарных путях : юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко / отв. ред. Ю. А. Петров. — Москва : Институт российской истории РАН, 2018. — С. 317–327.
9. *Макаров, Н. А.* Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополя : новые находки / Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева // Археологические вести ; Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 28. — Санкт-Петербург, 2020. — С. 347–365.
10. *Михельсон, А. Р.* Европейские денарии на Руси в X–XII веках. Часть I. Южная и Юго-Западная Русь / А. Р. Михельсон, О. В. Тростянский. — Санкт-Петербург : НП-Принт, 2019. — 396 с.
11. *Мусин, А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности / А. Е. Мусин. — Санкт-Петербург : Центр «Петербургское востоковедение», 2002. — 270 с.
12. *Носов, Е. Н.* Новгородская Русь : Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий / Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская, М. В. Медведева. — Санкт-Петербург : ЛИК, 2012. — 224 с.
13. *Олейников, О. М.* Нателные кресты Десятинного-1 раскопа в Новгороде / О. М. Олейников // Звучат лишь Письмена. К юбилею А. А. Медынцевой / отв. ред. В. Ю. Коваль. — Москва : Институт археологии РАН, 2019. — С. 323–351.
14. *Покровская, Л. В.* Нателные кресты, крестовидные и крестовключённые привески XI — начала XII в. (по материалам Троицких XII–XIV раскопов) / Л. В. Покровская, А. М. Степанов, В. К. Сингх // В камне и бронзе : сборник статей в честь Анны Песковой / под ред. А. Е. Мусина и О. А. Щегловой. (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII). — Санкт-Петербург, 2017. — С. 467–473.
15. *Прищепа, Б. А.* Погоринські міста в X–XIII ст. / Б. А. Прищепа. — Москва : ПП Дятлик, 2016. — 297 с.
16. *Седых, В. Н.* О металле украшений комплексов курганов № 285 и № 382 Тимерёвского могильника / В. Н. Седых, Я. В. Френкель // Города и веси средневековой Руси : археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова / отв. ред. П. Г. Гайдуков. — Москва ; Вологда : Древности Севера, 2015. — С. 213–228.
17. *Седых, В. Н.* О цветном металле Тимерёвского поселения (по результатам раскопок 1970–1980-х гг.) / В. Н. Седых, Я. В. Френкель // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии : сборник научных статей, посвящённый 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / отв. ред. Н. Ю. Смирнов ; Ин-т

- истории материальной культуры РАН. — Санкт-Петербург : ИИМК РАН, 2021. (Труды ИИМК РАН. Т. LVII). — С. 112–132.
18. *Спицын, А.* Владимирские курганы / А. Спицын // ИАК. — Вып. 15. — Санкт-Петербург, 1905. — С. 84–172.
 19. *Степанова, Ю. В.* Кресты в составе древнерусского костюма Верхневолжья по материалам погребальных памятников / Ю. В. Степанова // Культура русских в археологических исследованиях / под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. — Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Изд-во «Магеллан», 2014. — Том I. — С. 288–292.
 20. *Супруненко, О. Б.* Про деякі пам'ятки і нові знахідки з території Полтавщини / О. Б. Супруненко, О. В. Сидоренко, Є. Є. Пономаренко // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. — Київ : Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК, 2015. — С. 111–173.
 21. *Торопова, Е. В.* Древнейшая история Старой Руссы по археологическим данным / Е. В. Торопова, С. Е. Торопов, К. Г. Самойлов // Новгородский исторический сборник. — Вып. 16 (26). — Великий Новгород : Тип. «Виконт», 2015. — С. 33–58.
 22. *Musin, A.* Two Churches or two Traditions: Common Traits and Peculiarities in Northern and Russian Christianity before and after 1054 AD through the Archaeological Evidence: a View from the East / A. Musin // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. Bd. II. — Mainz, 1998. — P. 275–296.
 23. *Peskova, A.* Byzantine and Scandinavian Elements in Christian Devotional Metalwork Objects of Early Rus' of the 10th–11th Centuries / A. Peskova // Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rus ancienne. P. Bauduin, A. Musin (dir). — Caen : PUC, CRAHAM. 2014. — P. 113–131.

А. В. Кудряшов

Вологда

Исследование поселения Горка 2 в среднем течении р. Шексны

Берега р. Шексны (левого притока реки Волги) подверглись серьёзным разрушениям из-за создания в 1940-х гг. Рыбинского, а в 1964 г. Шексинского (Череповецкого) водохранилищ. В результате образования искусственных водоёмов оказалась разрушенной большая часть объектов археологического наследия, находившихся непосредственно на берегах р. Шексны и на приустьевых участках её притоков. Особенно сильно пострадали нижнее, а также часть среднего течения реки.

С середины 80-х гг. XX в. до начала 2000-х гг. удалось обнаружить и частично обследовать немалую часть уцелевших памятников X–XIV вв., располагавшихся на берегах Шексны в районе г. Череповца и вблизи п. Шексна — районного центра Вологодской области, в местности «Ирма», где находится поселение Горка 2 (рис. 1). Благодаря многолетним раскопкам ряда больших по размерам памятников удалось изучить значительный пласт древностей и реконструировать исторические процессы, происходившие на Средней Шексне в X–XIV вв.¹

Экспедицией Череповецкого музейного объединения под руководством автора в местности «Ирма» раскопками было исследовано 1 250 кв. м поселения Андриюшино-Ирма на левом берегу Шексны и свыше 250 кв. м площади поселения Селище-Воркопъ на её правом берегу, которые датировались соответственно X–XII и XI–XIV вв.² Более скромными были результаты поиска и исследования на р. Шексне памятников раннего

¹ Кудряшов А. В. Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец, 2006.

² Кудряшов А. В. Исследование средневековых селищ в местности «Ирма» на Средней Шексне // Археология: история и перспективы: Пятая межрегиональная конференция: сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль, 2012. С. 76–92.

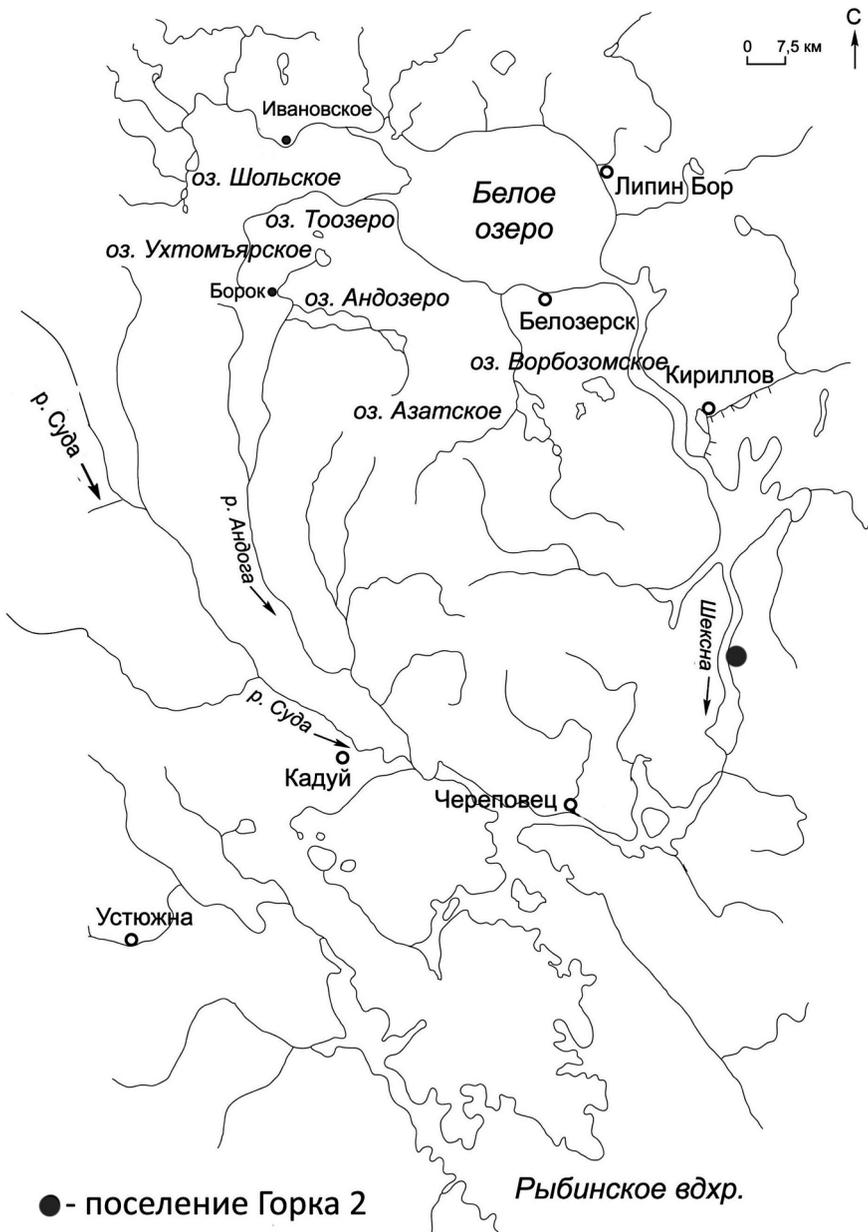

Рис. 1. Местоположение поселения Горка 2 на карте

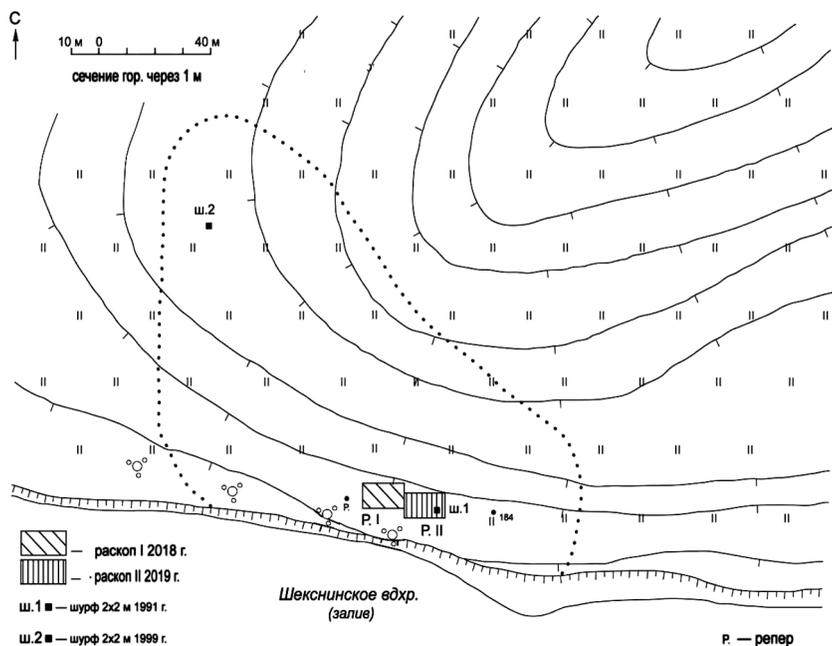

Рис. 2. Топографический план поселения Горка 2

железного века и раннего средневековья (второй половины I тыс. н. э.). В связи с этим все новые открытия и раскопки памятников I тыс. н. э. в регионе вызывают интерес у исследователей.

Обнаруженное в 1991 г. поселение Горка 2 находилось на левом берегу р. Шексны, в некотором удалении от неё, располагаясь на правом берегу ключевого ручья Студёного (или Студенец). После образования водохранилища в 1965 г. ручей, как и пойменные берега р. Шексны, был затоплен и превратился в залив. Водоохранилище размывало часть поселения и ныне продолжает его разрушать. Поселение находится на поле, которое долгое время подвергалось распашке, а ныне понемногу зарастает кустарником и мелким лесом. Основная часть берега, занятого поселением, возвышается над нынешним уровнем воды на высоту до 5 м (рис. 2).

Два разведочных шурфа на памятнике размерами 2 × 2 м были заложены в 1991 и в 1999 гг. В них были обнаружены фрагменты лепной и круговой керамики эпохи средневековья, а также фрагменты сетчатых сосудов раннего железного века. Раскопки на памятнике были проведены в 2018 и 2019 гг., в результате двумя раскопами было исследовано 120 кв. м площади. В раскопах обнаружен культурный слой мощностью

от 0,45 до 0,7 м (супесь), имевший большей частью тёмно-серую окраску и содержащий взвешенные очажные камни. Слой был в значительной степени разрушен многолетней распашкой. В нетронutom состоянии отложения сохранились преимущественно в нижней предматериковой своей части и в ямах. Тёмный слой подстилался прослойкой серого слабогумусированного песка толщиной около 0,10 м.

Наиболее ранние обнаруженные материалы принадлежат, очевидно, к эпохе раннего металла. К ним относятся кремневые отщепы, обломки кремня со следами сколов, а также фрагменты слабообожжённой керамики с примесями песка в тесте, частично орнаментированной мелкой гребённой и редкими ямками, датируемой эпохой бронзы. Основная часть этой керамики была сконцентрирована в предматериковой, уцелевшей от распашки части слоя, хотя отдельные находки кремня и данной керамики встречались и в верхних перемешанных горизонтах слоя.

На месте, где существовало поселение эпохи раннего металла, позднее возникло поселение раннего железного века. Этим временем можно датировать обнаруженные в раскопах вещевые находки, фрагменты лепной керамики, в том числе обломки сосудов, имеющие отпечатки «сетки», штриховку, а также обломки грубой неорнаментированной посуды, содержавшей крупные примеси в тесте. Следует отметить, что обнаруженные в слое фрагменты сосудов со штриховкой преобладают над фрагментами керамики с «сеткой». Штриховка прослеживается не только снаружи, но и внутри таких сосудов. Сетчатая и штрихованная керамика была распространена на значительной части поселения. Она была найдена не только в раскопах в прибрежной части памятника, но и в шурфе, удалённом от кромки воды.

К вещевым находкам раннего железного века можно отнести несколько наконечников стрел, целых и фрагментированных (плоских двушипных и мелких ромбовидных), ножи с горбатой и прямой спинками, фрагмент втульчатого предмета, возможно, втулки кельта, шило, спираль из бронзовой проволоки (рис. 3: 1–8, 12, 17, 21).

Ещё раз следует отметить, что основная часть сооружений культурного слоя Горки 2 оказалась распаханной, за исключением небольших и неглубоких ям, относящихся к разным периодам существования памятника. Единственным более-менее сохранившимся объектом оказался очаг, исследованный в раскопе 1 в 2018 г. Очаг находился в неглубокой овальной яме размерами приблизительно 2,5 × 2,5 м, глубиной до 0,2 м (рис. 4). Отопительное сооружение было сложено из крупных валунов и камней помельче. Среди камней были обнаружены комья обожжённой глины, с помощью которой был, очевидно, сложен очаг. Уголь, собранный в очаге, подвергся радиоуглеродному

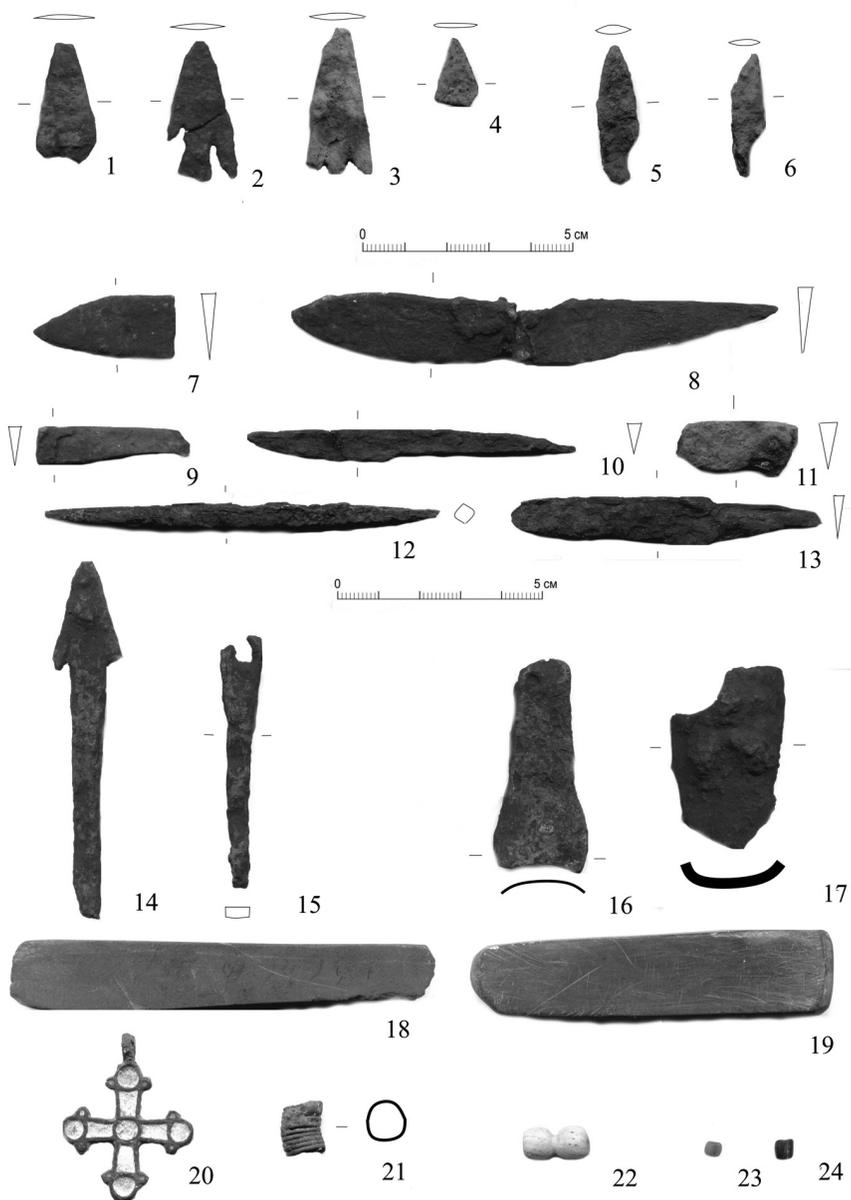

Рис. 3. Поселение Горка 2. Вещевой инвентарь

1-6, 14 – наконечники стрел; 7-11, 13 – ножи; 12 – шило; 15-17 – предметы;
 18, 19 – оселки; 20 – крест-тельник; 21 – спираль; 22-24 – бусы.
 1-17 – железо; 18, 19 – камень; 20, 21 – сплавы цветных металлов; 22-24 – стекло

Рис. 4. Поселение Горка 2. Очаг, обнаруженный в раскопе 2018 г.

анализу³. По нему получена дата 1200 ± 50 ВР. В развале очага находилось значительное количество лепной керамики, насчитывающей около 200 фрагментов. Связанная с очагом керамика отличалась разнообразием. Здесь была обнаружена грубая лепная посуда с крупными примесями дресвы в тесте, гладкостенная лепная керамика, имелись также фрагменты тонкостенной белоглиняной керамики с тонкими примесями и хорошим обжигом, с округлым дном и отогнутым венчиком, украшенной рядами круглых ямок (рис. 5: 6). Несколько фрагментов подобных сосудов найдено и вне очага (рис. 5: 1, 7, 8). Данная посуда близка к глиняной посуде бахмутинских городищ верхнеутчанской культуры в Прикамье⁴. В очаге найдены также мисковидные, слабопрофилированные и баночные сосуды (рис. 5: 2, 3, 11). Часть сосудов, обнаруженных в очаге, может быть отнесена к некоторым основным типам шекснинской посуды, выделенным Н. А. Макаровым⁵. Один из таких сосудов, близкий к сосудам типа II по классификации Н. А. Макарова, был богато орнаментирован поясами из оттисков гребенчатого штампа (рис. 5: 10). Оттиски гребенчатого штампа изредка встречаются и на других лепных сосудах, найденных в раскопах: на их стенках, плечиках и срезах венчиков. В очаге и рядом с ним найдены дверной пробой, железный инструмент, оселки, фрагменты

³ Лаборатория ИИМК РАН. Образец Le-11910.

⁴ Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2004. С. 277–280 (рис. 141: 3, 4, 7–9).

⁵ Макаров Н. А. Лепная керамика поселения Крутик // Белозёрская весть (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск, 1991. С. 130–165 (рис. 2: 4).

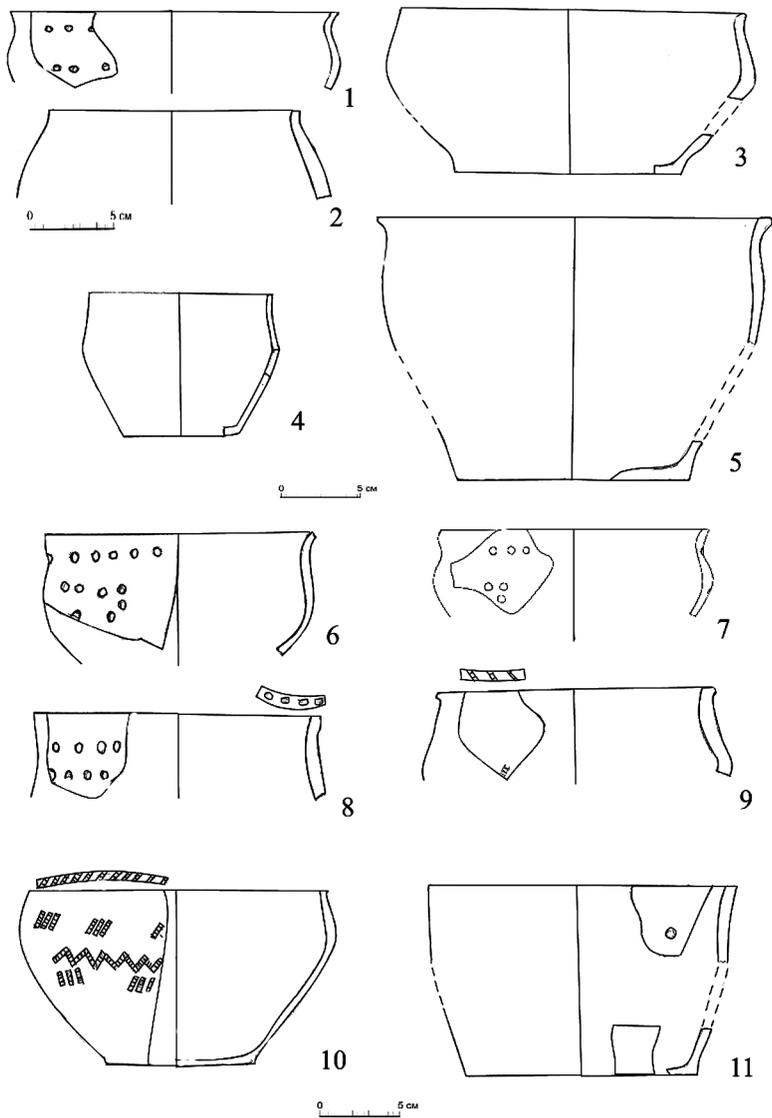

Рис. 5. Поселение Горка 2.
Летняя керамика

железных предметов. Вероятно, данный очаг с учётом полученной ^{14}C даты может быть датирован ранним средневековьем, а, если быть точнее, концом VII — началом IX вв. Следует отметить, что некоторые типы глиняной посуды, относимой Н. А. Макаровым к местной шекснинской, появляются, по всей видимости, на Шексне уже в это время. Могут быть датированы VIII–IX вв. и некоторые вещевые находки из раскопов, например, рубленный бисер зелёного и синего цветов.

Возможно, что жизнь средневекового поселения, начавшаяся в раннем средневековье, продолжалась и в X — середине XI вв. Свидетельством тому являются найденные здесь двойная буса-лимонка, двушипный наконечник стрелы, ножи, сплавы бронзы (рис. 3: 9, 10, 14, 22). Среди находок имеются также железные шлаки, фрагмент воздуходувной глиняной трубки, обрубки железных заготовок, что свидетельствует о существовании на поселении металлургического производства и кузнечного дела. На поселении Горка 2 население проживало и в древнерусское время. Об этом свидетельствуют находки круговой древнерусской керамики, которая существенно преобладает в раскопе 2, в восточной части памятника, где она составляла более половины всего комплекса. Небольшая часть её украшена линейным орнаментом. Ярким свидетельством проживания древнерусского населения на Горке 2 может быть найденный здесь крестельник с эмальями, который по многочисленным известным аналогиям датируется XII в. (рис. 3: 20).

Кроме датировемых вещевых находок, на поселении встречены предметы, которые могут относиться к разным периодам существования поселения: точила, оселки, кованые гвозди, иглы и другие изделия. Керамическая коллекция поселения Горка 2 состоит на 21 % из керамики эпохи раннего металла и раннего железного века, на 43 % из лепной средневековой посуды, на 36 % из круговой керамики, в которую входят, кроме древнерусской, и фрагменты позднесредневековой посуды.

Впервые на берегу Шексны раскапывалось поселение раннего железного века. Непосредственно на нём обнаружен клад из семи римских монет IV в., первый в бассейне Шексны и Белого озера, что позволяет по-новому посмотреть на данную территорию в это время, на исходе раннего железного века. Клад был найден случайно местным жителем в 2019 г. Его обнаружили на отмели под небольшим обрывом берега, на котором находится памятник. По свидетельству нашедшего, монеты лежали компактной кучкой, или «стопкой». Скорее всего, монеты находились в несохранившемся мешочке или кисете и выпали из слоя при разрушении его водохранилищем. Монеты поступили в музей археологии Череповецкого музейного объединения.

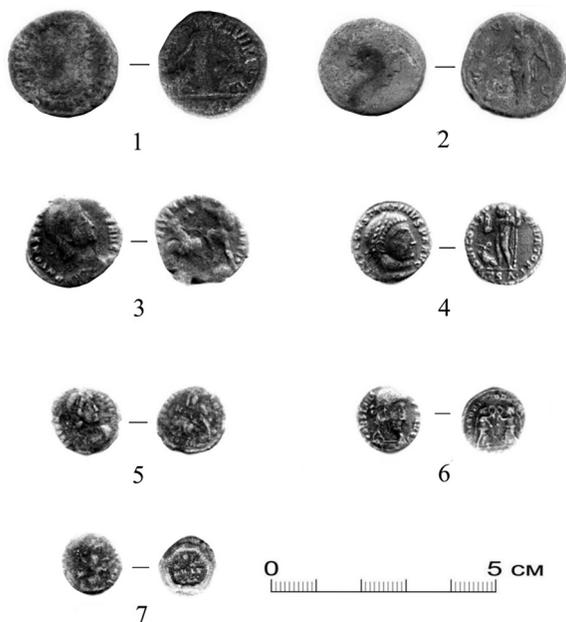

Рис. 6. Поселение Горка 2. Клад римских монет

В клад входили (рис. 6: 1–7 в порядке номеров)⁶:

1. сестерций Траяна Деция, Виминакий, Мезия (249–251 гг. н. э.);
2. сестерций Фаустины Старшей (Антонин Пий) (Рим, после 141 г.);
3. нумм Константина II (337–361 гг.) по определению М. Г. Абрамзона, или Констанция II (337–361 гг.) по определению П. Белиена;
4. нумм Константина I, Фессалоники (317–318 гг.);
5. нумм Константина II, Константинополь (337–361 гг.) по определению М. Г. Абрамзона, или Констанция II по определению П. Белиена;
6. нумм Константа, Фессалоники (347–348 гг. н. э.) по определению М. Г. Абрамзона, или Констанция II (337–361 гг.), или Константа (337–350 гг.) по определению П. Белиена;
7. нумм Константина II (?), Фессалоники (?) (318–319 гг.) по определению М. Г. Абрамзона, или Констанция II (337–361 гг.), или Константа (337–350 гг.) по определению П. Белиена.

⁶ Определение монет производилось двумя специалистами: М. Г. Абрамзоном (Россия) и П. Белиеном (Нидерланды), которым автор статьи выражает огромную признательность.

Химический анализ металла монет пока не сделан, но в Древнем Риме сестерции, поначалу серебряная монета, в годы чеканки экземпляров из клада делались из бронзы, а нумм (нуммий) — изначально медная (бронзовая) монета мелкого номинала.

Клад датируется довольно широко — старшая монета временем от 141 г. т. е. от середины II века, младшая — серединой IV в. н. э.

Сам факт обнаружения клада **IV в. из семи римских монет на Средней Шексне** требует, конечно, дальнейшего осмысления и понимания тех обстоятельств, при которых он мог оказаться на территории, столь далёкой от мест их чеканки. Требуется также объяснение факта нахождения в одном кладе монет, большая часть которых датируется первой половиной — серединой IV в., экземпляров III в. и даже II в., речь идёт о сестерциях Траяна Деция (249–251 гг.) и Антонина Пия с изображением Фаустины Старшей (после 141 г.). Вместе с тем оказывается, что ситуация, при которой в одном кладе римских монет встречаются монеты двух и даже трёх столетий, оказывается не такой уж и редкой. В. В. Кропоткин называл такие комплексы «кладами длительного накопления»⁷. Значительный период в один-два века, разделяющий обнаруженные монеты, может объясняться долгим периодом существования сестерциев II–III вв., чеканенных в Риме и крупнейших городах империи, что отмечает и Пол Белиен, принимавший участие в идентификации клада. Это отличает их от мелкой медной монеты, выпущенной в оборот в IV–V вв. в провинции. Впрочем, возможно, конечно, и сохранение римских монет столь долгое время, как сокровища. Наиболее важным и сложным делом является выяснение обстоятельств, при которых римские монеты оказались далеко не только от мест их чеканки, но и от ближайших мест их нахождения, а на сегодня это Ока, Верхняя Волга. Географически наиболее близкая к Шексне найденная римская монета, упомянутая В. В. Кропоткиным, происходит с Мологи⁸. Нахождение римских кладов и монет в лесной зоне Европейской России давно уже вызывает споры об участии древних народов, населявших эту территорию, в торговых отношениях с далёкими центрами римской цивилизации. Шесть десятков лет назад В. В. Кропоткин допускал, что могли существовать какие-то торговые отношения с Римской империей у знати племён, живущих на значительном удалении от её границ, при которых использовались римские монеты⁹. За время, прошедшее с тех пор, количество отдельных монетных находок и даже кладов, обнаруженных в лесостепной и лесной зонах Европейской части России, выросло, но каких-то серьёзных однозначных объяснений этому

⁷ Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961. С. 19 (табл. 4).

⁸ Там же. С. 44, 46, 48.

⁹ Там же. С. 33.

*Рис. 7. Поселение Городище Череповецкого района.
Римская монета. Случайная находка*

так и не появилось. Возникает предположение о том, что нахождение монет Рима на Шексне и на Мологе в первой половине I тыс. н. э. может быть не случайным. Они могли оказаться здесь вместе с переселенцами из более южных регионов Восточной Европы, которые заселили Молого-Шекснинское междуречье в это время, о чём писал исследователь этого региона А. Н. Башенькин¹⁰. Вместе с тем нельзя исключать и то, что какие-то редкие торговые контакты населения лесного шекснинско-моложского региона с территориями, близкими к границам империи, всё же существовали. Они могли осуществляться по реке Волге, притоками которой являются Шексна и Молога. Этим можно объяснить появление в регионе украшений: бус, изделий с выемчатой эмалью, других украшений¹¹. Количество обнаруженных римских монет на Мологе и Шексне может со временем вырасти, к этому нужно быть готовым.

В начале 2022 г. в музей археологии г. Череповца поступили сведения о нахождении римской монеты на территории поселения Городище, размытого Рыбинским водохранилищем. Памятник находится в полутора десятках километров от Череповца, на бывшем левом берегу р. Шексны. Отсюда происходят коллекции подъёмного материала, содержавшие сетчатую и штрихованную керамику, умбовидную бляху, деталь плети в виде головы лося, другие вещи, относящиеся к раннему железн

¹⁰ Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности / под ред. И. В. Дубова, И. Я. Фроянова. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. С. 12, 14, 19.

¹¹ Там же. С. 16, 22 (рис. 6: 2; рис. 7: 1, 2).

веку. Монета «растворилась» в коллекции неизвестного «собирателя древностей», но имеется её фотография (рис. 7).

Таким образом, сравнительно небольшие раскопки поселения Горка 2 в среднем течении р. Шексны позволили получить и ввести в научный оборот материалы, являющиеся важными источниками для изучения сразу нескольких исторических эпох — от эпохи раннего металла до зрелого Средневековья. В результате исследования поселения Горка 2 получены важные сведения о расселении и культуре населения, осваивающего бассейн Шексны и Белого озера в раннем железном веке, а также в раннем Средневековье — во II половине I тыс. н. э., во время, остающееся для исследователей Русского Севера во многом «тёмными веками». Кроме того, поселение Горка 2 остаётся ещё одним важным археологическим источником изучения древнерусской колонизации берегов Шексны и Белого озера и их притоков.

Список источников и литературы

1. *Башенькин, А. Н.* Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. / **А. Н. Башенькин** // Проблемы истории Северо-Запада Руси (Славяно-русские древности) / под ред. И. В. Дубова, И. Я. Фроянова. — Вып. 3. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. — С. 3–29.
2. *Голдина, Р. Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа / Р. Д. Голдина. — Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 2004. — С. 19–54.
3. *Кропоткин, В. В.* Клады римских монет на территории СССР / В. В. Кропоткин. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — 135 с.
4. *Кудряшов, А. В.* Древности Средней Шексны X–XIV вв. / А. В. Кудряшов. — Череповец : ГОУ ВПО Череповецкий гос. ун-т, 2006. — 197 с.
5. *Кудряшов, А. В.* Исследование средневековых селищ в местности «Ирма» на Средней Шексне / А. В. Кудряшов // Археология : история и перспективы : Пятая межрегиональная конференция : сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль : Рыбинское изд-во «Рыбинский Дом печати», 2012. — С. 76–92.
6. *Макаров, Н. А.* Лепная керамика поселения Крутик / Н. А. Макаров // Голубева Л. А., Кочкуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). — Петрозаводск, 1991. — С. 129–165.

А. В. Максимо́в

Ярославль

Клад бумажных денежных знаков из Тутаевского района Ярославской области

В июле 1985 г. в посёлке Чебаково Тутаевского района Ярославской области, на чердаке дома № 55 по улице Железнодорожной, под тесовой обрешёткой был найден клад вышедших из обращения бумажных денежных знаков. Несколько недель спустя он был передан в Ярославский музей-заповедник, где получил регистрационный номер ЯМЗ-52991. Кроме состава клада и точных топографических данных, других сведений, имеющих к нему отношение, известно совсем немного. Со слов сдатчицы клада А. К. Окуневой, с 1976 г. проживавшей по адресу, где была сделана находка, можно лишь добавить, что ранее дом принадлежал Я. И. Носкову, родители которого в своё время были раскулачены.

Скрытое на чердаке сбережение включало в себя 22 денежных знака двух наименований: государственные кредитные билеты (20 экз.) и расчётные знаки РСФСР (2 экз.), а также 4 %-билет государственного казначейства с купоном (1 экз.). Кредитные билеты были представлены как денежными знаками дореволюционных образцов 1898, 1909 и 1910 гг. достоинством 1, 5 и 100 рублей (8 экз.), так и бумажными деньгами образца 1918 г. номиналом от 100 до 5 000 рублей (12 экз.). Оба расчётных знака РСФСР образца 1919 г. имели номинал 10 000 рублей. Билет государственного казначейства 1914 г., представлявший собой до Октябрьской революции ценную бумагу государственного долгосрочного кредита, по которому казначейство выплачивало ссудные проценты, был достоинством 50 рублей. Общая сумма сбережения составляла 44 664 рубля без учёта 50-рублёвого билета государственного казначейства, который, строго говоря, нельзя считать суррогатом денежного знака из-за неотрезанного купона (рис. 1 и 2).

Рис. 1.
4%-билет
государственного
казначейства.
50 рублей,
1914 г., сер. 448.
Лицевая сторона

Рис. 2.
4%-билет
государственного
казначейства.
50 рублей,
1914 г., сер. 448.
Оборотная сторона

В процессе изучения клада денежные знаки были систематизированы по факсимильным подписям должностных лиц (управляющих банком и кассиров), по сериям и номерам. Как известно, у присутствующих в кладах государственных кредитных билетов дата на протяжении всего периода выпуска не менялась и даже не совпадала с годом его начала. Это обусловило определённые сложности в атрибуции кредитных билетов дореволюционных образцов по хронологии в связи с большой продолжи-

тельностью эмиссий. Более точно датировать денежные знаки позволили обозначенные на них серии и подписи. Сведения о последовательности и взаимосвязи этих важных элементов оформления кредитных билетов были получены из каталога А. Е. Денисова¹, что сделало возможным конкретнее определить для каждого денежного знака период времени, когда проходил выпуск его серии. С учётом проведённой систематизации было составлено каталожное описаниеклада в виде таблицы, в основу которого был положен хронологический принцип распределения денежных знаков (см. Приложение).

Кредитные билеты дореволюционных образцов Чебаковского клада были выпущены при трёх российских правительствах: императорском, Временном и правительстве РСФСР — соответственно 4, 1 и 3 экз. Наиболее ранними являлись два кредитных билета номиналом 5 и 100 рублей с факсимильной подписью А. В. Коншина, управляющего Государственным банком в 1910–1914 гг. Остальные имели подпись последнего управляющего Госбанком Российской империи И. П. Шипова, факсимиле которого пережило на бумажных деньгах две революции. При Временном правительстве И. П. Шипов остался на своей должности, и на кредитных билетах по-прежнему ставилась его подпись. Она же сохранилась на кредитных билетах дореволюционных образцов, выпускавшихся Советским правительством в 1917–1921 гг., хотя 24 ноября 1917 г. И. П. Шипов уже был снят со своего поста.

До середины 1910-х гг. кредитные билеты имели двухлитерное обозначение серии и следовавший далее шестизначный номер. Для обозначения серий использовались 28 букв из русского дореволюционного алфавита, комбинации которых давали возможность образовать 784 разные литерные серии. К литерной серии добавлялся индивидуальный для каждого денежного знака номер (от 000001 до 999999). Таким образом, количество кредитных билетов в серии составляло 999 999 штук².

Этот принцип нумерации был изменён во время Первой мировой войны. В соответствии с указом от 6 декабря 1915 г., в обращение поступил кредитный билет номиналом 1 рубль, по внешнему виду полностью повторявший аналогичный денежный знак образца 1898 г., но имевший иную систему нумерации. Обозначение серии теперь состояло из двух частей: литерной — из двух букв русского алфавита и номерной — однодвух- или трёхзначной. Между литерной и номерной частями серии ставился дефис, а индивидуальный номер денежного знака отсутствовал. Кредитные билеты каждой серии выпускались тиражом в 1 миллион

¹ Денисов А. Е. Бумажные денежные знаки России 1769–1917 годов. Ч. 3. Государственные бумажные денежные знаки 1898–1917 годов. М., 2004.

² Дудолькевич А. М. Каталог-определитель российских государственных кредитных билетов 1898–1912 годов. Киев, 2004. С. 8.

экземпляров. Подписи кассиров чередовались в зависимости от последней цифры номера серии³.

Все четыре кредитных билета рублевого номинала в составе клада имеют нумерацию, введённую в декабре 1915 г. По литерно-номерным сериям можно определить, что выпущены они были разными правительствами: два денежных знака серий НА-48 и НА-116 — императорским в период с декабря 1915 по февраль 1917 г., а два других, серий НБ-318 и НБ-386 — советским в 1917–1919 гг.

Следующими в клада по старшинству номиналов являются кредитные билеты достоинством 5 рублей образца 1909 г., которые начали поступать в денежное обращение с 1 декабря 1910 г.⁴ До мая 1917 г. они имели двухлитерное обозначение серии и шестизначный номер. В клада присутствуют два 5-рублёвых кредитных билета, один из которых по факсимиле А. В. Коншина датируется 1910–1914 гг., другой, с подписью И. П. Шилова, по литерной серии ПЯ — мартом–маем 1917 г.

Старшим номиналом среди кредитных билетов клада дореволюционных образцов являются денежные знаки образца 1910 г. достоинством 100 рублей. В обращение они начали поступать с 25 октября 1911 г. Новый кредитный билет стал одним из шедевров художественного оформления денежных знаков своего времени. Автором эскизов был художник Р. Г. Заррин (Зарриныш). На билете помещён чёрно-белый портрет Екатерины II, который, как и изображение императрицы на 100-рублевых билетах двух предшествующих образцов, представлял собой гравюру с картины И. Б. Лампи Старшего, написанной в 1792 г.

На протяжении всего периода эмиссии принцип нумерации 100-рублёвых билетов образца 1910 г. оставался неизменным — двухлитерная серия и шестизначный номер. Но количество этих денежных знаков в серии было значительно меньшим, по сравнению с числом кредитных билетов в сериях младших и средних номиналов, и составляло 200 000 штук⁵. В клада присутствуют два 100-рублёвых кредитных билета дореволюционного образца. Один из них, с подписью управляющего банком А. В. Коншина, датируется 1911–1914 гг., другой, по литерной серии ЛА — советским временем, 1917–1921 гг.

В начале 1918 г., испытывая острую нехватку наличных денежных средств, Советское правительство допустило к обращению некоторые виды государственных ценных бумаг и часть купонов государственных ценных бумаг в качестве денежных суррогатов. В Чебаковском клада присутствует 4 %-билет государственного казначейства 1914 г. достоинством 50 рублей, относящийся к тем видам ценных бумаг, которые по декрету

³ Денисов А. Е. Бумажные денежные знаки России 1769–1917 годов... С. 62.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Там же.

ВЦИК от 21 января (3 февраля) 1918 г. были введены в денежное обращение наравне с кредитными билетами по обозначенному на них номиналу. Постановлением Наркомфина РСФСР от 30 мая того же года к обращению были приняты билеты государственного казначейства 423–475 серий номиналами 25, 50, 100 и 500 рублей, а также купоны этих ценных бумаг 414–475 серий со сроком погашения до 1 декабря 1917 г. Билеты указанных серий допускались к обращению с отрезанными купонами и без наложения каких-либо специальных надпечаток и штампов о хождении⁶.

У билета государственного казначейства из составаклада сохранился неотрезанным один из не допущенных в денежное обращение купонов со сроком погашения с 1 августа 1918 г. Такой билет не соответствовал критериям денежного суррогата. Теоретически шанс стать денежным суррогатом при условии удаления последнего купона он сохранял до осени 1922 г., но так и остался в своём аннулированном дореволюционном статусе государственной процентной бумаги, по которому являлся законным платёжным средством Государственному казначейству и Государственному банку в течение 10 лет по истечении срока погашения, то есть до 1 августа 1928 г.

Для постепенной замены в обороте бумажных денег политически устаревших образцов, «внешность» которых не соответствовала началам нового государственного строя России, а также для изъятия из обращения разного рода денежных суррогатов, согласно декретам СНК РСФСР от 15 мая и 21 октября 1919 г., были выпущены новые государственные кредитные билеты номиналом от 1 до 10 000 рублей. Для их изготовления были использованы проектные разработки денежных знаков, осуществлявшиеся при Временном правительстве. От этого периода бумажные деньги унаследовали государственный герб России, к началу их выпуска уже устаревший, но символизирующий собою недавние революционные события и новое республиканское устройство Российского государства: двуглавый орёл на кредитных билетах был изображён без имперских регалий. В обращение эти бумажные деньги поступили с датой «1918» и вошли в историю как государственные кредитные билеты образца 1918 г. В народе же они получили название «пятакоские», или «пятакоски» по стоящей на них подписи управляющего Г. Л. Пятакова, главного комиссара Народного банка РСФСР⁷.

В клада кредитные билеты образца 1918 г. представлены пятью номиналами. Денежные знаки достоинством 100, 250, 500 и 1 000 рублей

⁶ Денисов А. Е. Бумажные денежные знаки РСФСР, СССР и России 1917–2005 годов. Ч. 1. Государственные бумажные денежные знаки РСФСР и СССР 1917–1924 годов. М., 2004. С. 35.

⁷ Там же. С. 83–84.

имели литерно-номерную серийную нумерацию — с литерной двухзначной и номерной трёхзначной составляющими. Кредитные билеты каждой серии выпускались тиражом 1 миллион экземпляров. Подписи кассиров на денежных знаках чередовались в зависимости от двухлитерной составляющей серии и последней цифры номера. Кредитные билеты достоинством 5 000 рублей имели двухлитерное обозначение серии и шестизначный номер. Число денежных знаков в каждой серии составляло 200 000 штук⁸.

Самый крупный номинал среди бумажных денежных знаков Чебаковского клада имели расчётные знаки РСФСР. Согласно декретам СНК от 4 февраля и 21 октября 1919 г., в обращение были выпущены первые бумажные деньги с изображением государственного герба Советской республики и другими элементами оформления, соответствующими новым советским формам государственного строя России. Два первых недатированных выпуска включали в себя расчётные знаки достоинством от 1 до 60 рублей⁹, но процесс инфляции требовал эмиссии более крупных номиналов. Поэтому, согласно декрету СНК РСФСР от 4 марта 1920 г., последовал выпуск расчётных знаков достоинством от 100 до 10 000 рублей. Денежные знаки этой эмиссии имели дату «1919» и получили название расчётных знаков РСФСР образца 1919 г. Их выпуск продолжался до начала 1921 г.¹⁰ В кладе представлены два денежных знака этого наименования достоинством 10 000 рублей с факсимиле Народного комиссара финансов Н. Н. Крестинского, двухлитерным обозначением серии и шестизначным номером.

Теперь перейдём к определению покупательной способности, составляющей клад денежной суммы (44 664 рубля) на момент её скрытия. В 1920–1922 гг., когда представленные в кладе денежные знаки находились в совместном обращении, экономика Советской России была глубоко поражена гиперинфляцией. Курс золотого рубля (то есть российского рубля до августа 1914 г., когда был прекращён его свободный размен на золото) в 1-й половине 1920 г. составлял 1 633 рубля в бумажных денежных знаках, во 2-й половине того же года — 4 083, а в 1-й половине 1921 г. — 11 300 рублей¹¹. Цены росли с поразительной быстротой. Так, например, на московских рынках в январе 1920 г. розничные цены поднялись по сравнению с 1913 г. более чем в 6 тыс., а уже в декабре — в 30 тыс. раз¹². В 1921 г. пуд ржаной муки в среднем стоил 140 тыс. рублей, картошки —

⁸ Денисов А. Е. Бумажные денежные знаки РСФСР, СССР и России 1917–2005 годов. Ч. 1... С. 84.

⁹ Там же. С. 97, 105.

¹⁰ Там же. С. 109.

¹¹ Там же. С. 14.

¹² Щелоков А. А. Монеты СССР. Каталог. М., 1989. С. 13.

20 600 рублей. Чтобы проехать по Москве на трамвае одну остановку, надо было заплатить за билет 500 рублей, две остановки — 900 рублей, номер газеты «Правда» продавался за 2 500 рублей¹³.

Печатный станок не успевал за темпами инфляции. В стране остро ощущался недостаток денежных средств, даже несмотря на то, что политика военного коммунизма до крайности ограничила сферу товарно-денежных отношений. В основном, они существовали только на «вольном рынке», где под влиянием дефицита товаров и спекуляции продолжался бурный рост цен. Денежный счёт даже в личном хозяйстве вёлся на миллионы¹⁴. Находившаяся в обращении и неуклонно возрастающая суммарно денежная масса имела весьма пёстрый состав, обусловленный совместным хождением бумажных денежных знаков различных видов, образцов и выпусков.

Состав находившейся в обороте бумажно-денежной массы постепенно изменялся и обновлялся. Изменение в денежном обращении 1919–1921 гг. процентного содержания представленных в кладе видов и образцов денежных знаков приведено в таблице 1 (по данным А. Е. Денисова¹⁵).

Таблица 1. Доля денежных знаков представленных в кладе видов и образцов в денежном обращении 1919–1921 гг. (в процентах)

Виды и образцы денежных знаков	По состоянию на:					
	01.06. 1919	01.01. 1920	01.06. 1920	01.01. 1921	01.06. 1921	01.01. 1922
Кредитные билеты образцов до 1917 г.	26,5	12	5,3	2,4	1,2	0,1
Кредитные билеты образца 1918 г.	14,2	54,7	65,5	39,6	21,3	2,9
Расчётные знаки образца 1919 г.	0,6	1,5	14,8	51,5	72,6	11,8
Другие виды денежных знаков	58,7	31,8	14,4	6,5	4,9	85,2

Исходя из данных таблицы, явное преобладание в денежном обороте кредитных билетов образца 1918 г. и расчётных знаков образца 1919 г. в период их совместного обращения приходилось на середину 1920 — середину 1921 г. Именно в этих бумажных деньгах была выражена почти вся денежная сумма Чебаковского клада. Если предположить, что она рассматривалась владельцем как отложенное средство платежа, а не просто как обесцененные и необменянные в 1922 г. бумажные денежные

¹³ Щелоков А. А. Монеты СССР. Каталог. М., 1989. С. 16.

¹⁴ Там же. С. 15.

¹⁵ Денисов А. Е. Бумажные денежные знаки РСФСР, СССР и России 1917–2005 годов. Ч. 1... С. 15.

знаки, то скрытие сбережения произошло, вероятно, во 2-й половине 1920 г., когда составляющие основу клада виды и образцы бумажных денег являлись наиболее доступным тезаврационным материалом, причём расчётные знаки образца 1919 г. ещё не стали преобладающими в денежном обращении. Принимая во внимание гиперинфляцию 1920 г., можно уверенно говорить о том, что покупательная способность скрытой суммы была сравнительно небольшой. Вероятнее всего, Чебаковский клад представлял собой невостребованный денежный резерв связанного с «вольным рынком» сельского жителя.

Список литературы

1. *Денисов, А. Е.* Бумажные денежные знаки России 1769–1917 годов. Ч. 3. Государственные бумажные денежные знаки 1898–1917 годов / А. Е. Денисов. — Москва : Нумизматическая литература, 2004. — 208 с.
2. *Денисов, А. Е.* Бумажные денежные знаки РСФСР, СССР и России 1917–2005 годов. Ч. 1. Государственные бумажные денежные знаки РСФСР и СССР 1917–1924 годов / А. Е. Денисов. — Москва, 2004. — 219 с.
3. *Дудолькевич, А. М.* Каталог-определитель российских государственных кредитных билетов 1898–1912 годов / А. М. Дудолькевич. — Киев : ООО Прогресс Лтд, 2004. — 44 с.
4. *Щелоков, А. А.* Монеты СССР. Каталог / А. А. Щелоков. — Москва : Финансы и статистика, 1989. — 238 с.

Описание состава клада бумажных денежных знаков из п. Чебаково Тутаевского р-на Ярославской обл.
(ЯМЗ-52991. 23 экз.)

Государственные кредитные билеты								
№	Номинал и дата	Подпись управл.	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*	Учётное обозначение
Выпуск императорского правительствa								
1	5 рублей 1909	А. Коншин	Я. Метц	ЕЛ 927878	1910–1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-34.1	ЯМЗ-52991 / 5
2	100 рублей 1910	А. Коншин	Овчинников	ГЧ 094824	1911–1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-36.1	ЯМЗ-52991 / 8
3	1 рубль 1898	И. Шипов	Поликарпович	НА - 48	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-38.1	ЯМЗ-52991 / 3
4	1 рубль 1898	И. Шипов	Лошкин	НА - 116	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-38.1	ЯМЗ-52991 / 4
Выпуск Временного правительствa								
5	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Былинский	ПЯ 389042	Март–май 1917	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-34.2б	ЯМЗ-52991 / 6
Выпуск Советского правительствa								
6	1 рубль 1898	И. Шипов	Титов	НБ - 318	1917–1919	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-38.3	ЯМЗ-52991 / 1
7	1 рубль 1898	И. Шипов	Лошкин	НБ - 386	1917–1919	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-38.3	ЯМЗ-52991 / 2
8	100 рублей 1910	И. Шипов	Метц	ЛА 0686666	1917–1921	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-36.2в	ЯМЗ-52991 / 7
9	100 рублей 1918	Г. Пятаков	М. Осипов	АА - 164	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-7	ЯМЗ-52991 / 10
10	100 рублей 1918	Г. Пятаков	Г. де Милло	АА - 200	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-7	ЯМЗ-52991 / 11
11	250 рублей 1918	Г. Пятаков	М. Осипов	АА - 123	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-8	ЯМЗ-52991 / 12
12-13	500 рублей 1918	Г. Пятаков	Евг. Гейльман	АА - 095	1919–1921	2	Д ² .2004.Ч.1.К-9	ЯМЗ-52991 / 13-14

№	Номинал и дата	Подпись управл.	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*	Учётное обозначение
14	1 000 рублей 1918	Г. Пятаков	Галыгов	АА - 049	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-10	ЯМЗ-52991 / 16
15	1 000 рублей 1918	Г. Пятаков	М. Осипов	АА - 081	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-10	ЯМЗ-52991 / 15
16	1 000 рублей 1918	Г. Пятаков	П. Барышев	АА - 083	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-10	ЯМЗ-52991 / 17
17	5 000 рублей 1918	Г. Пятаков	Ф. Шмидт	АГ 034828	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-11	ЯМЗ-52991 / 19
18	5 000 рублей 1918	Г. Пятаков	Гаврилов	АУ 109455	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-11	ЯМЗ-52991 / 18
19	5 000 рублей 1918	Г. Пятаков	Ф. Шмидт	БВ 005707	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-11	ЯМЗ-52991 / 20
20	5 000 рублей 1918	Г. Пятаков	Ф. Шмидт	БВ 005745	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-11	ЯМЗ-52991 / 21

Расчётные знаки РСФСР

№	Номинал и дата	Подпись наркома финансов	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*	Учётное обозначение
21	10 000 рублей 1919	Н. Крестинский	А. Былинский	ВГ 176634	1920–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-12	ЯМЗ-52991 / 22
22	10 000 рублей 1919	Н. Крестинский	П. Барышев	ГВ 229754	1920–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-12	ЯМЗ-52991 / 23

4 %-билет государственного казначейства

№	Номинал и дата выпуска	Подпись управл.	Подпись директора	Серия и номер	Период обращения	Кол-во	Ссылка на каталог*	Учётное обозначение
23	50 рублей 1914	Арк. Шумакер	П. Небольсин	448 235938	1918–1922	1	Д ¹ .2004.Ч.3.КБ-22.1	ЯМЗ-52991 / 9
<i>Примечание.</i> У данного экземпляра билета государственного казначейства сохранился неотрезанным купон № 8 — один из двух купонов, не допущенных в денежное обращение.								

* 1. Денисов А. Е. Государственные бумажные денежные знаки 1898–1917 годов // Бумажные денежные знаки России 1769–1917 годов. Ч. 3. М., 2004; Он же. Государственные бумажные денежные знаки РСФСР и СССР 1917–1924 годов // Бумажные денежные знаки РСФСР, СССР и России 1917–2005 годов. Ч. 1. М., 2004.

Д. Ф. Попознев

Ярославль

Сакральная топография дотонзовьского Ярославля

Начальная история Ярославля в письменных источниках отражена крайне скудно, хотя в последние годы её существенно дополнили археологические исследования¹. В этих условиях для реконструкции явлений и событий прошлого, прямо не предъявленных источниками, помогает «смена оптики». Так, изучение известия о пожаре 1221 г. показало, что этой записью зафиксирован новый статус города и его политическая субъектность². Ярославль, впервые упомянутый под 1071 г. как маркёр обширной местности на пространстве от Суздаля до Белоозера с закладкой в нём «града» (крепости), княжьего двора, Успенского собора (1215 г.)³ и Спасо-Преображенского монастыря (1216 г.)⁴, превратился в начале XIII в. в административный и религиозный центр территории, впоследствии Ярославского княжества, т. е. в *город*.

¹ Аграфонов П. Г., Праздников В. В., Спиридонова Е. В. История ярославской археологии. М.: Квадрига, 2009. С. 182; Эгзоватова А. В. Исследования Ярославской экспедиции Института археологии РАН 2004–2013 гг. // Археология: история и перспективы: Шестая межрегиональная конференция: сборник статей. Ярославль, Рыбинск, 2014. С. 257, 263; Гайдуков П. Г., Эгзоватова А. В. Вислые печати из раскопок в Ярославле // Российская археология. 2016. № 1. С. 60–69; Эгзоватова А. В. Рубленный город Ярославля в домонгольский период по данным археологии // Древняя Русь. М., 2019. № 4. С. 91–111.

² Попознев Д. Ф. Пожар Ярославля 1221 года // XVII Тихомировские краеведческие чтения: 2019 – Год театра в России: материалы научной конференции. Ярославль, 19–20 ноября 2019 года. Ярославль, 2021. С. 61–72; Он же. Кем, когда и зачем был основан город Ярославль // Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия: сборник материалов XII Международной научно-практической конференции, Ярославль, 4–5 марта 2021 г. Ярославль, 2021. С. 31–34.

³ ПСРЛ. Т. 7. С. 119; М., 2000. Т. 10. С. 69. Освящён в 1224 г. (ПСРЛ. Т. 10. С. 88).

⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 69; Т. 24. С. 87; Т. 25. С. 114.

Между сообщением летописи 1152 г. о Ярославле как «малом градке», который без внешней помощи не мог противостоять нападению болгар, и известием о пожаре 1221 г., в котором пострадало 17 храмов, лежит период динамичного городского развития, когда рост поселения сопровождался не только храмовым строительством, но и становлением городской инфраструктуры в целом. Представляется возможным пойти по пути реконструкции сакральной топографии Ярославля этого периода, полагая, что она была «задана» определённой логикой основания и развития города.

Под сакральной топографией мы понимаем места расположения храмов и их посвящение, крестные ходы, места явления, обретения и расположения святых, иные публичные пространства, связанные с религиозным культом, а также отражение в городском пространстве общехристианских, в первую очередь иерусалимских и константинопольских⁵, аллюзий. Настоящая работа предлагает гипотезу о том, какие храмы *могли* существовать в Ярославле в начале XIII в.

Тема сакральной топографии христианских городов имеет обширную историографию⁶. Но Ярославль комплексно и последовательно с этой точки зрения не изучался. Если исключить описания ярославских храмов XVIII — начала XX в., которые в настоящее время выступают в качестве источников по теме, то исследований немного. На основе преимущественно археологических данных и поздних источников Л. М. Иванов выявил в домонгольском городе «богородичный пояс» с его градозащитной функцией⁷. Т. В. Юрьева говорит о «сакральном тексте» города, понимая под этим широкий круг явлений⁸ и нередко опираясь не на факты истории, а на местные легенды. Оба автора фиксируют своё внимание на длительном временном отрезке. В этих работах слишком много допущений, что не позволяет верифицировать полученные результаты. Между тем, значимым итогом этих работ можно считать, что в сакральной топографии Ярославля определённо просматривается некоторая её изначальная *заданность*. Поэтому тем более необходимо рассмотреть её в историческом развитии.

⁵ В той связи, что градостроительство в христианских городах восходит к первообразу — Небесному Иерусалиму. См., напр.: *Данилевский И. Н.* Герменевтические основы изучения летописей. Повесть временных лет. СПб., 2019. Изд. 2-е. С. 305–306.

⁶ См., напр.: Иерусалим в русской культуре. М., 1994; Сакральная топография средневекового города. М., 1998. (Известия Института христианской культуры. Т. 1.); Три христианские столицы. Топография и политика. М., 2000.

⁷ *Иванов Л. М.* Град, хранимый Богородицей (материалы к идейно-символическому плану средневекового Ярославля) // Русская православная церковь: история и культура: тезисы научной конференции. Углич, 24–25 мая 2007 г. Углич, 2001. С. 4–17.

⁸ *Юрьева Т. В.* Сакральный текст средневекового Ярославля // Ярославский текст в пространстве диалога культур. Ярославль, 2014. С. 26–36.

Известия о количестве храмов средневекового Ярославля — 17 храмов в летописи под 1221 г., 40 в описи 1614 г.⁹, 28 в описи 1630 г.¹⁰ и 30 в Сказании о пожаре 1658 г.¹¹ — указывают на некоторую устойчивость их количества и распределения в городском пространстве. Поскольку границы Ярославля XVII в. в основном совпадали с границами домонгольского периода, когда определилась площадь города и сформировалась его пространственная структура¹², можно говорить об экстраполяции поздних данных на интересующий нас период рубежа XII–XIII вв.

Для целей нашего исследования неизбежно привлечение поздних источников, где упоминаются древние ярославские храмы, и принятие презумпции, что дошедшие до наших дней известия о древних храмах и сохранившиеся храмы расположены в местах их первоначального основания.

Для реконструкции сакральной структуры домонгольского Ярославля взяты следующие предпосылки:

- 1) сакральная топография центральной части Ярославля сформировалась в основном в домонгольское время на рубеже XII–XIII вв.;
- 2) основание первых храмов должно было соответствовать общей тенденции храмового строительства (храмового посвящения) Древней Руси X — начала XIII вв.;
- 3) посвящение первых храмов Ярославля было обращено к главным персонажам (Христос, Богородица, пророки, апостолы) и главным событиям церковной истории (дванадцатые праздники), а также к культам первых русских святых.

Пока мы ограничиваемся средневековыми данными и периодом до конца XVII в. Это не исключает, что более поздние известия могут существенно дополнить или скорректировать общую картину, если окажется, что заложенное изначально *правило* действовало на протяжении последующих веков.

⁹ Перечневая опись города Ярославля 1630 г. // ЯГВ. Ч. неофиц. 1861. С. 271.

¹⁰ Там же. С. 3–346.

¹¹ Сказание вкратце о бывшем пожаре города Ярославля / Публ. М. А. Салминой // ТОДРЛ. Т. 21. М.; Л., 1965. С. 322–326.

¹² Для целей нашего исследования под границей домонгольского города понимается линия Земляного города, в прошлом называемая «острогом», «большой осыпью» и т. п., ныне — Первомайская улица и Первомайский бульвар центра города. Согласно данным археологии, на рубеже XII–XIII вв. городской посад занимал территорию в границах Земляного города и даже отчасти выходил за неё. См. об этом: *Аграфонов П. Г., Праздников В. В., Спиридонова Е. В.* История ярославской археологии... С. 182; *Энговатова А. В.* Исследования Ярославской экспедиции Института археологии РАН 2004–2013 гг. С. 257, 263.

Аналогичную картину даёт археологическое исследование древнего Ростова. В начале XI в. город оформился в границах, которые в основном совпадают с границами XVII в. См.: *Леонтьев А. Е.* Некоторые данные о топографии Ростова X–XIV вв. (по материалам археологических исследований) // ИКРЗ. 1994. Ростов, 1995. С. 36–41.

Для проверки гипотезы из перечня известных храмов исключены постройки далеко за пределами Земляного города (например, ц. Вознесения, Иоанна Предтечи в Толчкове или Петропавловский монастырь и др.) и церкви, точно основанные позднее начала XIII в. Таким образом, дополнительно к датированным Успенскому и Спасо-Преображенскому соборам рассмотрению подлежат храмы в черте Земляного города и рядом с городским валом:

1. Церковь Иоанна Златоуста в кремле. Время основания не установлено. Известна с 1646 г.¹³

2. Ильинско-Тихоновская церковь в кремле. Древнейшее известие о храме относится к 1681 г.¹⁴ Но местная традиция, восходящая к Сказанию об основании Ярославля, составленному, вероятно, в XVIII в. и известному лишь по публикации 1874 г., датирует храм началом XI в. и связывает с именем Ярослава Мудрого¹⁵.

3. Церковь Леонтия Ростовского. Первое упоминание храма относится к 1608 г.¹⁶ Не вполне ясно, о каком храме идёт речь, так как церковь с таким названием была в Земляном городе за Афанасьевским монастырём¹⁷, а 1680-ми гг. обычно датируется строительство каменного Леонтьевского храма на ярославском подворье Ростовского архиерейского дома¹⁸. С учётом древности культа св. Леонтия и расположения храма в самом центре города рядом с Успенским собором и бывшим княжим двором есть основания предполагать раннюю датировку: может быть, XII или XIII в. в период складывания культа первого святого Северо-Восточной Руси.

4. Церковь Николая чудотворца в кремле (Николы Рубленого) впервые упомянута под 1646 г.¹⁹ Косвенно в пользу раннего основания говорит сам факт расположения в древнейшей части города, которая носила название Никольской²⁰ сотни.

5. Церковь Бориса и Глеба. Первое известие о храме в Житии ярославских князей Василия и Константина относится к 1501 г. Обрётённые после пожара Успенского собора мощи святых были временно помещены

¹³ Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Изд. 2-е. Ярославль, 2008. С. 61. Далее ссылки по истории храмов приводятся преимущественно на это издание, где наиболее полно и компактно собран материал по теме. К сожалению, Тамара Александровна оформила справочный аппарат таким образом, что обращение к исходникам затруднено. Зная исключительную добросовестность автора, я [Д. Ф. Полознев — прим. ред.] проводил проверку в некоторых необходимых случаях.

¹⁴ Там же. С. 55.

¹⁵ См. подробнее: Мейерович М. Г. К вопросу о времени основания города Ярославля // Краеведческие записки. Ярославль, 1960. Вып. 4. С. 5–24.

¹⁶ Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля... С. 153.

¹⁷ Там же. С. 152.

¹⁸ Там же. С. 69–70.

¹⁹ Там же. С. 63.

²⁰ Также называемой Городовой сотней.

«в храм Живоначальные Троицы, святых великих страстотерпецъ Бориса и Глеба, в болшем граде на Волге на бреге»²¹.

В этом сообщении можно видеть как указания на два храма — Троицы и Бориса и Глеба, так и на один Троицкий с соответствующим приделом. Мы склонны видеть два отдельно стоящих храма, расположенных в кремле или на границе кремля и Земляного города. Троицкая церковь позднее упомянута в связи с обретением Смоленской иконы в 1654 г.: *«Бе же тогда стояще близъ соборныхъ церкве некая древяная пустая церковь безъ пения отъ давнихъ летъ во именованіе святыхъ и живоначальныхъ Троицы»²².* А самостоятельный Борисоглебский храм за пределами Рубленого города возле Волжской башни известен на протяжении длительного времени²³. Правда, в истории этого храма есть эпизод 1656 г. с устройством каменного храма с главным Троицким престолом и двумя приделами: Бориса и Глеба и Иоанна Богослова, что вновь отсылает нас к более ранним и не вполне согласуемым между собой известиям о посвящении и местонахождении этих храмов²⁴.

Тем не менее, в пользу раннего основания храма говорит тот факт, что почитание Бориса и Глеба стало одним из первых культов домонгольской Руси. Храм с таким же посвящением был заложен князем Константином на его дворе в Ростове в 1215 г.²⁵, поддерживая новую тенденцию устройства борисоглебских храмов.

6. Церковь Флора и Лавра у Фроловских ворот с приделами Николая Чудотворца и Владимирской церкви известна с 1646 г.²⁶

7. Церковь Михаила Архангела. В первой редакции Жития князей Василия и Константина (XVI в.) сообщение о строительстве ростовским князем Константином церкви Михаила Архангела относится к 1215 г.²⁷ Согласно же Житию Фёдора Чёрного в редакции Степенной книги середины XVI в., храм был основан женой князя Фёдора Чёрного по-

²¹ Успенский собор в Ярославле. Ярославль, 2007. С. 188.

²² Сказание об обретении чудотворной иконы пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии, Одигитрии называемыя Смоленския, принадлежащей Ярославскому Успенскому собору // ЯЕВ. Ярославль, 1872. Часть неофиц. № 41. С. 330. Безымянный деревянный храм возле собора упоминается и в Описи 1630 г. Нет оснований не видеть в нём тот же самый Троицкий храм (Перечневая опись города Ярославля 1630 года // ЯГВ. 1861. Часть неоф. С. 257).

²³ Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля... С. 155–156.

²⁴ Т. А. Рутман датирует ц. Бориса и Глеба началом XIII в. (Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. С. 155). Но ссылка автора на Никоновскую летопись не подтверждается (ПСРЛ. Т. 10. С. 87).

²⁵ ПСРЛ. Т. 10. С. 67.

²⁶ Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля... С. 157.

²⁷ Клосс Б. М. Святыни Ярославского Успенского собора в житийном сборнике XVI века // Успенский собор в Ярославле. Ярославль, 2007. С. 184.

сле его второго вокняжения в Ярославле, т. е. в конце XIII в.²⁸ В пользу удревнения датировки говорят аналоги: посвящение ряда храмов Михаилу Архангелу в домонгольский Руси²⁹ и постройка храма Михаила Архангела Константином на княжеском дворе в Ростове в 1208 г.³⁰ Предложенная Л. М. Ивановым логика градозащитного пояса, где расположение Михайловского храма связано с городскими воротами ростовского направления, косвенно поддерживает версию его раннего основания.

8. Церковь Козьмы и Дамиана. Упомянута в Описи 1630 г.³¹

9. Церковь Ильи Пророка (Покрова). Первое упоминание — в 1577 г.³²

10. Церковь Николая Чудотворца (Николаы Надеина), она же первоначально Благовещения, на волжском берегу. Есть неподтверждённое источниками известие о пожаре храма в 1536 г.³³ А вкладная надпись на евангелии 1575 г. датирована 1576/76 г.³⁴

11. Церковь Рождества Христова. Самое раннее известие связано с событиями осады Ярославля тушинцами в 1609 г. в Сказании об иконе Казанской Богоматери³⁵.

12. Церковь Варвары Великомученицы. Неподтверждённые данные относят основание храма к XIV в., а первое известие содержится в Описи 1630 г.³⁶

13. Церковь Всех Святых. Первое известие — в переписи 1646 г.³⁷

14. Церковь Сретения Господня. Первое известие — в переписи 1646 г.³⁸ Часть центра города в XVII в. носила название Сретенской сотни, что косвенно указывает на древность местности, а, значит, и храма, давшего имя территории.

15. Монастырь Афанасия и Кирилла. Известен со времени не позднее рубежа XVI–XVII вв.³⁹

²⁸ Ленхофф Г. Князь Феодор Чёрный в русской истории и культуре. Исследование и тексты. М.: СПб., 2019. С. 234–235.

²⁹ Переяславль (ПСРЛ. Т. 7. С. 23, 25, 33); Собор Выдубецкого монастыря (1070–1088) (ПСРЛ. Т. 7. С. 12); Собор Златоверхого монастыря в Киеве (ПСРЛ. Т. 7. С. 21) и др.

³⁰ ПСРЛ. Т. 10. С. 59.

³¹ Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля... С. 103.

³² Там же. С. 107.

³³ Там же. С. 123.

³⁴ Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493–1652 гг.): каталог. Ярославль; Ростов, 2004. С. 36. № 8.

³⁵ Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля... С. 129.

³⁶ Там же. С. 137.

³⁷ Там же. С. 145.

³⁸ Там же. С. 145.

³⁹ Там же. С. 383.

16. Церковь Воскресения Христова. Отмечена впервые в Описи 1630 г. Но местная традиция относит её к «древнейшим временам»⁴⁰.

17. Церковь Николы Бельского. Известна по переписи 1646 г.⁴¹

18. Церковь Спаса на Городу. Неподтверждённые известия относят основание храма к XIII в.⁴² Упомянут в Описи 1630 г.⁴³

19. Церковь Симеона Столпника за городским валом. Первое упоминание — в Описи 1630 г.⁴⁴

20. Церковь священномученика Власия (Троицкая). Согласно местной традиции, восходящей к Сказанию об основании Ярославля, храм основан в начале XI в. Первые документальные известия относятся к 1609 г.⁴⁵

21. Церковь Рождества Богородицы. Неподтверждённые источниками сведения говорят об основании храма в XIV в. Самое раннее известие связано с событиями осады Ярославля тушинцами в 1609 г. в Сказании об иконе Казанской Богоматери⁴⁶.

22. Церковь Богоявления. Согласно местной традиции, храм основан в начале XI в. Первые документальные известия относятся к началу XVI в.⁴⁷

23. Церковь Входа Господня в Иерусалим в Спасском монастыре. Неподтверждённые источники (утраченная рукопись Успенского собора) и Житие князей Василия и Константина (XVI в.) относят основание храма к 1218 г.⁴⁸ При этом в известии о закладке и освящении храма фигурирует имя владимирского епископа Симона, а не ростовского Кирилла⁴⁹, что было бы логичнее и не противоречило раскладу церковно-политических сил в ростовском княжестве в начале XIII в. Усомниться в точности житийного текста заставляют и иные детали, которые не согласуются с известиями других источников⁵⁰.

⁴⁰ Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля... С. 93.

⁴¹ Там же. С. 154.

⁴² Там же. С. 85.

⁴³ Перечневая опись города Ярославля 1630 года // ЯГВ. 1861. Часть неоф. С. 251.

⁴⁴ Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля... С. 181.

⁴⁵ Там же. С. 175.

⁴⁶ Там же. С. 173.

⁴⁷ Там же. С. 165. С. В. Блажевская, занимавшаяся историей храма, уверенно считает временем основания XVI в. Выражая признательность коллеге за ознакомление с рукописью статьи и высказанными замечаниями, оставляю под вопросом информацию о дате основания этого храма, имея в виду условную «таблицу Менделеева» (см. далее), которая может указывать вероятные направления проверки известий.

⁴⁸ Успенский собор в Ярославле... С. 187; Ярославский Спасо-Преображенский монастырь. Ярославль, 2017. С. 16.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 10. С. 69.

⁵⁰ Например, отождествление ярославского князя Всеволода с его дедом Всеволодом Большое гнездо, а князя Константина, мощи которого были обретыны в 1501 г., с ростовским князем Константином Всеволодовичем и др. См. об этом: Кюсс Б. М. Святыни Ярославского Успенского собора в житийном сборнике XVI века // Успенский собор в Ярославле. Ярославль, 2007. С. 183.

24. Церковь Введения в Спасском монастыре. Известна под 1629 г.⁵¹

25. Церковь Происхождения Честных Древ Креста Господня в Спасском монастыре. Известна под 1629 г.⁵²

26. Церковь Параскевы Пятницы в Спасской слободе. Известна под 1620 г.⁵³

27. Церковь Христофора в Спасской слободе. Известна под 1620 г.⁵⁴

28. Церковь Рождества Христова в Спасской слободе. Известна под 1620 г.⁵⁵

Таким образом, за отсутствием точных датировок эти 28 храмов⁵⁶ можно рассматривать как *предположительно* основанные в домонгольский период.

Точные даты Успенского собора и Спасского монастыря служат важнейшими знаками той тенденции, которая была в основе первоначального замысла городского храмового посвящения. И в первую очередь они говорят о наличии осознанного плана, а не случайного выбора исходной точки основания города.

Успенские храмы были построены во многих домонгольских городах как городские или монастырские соборы⁵⁷. Основание в паре с Успенским Спасо-Преображенского собора (монастыря) также было распространённой практикой⁵⁸, восходящей к деяниям князя Владимира. Приняв христианство, он призвал греческих мастеров для постройки храма Богородицы⁵⁹, а после победы над печенегами в праздник Преображения заложил в честь этого события церковь⁶⁰.

⁵¹ Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля... С. 312.

⁵² Там же.

⁵³ Жалованная грамота 1620 года «Об уравнении ловецких крестьян, водворившихся в Ярославле, с посадскими ярославскими людьми во всех податях и повинностях» // ЯГВ. 1856. № 47. С. 483.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Для некоторого упрощения монастыри, если сведений о количестве храмов в них нет, считаются за один храм. Судя по всему, в древности монастыри также считали за единицу без учёта числа храмов и престолов в них.

⁵⁷ Владимир (ПСРЛ. Т. 9. С. 64, 211, 220; Т. 10. С. 1, 32, 33); Владимир Волынский (ПСРЛ. Т. 9. С. 229); Киев (ПСРЛ. Т. 9. С. 65, 66, 115, 157); Нижний Новгород (ПСРЛ. Т. 10. С. 97); Новгород (ПСРЛ. Т. 9. С. 150, 168, 198); Ростов (ПСРЛ. Т. 9. С. 230); Смоленск (ПСРЛ. Т. 9. С. 137); Суздаль (ПСРЛ. Т. 9. С. 248; Т. 10. С. 87); Тмутаракань (ПСРЛ. Т. 9. С. 78).

⁵⁸ Белгород (ПСРЛ. Т. 9. С. 66); Берестов (ПСРЛ. Т. 9. С. 208); Василев (ПСРЛ. Т. 9. С. 66); Владимир (ПСРЛ. Т. 9. С. 221); Муром (ПСРЛ. Т. 9. С. 128); Нижний Новгород (ПСРЛ. Т. 10. С. 88); Новгород (ПСРЛ. Т. 9. С. 242; Т. 10. С. 20, 21, 31, 32); Переславль (ПСРЛ. Т. 9. С. 196–197); Псков (ПСРЛ. Т. 9. С. 207); Руся (ПСРЛ. Т. 10. С. 20); Семьинь (ПСРЛ. Т. 9. С. 245); Суздаль (ПСРЛ. Т. 9. С. 209); Чернигов (ПСРЛ. Т. 9. С. 79, 107, 189, 215).

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121–122.

⁶⁰ Там же. Т. 1. Стб. 125.

Таким образом, выбор князем Константином этой пары храмов для основания своей новой княжеской резиденции определялся сложившимся к тому времени *правилом*. В этом почине *правильным* было не только основание храмов с соответствующим посвящением, но и основание их *князем*. Если закладка городского соборного храма ещё могла относиться к его компетенции как местного правителя, то учреждение монастыря более подобало бы духовным властям. Но в нашем случае монастырь основал именно князь. И в дальнейшем ярославский Спасо-Преображенский монастырь известен как «княжеский». Он находился под покровительством местных князей, получал от них большие пожертвования, служил пристанищем престарелых представителей княжеских родов и княжеской усыпальницей. Вероятно, Константину в тот момент важно было ещё и обеспечить себе опору в церковной среде. Известие о закладке Спасо-Преображенского храма в Ярославле следует за сообщением о кончине ростовского епископа Пахомия, ставленника Константина, и о поставлении на Ростов инока Кирилла из Суздаля⁶¹. Церковно-политические обстоятельства в данном случае служили дополнительными к основному *правилу*, отнюдь не нарушая, а, напротив, поддерживая и усиливая его.

Если согласиться, что с закладкой крепости («града»), собора, монастыря и княжьего двора Константин определил основную инфраструктуру сакральной топографии города, то, чтобы увидеть, каким ещё *правилом* мог он руководствоваться, обратимся к практике храмового посвящения на Руси X — начала XIII в. Она ясно показывает, что в основе сакральной топографии лежали посвящения общехристианским праздникам и святым. И это вполне ожидаемо, т. к. своей сакральной темы Древняя Русь ещё не выработала. Лишь с середины XII в. стали появляться храмы в честь местных святых Бориса и Глеба. Ограниченность известий о храмовых посвящениях не позволяет делать далеко идущие выводы. Но можно предположить, что первым этапом сакрализации городского пространства христианского города должна была стать разметка его по двенадцатым праздникам и празднику Воскресения Христова как опорным фазам годового богослужебного цикла.

Так, при наложении на сетку двенадцатых праздников списка ярославских храмов выясняется, что почти все они имеют «свой» храм в городе или в некотором отдалении от центра (табл. 1).

Отсутствие некоторых храмов может объясняться состоянием источников. Так, Троицкая церковь в кремле исчезла, видимо, ещё в XVII в. Нередко обиходное название храма перекрывало изначальное посвящение: например, главный престол ц. Николая Надеина — Благовещенский, Троицкая за валом больше известна как Власьевская. С другой стороны, некоторые культы, включая двенадцатые праздники, в разное время

⁶¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 69.

Таблица 1. Престолы двенадцатых праздников

<i>Праздник</i>	<i>Храм/престол в Ярославле</i>	<i>Примечание</i>
Рождество Богородицы — 8 сентября	Рождества Богородицы	За пределами «града», у стен Спасского монастыря
Воздвижение — 14 сентября	Воздвижения	Довольно далеко за пределами Земляного города
	Происхождения Честных Древ Креста Господня	Престол в ц. Спаса на городу и ц. в Спасском монастыре. См. об этом далее
Введение во храм Пресвятой Богородицы — 21 ноября	Введения в Спасо-Преображенском монастыре	
Рождество Христово — 25 декабря	Рождества Христова на Волжском берегу	
	Рождества Христова в Спасской слободке	
Крещение (Богоявление) — 6 января	Богоявления	За городской крепостью
Сретение Господне — 2 февраля	Сретения	
Благовещение — 25 марта	Благовещения (Никола Надеина)	За обиходным названием скрыто иерархически более высокое посвящение двенадцатому празднику
	Благовещения	Далеко за пределами Земляного города
Вход Господень в Иерусалим — ближайшее воскресенье перед Пасхой	Входа во Иерусалим в Спасо-Преображенском монастыре	
Вознесение Господне — 40-й день после Пасхи, четверг 6-й седмицы после Пасхи	Вознесения	Довольно далеко за пределами Земляного города
Троица — 50-й день после Пасхи, 8-е воскресенье после Пасхи	Троицкая (Власьевская)	За пределами Земляного города, но у границы «острога». За обиходным названием скрыто более высокое посвящение
	Троицкий храм близ Успенского собора	
Преображение — 6 августа	Спасо-Преображенский собор (монастырь)	
Успение — 15 августа	Успенский собор	

могли быть «забыты» или, напротив, актуализированы, и, соответственно, посвящённые им храмы могли исчезать, не оставив свидетельств существования, или появляться позже. При этом новые или возобновлённые храмы, вероятно, дополняли или воспроизводили «каркас» сакральной инфраструктуры, заложенной ранее. Если принять эту гипотезу, то известия о ранних храмовых посвящениях будут находиться, поскольку такая своего рода «таблица Менделеева» ориентирует на выявление и оценку свидетельств, на которые ранее не обращали внимания.

Таким образом, в числе 17 храмов, существовавших в 1221 г., к двум известным⁶² можно при исключении дальних загородных построек добавить ещё восемь из состава двенадцатых праздников.

Это:

1. Благовещения (Николы Надеина);
2. Богоявления;
3. Введения Богородицы;
4. Входа во Иерусалим;
5. Рождества Богородицы;
6. Рождества Христова;
7. Сретения;
8. Троицы (в кремле).

Из оставшихся —

1. Бориса и Глеба;
2. Варвары Великомученицы;
3. Воскресения Христова;
4. Всех Святых;
5. Ильи Пророка (Покрова);
6. Ильинско-Тихоновская в кремле;
7. Иоанна Златоуста в кремле;
8. Козьмы и Дамиана;
9. Леонтия Ростовского (если считать её кремлёвской);
10. Михаила Архангела;
11. Монастырь Афанасия и Кирилла;
12. Николая чудотворца в кремле (Николы Рубленого);
13. Николы Бельского;
14. Спаса на Городу;
15. Флора и Лавра

— по косвенным признакам к домонгольскому периоду можно отнести ещё несколько храмов, руководствуясь такими критериями отбора, как: наличие *письменных*, хотя и не вполне надёжных, известий и *аналогов* в других местах.

⁶² При этом надо помнить, что Успенский собор был освящён только в 1224 г. А, значит, у нас нет уверенности, что он существовал в 1221 г. и пострадал в пожаре.

Так, в пересказе несохранившихся *письменных* источников как *очень древние* упоминаются храмы:

1. Бориса и Глеба;
2. Варвары Великомученицы;
3. Воскресения Христова;
4. Ильинско-Тихоновской в кремле;
5. Козьмы и Дамиана;
6. Михаила Архангела;
7. Спаса на Городу;
8. Флора и Лавра.

Аналоги храмового посвящения Николаю Чудотворцу⁶³, Козьме и Дамиану⁶⁴, Илье Пророку⁶⁵, Всем Святым⁶⁶, Воскресению Христову⁶⁷, Кириллу⁶⁸, Варваре Великомученице⁶⁹ находятся в городах домонгольской Руси. Хотя нами не найдено сведений о церквях Иоанна Златоуста и Флора и Лавра, исключить их из рассмотрения не следует, т. к. они относятся к общехристианским культам, которые могли иметь места почитания в ранний период истории Ярославля.

Особо следует сказать о престолах, посвящённых Происхождению Честных Древ Креста Господня в ц. Спаса на Городу и в Спасском монастыре. Возможно, они восполняют отсутствующую в нашем списке храмов, посвящённых двенадцатым праздникам, Крестовоздвиженскую церковь.

Культ Креста определённо занимал важное, если не сказать центральное, место в религиозном мировоззрении князя Константина в контексте его патрональной связи с Константином Великим⁷⁰. Так, ц. Воздвижения была заложена им во Владимире 6 мая 2017 г. в канун Явления Креста Господня в небе над Иерусалимом и в поминовение явления Креста византийскому

⁶³ ПСРЛ. Т. 7. С. 23, 31.

⁶⁴ Смоленск (ПСРЛ. Т. 9. С. 172).

⁶⁵ Смоленск (ПСРЛ. Т. 9. С. 172). По наблюдениям С. А. Салмина, ильинское посвящение принадлежит древнейшему слою сакральной топографии Древней Руси. Любопытно, что один из примеров у него — ярославский: Ильинско-Тихоновская церковь, которую местная традиция связывает с основанием города Ярославом Мудрым в начале XI в. (Салмин С. А. Престольные посвящения погостских церквей и динамика распространения клерикально-административной системы в псковской земле в конце X–XV вв. // Псков и псковская земля в истории Руси и России (X–XVII вв.). М., 2019. С. 10–35 (Вестник Университета Дмитрия Пожарского. № 2 (14)).

⁶⁶ Новгород (ПСРЛ. Т. 10. С. 23).

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Киев (ПСРЛ. Т. 10. С. 22); Новгород (ПСРЛ. Т. 10. С. 23).

⁶⁹ Новгород (ПСРЛ. Т. 10. С. 81).

⁷⁰ Полознев Д. Ф. Пожар Ярославля 1221 года // XVII Тихомировские краеведческие чтения : 2019 — Год театра в России : материалы научной конференции. Ярославль, 19–20 ноября 2019 года. — Ярославль, 2021; *Он же*. Военно-политические и религиозно-символические аспекты основания города Ярославля ростовским князем Константином Всеволодовичем (в печати).

императору. А следом в летописи помещено известие о пришествии полоцкого епископа с дарами из Константинополя⁷¹. Силой Креста был спасён от пожара княжий дворец в пожаре Ярославля 1221 г.⁷² И особенно значительным представляется соединение в одном блоке ряда летописных известий о событиях 1217–1218 гг. в конце правления Константина: закладка и затем скорое освящение Крестовоздвиженского храма во Владимире, визит епископа с дарами из Царьграда, освящение ц. Бориса и Глеба в Ростове, разделение княжества между сыновьями, а в завершение — сообщение о кончине князя с посмертным панегириком ему⁷³. В этом стустке прямых сакральных указаний, знаков и аллюзий подведены итоги правления великого князя и заданы ориентиры поведения для его преемников и наследников. Может быть, именно храм, посвящённый Происхождению Честных Древ Креста Господня, должен был в градостроительном замысле Константина каким-то особым образом отметить почитание Креста в городе Ярославле.

Предложенная гипотеза о посвящении храмов древнего Ярославля служит рамочным ориентиром для изучения сакральной топографии города. Исходя из того, что роль административного и религиозного центра Ярославль стал приобретать в начале XIII в. при князе Константине, можно увидеть здесь решающее значение его личного замысла в оформлении городского пространства. На это, в частности, указывает то, какое значение он придавал темпоральной структуре своей религиозной жизни, выбирая для церемоний дни церковного календаря⁷⁴. Замысел нового города определялся комплексом представлений князя о миссии православного правителя земли, о православном граде и Константинополе как образце для подражания.

Надеемся, что дальнейшие разыскания в области ярославских древностей выявят новые свидетельства в пользу этой гипотезы. Так, одним из направлений исследований может быть сопоставление ярославских реалий с историей других домонгольских городов. Например, Нижнего Новгорода, основанного братом Константина Юрием. В деяниях Юрия как великого князя могли проявиться аналогичные религиозно-символические ориентиры, которыми руководствовался его старший брат, в силу общих условий их воспитания и жизни и политического контекста времени.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 79.

⁷² ПСРЛ. Т. 1. С. 189; Т. 4. Ч. I. С. 201; Т. 10. С. 87; Т. 18. С. 51; Т. 42. С. 111; *Полознев Д. Ф.* Пожар Ярославля 1221 года. С. 62–63.

⁷³ ПСРЛ. Т. 10. С. 79–81.

⁷⁴ *Лаушкин А. В.* Вход новопоставленного епископа Пахомия в Ростов 28 января 1215 года: выбор дня для торжественной церемонии // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. Серия II: История Русской Православной Церкви. М., 2019. Вып. 89. С. 49–66; *Он же.* Церемонии Ростовского князя Константина Всеволодовича: выбор дней // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н. С. Борисова: сб. науч. статей. СПб., 2020. С. 156–265; *Он же.* Ещё раз о дате освящения церкви свв. Бориса и Глеба в Ростове при князе Константине Всеволодовиче // ИКРЗ. 2020. Ростов, 2021. С. 130–135.

Список источников и литературы

1. *Аграфонов, П. Г.* История ярославской археологии / П. Г. Аграфонов, В. В. Праздников, Е. В. Спиридонова. — Москва : Квадрига, 2009. — 284 с., Праздников В. В., Спиридонова Е. В. История ярославской археологии.
2. *Гайдуков, П. Г.* Вислые печати из раскопок в Ярославле / П. Г. Гайдуков, А. В. Энгватова // Российская археология. — 2016. — № 1. — С. 60–69.
3. *Данилевский, И. Н.* Герменевтические основы изучения летописей. Повесть временных лет / И. Н. Данилевский. — Изд. 2-е. — Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2019. — 448 с.
4. Жалованная грамота 1620 года «Об уравнении ловецких крестьян, водворившихся в Ярославле, с посадскими ярославскими людьми во всех податях и повинностях» // ЯГВ. — 1856. — № 47, 48.
5. *Иванов, Л. М.* Град, хранимый Богородицей (материалы к идейно-символическому плану средневекового Ярославля) / Л. М. Иванов // Русская православная церковь : история и культура : тезисы научной конференции. Углич, 24–25 мая 2000 г. — Углич : Угл. ист.-худ. музей, 2001. — С. 4–17.
6. Иерусалим в русской культуре / сост. и отв. ред. А. Л. Баталов и А. М. Лидов. — Москва : Восточная литература, 1994. — 224 с.
7. Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493–1652 гг.) : каталог. — Ярославль ; Ростов, 2004. — 628 с.
8. *Клосс, Б. М.* Святыни Ярославского Успенского собора в житийном сборнике XVI века / Б. М. Клосс // Успенский собор в Ярославле. — Ярославль : Изд-во Александра Рутмана, 2007. — С. 181–194.
9. *Лаушкин, А. В.* Вход новопоставленного епископа Пахомия в Ростов 28 января 1215 года : выбор дня для торжественной церемонии / А. В. Лаушкин // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. — Серия II : История Русской Православной Церкви. — Москва, 2019. — Вып. 89. — С. 49–66.
10. *Лаушкин, А. В.* Ещё раз о дате освящения церкви свв. Бориса и Глеба в Ростове при князе Константине Всеволодовиче / А. В. Лаушкин // ИКРЗ. 2020. — Ростов, 2021. — С. 130–135.
11. *Лаушкин, А. В.* Церемонии Ростовского князя Константина Всеволодовича : выбор дней / А. В. Лаушкин // «Восстанет цесарь в опустевшей земле» : люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н. С. Борисова : сборник научных статей. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. — С. 156–265.
12. *Ленхофф, Г.* Князь Феодор Чёрный в русской истории и культуре. Исследование и тексты / Г. Ленхофф. — Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2019. — 349 с.
13. *Леонтьев, А. Е.* Некоторые данные о топографии Ростова X–XIV вв. (по материалам археологических исследований) / А. Е. Леонтьев // ИКРЗ. 1994. — Ростов, 1995. — С. 36–41.
14. *Мейерович, М. Г.* К вопросу о времени основания города Ярославля / М. Г. Мейерович // Краеведческие записки. — Ярославль, 1960. — Вып. 4. — С. 5–24.
15. Перечневая опись города Ярославля 1630 г. // ЯГВ. — Ч. неофиц. — 1861. — № 1–45.

16. Полное собрание русских летописей. Репр. изд. — Москва : Яз. рус. культуры, 1997–2004.
17. *Полознев, Д. Ф.* Военно-политические и религиозно-символические аспекты основания города Ярославля ростовским князем Константином Всеволодовичем (в печати).
18. *Полознев, Д. Ф.* Кем, когда и зачем был основан город Ярославль / Д. Ф. Полознев // Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия : сборник материалов XII Международной научно-практической конференции. Ярославль, 4–5 марта 2021 г. — Ярославль : ИП Берман, 2021. — С. 31–34.
19. *Полознев, Д. Ф.* Пожар Ярославля 1221 года / Д. Ф. Полознев // XVII Тихомировские краеведческие чтения : 2019 — Год театра в России : материалы научной конференции. Ярославль, 19–20 ноября 2019 года. — Ярославль, 2021. — С. 61–72.
20. *Рутман, Т. А.* Храмы и святыни Ярославля / Т. А. Рутман. — Изд. 2-е. — Ярославль : Изд-во Александра Рутмана, 2008. — 668 с.
21. Сакральная топография средневекового города (Известия Института христианской культуры средневековья. Т. 1). — Москва, 1998. — 63 с.
22. *Салмин, С. А.* Престольные посвящения погостских церквей и динамика распространения клерикально-административной системы в псковской земле в конце X–XV вв. / С. А. Салмин // Псков и псковская земля в истории Руси и России (X–XVII вв.). — Москва, 2019. — С. 10–35 (Вестник Университета Дмитрия Пожарского. № 2 (14)).
23. Сказание вкратце о бывшем пожаре города Ярославля / Публ. М. А. Салминой // ТОДРЛ. — Т. 21. — Москва ; Ленинград, 1965. — С. 322–326.
24. Сказание об обретении чудотворной иконы пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии, Одигитрии называемыя Смоленския, принадлежащей Ярославскому Успенскому собору // ЯЕВ. — Ярославль, 1872. — Часть неофиц. — № 41.
25. Три христианские столицы. Топография и политика / Р. Краутхаймер / пер. с англ. Л. А. Беляев, А. М. Беляева. — Москва : Алетей, 2000. — 188 с.
26. Успенский собор в Ярославле. — Ярославль : Изд-во Александра Рутмана, 2007. — 347 с.
27. *Энговатова, А. В.* Исследования Ярославской экспедиции Института археологии РАН 2004–2013 гг. / А. В. Энговатова // Археология : история и перспективы : Шестая межрегиональная конференция : сборник статей. — Ярославль ; Рыбинск, 2014. — С. 255–266.
28. *Энговатова, А. В.* Рубленный город Ярославля в домонгольский период по данным археологии / А. В. Энговатова // Древняя Русь. — Москва, 2019. — № 4. — С. 91–111.
29. *Юрьева, Т. В.* Сакральный текст средневекового Ярославля / Т. В. Юрьева // Ярославский текст в пространстве диалога культур : материалы международной практической конференции (Ярославль, 15–16 апреля 2014 г.). — Ярославль : ЯГПУ, 2014. — С. 26–36.
30. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь : к 800-летию основания обители. — Изд. 3-е, испр. и доп. — Ярославль, 2017. — 278 с.

Е. Ю. Потянская, Е. С. Антипина, А. В. Энговатова
Москва

Тутьский кремль: первые этапы жизни крепости (археозоотловическое исследование костей животных из раскопок 2019 года)

В начале XVI в. на южных рубежах Московского государства была основана крепость — Тульский кремль, ставшая центральным звеном Большой Засечной черты, первой регулярной линии обороны от набегов крымских татар. Стратегическим назначением этой крепости стала не только защита южных рубежей, но и создание форпоста для дальнейшего освоения новых земель. Так, уже через год после окончания строительства Тульского кремля в 1521 г. было присоединено Рязанское княжество¹. Дальнейшие почти полтора века существования кремля связаны с его сугубо военными оборонительными функциями; на его территории сооружаются так называемые «осадные избы», в которых жили в основном «служилые люди». В середине XVII в. граница Российского государства была отодвинута к югу на линию Белгородской засечной черты, а к концу века кремль был исключён из разряда действующих крепостей².

По мере утраты Тулой своего военного значения активная жизнь города сосредотачивается вне стен кремля. Вместе с тем, в первой половине 80-х гг. XVII в. в центральной части кремля на месте деревянного Архангельского собора, возведённого в 1626 г., был построен каменный Успенский собор³. Обветшавший за столетнее существование, этот каменный собор был

¹ Фомин К. Н. Старая Тула (XVI — начало XIX вв.) // Тульский краеведческий альманах. Вып. № 2. Тула, 2004. С. 5.

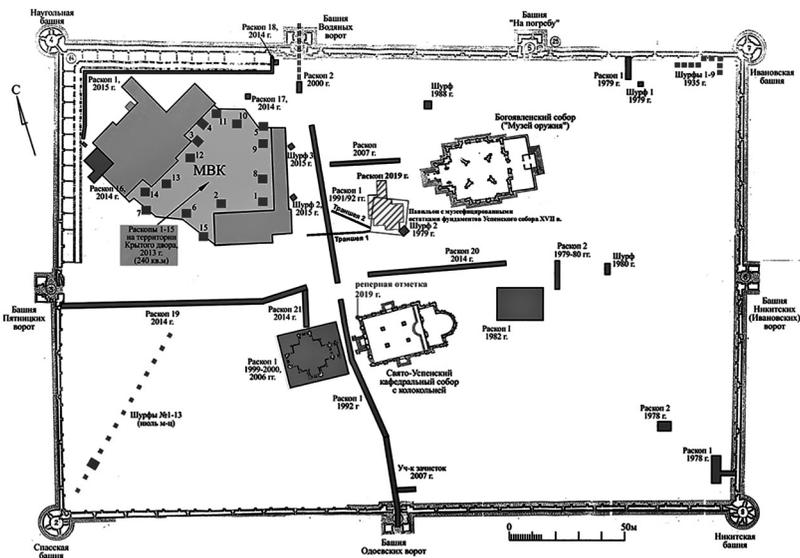
² Екимов Ю. Г. Осадные дворы Тульского Кремля XVI–XVII вв. // Тульский краеведческий альманах. Вып. 2. Тула, 2004. С. 15.

³ Лозинский Р. Р. Страницы минувшего. Тула, 2000. С. 29–32.

A

Б

Рис. 1. А – Макет застройки Тульского кремля XVII века.
Экспозиция музея «Тульский кремль».

Б – План объекта культурного наследия федерального значения
«Ансамбль Тульского кремля» с указанием мест проведения археологических раскопок.
Штриховкой обозначен участок раскопок 2019 г.

разобран, и в 1762–1767 гг. на средства тульских купцов, немного южнее был возведён новый каменный Успенский собор, значительно превосходящий первый по размерам, а площадка с фундаментами собора 1680 гг. оставалась незастроенной вплоть до современности (рис. 1). С местным купечеством связано и возведение в начале XIX в. на территории кремля каменных торговых рядов, которые в какой-то степени изменили направление жизни внутри кремлёвских стен, хотя уже во второй половине этого века половина торговых лавок была снесена из-за их антисанитарного состояния.

К XVIII в. Тула становится крупным уездным центром с мощной торгово-промышленной базой, чья сфера влияния распространялась на южную часть Центрально-промышленного района Российской империи. Местное купечество вело активную торговлю с европейскими странами, Закавказьем и Ираном⁴. Сам же кремль в это время постепенно ветшал, и его жилая территория приходила в запустение, хотя Успенский собор продолжал функционировать. Во второй половине XVIII в. тульский губернатор М. Н. Кречетников принял решение о нецелесообразности выделения средств на ремонт кремля и приказал начать разбор стен и башен для включения территории кремля в городскую структуру. Однако Тульский кремль был сохранён: в 1781 г. вышел Высочайший Указ императрицы Екатерины II о восстановлении Тульского кремля, и ремонт проводился в основном за счёт средств самого губернатора. Впоследствии идеи разобрать крепость высказывались неоднократно, однако на сегодняшний день Тульский кремль является одним из наиболее хорошо сохранившихся памятников оборонительной архитектуры Московского государства.

С 30-х гг. XX в. на территории Тульского кремля неоднократно проводились локальные археологические раскопки, общая площадь которых составила свыше 2 300 кв. м. Наиболее значительные исследования были проведены в 1999–2000 гг. и в 2006 г. на участке нахождения колокольни с «тёплой» церковью, с запада примыкавших к Успенскому кафедральному собору XVIII в. Выявленный культурный слой с остатками фундаментов колокольни содержал находки XVI–XVIII вв.⁵ В результате этих археологических работ была собрана обширная остеологическая коллекция, представленная, по предварительной оценке, костями крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи, птиц и рыб, в том числе осетровых⁶. Однако полноценного её исследования не проводилось.

⁴ Денисюк М. Тульские купцы и внешняя торговля в России в начале 60-х годов XVIII века // Тульский краеведческий альманах. Вып. 4. Тула, 2006. С. 137–138.

⁵ Екимов Ю. Г. Предметы западноевропейского импорта из культурного слоя Тульского кремля (по материалам раскопок на месте колокольни Успенского собора) // Тульский краеведческий альманах. Вып. 18. Тула, 2021. С. 77.

⁶ Екимов Ю. Г. Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999–2000 гг. // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 1. Тула, 2007. С. 83.

Новый этап археологического изучения Тульского кремля связан с раскопками на участке с фундаментами Успенского собора 1680-х гг., выполненными сотрудниками Института археологии РАН в 2019 г.: вскрыт культурный слой мощностью в 280 см на площади 199 кв. м (рис. 1: б). Стоит отметить, что, начиная со времени бытования деревянной церкви, на её территории располагалось кладбище. При раскопках 2019 г. были обнаружены могильные ямы, в том числе прорезанные фундаментом Успенского собора XVII в. Именно фундамент первого каменного собора и старое кладбище сохранили относительно непо потревоженными самые ранние культурные напластования, хотя на всей площади раскопа фиксировались разновременные перекопы.

В ходе этих раскопок был собран остеологический материал, состоящий преимущественно из кухонных отходов. Его обработка выявила любопытные факты, характеризующие не только пищевое обеспечение, но и другие направления деятельности «служилых людей» на южных границах Московского государства в XVI–XVII вв.

Введение в научный оборот результатов проведённого археозоологического исследования остеологической коллекции 2019 г. и их проекция на историческую картину жизни Тульского кремля являются основной целью данной статьи.

Материал и методы исследования

Остеологическая коллекция из раскопок 2019 г. (около 3 900 фрагментов) была собрана по пластам (мощность пласта — 20 см) и квадратам методом ручной переборки заполнения культурного слоя.

Для статистической обработки полученная совокупность костей животных разделена по стратиграфии раскопа на три условные выборки, хронологические и количественные параметры которых, в соответствии с данными по керамике и другим массовым и индивидуальным находкам⁷, выглядят следующим образом:

- выборка из пластов 1–3 (XIX — начало XX в.), 1 788 костей;
- выборка из пластов 4–5 (XVI — начало XIX в.), 752 кости;
- выборка из пластов 6–8 и ниже (XVI–XVII вв.), 1 320 костей.

⁷ Прошкин О. Л. Отчёт об археологических исследованиях (раскопки, наблюдения) на территории объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль Тульского кремля» на участке расположения фундамента Успенского собора 1640-х гг. в 2019–2020 гг. Благодарим автора отчёта за предоставление информации уже на предварительном этапе обработки археологических материалов.

Последняя выборка включает также 171 фрагмент из низлежащих пластов с погребениями XVI–XVII вв. и фундаментами Успенского собора XVII в. (отмечены на этикетках как пласт 8+, пласт 10 и пласт 12). Неатрибутированный материал (без этикетки) — 21 фрагмент, учитывался лишь в общей количественной оценке коллекции.

Хронологические рамки вскрытой достаточно мощной толщи культурного слоя охватывают почти четыре века, поэтому, несмотря на её турбированность, мы вправе ожидать, что в самых нижних пластах в наибольшем количестве сохранились материальные следы самого раннего периода жизни «служилых людей», а в самом верхнем горизонте превалирует мусор наиболее позднего времени существования Тульского кремля. Соответственно, сравнение выборок кухонных костных остатков именно из этих напластований представляет наибольший интерес как отражение пищевого рациона и других аспектов жизни обитателей кремля в соответствующие временные периоды.

Исследование остеологической коллекции проводилось по методологической схеме, разработанной и практикуемой в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН⁸. Начальная обработка включала оценку тафономической сохранности костей по пятибалльной шкале и вычисление индекса их раздробленности (количество фрагментов в объёме 1 куб. дм). Далее регистрировались общепринятые биологические характеристики: анатомическая и таксономическая принадлежность костей, возраст животных, размеры целых костей с их проекцией на конституцию конкретных особей, патологические изменения на костях и зубах. Измерения костей проводились в соответствии с методикой А. фон Дриш⁹. Возраст животных определялся по степени стёртости зубной эмали¹⁰ и стадиям развития костей скелета¹¹. Анализировалась информация о кухонной разделке туш и структуре мясного потребления. Отдельной задачей выступала фиксация следов целенаправленных манипуляций с костями животных (обработка и использование в разных сферах деятельности).

⁸ Антипина Е. Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В. И. Цалкина. М., 2004. С. 7–33.

⁹ Driesch A. von den. Guide to the Measurement of animal bones from archaeological sites // Peabody Museum Bulletins, 1. Harvard University. P. 76–77, 92–93.

¹⁰ Grant A. The use of Tooth Wear as a Guide to the Age of Domestic Ungulates // Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites. BAR (British Series) 109. Oxford. P. 91–108.

¹¹ Воккен Г. Г., Глаголев П. А., Боголюбовский С. Н. Анатомия домашних животных: учеб. пособие. Ч. 1. Система органов движения; под ред. А. И. Акаевского. М., 1961. С. 381–388.

Результаты

В количественном отношении все три выборки оказались вполне представительными (более 500 таксономически определимых фрагментов)¹², поэтому данные по ним сравнимы между собой (табл. 1). Естественная сохранность костных остатков очень хорошая — 4–5 баллов¹³, что позволило определить до вида более 76 % коллекции. Лишь незначительное количество костей имеет неудовлетворительную сохранность (2–3 балла); они обнаруживаются чаще в нижних пластах, хотя единичные фрагменты с подобной оценкой сохранности встречены и в верхних напластованиях, однако анализ особенностей их тафономического состояния показывает, что это переотложенные остатки. Индекс раздробленности слабо варьирует по выборкам (от 18 до 31) и в среднем по коллекции равен 23,8 (число фрагментов в объёме 1 куб. дм); на фоне хорошей тафономической сохранности костей такие значения достаточно типичны для средневековых поселенческих памятников, что отражает присутствие в остеологическом материале в основном кухонных отбросов.

В общем количественном объёме коллекции 96,5 % составляют кости млекопитающих, 2,8 % — кости птиц и 0,7 % — кости рыб (табл. 1).

Хотя доля костей птиц в коллекции мизерная, их абсолютное число вполне значимо — 109 экземпляров. По предварительным данным, основную её часть (до 95 %) составляют кости домашней птицы (кур, гусей и уток) и только единичные остатки диких (лебедя и глухаря). Наиболее яркой и неожиданной находкой оказались 3 кости индейки¹⁴ в разных напластованиях (пласты 3, 4 и 6). Хронологическая их привязка ещё будет уточняться, так же, как и историческая ситуация попадания этой птицы на территорию Тульского кремля. Подчеркнём, что завезённая из Центральной Америки в XVI в. на территорию Западной Европы эта экзотическая птица оставалась статусным кулинарным изыском вплоть до конца XVIII в. Время появления индейки в государствах Центральной Европы и Османской империи вызывает дискуссию, хотя обнаружение её костей при археологических раскопках в Богемии и Маравии фиксирует тот же XVI в.¹⁵ По утверждению авторов этих раскопок, большая часть этих находок происходит из поселений с подтверждённым высоким социальным статусом, в том числе церковных

¹² Антитина Е. Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). М., 2016. С. 103.

¹³ Там же. С. 106.

¹⁴ Видовая диагностика костей птиц из Тульского кремля проводится С. О. Двуреченской, сотрудницей ИА РАН, которая любезно предоставила нам предварительные данные.

¹⁵ Kysely R., Meduna P. The early history of the turkey (*Meleagris gallopavo*) in the Czech Republic // *Archaeological and Anthropological Sciences*. Vol. 11: 2019. P. 6431–6449.

**Таблица 1. Таксономическая структура и базовые параметры
остеологической коллекции Тульского кремля
(раскопки 2019 г.)**

Выборки	XVI–XVII вв. 6–8+ пласты		XVI – нач. XIX в. 4–5 пласты		XIX – нач. XX в. 1–3 пласты		ВСЕГО	
	число костей	%	число костей	%	число костей	%	число костей	%
КРС	637	48,26	386	51,33	951	53,19	1974	51,14
МРС	152	11,52	82	10,90	193	10,79	427	11,06
Свинья	163	12,35	77	10,24	87	4,87	327	8,47
Лошадь	31	2,35	5	0,66	7	0,39	43	1,11
Верблюд	1*	0,08					1	0,03
Собака	10	0,76	4	0,53	1	0,06	15	0,39
Кошка					8	0,45	8	0,21
Дикие животные	1	0,08	2	0,27	3	0,17	6	0,16
Неопределимые млекопитающие	290	21,97	174	23,14	459	25,67	923	23,91
Птицы	29	2,20	17	2,26	63	3,52	109	2,82
Рыбы	6	0,45	5	0,7	16	0,89	27	0,70
ВСЕГО	1 320	100,0	752	100,0	1 788	100,0	3 860	100,0
Параметры коллекции								
Объём костей (куб. дм)	63,5		41,5		57,1		162,2	
Индекс раздробленности	20,8		18,1		31,3		23,8	
Доля определимых фрагментов (%)	78		76,9		74,3		76,1	
Естественная сохранность в баллах	3–4		4–5		4–5		4	
* фрагмент из пласта 2 – переотложен								

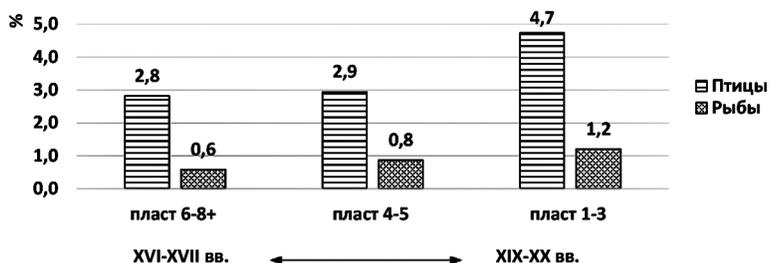

Рис. 2. Доля костей птиц и рыб в остеологических спектрах определимых остатков по хронологическому вектору (раскопки 2019 г., Тульский кремль)

и монашеских. На территории восточноевропейской равнины находки костей индейки к настоящему моменту известны лишь в г. Чебоксары¹⁶ (Чувашия) из напластований XVIII в. В письменных источниках XVII в. можно обнаружить уже чёткое разграничение экзотических птиц цесарок и индеек. На столах российской знати XVIII в. индейка неизменно была представлена в череде мясных перемен блюд. Неудивительно, что в книге Г. Н. Теплова «Птичий двор» 1774 г. даются даже подробные инструкции по содержанию индеек — «кур индейских»¹⁷. В XIX в. самые разнообразные блюда из уже привычной для всех сословий индейки предлагают практически все известные трактиры Москвы¹⁸. Учитывая эту информацию, наиболее вероятным представляется связать кости индейки в Тульском кремле с периодом активного функционирования на его территории торговых рядов XVIII в. При этом нельзя исключать и другие более ранние торговые эпизоды с южными и западными государствами.

Костные остатки рыб — самые редкие в коллекции, но при этом среди них оказалась даже чешуя крупных осетровых.

Несмотря на малочисленность остатков этих двух групп — птиц и рыб — сопоставление их доли среди определимых остатков костей (млекопитающие + птицы + рыбы) по стратиграфическим выборкам позволяет заметить тенденцию к увеличению их числа в самых верхних наиболее поздних напластованиях (табл. 1, рис. 2).

Среди определимых до вида костей млекопитающих 99,8 % — это остатки домашних животных и лишь 0,2 % представлены единичными находками костей диких животных — зайца *Lepus* sp., кабана *Sus scrofa* ferus, волка *Canis lupus* и благородного оленя *Cervus elaphus*.

¹⁶ Аськеев И. В., Галимова Д. Н., Аськеев О. В. Птицы Среднего Поволжья в V–XVIII вв. н. э. (по материалам археологических раскопок) // Поволжская археология. 2013. № 3 (5). С. 144–166.

¹⁷ Теплов Г. Н. Птичий двор. СПб., 1774. С. 48–56.

¹⁸ Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 2011.

Подавляющее большинство костей домашних животных принадлежат обычным для средневековья **копытным**: это крупный рогатый скот *Bostaurus* (далее — КРС) — 70,5 %, на втором месте мелкий рогатый скот — овцы *Ovisaries* и козы *Caprahircus* (далее — МРС) — 15,2 %, свинья *Susscrofadomestica* — 11,7 % и лошади *Equuscaballus* (1,5 % — в среднем по коллекции).

Костные остатки собак *Canisfamiliaris* составляют около 0,5 %. Кости кошки (*Feliscatus*) зафиксированы в пределах одного пласта (8 разных элементов скелета, пласт 3). С высокой долей вероятности они принадлежат одной молодой особи (не старше 1,5 лет). Данные останки, по-видимому, представляют собой поздний интрузив, ситуационная оценка появления которого на территории кремля неоднозначна. Это могут быть скелетные остатки не пережившей суровую зиму бродячей молодой кошки, что нередко фиксируется в городах. Вероятно и захоронение умершего животного (питомца) на пустыре. Указанные кости собак и кошки не несут следов искусственного воздействия, они не являются кухонными остатками и поэтому не рассматриваются ниже в остеологическом спектре домашних животных, которые служили основным мясным ресурсом для обитателей Тульского кремля.

Отдельно стоит отметить наличие в коллекции обнаруженного в пределах пласта 2 фрагмента кости верблюда *Camelussp.* В таблице 1 он указан в выборке из нижних напластований, так как крайне плохо сохранившаяся его поверхность со следами «оката», несомненно, отражает его переотложенное состояние. Подробнее о вероятных факторах появления верблюда на территории Тульского кремля будет сказано ниже.

В обсуждаемых материалах зафиксировано для домашних копытных (КРС, МРС, свинья и лошади) присутствие фрагментов костей из всех отделов скелета. В археозоологической практике традиционно считается, что такой анатомический набор разрозненных костей отражает ситуацию забоя основного числа животных и разделку их туш непосредственно на территории поселения. На этом фоне состав скелетных элементов от трёх наиболее многочисленных видов домашних копытных (КРС, МРС и свиньи) обнаруживает сходство с анатомической структурой типичных «археологических кухонных» остатков (рис. 3), которая в качестве сравнительной модели используется в археозоологических исследованиях¹⁹. Ключевыми позициями «кухонной» модели являются максимальные

¹⁹ Антипина Е. Е., Моралес А. Археозоологический подход к изучению устройства общества: кости животных из двух поселений горняков и металлургов восточной и западной окраин Европы // Археология, этнология и антропология Евразии. № 3 (27). Новосибирск, 2006. С. 72; Антипина Е. Е., Яворская Л. В. Кости животных из раскопок Кушманского городища Уччакар: археозоологические исследования // Междисциплинарные исследования Кушманского городища Уччакар IX–XII вв.: методика комплексного анализа: коллективная монография. М., 2018. С. 173.

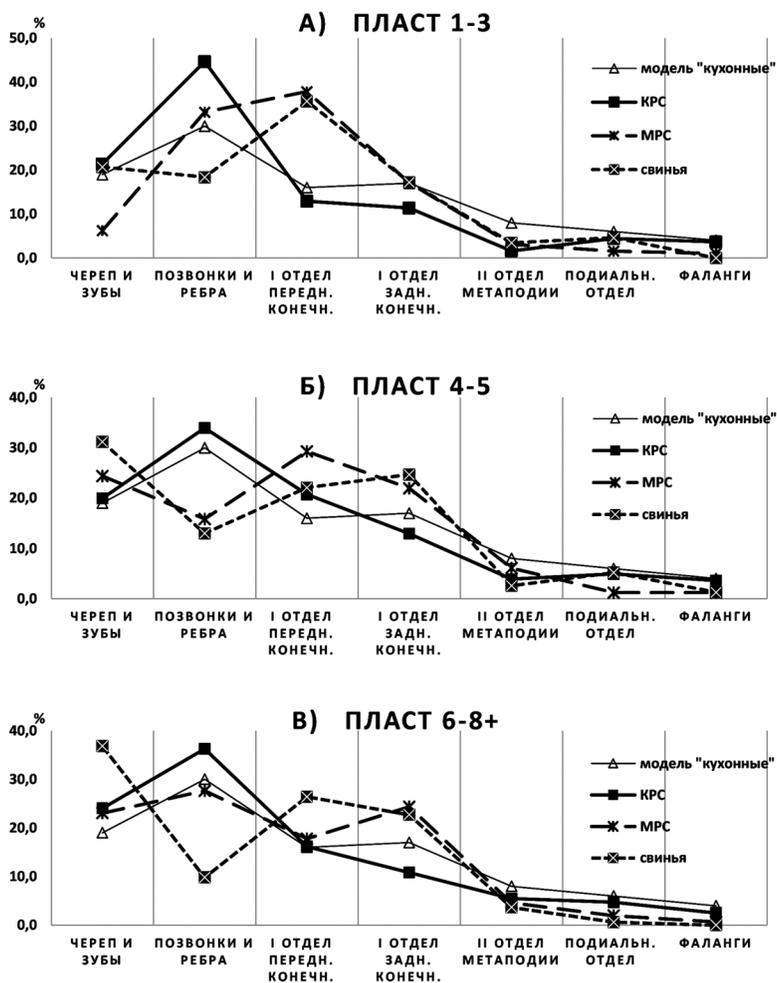

Рис. 3. Анатомические спектры костных остатков домашнего скота в сравнении с моделью археологических «кухонных» костных остатков (раскопки 2019 г., Тульский кремль)

значения для костей грудного отдела (позвонки и рёбра как наиболее многочисленные элементы скелета) и минимальная встречаемость костей дистальных (немясных) частей конечностей. Наиболее точное совпадение с «кухонной» моделью показывают костные остатки КРС. Наблюдаемые по костям свиньи некоторые отклонения от этой модели, по-видимому, связаны с особенностями структуры костной ткани разных скелетных

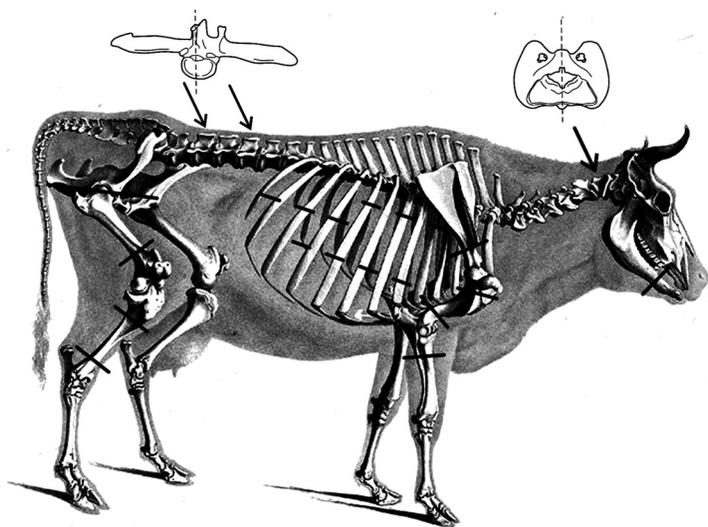

Рис. 4. Схема разделки туши крупного рогатого скота (КРС), реконструированная по зонам концентрации разрубов на костных остатках (раскопки 2019 г., Тульский кремль)

элементов этого вида: прочностью черепа и нижних челюстей и непрочностью рёбер и позвонков у полузрелых особей²⁰. Тогда как обнаруженная яркая диспропорция по остаткам МРС в наиболее поздних напластованиях (рис. 3: *a*) — повышенное относительно модели количество костей первого (мясного) отдела конечностей и пониженное количество костей черепа — позволяет предполагать поставки в кремль не только живого скота, но и отдельных частей уже разделанных туш. По-видимому, в ней отразились ситуации периода функционирования торговых рядов конца XVIII в. Разрозненные остатки костей лошади представляют собой почти целые кости и их крупные фрагменты практически без следов кухонной разделки (за исключением плечевой кости со следами надразов при отделении мяса). Любопытно, что основная часть этих разрозненных остатков сосредоточена в наиболее ранних напластованиях существования крепости (табл. 1). Вероятнее всего, их можно связать с боевыми действиями и осадой крепости, когда мясо убитых лошадей шло в пищу.

На костях КРС, МРС и свиньи зафиксированы следы, связанные с разделкой их туш и приготовлением мяса, такие как разрубывания, диагональные разломы и порезы/разрезы (около 5,2 % от всей коллекции).

²⁰ Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси: по данным изучения костных остатков из раскопок археологических памятников лесной полосы Европейской части СССР // МИА. № 51. М., 1955.

Серии однотипных разрубов на позвонках, рёбрах и длинных костях КРС отражают некоторую стандартизацию первичной разделки туш, которая наиболее отчётливо проявляется как продольный «развал» туши по позвоночнику на две половины и последующая нарубка почти порционных кусков рёберной части (рис. 4). Незначительное число костных фрагментов несёт следы воздействия на них огня — обугливания (17 фрагментов) и так называемые «кальцинированные» кости (4 фрагмента). Помимо следов разделки, на ряде костей присутствуют повреждения костной ткани в виде погрызов собаками (около 6 % по всей коллекции) и грызунами (единичные случаи). Эти факты свидетельствуют, что кухонные костные отбросы какое-то время находились в свободном доступе, в частности, для грызунов.

Определение возраста домашних копытных обнаружило для каждого из четырёх видов наличие практически всех возрастных групп от новорождённых животных до совсем старых. Так, среди костных остатков КРС встречены кости и телят (одного месяца от роду), и особой много старше 9 лет. Однако чаще на стол обитателей кремля попадала говядина от коров и быков в возрасте от 3 до 9 лет (80 %). Мелкий рогатый скот представлен костями животных в возрастном диапазоне от рождения до 6 лет, но около 70 % баранины получали от особей от 1 года до 4 лет. Свиной на мясо использовали, как правило, в возрасте от 1 года до 3 лет (около 86 %).

Анализ морфологического облика крупного рогатого скота показал, что на мясо забивали и коров, и быков; они в основном могут быть отнесены к рогатым породным группам. Промеры целых костей и экспертные оценки размеров животных по фрагментам костей из разных отделов скелета выявили большое разнообразие в конституции КРС. Так, рассчитанный рост в холке лишь для пяти коров по промерам пясти варьировал от 96 см до 125 см (рис. 5). Эти различия выходят за рамки обычной фенотипической изменчивости одной породной группы. Причём кости мелких коров, размеры которых характерны для средневекового, так называемого «лесного», скота с высотой в холке от 90 до 110 см²¹, преобладают в нижних напластованиях, в то время как в верхних пластах прослеживается концентрация остатков наиболее крупных особей.

Размерные характеристики свиной также варьируют в значительной степени, для них фиксируется та же, что и для КРС, тенденция к увеличению частоты встречаемости костей от особей более крупных размеров в поздних напластованиях. Мелкий рогатый скот — в основном овцы — был представлен особями среднего размера, экстерьерные характеристики

²¹ Антитина Е. Е., Яворская Л. В. Реконструкция размеров крупного рогатого скота по остеологическим материалам из средневековых городов и селищ на территории европейской части России // КСИА. Вып. 236. 2014. С. 331–338; Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси...

*Рис. 5. Размах изменчивости размеров костей КРС (раскопки 2019 г., Тульский кремль).
 Пястные кости: 1 — а) от скелета коровы с высотой в холке 96 см;
 б) от скелета коровы с высотой в холке 125 см.
 Пяточные кости: 2 — а) из нижних пластов; б) из верхних пластов.
 Фаланги: 3 — следы окостенения боковых связок на передних фалангах КРС (раскопки 2019 г., Тульский кремль), указывающие на регулярную тягловую нагрузку и значительные различия в размерах особей*

которых оставались относительно однородными на протяжении всего рассматриваемого периода.

Среди костных остатков лошади оказались лишь два целых скелетных элемента — пясть и путовая фаланга, по которым можно судить о морфологическом облике животных. Они обнаружены в разных пластах и, вероятнее всего, происходят от разных особей. Промеры пястной кости (длина — 212 мм, минимальная ширина — 35 мм) указывают на малорослую лошадь

(до 136 см высоты в холке), со средней массивностью ног. Длина фаланги (82 мм) попадает в ряд наиболее типичных значений для некрупных лошадей Москвы, Новгорода, Пскова в период XVI–XVII вв.²²

На костях домашнего скота выявлены патологии, возникновение которых связано с условиями содержания и эксплуатации животных. Следы артроза тазобедренного сустава на двух фрагментах тазовых костей КРС указывают, вероятнее всего, на несбалансированность кормов и неблагоприятные условия содержания²³, а остеофиты на передних фалангах (7 шт.) являются маркёрами тягловой нагрузки (рис. 5). Неравномерность стирания коренных зубов у свиней свидетельствует о потреблении грубых кормов (ветки, солома и т. п.), а следы заживших переломов на костях особей этого вида — о травмах при сильных ударах. Патологии были на костях не только домашнего скота, но и псовых. Обнаружен фрагмент сросшихся малой и большой берцовой костей голени собаки, что является результатом перенесённой травмы. Следы воспалительного процесса обнаружены и на фрагменте плюсневой кости волка. Подобные аномалии, как утверждают при опросах охотники, встречаются на лапах у волков, попадавших в капканы.

Остеологические спектры обсуждаемых выборок раскрывают две важные черты коллекции: это достаточно устойчивая иерархия видов, при которой первую позицию занимает КРС, на второй и третьей оказываются МРС и свинья, на последней — лошадь, а также явный тренд на увеличение доли костных остатков КРС (от 64,8 % до 76,8 %) и снижение количества костей свиньи (от 16,4 % до 7 %) от ранних напластований к более поздним (рис. 6: а, б).

Пересчёт остеологических спектров в относительные объёмы получаемого мяса²⁴ позволил рассмотреть структуру мясного потребления у населения Тульского кремля по хронологическим периодам. При этом учитывались реконструируемые в основном мелкие размеры домашнего скота, поэтому весовое соотношение одной особи крупных копытных к особи МРС рассчитывалось как 5 к 1. Полученные результаты обозначили, что основным мясным ресурсом у обитателей Тульского кремля была говядина, доля которой оставалась неизменно высокой на протяжении всего исследуемого периода, увеличиваясь от 87 % на ранних его этапах до почти 94 % к наиболее поздним. Потребление свинины лишь отчасти можно характеризовать обратной хронологической тенденцией, сниже-

²² Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси... С. 92.

²³ Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю. Растения и животные // Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М., 2012. С. 180.

²⁴ Антипина Е. Е. Мясные продукты в средневековом городе — производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы / отв. ред. Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М., 2005. С. 186.

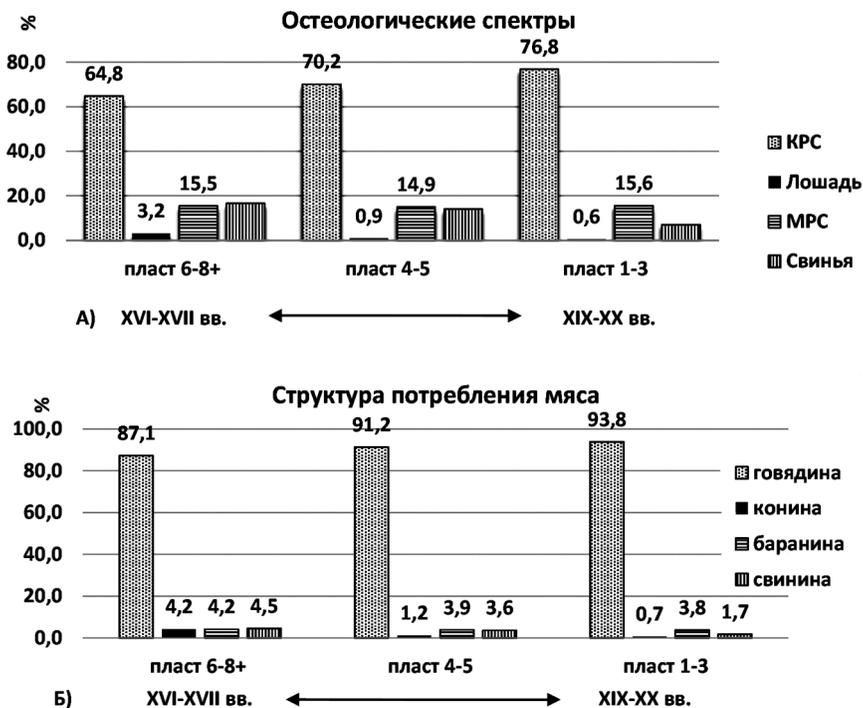

Рис. 6. Остеологические спектры (А) и структура потребления мяса домашних копытных животных (Б) по стратиграфическим выборкам (раскопки 2019 г., Тульский кремль)

нием количества её объёмов среди мясных продуктов от 4,5 % до 1,7 %. И поразительно устойчиво относительно стабильную долю в белковой диете занимало мясо мелкого рогатого скота (3,8–4,2 %).

В остеологической коллекции встречены лишь единичные фрагменты костей со следами обработки — опиленные части метаподий (пясти и плюсны) и двух диафизов плечевых костей КРС с намеренно отделёнными эпифизами. На одном из диафизов края имеют нетипичную отбивку, напоминающую пикетаж. Частью готового костяного изделия выглядят фрагмент плоской кости крупного копытного с циркульным орнаментом и два фрагмента просверленных фаланг КРС, использовавшихся в качестве бит для игры в «бабки»²⁵ (рис. 7: а, б). Круговые надрезы в проксимальной части диафиза на четырёх метаподиях позволяют

²⁵ Екимов Ю. Г. Игрушки и игры обитателей осадных дворов Тульского кремля XVI–XVII вв. // Тульский краеведческий альманах. Вып. 3. Тула, 2005. С. 15.

*Рис. 7. Кости со следами обработки (раскопки 2019 г., Тульский кремль):
 а — отполированные части метаподий КРС и фрагмент плоской кости с циркульным орнаментом; б — фрагменты фаланг КРС (биты для игры в «бабки»);
 в — следы надрезов на метаподиях КРС; г — следы стёртости и расслоенности на плюсневых костях КРС, вероятнее всего, использовавшихся в кожевнном производстве*

предположить их заготовку в качестве сырьевого материала. Обнаружены также следы стёртости и расслоения на плюсневых костях, которые могут свидетельствовать об использовании их в качестве элементов специальных станочных приспособлений в кожевнном производстве²⁶ (рис. 7: в, г). Метаподии со следами обработки фиксируются преимущественно в наиболее ранних культурных напластованиях (8 шт. из 13) и, несомненно, относятся к начальным этапам существования кремля.

²⁶ Яворская Л. В., Бочаров С. Г. Кожевнное производство в средневековом городе: опыт атрибуции // Северные архивы и экспедиции. Т. 4. № 3. 2020. С. 190–199.

Обсуждение

Результаты археозоологического исследования остеологической коллекции из раскопок 2019 г. позволяют рассмотреть разные аспекты жизни Тульского кремля главным образом как военной крепости. Это и обеспечение гарнизона продовольствием, и подробности повседневной деятельности, и даже участие в военных операциях.

Наиболее прямая «дешифровка» полученных данных затрагивает сферу обеспечения населения кремля мясными продуктами в разные периоды его существования. Напомним, что изученные нами разграниченные стратиграфические выборки в значительной степени являются хронологическими. Самые ранние напластования связаны со строительством Тульского кремля и временем его бытования как ключевого форпоста Большой Засечной черты (XVI–XVII вв.). Поздние слои соотносятся с периодом строительства на территории кремля в первой половине XIX в. торговых рядов и его полным запустением к началу XX в. Такая историческая канва фиксирует резкую смену населения кремля (военного контингента на гражданских лиц) в конце XVII — начале XVIII в. **Учитывая расположение участка раскопок 2019 г. — в центре кремля на месте фундаментов Успенского собора 1680-х гг. — можно с определёнными допущениями утверждать, что большая часть изученных нами остеологических материалов относится к периоду функционирования Тульского кремля как военного форпоста в XVI–XVII вв. И лишь выборка из верхних пластов содержит включения кухонных костных отбросов XVIII–XIX вв.**

Данные по структуре мясного потребления демонстрируют, что ведущее место в белковом рационе населения Тульского кремля во все хронологические периоды, начиная с момента его возведения, занимала говядина. По хронологическому вектору фиксируется даже некоторая тенденция увеличения её доли в структуре потребления с 87 % (XVI в.) до почти 94 % (в начале XIX в.). Вместе с тем и баранина, и свинина в отдельности на этом же хронологическом отрезке составляли среди мясных продуктов стабильно небольшую долю, примерно 3–4 %. Такая структура потребления находит достаточно близкие аналогии в городах Русского государства XV–XVII вв.²⁷, включая территории кремлей Переяславля Рязанского²⁸,

²⁷ Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси...; Антипина Е. Е. Мясные продукты в средневековом городе — производство или потребление?... С. 181–190.

²⁸ Антипина Е. Е. Переяславль Рязанский, кремль, XVII век: остеологическая коллекция // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М., 2011. С. 204–213; Антипина Е. Е. Остеологическая коллекция из Житного раскопа: некоторые аспекты системы жизнеобеспечения Переяславля Рязанского // Комплексные археологические исследования Переяславля Рязанского: материалы

Москвы²⁹, Ярославля³⁰ и др., где по средним оценкам в мясном рационе жителей основную часть, безусловно, занимала говядина (не менее 80 %), с добавлением свинины (до 10 %) в больших объёмах, чем баранины (около 5 %). Вопрос о потреблении конины горожанами Русского государства как обыденного мясного ресурса остаётся дискуссионным, так как при изучении этого вида в остеологических коллекциях обычно не проводится разграничение между его кухонными остатками и останками по тем или иным причинам павших лошадей.

На таком сравнительном фоне хорошо заметны меньшие объёмы включения свинины в диету гарнизона Тульского кремля наряду с неизменно устойчивым по объёмам потреблением баранины. В качестве гипотезы можно связать эти факты с некоторым влиянием на хозяйство южных окраин Московского государства скотоводческих традиций кочевого и оседлого населения лесостепных и степных регионов, основанных на экономически выгодном разведении здесь овец.

Несомненно, что для обеспечения пищей гарнизона Тульского кремля была задействована широкая округа. Однако обнаруженные среди кухонных остатков кости новорождённых телят и позволяют предполагать содержание некоторого количества коров прямо на территории кремля при «осадных избах». В такой жизненный уклад вписывается и разведение немногочисленной домашней птицы, в основном кур. Вместе с тем несение сторожевой службы в период напряжённых отношений Московии с Крымским ханством и Османской империей и непрерывных набегов крымцев и ногайцев не оставляло служилым людям времени для включения в своё продовольственное обеспечение дополнительных природных ресурсов. Подтверждением этому служат крайне незначительное количество костей диких животных и птиц и мизерная доля остатков рыбы, несмотря на безусловное обилие охотничьих видов в близлежащих лесах и богатые рыбой водные ресурсы.

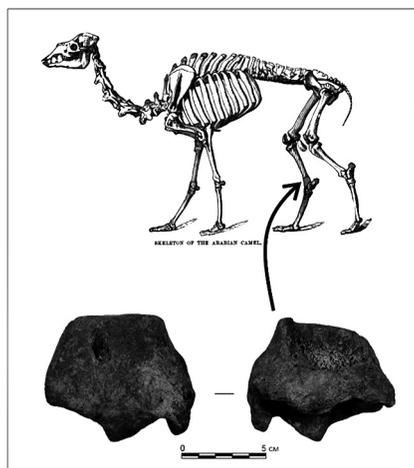
Трасологический анализ следов, отражающих целенаправленное воздействие на кости и манипуляции с ними, позволяет обсуждать не только мясное потребление и разделку туш животных, но и другие сферы деятельности жителей кремля. Так, следы стёртости и расслоения на средней части диафизов исключительно плюсневых костей КРС (округлых в поперечном сечении) имеют абсолютное сходство с многочисленными сериями таких же, но целых костей из разных золотоордынских городов,

по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 3 [коллектив. монография] / отв. ред. В. И. Завьялов. М., 2019. С. 240–270.

²⁹ Антитина Е. Е., Яворская Л. В. Проблемы, вопросы и основные результаты изучения остеологических материалов из раскопок 2016 года на территории Московского Кремля // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 295–306.

³⁰ Антитина Е. Е., Лебедева Е. Ю. Растения и животные... С. 144–229.

А

Б

Рис. 8. А — Фрагмент нижней части голени от правой задней конечности верблюда (*Camelus* sp.) из раскопок на территории Тульского кремля в 2019 году.

Б — Гравюра из книги Луиджи Фернандо Марсильи (изданной в Амстердаме в 1732 г.). Русский перевод: «Военное состояние Османская империи с ее приращением и упадком. = Военное состояние Османской империи». [Перевёл В. К. Тредиаковский]. Печатано при Императорской Академии Наук. Санкт-Петербург, 1737 г.

где открыты ремесленные мастерские по обработке кож³¹. Находки таких маркёров в тульской коллекции указывают на существование ремесленной обработки кож на территории кремля. Ещё одну сферу уже невоенных занятий гарнизона удаётся обозначить по остеологическому материалу — это игры. В коллекции обнаружены просверленные фаланги КРС, которые традиционно интерпретируются как биты в игре «бабки».

И, наконец, на фоне обычных кухонных костных отбросов яркой находкой в остеологической коллекции Тульского кремля является фрагмент кости голени верблюда (рис. 8: а). Сохранность обломка крайне неудовлетворительная, что характерно для переотложенных костных остатков; без сомнения, эта кость соотносится с самыми нижними напластованиями XVI в.

Подчеркнём, что проведённая таксономическая идентификация этого фрагмента до уровня рода (верблюды — *Camelus*) остаётся недостаточной

³¹ Яворская Л. В. Археозоологические исследования городов Золотой Орды: современные интерпретации // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 5. М., 2021. С. 221.

для однозначного установления его принадлежности к одному из двух возможных видов: дромадеру (одногорбому) или бактриану (двугорбому верблюду). При этом не удалось установить и пол животного. Однако размеры обнаруженной кости свидетельствуют о достаточно крупных размерах самого животного, которые могут соответствовать или характеристикам бактриана (наиболее крупного), или его гибрида с дромадером. Такие гибриды, широко распространённые в Османской империи, по размерам не уступали родительским особям, но отличались выносливостью и спокойным нравом. Они широко использовались и в военных операциях (рис. 8: б).

На территории Московского государства верблюды, конечно, были редкостью, что подтверждается крайне малым числом их находок в древнерусских городах, расположенных исключительно на южных границах. Так, один почти полный череп верблюда был обнаружен в могиле среди 25 перезахороненных человеческих черепов при раскопках А. В. Селиванова 1888 г. в Старой Рязани³². По-видимому, при этих раскопках было вскрыто своего рода санитарное захоронение останков жителей города, погибших при разгроме и практически полном уничтожении столицы Рязанского княжества войском Батыя в 1237 г. Единичные находки останков верблюда были сделаны в 2004–2015 гг. на Житном раскопе на территории Кремля Переяславля Рязанского³³ и в Тайницком саду Московского Кремля в 2007 г.³⁴ Все эти находки с той или иной степенью достоверности связаны с военными походами кочевнических государственных объединений на Русь в XIII–XVI в.

Для Тулы и её округи находки останков верблюда уникальны, но исторически вполне предсказуемы, ведь город расположен на стратегически узлом перекрёстке природных исторических торговых и военных дорог (в средневековье известных как Муромский Шлях). Очевидно, что верблюды использовались как вьючные животные в составе и торговых караванов, и военных обозов. Исторические источники XVI в. свидетельствуют, что при многочисленных крымско-ногайских набегах на Москву в военных обозах нередко были верблюды. Так, в летописях сообщается, что в июне 1552 г. после неудачной попытки осады Тулы крымский хан Девлет I Гирей увёл главные силы своего войска на юг «с великими срамом, гоним Божиим гневом, и токмо единими душами своими и телеса свои носящи, оставив катарги своя, и шатры, и **велбуды**, и колесница

³² Селиванов А. В. О раскопках в Старой Рязани и в Ново-Ольговском городке. Рязань, 1890. С. 3.

³³ Антипина Е. Е. Osteологическая коллекция из Житного раскопа... С. 242.

³⁴ Оситов Д. О. К истории великокняжеских и царских «потех» (по материалам в Московском Кремле) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009. С. 237.

Рис. 9. Миниатюра из Лицевого свода, том 21: Татары бегут от Тулы

во станах...»³⁵ (рис. 9). Вполне вероятной представляется связь обсуждаемой находки кости верблюда в Тульском кремле с указанными событиями XVI в.

Таким образом, несмотря на локальный характер раскопок 2019 г. на территории Тульского кремля и сравнительно небольшую по объёму остеологическую коллекцию, полученные археозоологические данные раскрывают не только сведения о системе пищевого обеспечения крепости, но и любопытные детали жизненного уклада «служилых людей» этого южного форпоста XVI в. Выявленные хронологические тенденции в потреблении мясных продуктов жителями (увеличение объёмов говядины и уменьше-

ние доли свинины), наряду с обнаружением костей верблюда и индейки, находят достаточно ясные объяснения в историческом контексте изменений статуса кремля на протяжении четырёх веков.

Список источников и литературы

1. Антипина, Е. Е. Археозоологические исследования : задачи, потенциальные возможности и реальные результаты / Е. Е. Антипина // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В. И. Цалкина : сб. статей. — Москва : Ин-т археологии РАН, 2004. — С. 7–33.
2. Антипина, Е. Е. Археозоологический подход к изучению устройства общества : кости животных из двух поселений горняков и металлургов восточной и западной окраин Европы / Е. Е. Антипина, А. Моралес // Археология, этнология и антропология Евразии. — № 3 (27). — Новосибирск, 2006. — С. 67–81.
3. Антипина, Е. Е. Мясные продукты в средневековом городе — производство или потребление? / Е. Е. Антипина // Археология и естественнонаучные методы / отв. ред. Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 181–190.

³⁵ История о Казанском царстве (Казанский летописец). Глава 55 // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000.

4. *Антипина, Е. Е.* Остеологическая коллекция из Житного раскопа : некоторые аспекты системы жизнеобеспечения Переяславля Рязанского / Е. Е. Антипина // Комплексные археологические исследования Переяславля Рязанского : материалы по археологии Переяславля Рязанского. — Вып. 3 [коллектив. монография] / отв. ред. В. И. Завьялов. — Москва : ТАУС, 2019. — С. 240–270.
5. *Антипина, Е. Е.* Переяславль Рязанский, кремль, XVII век : остеологическая коллекция / Е. Е. Антипина // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. — Вып. 2. — Москва : Ин-т археологии РАН, 2011. — С. 204–213.
6. *Антипина, Е. Е.* Проблемы, вопросы и основные результаты изучения остеологических материалов из раскопок 2016 года на территории Московского Кремля / Е. Е. Антипина, Л. В. Яворская // КСИА. — Вып. 252. — 2018. — С. 295–306.
7. *Антипина, Е. Е.* Растения и животные / Е. Е. Антипина, Е. Ю. Лебедева // Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. — Москва : Ин-т археологии РАН, 2012. — С. 144–229.
8. *Антипина, Е. Е.* Реконструкция размеров крупного рогатого скота по остеологическим материалам из средневековых городов и селищ на территории европейской части России / Е. Е. Антипина, Л. В. Яворская // КСИА. — Вып. 236. — 2014. — С. 331–338.
9. *Антипина, Е. Е.* Современная археозоология : задачи и методы исследования / Е. Е. Антипина // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). — Москва : ИА РАН, 2016. — С. 96–117.
10. *Антипина, Е. Е.* Кости животных из раскопок Кушманского городища Учкакар : археозоологические исследования / Е. Е. Антипина, Л. В. Яворская // Междисциплинарные исследования Кушманского городища Учкакар IX–XII вв. : методика комплексного анализа : коллективная монография. — Москва : ТАУС, 2018. — С. 158–174.
11. *Аськеев, И. В.* Птицы Среднего Поволжья в V–XVIII вв. н. э. (по материалам археологических раскопок) / И. В. Аськеев, Д. Н. Галимова, О. В. Аськеев // Поволжская археология. — 2013. — № 3 (5). — С. 144–166.
12. *Воккен, Г. Г.* Анатомия домашних животных : учеб. пособие. — Ч. 1. Система органов движения / Г. Г. Воккен, П. А. Глаголев, С. Н. Боголюбский ; под ред. А. И. Акаевского. — Москва : Высш. шк., 1961. — 391 с.
13. *Гиляровский, В. А.* Москва и москвичи / В. А. Гиляровский. — Москва : АСТ, 2011. — 496 с.
14. *Денисюк, М.* Тульские купцы и внешняя торговля в России в начале 60-х годов XVIII века / М. Денисюк // Тульский краеведческий альманах. — Вып. 4. — Тула : ИНФРА, 2006. — С. 15, 137–138.
15. *Екимов, Ю. Г.* Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999–2000 гг. / Ю. Г. Екимов // Позднесредневековый город : археология и история. — Ч. 1. — Тула : ФГБУК «Государственный военно-исторический музей-заповедник “Куликово поле”», 2007. — С. 66–131.
16. *Екимов, Ю. Г.* Игрушки и игры обитателей осадных дворов Тульского кремля XVI–XVII вв. / Ю. Г. Екимов // Тульский краеведческий альманах. — Вып. 3. — Тула : ИНФРА, 2005. — С. 12–18.

17. *Екимов, Ю. Г.* Осадные дворы Тульского Кремля XVI–XVII вв. / Ю. Г. Екимов // Тульский краеведческий альманах. — Вып. 2. — Тула : ИНФРА, 2004. — С. 15–19.
18. *Екимов, Ю. Г.* Предметы западноевропейского импорта из культурного слоя Тульского кремля (по материалам раскопок на месте колокольни Успенского собора) / Ю. Г. Екимов // Тульский краеведческий альманах. — Вып. 18. — Тула : Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2021. — С. 77–84.
19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). Глава 55 // ПСРЛ. — Т. XIX. — Москва, 2000. — 328 с.
20. *Лозинский, Р. Р.* Страницы минувшего / Р. Р. Лозинский. — Тула : Изд-во Тульского государственного университета им. Л. Н. Толстого, 2000. — С. 29–32.
21. *Осипов, Д. О.* К истории великокняжеских и царских «потех» (по материалам в Московском Кремле) / Д. О. Осипов // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. — Вып. 5. — Москва, 2009. — С. 237–250.
22. *Прошкин, О. Л.* Отчёт об археологических исследованиях (раскопки, наблюдения) на территории объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль Тульского кремля» на участке расположения фундамента Успенского собора 1640-х гг. в 2019–2020 гг. / О. Л. Прошкин // Архив Института археологии РАН.
23. *Селиванов, А. В.* О раскопках в Старой Рязани и в Ново-Ольговском городке / А. В. Селиванов. — Рязань : Типография Губернского правления, 1890. — 18 с.
24. *Теплов, Г. Н.* Птичий двор / Г. Н. Теплов. — Санкт-Петербург : Печ. при Арт. и инж. шляхет. кадет. корпусе, типографщиком И. К. Шнором, 1774. — 104 с.
25. *Фомин, К. Н.* Старая Тула (XVI — начала XIX в.) / К. Н. Фомин // Тульский краеведческий альманах. — Вып. 2. — Тула : ИНФРА, 2004. — С. 5–14.
26. *Цалкин, В. И.* Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси : по данным изучения костных остатков из раскопок археол. памятников лесной полосы Европейской части СССР / В. И. Цалкин. — Москва : Изд-во АН СССР, 1956. — 185 с. (МИА; № 51).
27. *Яворская, Л. В.* Археозоологические исследования городов Золотой Орды : современные интерпретации / Л. В. Яворская // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. — Вып. 5. — Москва : Ин-т археологии РАН, 2021. — С. 216–226.
28. *Яворская, Л. В.* Кожевенное производство в средневековом городе : опыт атрибуции / Л. В. Яворская, С. Г. Бочаров // Северные архивы и экспедиции. — 2020. — Т. 4. — № 3. — С. 190–199.
29. *Grant, A.* The use of Tooth Wear as a Guide to the Age of Domestic Ungulates / A. Grant // Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites. BAR (British Series) 109. — Oxford, 1982. — P. 91–108.
30. *Driesch, A. von den* A Guide to the Measurement of animal bones from archaeological sites / A. Driesch // Peabody Museum Bulletins, 1. Harvard University, 1976. — P. 76–93.
31. *Kysely, R.* The early history of the turkey (*Meleagris gallopavo*) in the Czech Republic / R. Kysely, P. Meduna // Archaeological and Anthropological Sciences. — Vol. 11 : 2019. — P. 6431–6449.

Н. Г. Сатойпович

Москва

Археологические исследования в Белогостицком монастыре близ Ростова Великого

В 2018–2019 гг. Волго-Окская экспедиция Института археологии РАН провела археологические работы в Белогостицком Георгиевском монастыре, связанные с подготовкой проекта восстановления двух его храмов — церкви Архистратига Михаила и Георгиевской¹.

Белогостицкий монастырь находится в 6 км к северо-востоку от Ростова, в среднем течении р. Вексы, на её левом берегу (рис. 1). Векса вытекает из оз. Неро и в 4 км выше по течению от монастыря, сливаясь с р. Устье, образует р. Которосль, таким образом, монастырь расположен на последнем отрезке волжского пути на Ростов. Рядом с монастырём проходит старинная, известная, по крайней мере, с XVIII в. дорога на Суздаль, в полутора километрах от него — дорога на Ярославль и Кострому.

В археологии топоним Белогостицы известен благодаря находке клада, обнаруженного в 1836 г. при «устройстве резервов» дороги Ростов — Ярославль. В его состав входили серебряные украшения — гривны, браслеты, височные кольца, бусины, подвески из дирхемов, а также детали мужского поясного набора и украшения конской упряжи. Датировка клада — XI — начало XII в.²

Данные о месте обнаружения клада весьма расплывчаты — «на участке дороги между Ростовом и Новосёлкой», «в двух верстах от с. Никольское», «...при реке Устье близ Белогостицкого монастыря»³. Упоминание реки

¹ Полное название Георгиевской церкви в Реестре объектов культурного наследия: «Холодная церковь Великомученика Георгия и тёплая церковь Казанской иконы Божией матери».

² Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 23–27, 104.

³ Там же. С. 103.

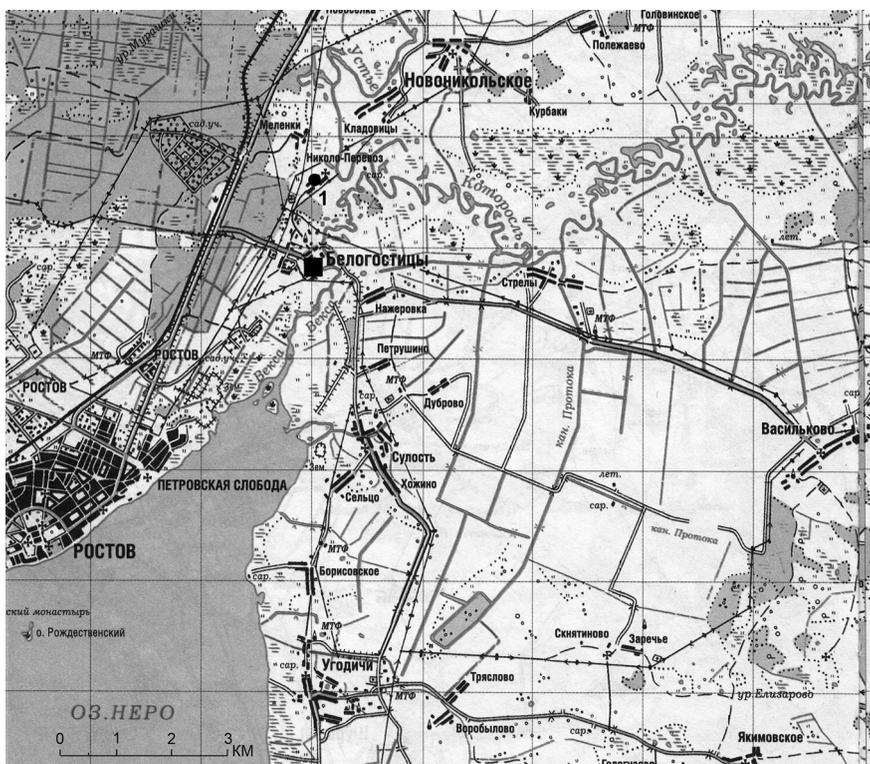

Рис. 1. Белогостицкий монастырь на топографической карте

Устье и села Никольского указывает на то, что клад, вошедший в научный оборот как Белогостицкий, к территории монастыря отношения не имеет. Село Белогостицы на картах тех лет (карта А. И. Менде, 1857 г.) не значится, а небольшое поселение рядом с монастырём отмечено как «Слободка подмонастырская». Местом находки клада можно предположительно указать окрестности нынешнего с. Николо-Перевоз (рис. 1: 1), на старых картах обозначенное как Никольское на Перевозе. Село находится в 2 км к северо-западу от монастыря на правом берегу реки Устье, на его юго-восточной окраине известно древнерусское селище XI–XIII вв.⁴

Согласно летописной традиции, Белогостицкий монастырь был основан в XV в., наибольший его расцвет пришёлся на середину XVII в., когда настоятелем стал будущий ростовский митрополит Иона Сысоевич. При нём в монастыре началось каменное строительство, в 1657 г. построена

⁴ Археологическая карта России. Ярославская область. М., 2005. С. 220.

Благовещенская церковь, в 1658 г. вблизи от неё, чуть южнее — церковь Архистратига Михаила⁵. В 1683–1685 гг. к западу от Михайловской церкви построена Георгиевская церковь с приделом Казанской Божьей матери⁶. В 1833 г. с запада церкви Архистратига Михаила пристроили паперть, которая соединила её с трапезной Георгиевской церкви⁷, таким образом, два храма составили единый храмовый комплекс (рис. 2).

Окончательно монастырский ансамбль сложился к середине XIX в. — за каменной оградой с четырьмя угловыми башнями, помимо указанного храмового комплекса, находились братский корпус, настоятельские покои, четырёхъярусная колокольня, несколько хозяйственных построек (рис. 3).

После закрытия монастыря в 20-е годы XX в. часть построек была разрушена (Благовещенский собор, колокольня, стены и башни), братский корпус и настоятельские покои

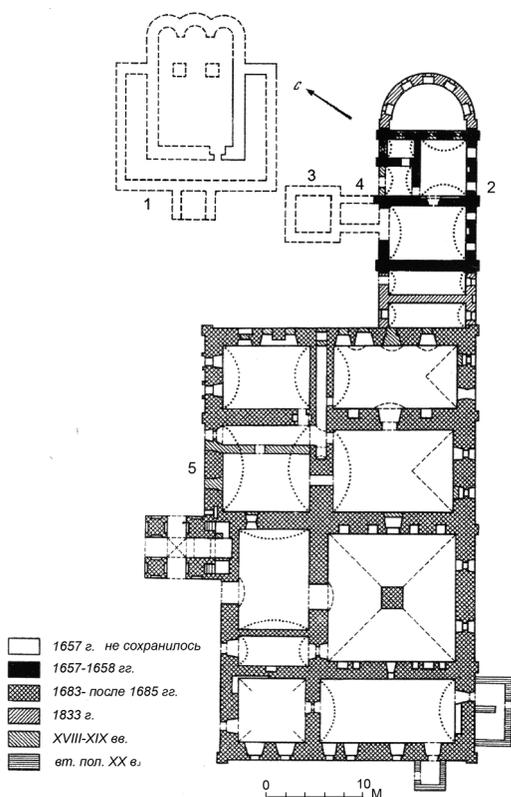

Рис. 2. План храмового комплекса Белогостицкого монастыря (по: Мельник, 1994. С. 388).

- 1 — Благовещенский собор 1657 г.;
 2 — церковь Архистратига Михаила 1657–1658 гг.;
 3 — колокольня 1657–1658 гг.;
 4 — переходы 1657–1658 гг.;
 5 — комплекс Георгиевской церкви 1683 – после 1685 г.;
 а — 1657 г., не сохранилось; б — 1657–1658 гг.;
 в — 1683 – после 1685 г.;
 г — 1833 г.; д — XVIII–XIX вв.;
 e — вторая половина XX в.

⁵ Мельник А. Г. Церковь Архистратига Михаила Белогостицкого монастыря // Макарьевские чтения. Русские государи — покровители православия. Вып. 8. Можайск, 2001. С. 403.

⁶ Мельник А. Г. Памятники XVII в. Белогостицкого монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. 1993. М., 1994. С. 386.

⁷ Там же. С. 388.

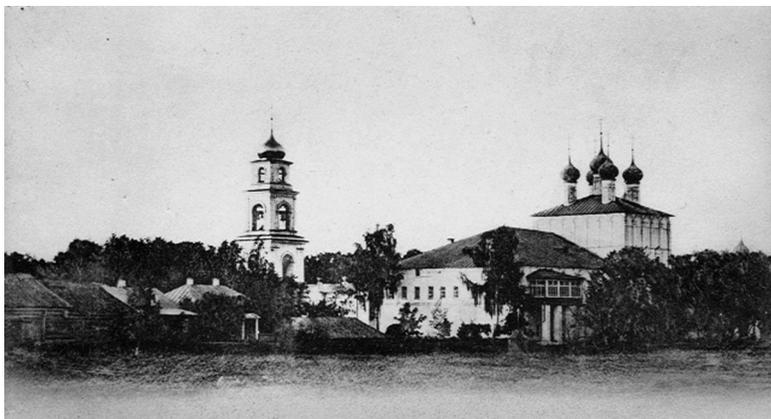

Рис. 3. Белогостицкий монастырь на открытке нач. XX в.

Рис. 4. Белогостицкий монастырь, вид с севера. Фото 2019 г.

заняты коммунальным жильём. В Георгиевской и Михайловской церквях с 1929 г. находилась пересыльная тюрьма НКВД, затем различные учреждения и организации (отдел милиции, почта, клуб), с середины 60-х годов — складские помещения местного совхоза «Овощевод»⁸. С начала 90-х годов на протяжении более десяти лет постройки оставались

⁸ Мельник А. Г. Церковь Архистратига Михаила... С. 408.

бесхозными, постепенно разрушаясь — были сняты кровли, частично обрушились своды, очевидно, тогда же разобрали на кирпич паперть между церквями, некогда соединившую их в единый комплекс, и теперь это вновь два отдельно стоящих храма.

В 2007 г. Белогостицкий Георгиевский монастырь был передан Ярославской епархии, при этом его территория сократилась примерно вдвое — за её пределами остались расположенные в северной части и по-прежнему занятые коммунальными квартирами настоятельские покои и братский корпус, а также сохранившийся небольшой северо-восточный участок кирпичной ограды.

В настоящее время здания Георгиевской церкви и церкви Архистратига Михаила руинированы, находятся в аварийном состоянии, за последние несколько лет удалось частично очистить их от бытового и строительного мусора, сделать временные навесы вместо отсутствующих кровель (рис. 4).

В июне 2018 г. комплекс монастырских зданий был включён в реестр объектов культурного наследия регионального значения, что позволило начать работы над проектом его реставрации и восстановления.

Впервые археологические исследования на территории монастыря проводились в 1986 г. отделом архитектуры Ярославского облисполкома при разработке «Схемы охраны памятников истории и культуры Ярославской области». Целью работ было определение места расположения разрушенного Благовещенского собора⁹. Единственный заложенный шурф попал в юго-западный угол внутреннего объёма храма, была расчищена кирпичная кладка стены, сохранившаяся на высоту около 0,7 м, и бутовый фундамент, залегающий на глубину 0,8 м от уровня дневной поверхности периода строительства¹⁰. Ниже фундамента собора были зафиксированы несколько блоков белого камня, при этом подробное их описание, обмеры, фото или рисунки в отчёте отсутствуют. В культурном слое, отложившемся до начала строительства собора, была найдена керамика XIII–XIV вв.¹¹ Авторы раскопок предположили, что находки белого камня позволяют «принять во внимание легендарные известия о существовании на месте монастыря в начале XIII в. белокаменного храма»¹².

Спасательные археологические работы 2018–2019 гг. предполагали археологическое сопровождение инженерно-геологических изысканий, проводившихся с целью определения устройства, глубины заложения

⁹ Хохлов В. Н. Отчёт об археологической разведке в Ростовском районе Ярославской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11539. С. 2.

¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹ Там же. С. 4.

¹² Хохлов В. Н., Мельник А. Г. Разведки в Ростовском районе Ярославской области в 1986 г. // Археологические открытия. 1986. М., 1988. С. 100.

Рис. 5. Церковь Архистратига Михаила, современное состояние.
Вид с северо-востока. Фото 2018 г.

Церковь архистратига Михаила.
Схема шурфов

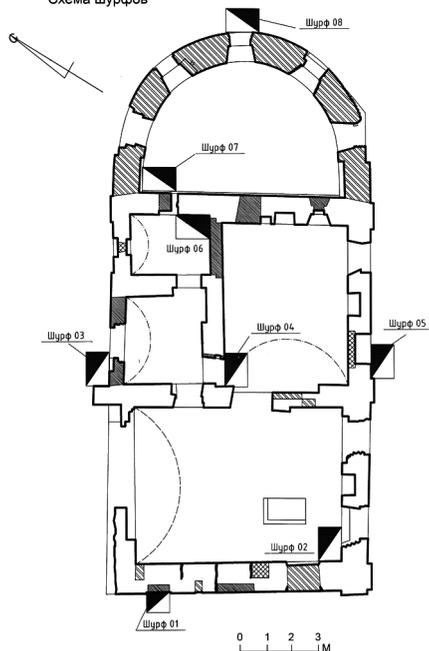

Рис. 6. Церковь Архистратига Михаила.
План расположения шурфов

и технического состояния фундаментов церквей Архистратига Михаила и Георгиевской в рамках подготовки проекта его восстановления.

Церковь Архистратига Михаила находится в центральной части нынешней монастырской территории; её размеры 10×22 м, ориентирована по линии восток-запад с отклонением к северу в 30° . Здание руинировано, одето в строительные леса, на окружающей территории видны следы недавних разрытий (рис. 5).

Исследования предполагали закладку 8 пристенных шурфов по периметру с внешней стороны и в интерьере здания для проведения инженерно-геологических исследований (рис. 6).

Шурфы имели размеры $1,5\text{--}1,7 \times 1$ м, их глубина

*Рис. 7. Церковь Архистратига Михаила.
Фундамент апсиды (шурф 8).
Вид с юго-востока*

*Рис. 8. Церковь
Архистратига Михаила.
Погребение в шурфе 4.
Вид с юга*

составила от 1,7 до 2,2 м от уровня дневной поверхности в шурфах по внешнему периметру и от 1,5 до 2,0 м от уровня пола в интерьере храма. Основной вид фундамента — 3–4-рядная бутовая кладка с заполнением межвалунного пространства грунтом с включениями известковой и кирпичной крошки. Глубина заложения составляла 1,4–1,6 м от уровня цоколя здания (рис. 7).

Заполнение шурфов — мешаный рыхлый грунт с включениями кирпичной крошки, извести, линзами материкового песка. В шурфах 1 и 2 в средней части заполнения ощутима примесь угля, отмечены фрагменты обугленного дерева — явные следы сильного пожара.

Практически во всех шурфах зафиксирован горизонт предматерикового природно-гумусированного суглинка, представляющего собой древние аллювиальные отложения озёрной котловины. Мощность этого горизонта составляла от 0,15 до 0,25 м. Материк — плотный крупнозернистый песок.

В шурфах 1 и 4 на уровне материка зафиксированы погребения (рис. 8), вероятно, могильной является также яма, краем вошедшая в северную стенку шурфа 3, переотложенные разрозненные человеческие кости в мелких фрагментах были отмечены в заполнении шурфов 7 и 8. Уровень, с которого опущены могилы, не определяется, поскольку слой полностью перебит фундаментной кладкой. Очевидно, погребения

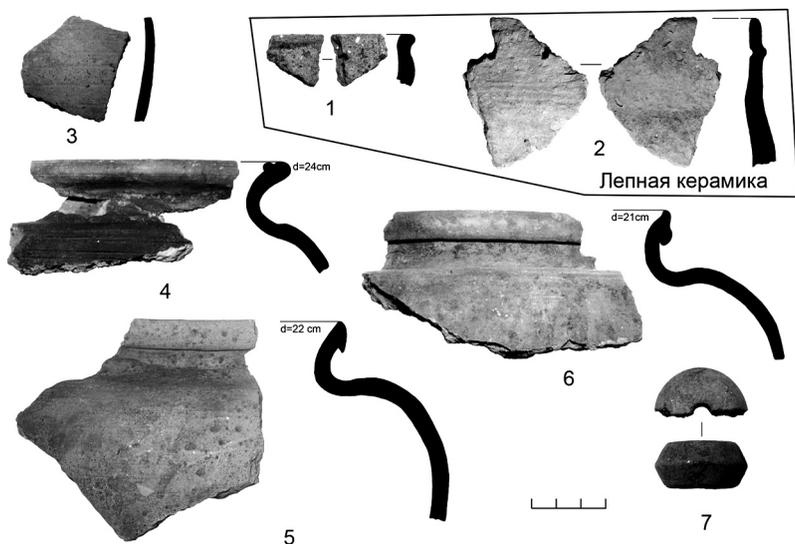

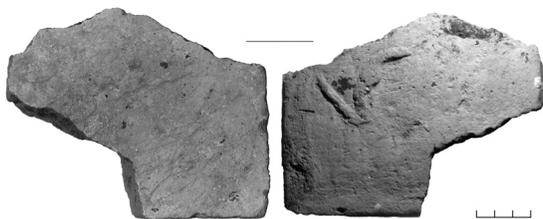
Рис. 9. Церковь Архистратига Михаила.
Лепная керамика эпохи бронзы (шурф 5) (1, 2) и посуда XIII–XIV вв. (шурф 1)

относятся к монастырскому некрополю, существовавшему до начала строительных работ Ионой Сыроевичем, при этом они расположены строго вдоль оси церкви Архистратига Михаила. Учитывая, что ориентировка храма имеет значительное отклонение от оси З-В, можно полагать, что предшествующие церкви имели такое же отклонение, то есть при каменном строительстве середины XVII в. была сохранена сложившаяся к этому времени планировка монастырского пространства.

В шурфах найдено небольшое количество керамики, в основном чернолощёной, представленной обычными формами столовой посуды, датирующейся XVII–XVIII вв. Найдены также несколько фрагментов краснолощёной и красноглиняной ангобированной керамики, в Ростове она известна в комплексах первой половины XVI в.¹³ В шурфах 1, 5 и 8 встречены единичные обломки орнаментированных горшков XIII–XIV вв. (рис. 9: 3–6), аналогичных отмеченным в шурфе 1986 г., что подтверждает предположение о существовании на этой территории древнерусского

¹³ *Кашкин А. В., Самойлович Н. Г.* Охранные работы в церкви Вознесения в Валах (Исидора Блаженного) в Ростове Великом // Археология: история и перспективы. Четвёртая межрегиональная конференция: сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль, 2010. С. 20.

*Рис. 10. Поливная
плитка пола
с клеймом
(шурф 6)*

Рис.11. Храм Великомученика Георгия. Вид с севера. Фото 2018 г.

селища. В шурфе 5 в придонной части, в горизонте предматерикового суглинка отмечены два фрагмента лепной керамики поздняяковской культуры эпохи бронзы¹⁴ (рис. 9: 1, 2). Среди индивидуальных находок — обломок крупного глиняного пряслица (шурф 5 (рис. 9: 7)), четыре кованых гвоздя, очевидно, от гробов (шурф 6). В шурфе 6 на глубине 1,00 м от уровня цоколя найден обломок глиняной поливной половой плитки с клеймом (рис. 10), в Ростове подобные происходят из Успенского собора 1213–1231 гг.¹⁵ Эта находка заставляет внимательнее отнестись к данным шурфовки 1986 г. о находке на месте Благовещенского собора блоков белого камня.

Георгиевская церковь находится в центральной части современной монастырской территории, в нынешнем состоянии представляет собой руинированное двухэтажное здание под временной крышей (рис. 11),

¹⁴ Определение В. В. Сидорова.

¹⁵ Леонтьев А. Е. Отчёт о работе Волго-Окской экспедиции в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15614. С. 9.

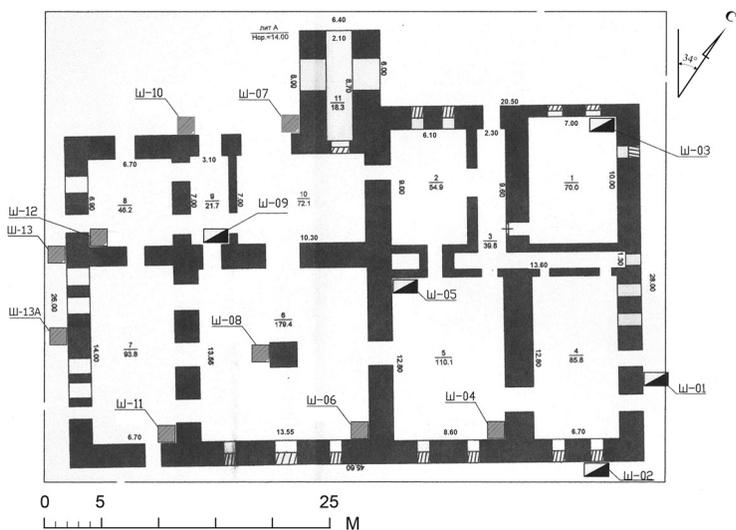

Рис. 12. Георгиевская церковь. План расположения шурфов

Рис. 13. Георгиевская церковь. Шурф 4.
Фундамент южной стены храма

размерами в плане 50×28 м. В настоящее время внутри убран бытовой и строительный мусор, аварийные своды укреплены деревянными подпорками, территория по внешнему периметру выровнена, но местами видны скопления строительного мусора. В планах предполагалось заложить 14 шурфов (рис. 12), но из-за аварийного состояния сводов церкви работы были проведены на восьми. Шурфы имели размеры $1,5 \times 1,5$ м, глубину — от 1,7 до 2,2 м.

Вскрытые фундаменты Георгиевской церкви при тех же приёмах кладки отличаются большей массивностью (рис. 13). Основные характеристики культурного слоя аналогичны зафиксированным в церкви Архистратига Михаила — мешаный рыхлый грунт с включениями кирпичной крошки, извести, линзами материкового песка. В шурфах 8 и 12 в средней части заполнения были отмечены фрагменты обугленного дерева, по нивелировочным отметкам совпадающие с угольным горизонтом в шурфах церкви

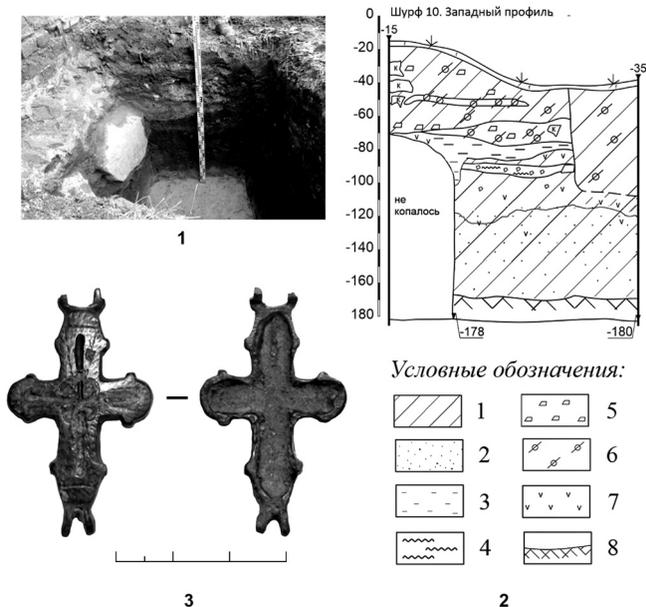

Рис. 14. Георгиевская церковь. Шурф 10.

1. Западная стенка. 2. Профиль западной стенки.

Условные обозначения: 1 — серая супесь; 2 — песок; 3 — глина; 4 — древесный тлен; 5 — кирпичная крошка; 6 — известь; 7 — уголь; 8 — материк.

3. Тыльная сторона энколпиона

Архистратига Михаила, что, очевидно, фиксирует значительную площадь монастырского пожара, предшествовавшего каменному строительству.

В шурфах во внутреннем объёме храма в придонной части зафиксирован горизонт тёмно-серой супеси, к которой приурочены находки орнаментированной керамики XIII–XIV вв. По внешнему периметру этот слой мощностью до 0,5 м с включениями редких угольков и древесного тлена отмечен в шурфе 10 у северной стены храма (рис. 14: 1, 2).

Кроме фрагментов орнаментированной посуды, здесь была найдена тыльная створка энколпиона (рис. 14: 3). Аналогичный реликварий, датированный X–XII вв., известен в коллекции ГИМа. На его лицевой стороне изображено рельефное распятие, оборотная описана как «черневое изображение 4-конечного креста «с сиянием», дополненное углублённой пунктирной линией»¹⁶. Белогостицкий экземпляр отличается

¹⁶ Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб., 2003. С. 140, № 11; Асташова Н. И., Петрова Л. А., Сарачева Т. Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М., 2013. С. 227, № 164.

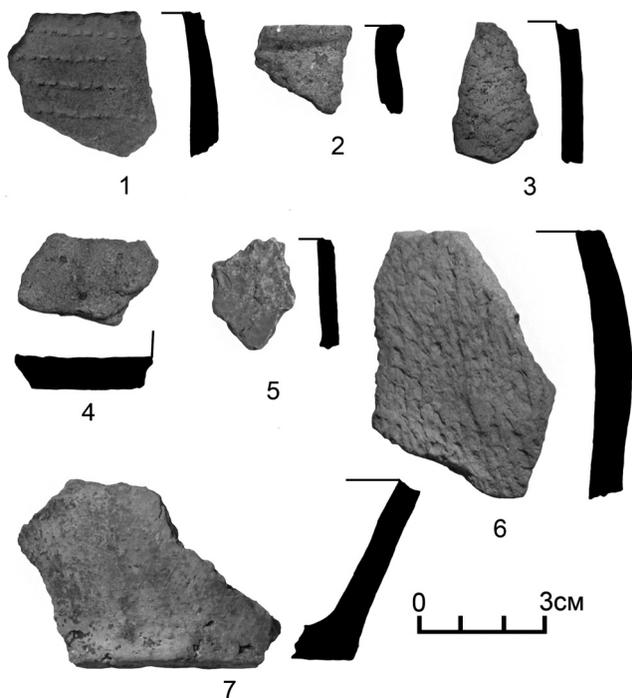

Рис. 15. Георгиевская церковь. Лепная керамика эпохи бронзы.
1 – шурф 4; 2–5 – шурф 7; 6, 7 – шурф 10

сильной потёртостью поверхности, что свидетельствует о его долгом использовании.

Как и в церкви Архистратига Михаила, практически во всех шурфах зафиксирован горизонт предматерикового природногумусированного суглинка, представляющего собой аллювиальные отложения озёрной котловины. Мощность этого горизонта составляла от 0,15 до 0,20 м, к нему приурочены находки лепной поздняковской керамики (рис. 15), свидетельствующие о существовании на береговом мысе поселения 2 тыс. до н. э.

При раскопках в Георгиевском храме не были зафиксированы погребальные комплексы, антропологический материал в переотложенном виде не был встречен и в массовом материале. Можно полагать, что западная граница монастырского кладбища находилась между двумя храмами.

Помимо шурфовки на запланированных участках, на территории монастыря, включая северную историческую часть, оставшуюся ныне

за его пределами, был проведён сбор подъёмного материала. На огородах у бывшего келейного и братского корпусов были найдены фрагменты чернолощёной, сероглиняной неорнаментированной и поливной посуды XVII–XIX вв. **Собранные материалы позволили внести в список выявленных объектов культурного (археологического) наследия «Культурный слой и некрополь Белогостицкого монастыря, XVI – нач. XX вв.» в границах внесённого в Государственный реестр объекта культурного наследия регионального значения «Ансамбль Белогостицкого монастыря, XVII – нач. XX вв.»**, расположенного по адресу: Ярославская область, Ростовский район, село Белогостицы, 78.

Список источников и литературы

1. Археологическая карта России. Ярославская область / Сост. К. И. Комаров / под ред. А. В. Кашкина. — Москва : ИА РАН, 2005. — 408 с.
2. *Асташова, Н. И.* Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея / Н. И. Асташова, Л. А. Петрова, Т. Г. Сарачева. — Москва : РИП-холдинг, 2013. — 319 с.
3. *Кашкин, А. В.* Охранные работы в церкви Вознесения в Валах (Исидора Блаженного) в Ростове Великом / А. В. Кашкин, Н. Г. Самойлович // Археология : история и перспективы : Четвёртая межрегиональная конференция : сб. статей. — Ярославль : Рыбинский дом печати, 2010. — С. 15–24.
4. *Корзухина, Г. Ф.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. / Г. Ф. Корзухина, А. А. Пескова. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2003. — 432 с.
5. *Корзухина, Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. / Г. Ф. Корзухина. — Москва ; Ленинград : АН СССР, 1954. — 156 с.
6. *Леонтьев, А. Е.* Отчёт о работе Волго-Окской экспедиции в 1987 г. / А. Е. Леонтьев // Архив ИА РАН. Р-1. № 15614. — Москва, 1988.
7. *Мельник, А. Г.* Памятники XVII в. Белогостицкого монастыря / А. Г. Мельник // Памятники культуры. Новые открытия. 1993. — Москва : Наука, 1994. — С. 386–391.
8. *Мельник, А. Г.* Церковь Архистратига Михаила Белогостицкого монастыря / А. Г. Мельник // Макарьевские чтения. Русские государи — покровители православия. — Вып. 8. — Можайск : Можайск-Терра, 2001. — С. 403–422.
9. *Хохлов, В. Н.* Отчёт об археологической разведке в Ростовском районе Ярославской области в 1986 г. / В. Н. Хохлов // Архив ИА РАН. Р-1. № 11539. — Москва, 1987.
10. *Хохлов, В. Н.* Разведки в Ростовском районе Ярославской области в 1986 г. / В. Н. Хохлов, А. Г. Мельник // АО. — Москва : Наука, 1988. — С. 100.

Е. В. Спиридонова, В. В. Праздников,
Е. А. Кокорина
Ярославль

Археологические исследования на селище Яковлевское-3 Узличского района Ярославской области¹

Спокойный ландшафт, лесные массивы, близость крупного города делали окрестности Углича привлекательными для жизни средневекового населения. Об этом свидетельствует концентрация памятников раннего средневековья в этом районе. Большая часть древнерусских селищ и курганных могильников расположена на берегах р. Волги и её притоков: Корожечны, Юхоти, Улеймы и др.

Селище Яковлевское-3 расположено на мысу при впадении в Волгу Яковлевского ручья, в 0,5 км к юго-юго-западу от деревни Яковлевское. Археологический памятник был открыт в 1932–1933 годах О. Н. Бадером при разведочном обследовании берегов реки Волги перед началом строительства Рыбинской и Угличской гидроэлектростанций. В непосредственной близости были открыты ещё два селища и курганный могильник, датируемые XI–XIII веками.

С 1954 по 1959 годы в Узличском районе работала экспедиция Государственного исторического музея под руководством М. В. Фехнер. На тот момент в районе было известно 16 средневековых селищ. За 6 полевых сезонов экспедицией ГИМ раскопано 12 сельских поселений, ещё шесть памятников были отмечены как полностью разрушенные. Большинство исследованных М. В. Фехнер памятников были отнесены к X–XIII векам. По результатам многолетних исследований автором был сделан вывод: «Расположенные на близком расстоянии друг от друга, они свидетельствуют о плотности заселения этого района. Отсутствие находок XIV–XVII веков на данных памятниках даёт возможность предполагать, что с татар-

¹ Работа выполнена при поддержке проекта ЯрГУ VIP-018.

ским нашествием эти поселения прекратили своё существование»². В 1956 году в сферу внимания М. В. Фехнер попало и наше селище. Помимо керамического материала, на его территории были найдены ключ от цилиндрического замка и обломок ножа³.

В 1977 году селище было обследовано К. И. Комаровым, тогда же был снят план, определены его приблизительные границы, выяснена структура культурного слоя, составлен паспорт памятника⁴.

По опубликованным позднее данным селище занимает мыс первой левобережной террасы р. Волги при устье Яковлевского ручья высотой от реки 3–5 м. Протяжённость вдоль волжского берега составляет около 200 м при ширине до 80 м.

С 2010 по 2019 годы раскопки селища проводила Ярославская археологическая экспедиция под руководством В. В. Праздников, А. А. Пакина и И. В. Никитина. Общая изученная площадь памятника составила 1 793 кв. м (рис. 1).

В 2010 году изыскания проводились на участках, подверженных разрушению, вдоль берегов реки Волги и Яковлевского ручья, но, несмотря на мощность культурного слоя, достигающего местами до 50 см, собранный материал был крайне незначителен. Поверхность раскопа имела существенные повреждения, наиболее значительные по линии берега Волги. Обнаруженные в ходе раскопок естественные углубления в виде полос образовались в результате размыва береговой линии и впоследствии были заполнены культурным слоем. Одна из таковых линий, проходящая с запада на восток, значительно углубляется в сторону берегового обрыва

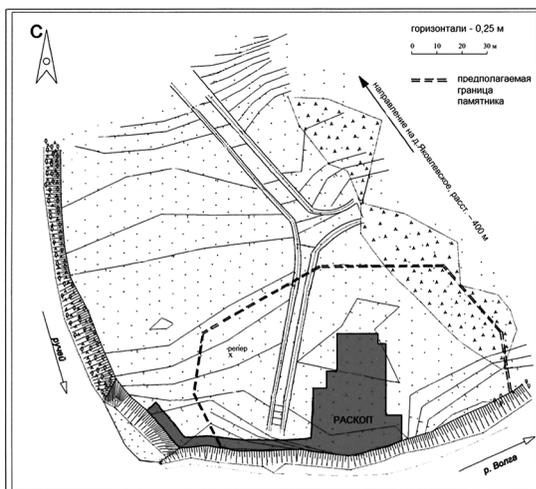

Рис. 1. Ситуационный план селища Яковлевское-3

² Фехнер М. В. Селища Ярославского Поволжья X–XIII вв. // Краеведческие записки. Вып. 2. Ярославль, 1957. С. 195.

³ Фехнер М. В. Отчёт об археологических работах в 1956 г. в Угличском районе Ярославской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 1228. Л. 5–6.

⁴ Археологическая карта России. Ярославская область / Сост. К. И. Комаров / под ред. А. В. Кашкина. М., 2005. С. 273. № 516.

и представляет собой небольшой засыпанный овраг. Незначительное количество керамики (139 фрагментов) включало как древнерусскую, так и позднюю красноглиняную, чернолощённую и поливную. Находки фрагмента удил, гвоздя и монеты номиналом 20 коп. 1945 года в 1-м, 2-м и 4-м пластах соответственно также свидетельствуют о перемешанности культурного слоя. В последующие годы раскопы проводились только вдоль берега Волги.

Стратиграфия памятника довольно проста. Верхний слой дёрна образовался, видимо, недавно: после того, как была прекращена многолетняя распашка селища. Следы распашки в виде узких вытянутых полос зафиксированы на материке практически по всей территории памятника. Мощность дёрна составляет 5–10 см. Культурный слой представлен тёмно-коричневой супесью с углём. Этот слой прослежен только в северной части памятника. Ближе к Волге и ручью сразу под дёрном и до материка идёт слой светло-коричневой супеси без видимых примесей. Весь культурный слой перемешан в ходе распашки, и неповреждённые слои сохраняются только в ямах. Мощность культурного слоя варьируется от 25 до 60 см. На юге у обрыва Волги мощность слоя доходит до 1 м. Дневная поверхность, как и материк, полого понижается к Волге и ручью. Материк на всей территории селища представлен светло-жёлтым песком.

Обнаруженные в результате исследований ямы, исходя из датировки индивидуальных находок и анализа керамического материала, относились к времени существования селища. Всего зафиксировано 64 ямы различного назначения. В 20 ямах найдены артефакты. Что интересно, в крупных ямах площадью свыше 4 кв. м, среди прочих находок обязательно присутствуют нож, оселок, фрагмент стеклянного браслета и пряслице (шиферное или глиняное). Столбовыми являлись 19 ям, их диаметр колебался от 17 до 50 см, глубина — от 9 до 35 см; 13 из них имели диаметр от 30 см и выше (рис. 2).

Остальные ямы либо являлись подпольями наземных построек, либо были хозяйственными. Практически во всех ямах, за исключением столбовых, заполнение представлено тёмно-коричневой супесью с углём, реже встречается светло-коричневая супесь с углём. В средних и крупных ямах площадью свыше 2 кв. м, в центральной части раскопа в заполнении встречаются мелкие пережжённые камни, севернее них в подобных же ямах зафиксировано большое количество печины.

Наибольший интерес представляют две ямы из раскопок 2011 и 2012 годов. Так, яма 1, исследованная в 2011 году, являлась частным сооружением (рис. 3), сложным по конструкции и структуре. Большая часть ямы округлой формы с максимальным диаметром 540 см. Внутри округлой ямы — нижняя, близкая к квадрату прямоугольная часть, ориентированная углами с небольшим отклонением по сторонам

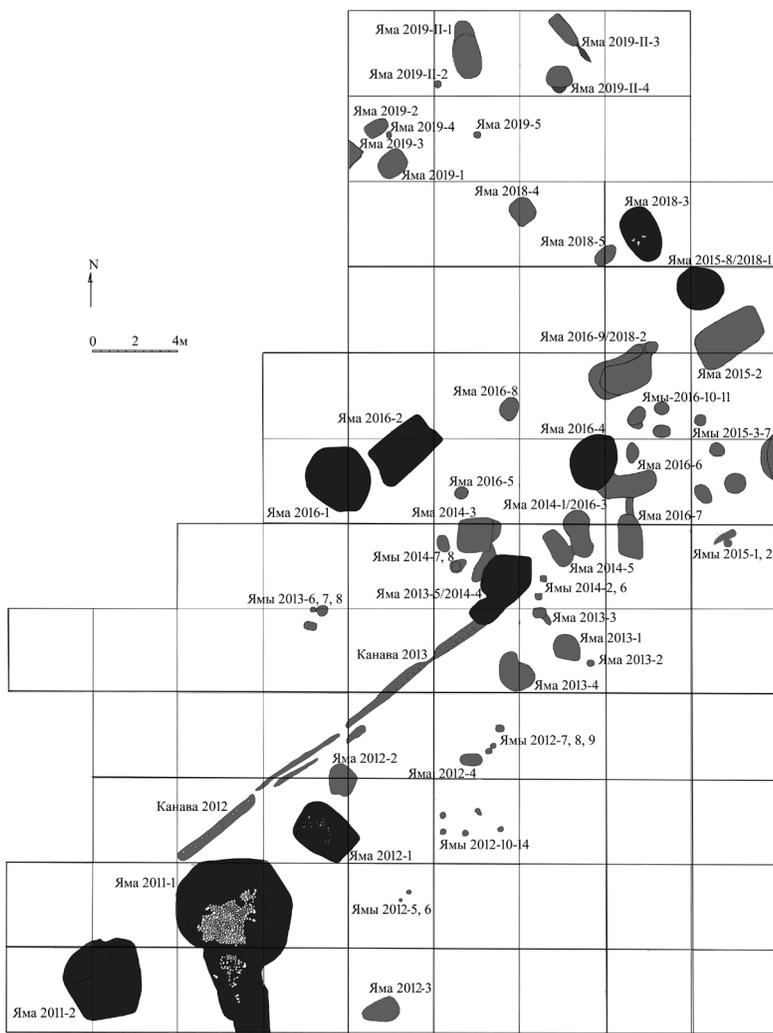

Рис. 2. Селище Яковлевское-3. План материковых ям

света. Размеры прямоугольной части — 380×360 см. Крупная округлая часть имеет пологие края и плоское дно, глубина 40–45 см от уровня материка. Заполнение этой части состоит из тёмно-коричневой супеси с вкраплениями угля. С юга к описанной конструкции примыкает ещё одна часть в виде широкой траншеи, уходящей в береговой обрыв. Эта часть ямы несколько сужается с севера на юг. Длина траншеи — 370 см, ширина — около 220 см.

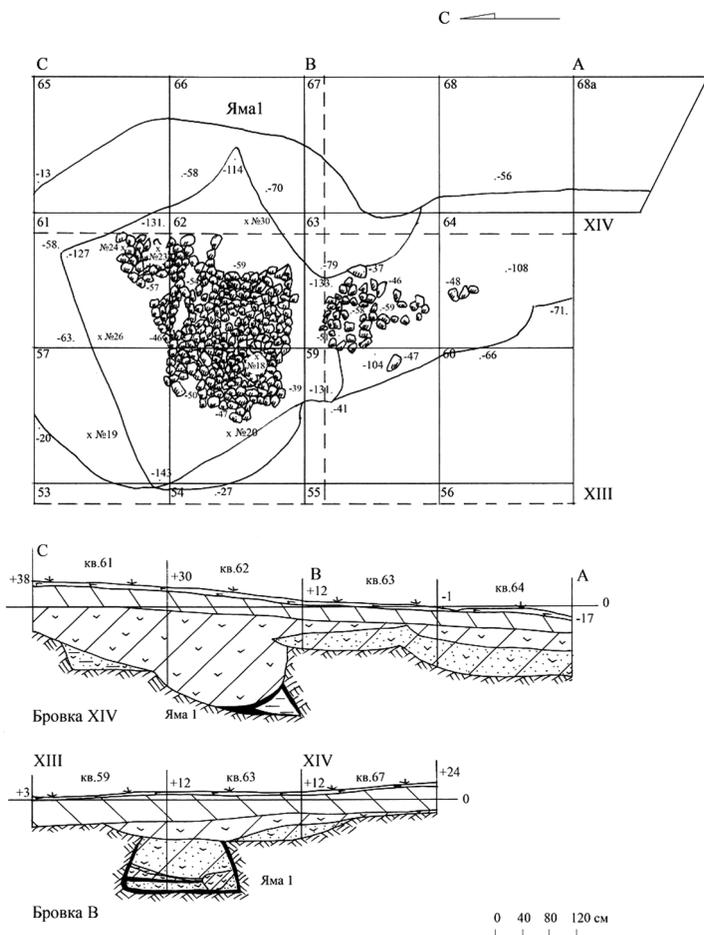

Рис. 3. Селище Яковлевское-3. Яма 1 (2011 г.).
План и разрезы по линии бровок

При выборке заполнения прямоугольной части ямы на глубине около метра от материка было обнаружено скопление плотно уложенных камней, составляющих вымостку. Она занимает площадь 350×240 см, несколько вытянута по оси юго-запад – северо-восток. В её юго-западной части читается идеально круглое пятно диаметром 30 см, где камней нет. Видимо, это остатки столба. На этом же уровне вымостка с несколько меньшей концентрацией камней была зафиксирована в месте примыкания прямоугольной части ямы к траншее. Её размеры — 170×120 см. Камни крупные, размерами от 15 до 25 см. Заполнение части ямы, обозначенной

как траншея, однородное, состоит из тёмно-коричневой супеси в сочетании с жёлто-коричневым песком и вкраплениями угля. Края пологие, дно плоское, глубина 45–55 см относительно материка. Прямоугольная часть ямы имеет отвесные края и плоское дно, глубина достигает 116 см от уровня материка. Заполнение этой части ямы более сложное: помимо каменной вымостки, в верхней части отмечена тёмно-коричневая супесь с вкраплениями угля, ниже зафиксирована тёмно-коричневая супесь в сочетании с жёлто-коричневым песком и вкраплениями угля, прослойки светло-коричневой глины и тёмно-коричневой супеси с углём. Материку предшествует жёлто-коричневый песок с вкраплениями угля. Края и дно прямоугольной части ямы обуглены. При выборке ямы были найдены пробы, скоба, ладейная заклёпка, энколпион и три фрагмента стеклянных браслетов.

Предназначение этой ямы непонятно. Если это временное жилище типа полуземлянки, то зачем тогда каменная вымостка сверху. Если это какое-то производственное или сакральное сооружение, то зачем такое мощное подземное пространство. Возможно, это сооружение использовалось в разное время для разных нужд.

Рядом с этой ямой располагалась яма 1 из раскопа 2012 года, также имеющая значительную глубину и сложную конструкцию (рис. 4). Основная часть, достигающая глубины 118 см от уровня материка, имеет форму прямоугольника, размерами 270 × 180 см. В юго-западной части ямы на глубине 43–47 см от общего уровня материка имеется ступенька шириной около 60 см. Края ступеньки отвесные, поверхность плоская.

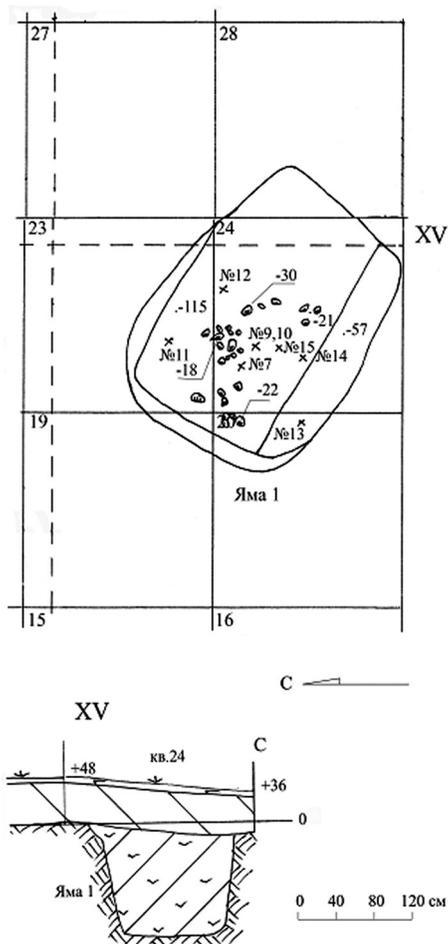

Рис. 4. Селище Яковлевское-3. Яма 1 (2012 г.). План и разрез

При выборке заполнения ямы на глубине от 18 до 30 см в центральной части отмечено скопление небольших по диаметру камней. Камни сконцентрированы несколькими группами. Основную часть заполнения ямы составляет тёмно-коричневая супесь с большим содержанием угля. В заполнении ямы найдены нож, оселок, железный витой стержень, три фрагмента стеклянных браслетов, донце гончарного сосуда с клеймом.

Что интересно, с северо-запада от этих ям прослежены остатки ограждения (плетень, частокол), представленные неглубокой канавкой (до 10 см), проложенной с юго-запада на северо-восток. По низу этой канавки расчищены ямки, как круглые (диаметром 5–7 см), так и прямоугольные (5 × 8 см). Ямки идут в два параллельных ряда. Там, где сочетаются круглые и прямоугольные ямки, они идут в шахматном порядке и на одинаковом расстоянии (30 см) друг от друга. Протяжённость зафиксированного ограждения 18 м (см. рис. 2, Канава 2012 и Канава 2013).

Следует отметить, что во всех ямах, за исключением столбовых, культурный слой пережжён: зафиксированы прокалённость грунта и угли. Это свидетельство, что селище Яковлевское-3, видимо, было уничтожено пожаром, после которого уже не возродилось.

Помимо находок, относящихся к средневековью, на поселении в небольшом количестве встречаются кремневые изделия мезолитического облика — нуклеусы, отщепы, ножевидные пластинки. Правда, их количество уменьшается по мере удаления от реки, так что возможная стоянка, видимо, по большей части уже ушла под воду.

Керамический материал и почти все индивидуальные находки сгруппированы в ямах и вокруг них.

Всего в ходе исследования была собрана большая коллекция керамического материала — 18 989 фрагмент (табл. 1).

Большую часть керамики — почти 87,7 % — составляют обломки древнерусской круговой посуды конца XII—XIII веков. Керамика среднего качества, в основном с примесью мелкой или средней дресвы, в наиболее поздних фрагментах начала XIV века в качестве примеси в основном используется песок. Помимо значительного числа стенок, венчиков и донце от горшков и, значительно реже, мисок и чашек, иногда попадаются крышки сосудов. За все годы раскопок было найдено только два полных профиля горшков начала XIII века (рис. 5: 1–2)

На донцах трёх сосудов имелись клейма — круг, «знак рюриковичей» и геометрический символ подтреугольной формы с вытянутым вправо верхним углом (рис. 5: 3).

Орнаментировано около 15 % керамики, наиболее часто встречаются: линия и линейный многоряд (50 %), волна и волновый многоряд (30 %), прямоугольный и треугольный штамп (18 %), реже лункообразные и округлые вдавления (3 %); нарезы единичны.

Таблица 1. Керамика из раскопок селища Яковлевское-3

Год	Древнерусская (конец XII – XIII в.)	Белоглиняная (конец XII – XIII в.)	Красноглиняная (XVIII – XIX вв.)	Полувинная (XVIII – XIX вв.)	Чернолощёная (XVIII в.)	Лепная (сетчатая и ямочно-гребенчатая)	Итого
2010	111	10	4	9	4	1	139
2011	2 133	154	104	22	3	1	2 417
2012	2 042	166	76	26	7		2 317
2013	844	72	49	12			977
2014	1 816	140	47	6	1	2	2 012
2015	2 068	189	51	30	2		2 340
2016	3 612	385	125	22	4	1	4 149
2017	514	99	26	25		2	666
2018	2 541	200	155		2	1	2 899
2019	978	29	55	8			1 070
Итого	16 659	1 444	692	160	23	8	18 989
	87,73 %	7,6 %	3,6 %	0,84 %	0,12 %	0,04 %	

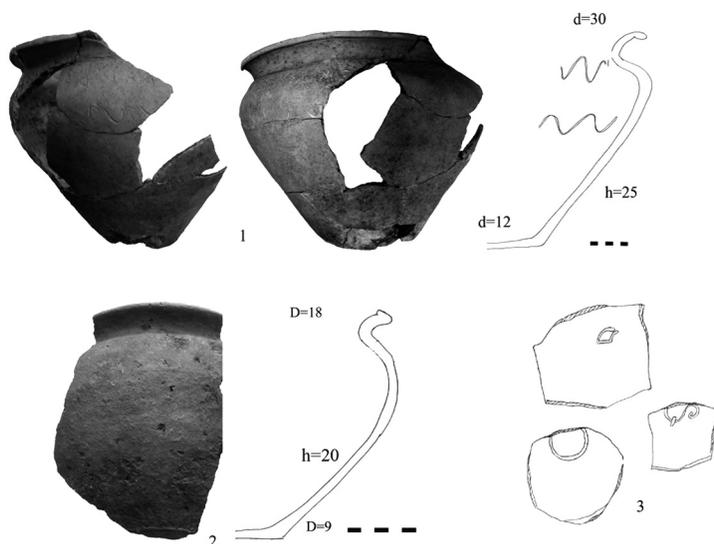

Рис. 5. 1–2 – керамические сосуды XIII века;
3 – гончарные клейма на донцах сосудов

На втором месте по количеству — древнерусская белоглиняная керамика — 7,6 %. Полных профилей найдено не было, так же, как и иных форм, кроме горшков. Керамика сероватого цвета и среднего качества. Орнаментировано около 10 % керамики, наиболее часто встречаются: линия и линейный многоряд (65 %), реже — волна (15 %); нарезы и прямоугольный штамп единичны.

Небольшой процент составляют фрагменты поздней керамики XVIII–XIX веков: красноглиняной (3,6 %), поливной (0,84 %) и чернолощёной (0,12 %). Они, как и монета 1800 года, видимо, попали сюда спустя значительное время после прекращения существования средневекового поселения. В материковых ямах поздний материал отсутствует.

За 10 лет раскопок в культурном слое было найдено 8 фрагментов лепной керамики, из них 2 фрагмента ямочно-гребенчатой и 6 фрагментов сетчатой. Видимо, они попали сюда случайно.

Набор индивидуальных находок традиционен для сельских поселений, хотя и не без своей специфики. Всего на поселении было найдено 237 предметов.

Среди железных изделий 48 ножей, 18 гвоздей, 7 лодочных заклёпок, 5 пробоев, 4 скобы, 2 фрагмента удила, фрагмент лезвия топора, сошник, ледоходный шип, стамеска, шило и т. д. Как показал металлографический анализ, при изготовлении многих предметов был использован металллом. Часть ножей имеют наварные лезвия, а данная технология, по аналогии с Суздальским ополем, используется с рубежа XI–XII веков, получая широкое распространение в XII веке⁵.

На раскопе было найдено 3 наконечника стрел. Два из них относятся к типу 67 по классификации А. Ф. Медведева и представляют собой срезни в виде узкой вытянутой лопаточки (рис. 6: 1–2). Подобные стрелы появились на Руси в первой половине XIII века вместе с монголами. Третий — плоский, традиционной для древней Руси ромбовидной формы. По классификации А. Ф. Медведева — тип 46 («новгородский тип»), пик распространения которых приходится на IX–XI вв., хотя использовались до XIII в.⁶ (рис. 6: 3).

Найдено также несколько фрагментов замков — 2 дужки и 2 цилиндра — тип В (по Б. А. Колчину⁷) и 3 ключа того же типа. По новгородским находкам, подобные изделия датируются серединой XII — началом XV в. (рис. 7).

⁵ Шербаков В. Л., Праздников В. В. Кузнечные изделия из коллекции селища Яковлевское-3 в Угличском районе Ярославской области // Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция: сб. докладов. Ярославль, 2016. С. 195.

⁶ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (луки и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников СССР. М., 1966. С. 75, 68.

⁷ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2. С. 95.

Рис. 6. Железные наконечники стрел (1–3)

Рис. 7. Фрагменты замков (1, 2, 4, 6) и ключи (3, 5)

Рис. 8. Украшения и детали костюма:
 1–2 — бубенчики бронзовые, 3–4 — бронзовые накладки,
 5 — витое височное кольцо, 6–7 — перстни бронзовые, 8 — железная подвеска,
 9–13 — бусины, 14 — фрагмент бронзового браслета

Из традиционных для сельских поселений находок можно также назвать 10 керамических рыболовных грузил и 8 оселков, один из которых с отверстием. На 13 шиферных пряслиц разных типов приходится всего 3 керамических.

В большом для сельского поселения количестве найдены стеклянные браслеты — 29 экземпляров. Большинство из них коричневого или зелёного цвета, есть гладкие и кручёные, причём часть кручёных с жёлтой нитью. Найдены и сильно обожжённые фрагменты, вплоть до совсем расплавленных⁸.

Украшений или деталей костюма немного: 2 бронзовых бубенчика, 2 перстня — гладкое и ложновитое, 2 бронзовые накладки, витое височное кольцо, фрагмент бронзового браслета, железная подвеска и 5 бус (3 стеклянных, 1 фаянсовая и 1 костяная) (рис. 8).

⁸ Подробнее см.: Спиридонова Е. В., Праздников В. В., Кокорина Е. А. Украшения из стекла и фаянса поселения Яковлевское-3 Угличского района Ярославской области в настоящем сборнике.

Нечасто встречающейся на сельских поселениях категории находок являются кресты-складни. Из двух найденных на селище экземпляров один представляет собой распространённую форму: крест-складень с почти прямыми, незначительно расширяющимися концами и квадратными выступами в средокрестии, на обеих сторонах —

вдавленные изображения равноконечных крестов с чуть расширяющимися концами. Подобные кресты встречаются и в России (в Ярославской, Курской, Брянской областях, в Белоозере, Приднепровье, Ярополче Залесском и т. д.), и на Украине.

Второй энколпион — редкий вариант, до сих пор известный лишь благодаря нескольким находкам из киевского региона. Он представляет собой крест-складень с закруглёнными концами и дополнительными выступами по краям. На одной стороне — инкрустация креста с сиянием. На другой — изображение Богородицы со сложенными в молитвенном жесте на груди руками. При этом голова и верхняя часть тела фигуры выпуклые, явно литые, а лицо, руки, ноги, детали одежды процарапаны. Справа буквы МР, слева ΘΥ — Μήτηρ θεοῦ (Матерь Божья). Сверху, над головой Богородицы процарапан полукруг с пятью точками в форме креста. Подобное изображение с трудом вписывается как в православную, так и в католическую иконографию Богородицы. На древнерусских энколпионах этот вариант Богородицы с ладонями перед грудью встречается достаточно часто, но, в отличие от нашей находки, ладони Богородицы там немного разведены, в то время как у нас они соединены между собой⁹.

Ещё одна редкая для сельских памятников находка — железное писало (рис. 9: 1).

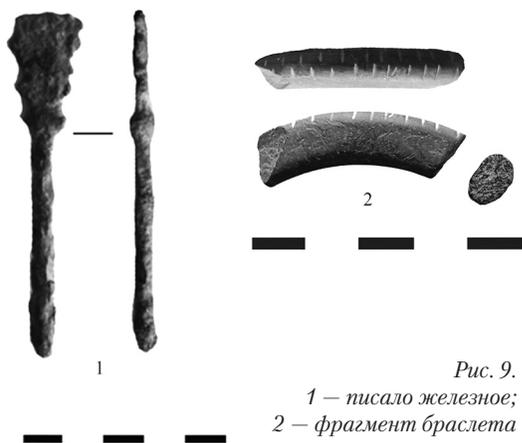

Рис. 9.
1 — писало железное;
2 — фрагмент браслета
сланцевого

⁹ Подробнее см.: *Спиридонова Е. В., Праздников В. В.* Энколпионы с поселения Яковлевское-3 Угличского района Ярославской области // *Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция: сб. докладов.* Ярославль, 2016. С. 166–173.

В 2016 году в ходе раскопок были сделаны сразу две необычные находки. Во-первых, фаянсовая бусина необычной формы¹⁰. Во-вторых, фрагмент сланцевого изделия, видимо, браслета, подтреугольного сечения, диаметром 7,5 см, украшенного нарезками, аналогий которому пока найти не удалось (рис. 9: 2). Похожие браслеты встречаются в разных культурах. В Западной Европе основная часть подобных находок приходится на позднеримское время¹¹, а на Кавказе (в Адыгее) они появляются ещё в энеолите¹².

Таким образом, и массовый керамический материал, и индивидуальные находки свидетельствуют о датировке селища последней третью XII – рубежом XIII–XIV веков. Поселение благополучно пережило монгольское нашествие, однако погибло в результате пожара и больше уже не возродилось. Судя по энколпионам, стеклянным браслетам, привозным бусам, его население было достаточно зажиточным. В целом, материалы раскопок селищ Угличского района показывают, что мнение о бедности и низком социальном статусе сельского населения в данном регионе сильно преувеличено. По крайней мере, стеклянные браслеты здесь точно не являются исключительно городским украшением.

Список источников и литературы

1. Археологическая карта России. Ярославская область / Сост. К. И. Комаров ; под ред. А. В. Кашкина. — Москва : Институт археологии РАН, 2005. — 408 с.
2. Колчин, Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // СА. — 1958. — № 2. — С. 92–111.
3. Корневский, С. Н. Поселение энеолитической эпохи Предкавказья, Ясенева Поляна и культура накольчатой жемчужной керамики Предкавказья / С. Н. Корневский // Проблемы истории, филологии, культуры. — Вып. 21. — Магнитогорск : Издательство Магнитогорского гос. университета, 2008. — С. 112–148.
4. Медведев, А. Ф. Ручное метательное оружие (луки и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев // Археология СССР. Свод археологических источников СССР / под ред. Б. А. Рыбакова. — Москва, 1966. — 182 с.

¹⁰ Подробнее см.: Спиридонова Е. В., Праздников В. В., Кокорина Е. А. Украшения из стекла и фаянса поселения Яковлевское-3 Угличского района Ярославской области в настоящем сборнике.

¹¹ Major H. An overview of the small finds assemblage, in M. Atkinson and S.J. Preston *Heybridge: A Late Iron Age and Roman Settlement, Excavations at Elms Farm 1993-5*, *Internet Archaeology* 40. Figure 447: Bracelets, 431-454b. URL: <https://intarch.ac.uk/journal/issue40/1/3-7-2.html>

¹² Корневский С. Н. Поселение энеолитической эпохи Предкавказья, Ясенева Поляна и культура накольчатой жемчужной керамики Предкавказья // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 21. Магнитогорск, 2008. С. 126 (рис. 4); С. 128 (рис. 6) и др.

5. *Спиридонова, Е. В.* Энколпионы с поселения Яковлевское-3 Угличского района Ярославской области / Е. В. Спиридонова, В. В. Праздников // Археология : история и перспективы : Седьмая межрегиональная конференция : сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль, 2016. — С. 166–173.
6. *Фехнер, М. В.* Отчёт об археологических работах в 1956 г. в Угличском районе Ярославской области / М. В. Фехнер // Архив ИА РАН. Р-1. № 1228.
7. *Фехнер, М. В.* Селища Ярославского Поволжья X–XIII вв. / М. В. Фехнер // Краеведческие записки. — Вып. 2. — Ярославль, 1957. — С. 183–195.
8. *Щербаков, В. Л.* Кузнечные изделия из коллекции селища Яковлевское-3 в Угличском районе Ярославской области / В. Л. Щербаков, В. В. Праздников // Археология : история и перспективы : Седьмая межрегиональная конференция : сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль, 2016. — С. 190–195.
9. *Major, H.* An overview of the small finds assemblage, in M. Atkinson and S. J. / H. Major. — Preston *Heybridge : A Late Iron Age and Roman Settlement, Excavations at Elms Farm 1993-5*, Internet Archaeology 40. Figure 447: Bracelets, 431-454b. — URL: <https://intarch.ac.uk/journal/issue40/1/3-7-2.html>

Е. В. Спиридонова, В. В. Праздников,
Е. А. Кокорина
Ярославль

Украшения из стекла и фаянса поселения Яковлевское-3 Угличского района Ярославской области¹

С 2010 по 2019 год Ярославская археологическая экспедиция проводила раскопки селища Яковлевское-3, расположенного на мысу при впадении в Волгу Яковлевского ручья, в 0,5 км к юго-юго-западу от деревни Яковлевское Угличского района. Селище было открыто в 1932–1933 годах О. Н. Бадером, обследовано в 1956 году М. В. Фехнер, в 1977 году К. И. Комаровым.

Памятник в целом не богат находками, за 10 лет его исследования на площади раскопа в 1793 м² обнаружено всего 237 индивидуальных находок, в том числе 12 мезолитических орудий, пластин и нуклеусов. В это же число входят полные профили керамических сосудов и донца сосудов с клеймами².

Стеклянные браслеты селища Яковлевское-3 составляют вторую по численности группу находок, их превосходят по количеству только железные ножи. Помимо браслетов, на памятнике обнаружено пять бусин: три стеклянные, одна фаянсовая и одна костяная. Также надо отметить, что среди 31 фрагмента браслетов выявлены две пары осколков двух браслетов, то есть мы располагаем 29 образцами стеклянных браслетов. Таким образом, общее количество стеклянных изделий, ставших предметом нашего изучения, составляет 29 браслетов, 3 стеклянные и 1 фаянсовая бусины.

¹ Работа выполнена при поддержке проекта ЯргУ VIP-018.

² Подробнее см.: *Спиридонова Е. В., Праздников В. В., Кокорина Е. А.* Археологические исследования на селище Яковлевское-3 Угличского района Ярославской области в настоящем сборнике.

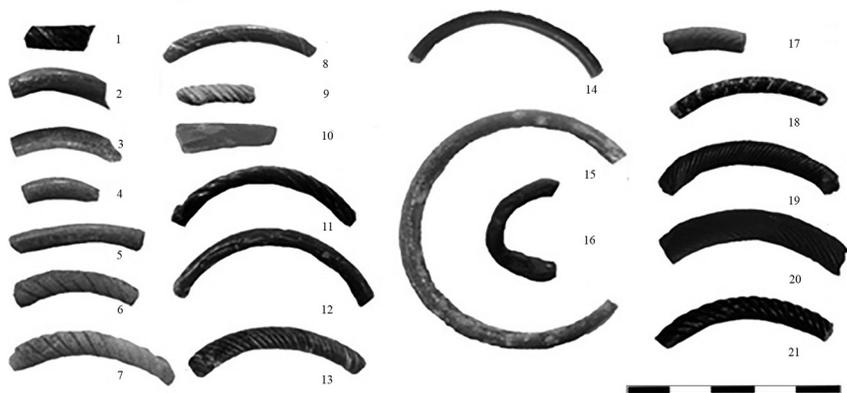

Рис. 1. 1–21 — стеклянные браслеты с поселения Яковлевское-3

Браслеты Яковлевского на первый взгляд не отличаются особенным разнообразием, тем не менее, их можно разделить на группы и типы на основе их морфологических признаков и технологии изготовления, а также по характеристике химического состава стекла. Из 29 браслетов 8 фрагментов короткие — до 2 см, остальные длиной от 2,5 до 6 см, один браслет (2014-21, ан. 898-25, рис. 1: 15)³ утратил всего четверть (его длина 17,3 см). Один из браслетов (2016-49, ан. 898-30) сильно оплавлен и деформирован (рис. 1: 6).

Большая часть (18 изделий, или почти 62 %) — гладкие (округлые), остальные — ребристые (рис. 2: 1). Гладкие браслеты практически все в сечении круглые, за исключением двух овальных: коричневого (2011-4, ан. 898-10, рис. 1: 1) и бирюзового (2012-18, ан. 898-19, рис. 1: 10).

Браслеты изготовлены традиционными способами (рис. 2: 2): все округлые в сечении браслеты, кроме одного, выполнены простым свободным вытягиванием стеклянного драта и формованием его в кольцо. В коричневом округлом с нитями браслете (2011-4, ан. 898-10), блестящем снаружи и матовом внутри, на просвет отчётливо видны продолговатые диагональные пузырьки: этот браслет изготовлен навивкой. Десять браслетов, имеющих в сечении розетку, изготовлены вытягиванием гладкого или ребристого драта с одновременным кручением и дальнейшим формованием в кольцо (8 из них кручёные, 2 мелкокручёные). Коричневый браслет (2012-7, ан. 898-15) — витой из двух прутков (рис. 1: 11).

Всего в выборке оказалось пять изделий с линейным декором (почти 17 %). Три ребристых браслета, один оливковый и два коричневых, имеют

³ Здесь и далее даны ссылки на помещённые в приложение каталог браслетов и таблицу результатов эмиссионно-спектрального анализа стеклянных изделий.

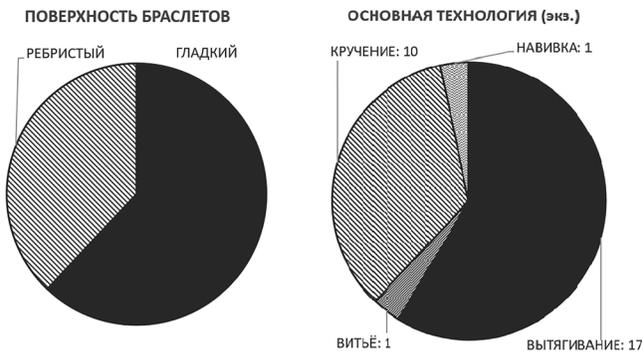

Рис. 2. Поверхность и технология изготовления браслетов

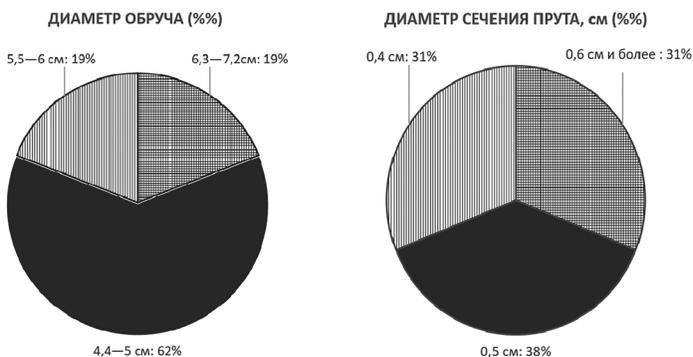

Рис. 3. Диаметры браслетов

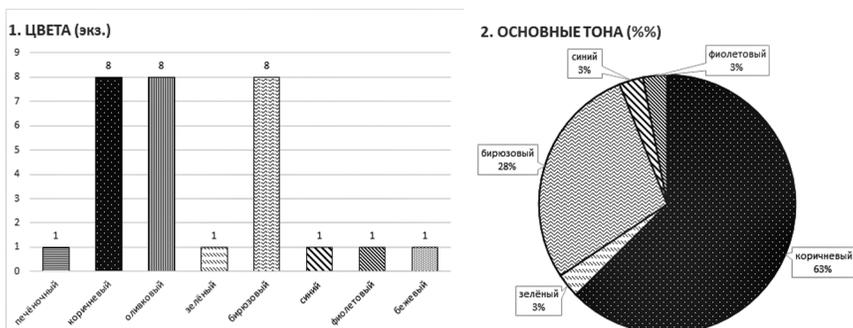

Рис. 4. Цвета браслетов

накладной декор в виде «перевитья», все с нитями глухого жёлтого стекла. Внутри одного из бирюзовых браслетов (Як. 2012-18, ан. 898-19) читается продольная нить более тёмного зелёного цвета (рис. 1: 10).

Внутренний диаметр обруча можно установить не для всех браслетов: 8 фрагментов очень короткие, из оставшихся большинство имеет внутренний диаметр обруча между 5,5 и 6,1 см (13 штук). Примечательно, что только 1 браслет имеет диаметр около 7 см; 4 браслета миниатюрные, менее 5 см. Если ранжировать диаметр браслетов (рис. 3: 1), примерно 62 % попадают в интервал 5,6–6,1 см (средние), у 19 % диаметр 6,3–7,2 см (большие) и у 19 % диаметр 4,4–4,8 см (малые) браслеты.

По размеру диаметра поперечного сечения прута примерно равное количество браслетов тонких (0,4 см: 9 браслетов, или 31 %), средних (0,5 см: 11 экз., или 38 %) и более толстых (более 0,6 см: 9 экз., или 31 %) (рис. 3: 2). У четырёх браслетов (2012-18, ан. 898-19; 2012-19, ан. 898-20; 2014-13, ан. 898-24 и 2014-21, ан. 898-25) сохранились концы («замки»), сваренные встык, в поперечном сечении все они уплощённые, округлые (шире и тоньше диаметра сечения браслета).

Цветовая гамма браслетов включает 8 коричневых с разным подтоном (янтарно-золотистый, грязно-жёлтый, холодный коричневый и глухой, практически чёрный); 8 оливковых; 8 бирюзовых (в том числе 4 зелёных с бирюзовым подтоном, 2 чисто бирюзовых и 2 ярко-голубых); по одному: зелёно-жёлтый (травянистый), холодный синий, фиолетовый, бежевый и красно-коричневый (печёночный) (рис. 4: 1).

Если свести все указанные цвета и оттенки к основным шести тонам, то получим значительное преобладание коричневых браслетов (в том числе собственно коричневые, почти чёрные, оливковые, бежевые и красно-коричневые) — 18 экземпляров, или 62 %. Остальные браслеты входят в тона бирюзовых — 8 штук, или 28 %, а синий, зелёный и фиолетовый, которых по одному экземпляру, составляют каждый 3 % (рис. 4: 2).

Хочется упомянуть ещё одну деталь, помимо очевидной оговорки про неизбежность некоторой субъективности в определении цветов и оттенков. Сравнивая впечатления от тона браслетов непосредственно в момент их находки (большей частью зафиксированного и в полевой документации) и их же цвета спустя несколько лет, необходимо отметить, что для части браслетов изменился не просто оттенок, но и цвет. Так, три браслета (рис. 1: 3–5), сейчас имеющие ярко выраженный бирюзовый подтон (и учтённые нами здесь как бирюзовые), в момент находки были скорее зелёными (2011-5, ан. 898-9; 2011-21, ан. 898-11 и 2011-22, ан. 898-12). Пара бирюзовых браслетов в глухой хрупкой серебристой патине, которая частично осыпалась в процессе камеральной обработки, хранения и проведения анализа (рис. 1: 6–7), приобрела яркий голубой цвет без малейшего зелёного оттенка (2012-9, ан. 898-16 и 2012-10, ан. 898-17).

Один браслет (2012-6, ан. 898-14) сохранил лишь фиолетовый подтон, поверхность его сильно расстеклована, цвет сердцевинки кажется сейчас скорее холодным коричневым, но в результатах анализа он отмечен как фиолетовый (рис. 1: 5). Аналогичное изменение цвета после извлечения браслетов из грунта, вплоть до почти полной утраты цвета, отмечено, например, для находок Замковой горы Любеча и может быть следствием пребывания готового изделия в огне пожара⁴.

Большая часть стёкол полупрозрачная, однако поверхность браслетов сильно патинирована или даже корродирована, за исключением единственного в коллекции витого янтарно-коричневого браслета с сохранной яркой и блестящей поверхностью (2012-7, ан. 898-15) (рис. 1: 11). Цвет многих браслетов можно определить только на тонких сколах, особенно браслетов тёмных тонов. Поверхность бирюзовых браслетов покрыта толстым белёсым (серебристым) слоем патины, на некоторых он осыпается, на других только глушит цвет. Есть браслеты с матовой патиной и сетью мелких ветвящихся трещин, есть глухая матовая, доброкачественная патина, с иризацией. Разная сохранность стекла — следствие как состава и особенностей его изготовления, так и обстоятельств его выпадения в слой: многие браслеты происходят из ям с пережжённым грунтом (однако оплавленных и частично деформированных браслетов всего один) (рис. 1: 16).

Характеризуя коллекцию браслетов Яковлевского в целом, следует отметить преобладание (6 экземпляров) коричневых гладких браслетов среднего внутреннего диаметра (5–6 см) и сечения (0,5–0,6 см). Среди коричневых браслетов гладких вдвое больше, чем ребристых, а оливковых поровну. Зелёные с бирюзовым подтоном браслеты все гладкие, а чисто бирюзовые — ребристые. Фиолетовый и синий — гладкие, а зелёный — ребристый. Следует отметить, что в яковлевских браслетах присутствуют все тона стекла, кроме жёлтого; несколько необычно многочисленны бирюзовые (сине-зелёные) браслеты.

Две стеклянные бусины в коллекции Яковлевского-3 — так называемые зонные — имеют округлую шаровидную форму, слегка усечённую с обеих сторон. По размеру первая из них (2016-8, ан. 898-7, рис. 5: 3) относится к средним бусам (от 9 до 17 мм); вторая (2016-61, ан. 899–8, рис. 5: 1) — к группе крупных микробус: 6–8 мм в диаметре⁵. Обе бусины изготовлены способом навивки, первая — индивидуальной, вторая, вероятно, серийной. Первая бусина — из бесцветного (бледно-жёлтого)

⁴ *Веремейчик Е. М.* Стекланные браслеты средневекового Любеча (по материалам раскопок 2010–2011 годов на Замковой Горе) // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 181.

⁵ *Callmer J.* Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia, ca 800–1000 A.D. Bonn; Lund: Habelt. 1977. P. 37.

Рис. 5. 1–3 – стеклянные бусины; 4 – фаянсовая бусина

стекла (рис. 5: 3), вторая – из стекла тёплого жёлтого оттенка (рис. 5: 1). Обе покрыты матовой патиной.

Третья бусина (2016-48, ан. 899-9) сильно пострадала от воздействия огня и практически утратила цвет, предположительно, она была тёмная с накладными светлыми нитями: на поверхности сохранился зигзагообразный рельеф (рис. 5, 2).

В 2019–2021 годах в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН был проведён оптический эмиссионно-спектральный анализ коллекции стекла и фаянса Яковлевского-3, аналитик – А. Н. Егорьков (приложение 2).

Стёкла одной из бусин и 25 браслетов (86 % всех исследованных браслетов) относятся к классу K-Pb-Si (ан. 898-7, 9-26, 28-29, 32; ан. 899-4), ещё одной бусины и четырёх браслетов (14 %) – к классу Pb-Si (ан. 898-27, 30, 31, 33); стекло третьей бусины относится к типу Na-K (ан. 899-9).

В коллекции есть стёкла, окрашенные оксидами железа и меди, для поташных стёкол давших зелёный цвет с бирюзовым подтоном (ан. 898-9; ан. 898-11 и ан. 898-12), а для свинцово-кремнезёмного – устойчивый травянисто-зелёный (ан. 898-27). Значительное содержание меди (от 1,4 до 2,1 %) в поташном стекле с небольшим количеством свинца (20–22 %) дало в результате яркую голубизну (ан. 898-16 и ан. 898-17), а увеличение количества свинца (35 %) привело к сохранению более отчётливой бирюзы в тоне стекла (ан. 898-19). Некоторые стёкла содержат незначительное количество окрашивающих составляющих (оксид железа 0,2–0,8%, оксид меди от полного отсутствия до 0,4%), в этом случае основным красителем выступает стеклообразующий свинец (ан. 898-15; ан. 898-21; ан. 898-22; ан. 898-28 и ан. 898-32). Синий оттенок стекла (ан. 898-20) проявляется

в результате совместного действия марганца и меди (оксид кобальта в составе отсутствует). Для оливковых браслетов окрашивающей составляющей послужило наличие оксида никеля в сочетании с оксидом железа (для K-Pb-Si: ан. 898-18; ан. 898-23; для Pb-Si: ан. 898-31, ан. 898-30 и ан. 898-33). Из 4 свинцовых три браслета оливковые, а один зелёный; коричневых свинцовых браслетов нет, все коричневые браслеты изготовлены из поташного стекла.

Два наиболее любопытных браслета в коллекции: коричневый округлый, овальный в сечении, изготовленный навивкой, с предположительно серебряной нитью (2011-4, ан. 898-10), уже неоднократно упоминавшийся, и браслет из глухого «печёночного» стекла (2014-25, ан. 898-26). Печёночный браслет (рис. 1: 14) очень тонкий и неровный в сечении (0,36–0,42 см), не исключено, что он подвергался ремонту нагреванием и вытягиванием. Поверхность матовая, стекло глухое непрозрачное, скол браслета красно-коричневый, уходящий в красно-лиловый тон, а узкая сердцевина ярко-красная, напоминает тонкую медную проволоку. Браслеты красно-коричневого стекла (как класса K-Pb-Si, так и Pb-Si) немногочисленны почти для всех изученных коллекций; по наблюдениям исследователей, несколько больше их в Смоленске⁶. Интересные исследования состава и окрашивающих компонентов печёночно-красного браслета, происходящего с Тимирёва, провели В. Н. Седых и Я. В. Френкель, сделавшие вывод, что стекло было окрашено металлической медью, мельчайшие фрагменты которой видны на электронно-микроскопической фотографии⁷. Для Яковлевского браслета был выполнен стандартный анализ, и делать какие-то глобальные выводы пока сложно.

подавляющее большинство браслетов и одна бусина могут быть отнесены к киевской школе, как по классу стекла (K-Pb-Si), так и по сохранности (коррозия, затрудняющая определение цвета стекла, или, в менее критическом состоянии, сеть мелких трещин). Бесцветная (бледно-жёлтая) зонная бусина (2016-8, ан. 898-7) могла быть изготовлена в Киеве домонгольского времени, в XII — первой четверти XIII веков. Браслеты могут происходить как из Киевских мастерских, так и из провинциальных, использующих киевскую технологию, датировка чуть более поздняя — вторая половина XII—XIII веков.

Четыре браслета из свинцово-кремнезёмного стекла по традиции относятся к провинциальной древнерусской школе стеклоделия. Стёкла

⁶ Столярова Е. К. О признаках местного производства стекла (на примере Древней Руси) // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 342.

⁷ Седых В. Н., Френкель Я. В. Об одной категории находок из раскопок Тимирёвского поселения (о времени функционирования археологического комплекса) // Древнейшие государства Восточной Европы: Экономические системы Евразии в ранне Средневековье / под ред. А. С. Щавелева. М., 2015. С. 353–358.

этого класса, как правило, более унылы по тону (коричневый, оливковый), крупнее и ощутимо тяжелее по весу. В коллекции Яковлевского 3 однотипных оливковых браслета; 2 из них кручёные и тяжёлые, особенно один — мелкокручёный, самый толстый в сечении и большой по диаметру (2016-34, ан. 898-31) (рис. 1: 20). Вместе с тем, к этому же классу относится и нарядный травянисто-зелёный браслет (2015-2, ан. 898-27) (рис. 1: 17).

К этому же классу стекла относится сильно обожжённая и практически утратившая цвет (кроме сердцевины) зонная бусина со следами накладных нитей (2016-48, ан. 899-8). А. Н. Егорьков, проводивший анализ, предполагает, что цвет высокосвинцового стекла бусы — зелёный; вероятно, накладные нити были контрастного светлого тона. Подобные бусы были широко распространены, существовало несколько центров их производства. Поступление аналогичных образцов на более северные, чем окрестности Углича, территории (Кубенское озеро) происходило, вероятнее всего, с юга по Волжскому пути и датируется XII веком⁸.

Отметим, что все браслеты свинцово-кремнезёмного стекла происходят из северо-восточного угла раскопа, расположенного довольно далеко от современного берега Волги, практически на окраине памятника. Датируются браслеты этой группы, как правило, второй половиной XII — серединой XIV веков, в Новгороде и некоторых других городах производство изделий из стекла продолжалось до середины XIV столетия. Однако С. В. Томсинский отмечает, что в Угличе стеклянные браслеты исчезают в конце XIII века⁹, и, видимо, правильнее ориентироваться именно на эту верхнюю дату, учитывая непосредственную близость Яковлевского к Угличу. Таким образом, датировка и этой группы изделий — вторая половина XII—XIII веков.

В целом и морфология, и химический состав стеклянных изделий Яковлевского позволяют сделать вывод о древнерусском происхождении всех находок, кроме одной бусины (2016-61, ан. 899-9). Эта небольшая округлая с матовой бежево-розоватой патиной бусина оказалась изготовленной из западноевропейского стекла, сваренного, по определению А. Н. Егорькова, на основе буковой золы, вероятно, с добавлением поташа.

Голубая фаянсовая бусина (Як. 2016-20, ан. 898-6) (рис. 5: 4) пирамидальной формы с двумя дисковидными выступами с широкой стороны и желобками по граням, так же, как и большинство браслетов, происходит из заполнения ямы (яма 2, раскоп 2016 года). В момент извлечения из слоя

⁸ Захаров С. Д., Кузина И. Н. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X—XIII вв. / под ред. Н. А. Макарова. Т. 2. М.: Наука, 2008. С. 164–166, 214.

⁹ Томсинский С. В. Угличе Поле в IX—XIII веках. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 212.

бусина была в очень хорошей сохранности, без сколов и утрат глазури, с небольшими потёртостями с одной из сторон в широкой части. Основа бусины — твёрдая голубоватая, глазурь постепенно приобретает более ярко выраженный бирюзовый (зеленоватый) оттенок. Размер в длину — 2,2 см, максимальный диаметр — 1,14 см, минимальный диаметр — 0,54 см, толщина канала — 0,22–0,33 см.

Изучение коллекций музеев, публикаций находок и их описаний¹⁰ позволило сделать вывод, что по морфологическим признакам фаянсовая бусина Яковлевского отличается как от центральноазиатских и золотоордынских кашинных бус XIII–XIV веков, так и от иранских («каменная паста») более раннего времени. В первую очередь очевидны отличия по морфологическим признакам: кашинные бусы, как правило, небольшие по размеру (за исключением более крупных золотоордынских и центральноазиатских), преимущественно шарообразной, зонной или бочонковидной формы, часто декорированы ребристым рельефом (в ранних памятниках Ирана встречаются короткие цилиндрические). Основа чаще всего рыхлого белого или бежево-коричневого оттенка, реже встречается плотная белая или серая спёкшаяся основа. Сохранность глазури кашинных бус очень низкая, за исключением небольшой группы ранних бус Сирафа и Нишапура, которые практически не экспортировались¹¹. Цвет глазури, как правило, светло-голубой, серо-голубой и зелёно-голубой. Некоторые исследования и публикации содержат упоминания о бусинах пирамидальной формы или бусах «сложнопрофилированной поверхности», однако, к сожалению, мы не располагаем изображением этих находок, явно отличающихся от типичных кашинных¹². Что касается фаянса античного времени, даже учитывая многообразие форм последнего, нам не удалось отыскать прямых аналогий с бусиной Яковлевского ни по форме и стилистике, ни по сохранности глазури.

¹⁰ Благодарим за консультации Я. В. Френкеля (Санкт-Петербург), С. И. Валиулину (Казань), Л. А. Рыжову (Херсонес) и Ш. М. Мирзахмедову (Ташкент).

¹¹ *Francis P. Jr.* Beads of the Early Islamic Period // BEADS: Journal of the Society of Bead Researchers. Vol. 1. 1989. P. 26–27; *Лесман Ю. М.* Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения: материалы научной конференции, посвящённой 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Новгород, 28 сентября — 2 октября 1992 г. / Отв. ред. В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков. Новгород, 1994. С. 192; *Коваль В. Ю.* Керамика Востока на Руси. Конец IX — XVII век. М.: Наука, 2010. С. 178–179; *Вишневская Н. Ю.* Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н. э. — начало XIII в. н. э.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 103; *Леонтьева А. С.* Кашинные изделия в погребениях Змейского катакомбного могильника // Поволжская археология. № 4(26). 2018. С. 57–59.

¹² *Коваль В. Ю.* Керамика Востока на Руси... С. 179 (Ростиславль-Рязанский); *Фоняков Д. И.* Изделия из стекла и фаянса в древнем Торопце // КСИА. 1991. № 205. С. 55–60.

Химический состав типичных сферических и бочкообразных кашинных бус, найденных на территории Руси, по сведениям В. Ю. Ковалёва: SiO_2 — до 67,6 %; Al_2O_3 — 6,0–11,7 %; CaO — 4,3–10,9 %; Fe_2O_3 — 1,4–20,0 %; MnO — 0,4–25,7 %¹³. Химический состав бус Торопца, морфологически отличных от типичных кашинных бус, принципиально иной¹⁴, как и результат оптического эмиссионно-спектрального анализа бусины из Яковлевского (см. прил. 2, ан. 898–6). Анализ бусины из Яковлевского показал высокое содержание кремнезёма и низкое содержание как щелочей, так и щелочных земель, что оказалось близко или подобно составу т. н. «египетского фаянса». Основа для предметов из этого первого искусственного материала почти полностью состояла из тонко перемолотого кварца (иногда толчёный горный хрусталь, иногда толчёная кварцевая галька) с добавлением извести и на ранних этапах соды, в дальнейшем золы растений; без примеси глины. Глазурь до примерно XXII династии была щелочная, в качестве красителя сине-голубых изделий использовался порошок меди (получаемый, вероятнее всего, из малахита), в более позднее время в глазурь могли добавлять свинец.

Небольшие изделия, как правило, прессовали в форму, высушивали и обжигали. Глазурование проводили тремя способами. Первый из них, аппликация, состоял из нанесения на сформованное изделие шликера (тонкого слоя суспензии, содержащей щелочь, известь и красящий пигмент), при обжиге нанесённый состав глазурился; в ранних династиях использовался преимущественно для крупных изделий, позднее стал более распространён. При применении второго способа (выцветание, или эффоресценция) состав для глазурирования вводился в основу, при высыхании образовывались высолы, которые затем глазурились в процессе обжига; в этом варианте обжиг мог проводиться при более низких температурах, а основа получалась более твёрдой и не чисто белой. Наконец, третий способ, который получил наибольшее распространение в средние века, — цементирование (или техника Кум): предметы после высыхания помещались в контейнер с порошком (известь, зола, песок, уголь, красящий пигмент), контейнер отправлялся в печь для обжига, в процессе которого порошок вступал в реакцию с основой и глазурился. Поскольку сердцевина и глазурь по-разному расширяются в термических условиях, почти все древние и средневековые бусины полностью утратили свои глазури, за исключением тех, что были глазурированы вторым способом¹⁵.

¹³ Коваль В. Ю. Керамика Востока на Руси... С. 179 (анализ бус с селища Мякино-2).

¹⁴ Фояков Д. И. Изделия из стекла и фаянса в древнем Торопце... С. 58–59.

¹⁵ Nicholson P. T. Faience Technology // UCLA Encyclopedia of Egyptology, Los Angeles, 2009. P. 3–8; Tite M. S., Freestone I. C., Bimson M. Egyptian faience: an investigation of the methods of production // Archaeometry. Vol. 25. 1983. P. 17–27; Whitford M. Probing Beneath the Surface: A study of ancient Egyptian faience. A thesis submitted to Macquarie

Бусина Яковлевского по своим физическим качествам и химическому составу оказалась изготовлена из т. н. «египетского фаянса» формовкой и глазурована способом эффлоресценции.

Морфологически наиболее похожими на бусу Яковлевского оказались бусина (рег. номер: 16.10.292)¹⁶ и низка бус (рег. номер: 26.7.1367)¹⁷ из собрания Музея Метрополитен, относящиеся к Среднему — раннему Новому царству (XII — начало XVIII династии), а также низка подобных бус и амулетов в электронном каталоге Музея египетской археологии Питри Университетского колледжа Лондона (UC 51059, XII династия)¹⁸. Однако, несмотря на существующие близкие аналоги, относящиеся к концу 3 — середине 2 тыс. до н. э., бусина Яковлевского могла быть изготовлена в Египте и в более позднее время, поскольку технология, с нюансами, сохранялась тысячелетиями.

В контексте находок Яковлевского важно не столько происхождение бусины, сколько время её прибытия и бытования на памятнике. К сожалению, упоминания в литературе фаянсовых бусин, как правило, встречаются среди перечисления других типов импортных голубых глазурованных бус, без указания на разницу в материале и технике их изготовления, что приводит в результате к некоторой путанице в датировке бытования предметов. Типичные шарообразные и бочонковидные кашинные бусины на Руси появляются не ранее середины XIII века (преимущественно с Нижней Волги); массовое поступление иранских бус более раннего периода пока не подтверждено; фаянсовые египетские с качественной глазурью, вероятнее всего, поступали на Русь в предшествующую эпоху, в раннее средневековье, в результате торговли по Великому Волжскому пути вместе с арабским серебром. Впервые наблюдение о появлении фаянсовых бус на Руси сделал ещё в середине XIX века П. С. Савельев, его цитирует А. С. Уваров: «попадают крайне редко, по одиночке, глиняные бусы с зелёною яркою поливою, напоминающие древние египетские изделия из глины. Такие бусы, как остатки глубокой древности, могли попадать к Мерянам вместе с халифскими монетами, чеканенными в Африке». Савельев и Уваров также предположили, что именно глазурованные синезелёные бусины и были те самые «зелёные бусы», за каждую из которых русы платили по дирхему и особенно ценили (перечисляя важные предметы торговли с русами, ибн Фадлан указывает зелёные бусы, но в курганах

University for the degree of Master of Research Department of Physics and Astronomy, Sydney: Macquarie University, 2016. P. 5–9, 19–28.

¹⁶ The Metropolitan Museum of Art / The Collection / Egyptian Art. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/546910>

¹⁷ Там же.

¹⁸ The Petrie Museum of Egyptian Archaeology. URL: <https://collections.ucl.ac.uk/Details/petrie/37027>

стеклянные зелёные бусины попадают как редкие исключения)¹⁹. Отметим, что изначально ярко-голубые бусы египетского фаянса на воздухе подвергаются выцветанию и постепенному переходу ко всё более зелёному оттенку, что, по мнению исследователей, с одной стороны, неизбежно, а с другой, свидетельствует об аутентичности и древности изделий²⁰. Дата прибытия бусины в окрестности Углича может быть близка появлению редких биконических и бипирамидальных фаянсовых бус на территории Скандинавии (типы R002 и R003 по Й. Калмеру, 960–990 гг.)²¹.

Из 29 яковлевских браслетов 15 фрагментов происходят из заполнения ям и канавки с оградой (раскоп 2012 года), ещё 5 — из слоёв непосредственно над ямами, 5 — из квадратов в пределах 30–70 см от обильных находками ям и 4 браслета сложно соотнести с конкретными ямами. Стеклянные бусы происходят из слоя над ямами, фаянсовая бусина из ямы. Культурный слой памятника перемешан в ходе распки, неповреждённые слои сохранились только в ямах, причём иногда из-за незначительной мощности культурного слоя распка захватывала и верх ям, что могло привести к миграции части находок в верхние слои и на соседние площади.

Из 64 ям, выявленных на памятнике, стеклянные браслеты обнаружены в 9: в южной группе с предполагаемой постройкой и канавкой (ямы 1 и 2, раскоп 2011 года, яма 1 2012 года) и в центральной группе (ямы 5/4 (2013–2014 годы), 8/1 (2015 и 2018 годы), 1, 2 и 4 (2016 год) и 3 (2018 год)). Южные ямы 1 и 2 (2011 и 2012 годов) подробно охарактеризованы в нашем обзоре памятника в настоящем сборнике²². Яма 5/4 (2013–2014 годов) сложной конфигурации приходится на края раскопов разных лет, все находки относятся к раскопу 2014 года.

Шесть остальных ям довольно однотипны: площадью около 4 м² и глубиной 35–40 см, с прямыми стенками и заполнением из тёмно-коричневой супеси с углём и единичными крупными камнями. В центральной группе в заполнении встречаются также мелкие пережжённые камни и горелые кости. В 5 из этих однотипных ям, помимо других находок, присутствуют нож или ножи, один или несколько фрагментов стеклянных браслетов, оселок и пряслице (шиферное или глиняное); в 3 ямах также обнаружены

¹⁹ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам: Исследование гр. А. С. Уварова. М.: В Синодальной типографии, 1872. С. 75–76.

²⁰ Abubakr M., Mona F. A. Color Alteration of Ancient Egyptian Blue Faience // International Journal of Architectural Heritage: Conservation, Analysis and Restoration. 7:3. 2013. P. 261–274.

²¹ Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia, ca 800–1000 A.D. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1977. P. 77, 90.

²² Спиридонова Е. В., Праздников В. В., Кокорина Е. А. Археологические исследования на селище Яковлевское-3 Угличского района Ярославской области в настоящем сборнике.

ключи (в одной — ключ и фрагмент замка). Назначение этих 5 ям остаётся невыясненным, равно как и ещё одной группы ям (северной). Ямы северной группы (ямы 4 (2018 год), 1 и 2 (2019 год)) меньше по размеру, до 2 м², с прямыми стенками и аналогичным заполнением из тёмно-коричневой пережжённой супеси с углём, пережжёнными камнями и печиной, практически без находок, хотя в яме 4 также обнаружен ключ, а в яме 1 2019 года — полный профиль керамического сосуда и трапециевидная подвеска. В настоящий момент нет достаточных аргументов, чтобы однозначно интерпретировать ямы центральной и северной групп как сакральные, несмотря на их стратиграфию и набор находок. Но и к хозяйственным или производственным ямам отнести их сложно. Любопытно, что при отсутствии на памятнике подпечных ям и возможности определить потенциальные жилища, в коллекции находок присутствуют четыре замка или их фрагмента и три ключа.

Анализ коллекции стеклянных украшений Яковлевского-3 позволяет подтвердить существующую датировку памятника (вторая половина XII — рубеж XIII—XIV веков) и выявить некоторые его особенности. В первую очередь это необычное для сельского памятника количество фрагментов стеклянных браслетов, в том числе и относительно остальных находок.

Исследование сельских памятников в последние десятилетия позволило отказаться от существовавшего мнения, что стеклянные браслеты являются своеобразным маркёром городской культуры²³. Тем не менее, сравнивая коллекцию Яковлевского с данными других селищ Северо-Восточной Руси, следует отметить, что концентрация браслетов в Яковлевском пока кажется очень высокой. Например, для полностью исследованного памятника Мякинино-I (XII—XV вв.) на общее количество в 1 900 находок приходится 71 фрагмент стеклянных браслетов, или 3,74 % находок, а для чуть более позднего Мякинино-II (XIII—XVI вв.) — 1,5 %: на почти 2 000 находок 33 фрагмента²⁴. Для менее зажиточных сельских памятников процентное соотношение браслетов к общему числу находок редко превышает значение в 1 %. На синхронном Яковлевскому малодворном поселении Степаново-2 (Дмитровский район Московской области, вторая половина XII—XIII вв.) обнаружено 26 предметов из стекла, в том числе 14 бус и 11 браслетов, при общем количестве

²³ Столярова Е. К. Стеклянные украшения средневекового сельского населения Подмосковья (по материалам Мякининского археологического комплекса) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 14. М., 2018. С. 159–163.

²⁴ Энгватова А. В., Коваль В. Ю. Мякининский комплекс памятников археологии // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2007. С. 72–73; Векслер А. Г., Лухтер Ю. А. Находки стеклянных изделий на селище Мякинино-2 (из раскопок 1994–1995 годов) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2007. С. 111.

159 находок²⁵. Таким образом, браслеты Степаново-2 составляют чуть менее 7 % находок, но в Яковлевском-3 стеклянных браслетов около 14 % от общего числа находок.

Ещё одной интересной особенностью Яковлевского оказалось и малое количество бус относительно браслетов. По наблюдениям исследователей, на южных памятниках преобладают находки браслетов над бусами, а на севере — бус над браслетами. Такая ситуация связана с особенностями торговых отношений на Севере и использованием бус в качестве средства платежа, с одной стороны, и тяготением известных центров изготовления браслетов к южным княжествам. Показательным является состав находок из стекла Мининского археологического комплекса (Вологодская обл., Кубенское озеро): бусы составляют более 98 % стеклянных находок (3 687 экз. на всём комплексе; для селищ обнаружена 1 151 бусина), есть ещё перстни, вставки, пуговицы, фрагменты сосудов и неопределимые предметы, а браслетов не обнаружено²⁶. Хотя известны и южные сельские памятники, среди стеклянных находок которых преобладают бусы над браслетами, например, Новиково-1 (Липецкая область): на 22 бусы приходится всего 3 браслета²⁷, тем не менее, в целом правило работает. Для подмосковных селищ зафиксировано скорее приблизительно равное количество бус и браслетов на сельских памятниках²⁸. В Яковлевском на 29 браслетов найдено всего пять бус, из которых только три стеклянные. Предположительно эта диспропорция может быть связана с переселением достаточно зажиточного населения из более южных областей, что косвенно подтверждается также полным отсутствием на памятнике столь характерных для территории «мерянских» украшений и фрагментов лепной керамики. При этом важным, на наш взгляд, является и тот факт, что несколько аномальное количество браслетов в Яковлевском сопровождается наличием других не очень типичных для селищ находок: 2 энколпиона, писало, три наконечника стрел, фрагмент каменного браслета и фаянсовая бусина.

²⁵ *Панченко К. И.* Археологические исследования на селище XII–XIII веков Степаново-2 // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009. С. 192–196.

²⁶ *Захаров С. Д., Кузина И. Н.* Изделия из стекла и каменные бусы... С. 142–144.

²⁷ *Столярова Е. К.* Украшения из стекла и фаянса селища Новиково-1 // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 8. М., 2012. С. 272–274.

²⁸ *Столярова Е. К.* Стеклянные украшения селища Степаново-2 // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009. С. 201–203.

Таблица 1. Каталог стеклянных браслетов селища Яковлевское-3

Полевой шифр	Яма	Категория	Цвет, декор	Форма сечения	Диаметр обруча	Размер сечения	Номер анализа
2011-4	[1]	Браслет	коричневый, перевитьё	округлый, овал	не опр.	0,62×0,37	898-10
2011-5	[1]	Браслет	зелёный	округлый, круг	не опр.	0,53	898-9
2011-18	1	Браслет	коричневый, перевитьё	округлый, круг	6	0,55	нет
2011-21	2	Браслет	зелёный, бирюзовый подтон	округлый, круг	6	0,45	898-11
2011-22	2	Браслет	зелёный, бирюзовый подтон	округлый, круг	не опр.	0,45	898-12
2011-24	1	Браслет	бирюзовый	ребристый, розетка	не опр.	0,53–0,58	898-13
2012-6	канав.	Браслет	коричневый	округлый, круг	6,4	0,4	898-14
2012-7	1	Браслет	янтарно-коричневый	ребристый, розетка	4,4	0,39–0,47	898-15
2012-9	1	Браслет	ярко-голубой	ребристый, розетка	5,8	0,4	898-16
2012-10	1	Браслет	ярко-голубой	ребристый, розетка	6,3	0,4	898-17
2012-12	1	Браслет	оливковый	округлый, круг	5,8	0,5	898-18
2012-18	нет	Браслет	бирюзовый	округлый, круг	не опр.	0,46×0,49; конец 0,7×0,41	898-19
2012-19	[3]	Браслет	холодный синий	округлый, круг	6	D – 0,46; конец 0,67×0,38	898-20
2012-25	нет	Браслет	коричневый	округлый, круг	6,3	0,5	898-22

<i>Полевой шифр</i>	<i>Яма</i>	<i>Категория</i>	<i>Цвет, декор</i>	<i>Форма сечения</i>	<i>Диаметр обруча</i>	<i>Размер сечения</i>	<i>Номер анализа</i>
2012-26	8	Браслет	коричневый с жёлтым подтоном	округлый, овал	4,8	0,52×0,45	898-28
2014-4	[1]	Браслет	оливковый	округлый, круг	не опр.	0,6	898-23
2014-13	[1]	Браслет	оливковый с жёлтой нитью	ребристый, розетка	6	0,6	898-24
2014-21	4	Браслет	бежевый	округлый, круг	6	0,6; конец 0,9×0,4	898-25
2014-25	4	Браслет	печёночный	округлый, круг	4,7	0,36–0,42	898-26
2015-2	[6]	Браслет	травянисто-зелёный	ребристый, розетка	6	0,6	898-27
2015-10	нет	Браслет	коричневый с жёлтой нитью	ребристый, розетка	5,6	0,5	898-21
2016-2	[4]	Браслет	оливковый	округлый, круг	4,8	0,4	899-4
2016-4	[4]	Браслет	зелёный холодный	округлый, круг	не опр.	0,52	899-5
2016-5	4	Браслет	коричневый	округлый, круг	5,8	0,6	899-6
2016-21	1	Браслет	оливковый	ребристый, розетка	6	0,6	898-29
2016-34	4	Браслет	оливковый	ребристый, розетка	5,6	0,72–0,82	898-31
2016-39	2	Браслет	коричневый (холодный)	ребристый, розетка	5,6–5,7	0,5	898-32
2016-49	нет	Браслет	оливковый	округлый, круг	не опр.	0,5	898-30
2018-26	[3]	Браслет	оливковый	ребристый, розетка	6,7–7,2	0,6	898-33

Таблица 2. Результаты эмиссионно-спектрального анализа
стеклянных предметов селища Яковлевское-3

№ анализа	898-6	898-7	898-9	898-10	898-11	898-12	898-13	898-14
Номер	1	2	5	6	7	8	9	10
Пол. ш.	2016-20	2016-8	2011-5	2011-4	2011-21	2011-22	2011-24	2012-6
Категория	бусина	бусина	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет
Цвет	сине-зелёный	б/ц (жёлтый)	б/ц (зелёный)	коричневый	б/ц (зелёный)	б/ц (зелёный)	сине-зелёный	фиолетовый
Na ₂ O	1,9	0,1	0,06	0,05	0,04	0,03	0,1	0,1
K ₂ O	1,0	10	14	13	11	12	11	11
CaO	0,6	0,6	1,8	1,9	0,7	0,7	0,9	1,4
MgO	0,7	0,2	0,3	0,4	0,3	0,2	0,3	0,3
Al ₂ O ₃	1,0	0,5	0,7	0,7	0,3	0,9	0,3	0,4
Fe ₂ O ₃	1,0	0,3	1,7	0,2	2,2	1,4	0,2	0,6
MnO	0,02	-	0,02	-	0,01	0,01	0,01	0,2
TiO ₂	0,09	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,08	0,1
PbO	0,08	22	28	34	20	22	30	42
SnO ₂	0,04	-	0,1	0,03	0,05	0,05	0,1	0,1
CuO	0,7	-	0,2	0,3	0,03	0,01	1,0	0,4
CoO	-	-	-	-	-	-	-	-
Sb ₂ O ₅	-	-	-	-	-	-	-	-
Ag ₂ O	-	-	-	0,01	-	-	-	-
NiO	0,01	-	-	-	-	0,01		-

№ анализа	898-15	898-16	898-17	898-18	898-19	898-20	898-21	898-22
Номер	11	12	13	14	15	16	17	18+19
Пол. ш.	2012-7	2012-9	2012-10	2012-12	2012-18	2012-19	2012-25	2012-26
Категория	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет
Цвет	коричневый	синезелёный	синезелёный	коричневый	синезелёный	б/ц (коричневый)	коричневый	коричневый
Na ₂ O	0,1	0,07	0,09	0,06	0,06	0,04	0,08	0,1
K ₂ O	13	11	13	12	11	10	10	13
CaO	1,0	2,0	2,1	2,0	0,9	1,2	1,1	1,6
MgO	0,3	0,4	0,4	1,0	0,4	0,5	0,4	0,4
Al ₂ O ₃	0,4	0,6	1,1	1,2	0,4	0,6	0,7	0,4
Fe ₂ O ₃	0,5	0,4	0,2	1,5	0,5	0,3	0,2	0,3
MnO	0,01	0,01	0,01	0,01	-	1,0	0,01	0,01
TiO ₂	0,07	0,06	0,09	0,3	0,2	0,1	0,2	0,2
PbO	27	22	20	23	35	44	20	41
SnO ₂	0,05	0,06	0,06	0,04	0,1	0,08	0,02	0,04
CuO	0,4	1,4	2,1	-	1,8	0,5	0,2	0,5
CoO	-	-	-	-	-	-	-	-
Sb ₂ O ₅	-	-	-	-	-	-	-	-
Ag ₂ O	-	-	-	-	-	-	-	-
NiO	-	-	-	0,01	-	-	-	-

№ анализа	898-23	898-24	898-25	898-26	898-27	898-28	898-29	898-30
Номер	20	21	22	23	24	25	26	27+28
Пол. ш.	2014-4	2014-13	2014-21	2014-25	2015-2	2015-10	2016-21	2016-49
Категория	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет
Цвет	коричневый	коричневый	коричневый	коричневый	синезелёный	коричневый	коричневый	коричневый
Na₂O	0,04	0,08	0,03	0,08	0,03	0,06	0,1	0,03
K₂O	12	15	11	14	1,8	14	11	1,5
CaO	2,2	1,0	2,4	1,7	0,8	3,1	0,5	0,4
MgO	0,5	0,3	0,4	0,4	0,2	0,6	0,2	0,3
Al₂O₃	1,0	1,1	0,7	1,3	1,3	0,7	0,2	1,1
Fe₂O₃	3,1	3,5	0,7	2,4	0,6	0,8	1,5	2,7
MnO	0,01	0,01	0,01	0,06	-	0,01	0,06	0,02
TiO₂	0,4	0,6	0,4	0,3	0,2	0,2	0,1	0,1
PbO	20	57	52	34	65	22	36	52
SnO₂	0,03	0,08	0,4	0,3	0,05	0,08	0,08	0,06
CuO	0,05	0,01	0,4	0,6	0,7	0,1	0,05	-
CoO	-	-	-	-	-	-	-	-
Sb₂O₅	-	-	-	-	-	-	-	-
Ag₂O	-	-	-	-	-	-	-	-
NiO	-	0,01	-	0,01	-	-	-	0,01

№ анализа	898-31	898-32	898-33	899-4	899-5	899-6	899-8	899-9
Номер	29	30	31	32	33	34	36	37
Пол. ш.	2016-34	2016-39	2018-26	2016-2	2016-4	2016-5	2016-48	2016-61
Категория	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	бусина	бусина
Цвет	коричневый	коричневый	коричневый	коричневый	б/ц (зелёный)	б/ц (зелёный)	б/ц (зелёный)	б/ц
Na₂O	0,1	0,02	0,03	0,02	0,03	0,03	0,02	2,1
K₂O	2,5	9,7	1,5	16	16	12	0	17
CaO	1,2	0,9	0,5	0,7	0,9	1,5	0,3	11
MgO	0,3	0,3	0,3	0,1	0,1	0,5	0,1	0,3
Al₂O₃	1,1	0,4	0,7	0,2	0,2	0,5	0,1	1
Fe₂O₃	2,5	0,3	2,0	0,8	0,5	0,4	0,1	0,1
MnO	0,02	–	0,01	–	–	–	0	0,01
TiO₂	0,2	0,05	0,2	0,1	0,1	0,09	0,3	0,2
PbO	57	39	58	25	27	24	70	–
SnO₂	0,07	0,04	0,02	0,2	0,2	0,1	0,6	–
CuO	–	–	0,02	0,02	0,2	0,2	0,4	–
CoO	–	–	–	–	–	–	–	–
Sb₂O₅	–	–	–	–	–	–	–	–
Ag₂O	–	–	–	–	–	–	–	–
NiO	0,01	–	0,01	–	–	0,02	–	0,07

За значимые приняты содержания от 0,01 %, для значений ниже 1 % приводится одна значащая цифра, выше – две, достижимая чувствительность по K₂O – около 1 %. Содержание SiO₂ не определялось, оно является основой, если сумма остальных компонентов не превышает 50 %.

Список источников и литературы

1. *Векслер, А. Г.* Находки стеклянных изделий на селище Мякинино-2 (из раскопок 1994–1995 годов) / А. Г. Векслер, Ю. А. Лихтер // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. — Вып. 3. — Москва : Институт археологии РАН, 2007. — С. 111–115.
2. *Вермейчик, Е. М.* Стеклянные браслеты средневекового Любеча (по материалам раскопок 2010–2011 годов на Замковой Горе) / Е. М. Вермейчик // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. — С. 171–201.
3. *Вишневская, Н. Ю.* Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н. э. — начало XIII в. н. э.) / Н. Ю. Вишневская. — Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 174 с.
4. *Захаров, С. Д.* Изделия из стекла и каменные бусы / С. Д. Захаров, И. Н. Кузина // Археология северорусской деревни X–XIII вв. / под ред. Н. А. Макарова. — Т. 2. — Москва : Наука, 2008. — С. 142–215.
5. *Коваль, В. Ю.* Керамика Востока на Руси. Конец IX — XVII век / В. Ю. Коваль. — Москва : Наука, 2010. — 268 с.
6. *Леонтьева, А. С.* Кашинные изделия в погребениях Змейского катакомбного могильника / А. С. Леонтьева // Поволжская археология. — № 4 (26). — 2018. — С. 56–69.
7. *Лесман, Ю. М.* Кашинные бусы в Новгородской земле : материалы к изучению русско-ордынских связей / Ю. М. Лесман // Новгородские археологические чтения : материалы научной конференции, посвящённой 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского / Отв. ред. В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков. — Новгород, 1994. — С. 187–193.
8. *Панченко, К. И.* Археологические исследования на селище XII–XIII веков Степаново-2 / К. И. Панченко // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. — Вып. 5. — Москва, 2009. — С. 184–196.
9. *Седых, В. Н.* Об одной категории находок из раскопок Тимерёвского поселения (о времени функционирования археологического комплекса) / В. Н. Седых, Я. В. Френкель // Древнейшие государства Восточной Европы : Экономические системы Евразии в раннее Средневековье / под ред. А. С. Шавелева. — Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — С. 329–373.
10. *Столярова, Е. К.* О признаках местного производства стекла (на примере Древней Руси) / Е. К. Столярова // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. — С. 336–343.
11. *Столярова, Е. К.* Стеклянные украшения селища Степаново-2 / Е. К. Столярова // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. — Вып. 5. — Москва, 2009. — С. 197–203.
12. *Столярова, Е. К.* Стеклянные украшения средневекового сельского населения Подмосковья (по материалам Мякининского археологического комплекса) / Е. К. Столярова // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. — Вып. 14. — Москва : Институт археологии РАН, 2018. — С. 158–165.

13. *Столярова, Е. К.* Украшения из стекла и фаянса селища Новиково-1 / Е. К. Столярова // Археология Подмосквья : материалы научного семинара. — Вып. 8. — Москва, 2012. — С. 272–277.
14. *Томсинский, С. В.* Угличское Поле в IX–XIII веках / С. В. Томсинский. — Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. — 319 с.
15. *Уваров, А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам / А. С. Уваров. — Москва : Синодальная типография, 1872. — 217 с.
16. *Фоняков, Д. И.* Изделия из стекла и фаянса в древнем Торопце / Д. И. Фоняков // КСИА. — № 205. — 1991. — С. 52–60.
17. *Энговатова, А. В.* Мякининский комплекс памятников археологии / А. В. Энговатова, В. Ю. Коваль // Археология Подмосквья : материалы научного семинара. — Вып. 3. — Москва : Институт археологии РАН, 2007. — С. 71–80.
18. *Abubakr, M.* Color Alteration of Ancient Egyptian Blue Faience / M. Abubakr, A. Mona // International Journal of Architectural Heritage : Conservation, Analysis and Restoration. — V. 7(3). — 2013. — P. 261–274.
19. *Callmer, J.* Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia, ca 800–1000 A.D. / J. Callmer. — Bonn : Rudolf Habelt Verlag, 1977. — 229 p.
20. *Francis, P. Jr.* Beads of the Early Islamic Period / P. Jr. Francis // BEADS : Journal of the Society of Bead Researchers. — Vol. 1. — 1989. — P. 21–39.
21. *Nicholson, P. T.* Faience Technology / P. T. Nicholson // UCLA Encyclopedia of Egyptology. — Los Angeles, 2009. — P. 1–11.
22. *Tite, M. S.* Egyptian faience: an investigation of the methods of production / M. S. Tite, I. Freestone, M. Bimson // Archaeometry. — Vol. 25. — 1983. — P. 17–27.
23. *Whitford, M.* Probing Beneath the Surface : A study of ancient Egyptian faience. A thesis submitted to Macquarie University for the degree of Master of Research Department of Physics and Astronomy / M. Whitford. — Sydney : Macquarie University, 2016. — 75 p.

О. С. Хохлова, О. А. Макеев, А. В. Энговатова,
А. А. Готьева, Т. Н. Мякшина, Е. А. Кузнецова
Москва

Мультидисциплинарное изучение культурных слоёв и погребённой почвы Тутьского крестя

Комплексное геоархеологическое изучение палеопочв и культурных слоёв даёт возможность реконструировать условия среды обитания, установить изменения исторического ландшафта под воздействием человеческой деятельности, выявить ландшафтную обусловленность освоения территории, а также определить особенности строения культурного слоя, формирующегося под воздействием антропогенных и природных факторов. Места длительного проживания человека (городища, селища и поселения) характеризуются значительными изменениями исходных свойств почв, что необходимо учитывать при геоархеологическом изучении таких объектов. Особенности палеогеографических исследований на селитебных территориях являются: 1) сильная нарушенность исходного ландшафта человеком на протяжении длительного времени; 2) сравнительно большая мощность культурного слоя, который перекрывает исходную погребённую почву, что позволяет реконструировать исходные ландшафтные условия, а также обуславливает чёткую стратиграфию слоёв времени накопления культурных отложений и даёт возможность исследовать последовательные изменения природной среды; 3) необходимость привлечения палеоботанических методов, поскольку в культурных слоях поселений хорошо сохраняются микробиоморфные остатки.

Всякий раз при изучении таких объектов необходимо различать как исходные свойства почв, существовавших на момент возникновения поселения, так и диагенетические изменения, возникающие после забрасывания территории человеком. Помимо общего, присущего большому числу культурных слоёв древних поселений, существуют и особенности,

характерные только для конкретного местообитания. Поэтому изучение культурных слоёв того или иного археологического объекта с использованием комплекса методов геоархеологии позволяет получить уникальную информацию и реконструировать природно-ландшафтную обстановку проживания человека в прошлом в данном конкретном месте. Это важно для познания истории возникновения, существования и развития таких крупных центров, каковыми являются города. На настоящий момент в России изучение культурных слоёв и палеопочв, погребённых под кремлями, т. е. укрепленными частями крупных средневековых городов, с целью реконструкции условий среды прошлого и антропогенного воздействия на неё, было проведено на территории Великого Новгорода¹, Москвы², Ярославля³, Зарайска⁴ и Твери⁵.

В фокусе данной работы — изучение палеопочв и культурных слоёв на территории кремля г. Тулы — крупного областного центра в 200 км к югу от Москвы — с целью рассмотрения этапов возникновения и развития данного поселения и реконструкции меняющихся условий окружающей среды на весь период его функционирования.

Археопочвенная и историческая информация

Изначально Тульское городище располагалось к северу от ныне существующей крепости на правом берегу Упы в устье реки Тулицы. Этот участок своей геоморфологической позицией на высокой террасе реки

¹ *Dolgikh A. V., Aleksandrovskii A. L.* Soils and cultural layers in Velikii Novgorod // *Eurasian Soil Science*. V. 43. 2010. № 5. P. 477–487.

² Исследование древних почв восточной части Московского Кремля / А. А. Гольева, О. С. Хохлова, А. В. Энгватова [и др.] // АП. 2019. № 15. С. 29–42. DOI 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-272-8.29-42; The Application of Buried Soil Properties for Reconstruction of Various Stages of Early Habitation at Archaeological Sites in Moscow Kremlin / A. Golyeva, O. Khokhlova, A. Engvatova etc. // *Geosciences*. 2018. V. 8. № 12. P. 447–456. DOI 10.3390/geosciences8120447.

³ *Engvatova A. V., Golyeva A. A.* Anthropogenic soils in Yaroslavl (Central Russia): History, development, and landscape reconstruction // *Quaternary International*. 2012. V. 265. P. 54–62. DOI 10.1016/j.quaint.2012.02.039.

⁴ Landscape change and occupation history in the Central Russian Upland from Upper Palaeolithic to medieval : Paleopedological record from Zaraysk Kremlin / T. Romanis, S. Sedov, S. Lev etc. // *Catena*. 2021. V. 196. 104873. URL: <https://doi.org/10.1016/j.catena.2020.104873>

⁵ *Гольева А. А., Иванова А. Б., Хохлов А. Н.* К вопросу о полифункциональности оборонительных сооружений Тьямакской линии мысовой части Тверского кремля (по материалам естественно-научных исследований на раскопе № 23) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-Центр, 2016. Вып. 9. С. 87–97; *Гольева А. А., Иванова А. Б., Хохлов А. Н.* Характеристика погребённых почв, вскрытых на раскопе 11/15 на территории Тверского кремля (при реставрации здания бывшего реального училища) в 2015 году // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-Центр, 2019. Вып. 12. С. 130–135.

Упы отвечает всем классическим примерам расположения средневековых поселений⁶.

В 1514–1520 гг. на незастроенном противоположном пустом берегу реки Упы возводится каменная тульская крепость, и сюда перемещается новый духовный центр всего города, и в месте пересечения двух улиц, идущих от ворот крепости, возводятся деревянные храмы: холодный во имя Собора Архангела Гавриила с приделом Василия Парийского и зимний Успенский. Во второй половине XVII в. эти храмы сменила каменная пятиглавая, двустолпная Успенская церковь с приделами Собора Архангела Гавриила и Тихона Амафунтского. Под церковью было два погребца. Это была первая церковная постройка города, возведённая из камня, что положило начало перестройке деревянных посадских церквей.

Вокруг собора существовало кладбище, древняя часть которого, относящаяся к изначальному собору, ко второй половине XVII в., видимо, уже частично оказалась в границах жилой застройки. Здесь погребали служилых людей и жителей Тулы, пока с распространением города во второй половине XVI в. за пределами крепости не появились приходские церкви и кладбища при них.

Местоположение каменного храма на территории крепости отображено на плане 1772 г., фиксирующем направление продольной оси, значительно отклонённой к северу. За почти столетнее существование первый каменный собор пришёл в ветхость и был разобран, а следующее по времени здание заложено в 1762 г. на новом месте. Участок, где находилась Успенская церковь второй половины XVII в., более не застраивался.

Регулярные археологические раскопки на территории тульской крепости велись с 1978 г., но перед археологами не ставилась задача исследования Успенского собора XVII в. Находки отдельных небольших фрагментов этого здания и погребений его некрополя были единичными и случайными.

В августе 2019 г. Подмосковной экспедицией Института археологии РАН под руководством А. В. Энговатовой заложен раскоп площадью 400 метров, в котором выявлены нижние части фундаментов здания, местоположение и ориентация стен которого соответствует зафиксированным на плане города 1772 г. На отдельных участках фундаменты разобраны полностью, а их трассы сохранились в виде фундаментных рвов, дно которых было укреплено деревянными сваями. Кладка фундаментов была выполнена из постелистых плит белого камня на глине и известково-песчаном растворе. В раскопе выявлены погребения, некоторые из них оказались перерезаны фундаментными рвами собора, т. е. были совершены в более раннее время (XVI — первая половина XVII в.). Ориентировка

⁶ *Лаурентьев А. В.* «Два града на Туле». К 500-летию Тульского кремля. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2020.

ранних могил отличается от более поздних, которые расположены уже параллельно стенам каменного храма.

Благодаря раскопкам 2019 года удалось также получить информацию о первоначальном заселении территории, где затем возник Тульский кремль. Люди пришли сюда ещё в каменном веке, о чём свидетельствуют находки кремневых отщепов и обломка каменного тесла. К раннему железному веку относятся фрагменты лепной глиняной посуды, датирующиеся 1 в. до н. э. — 1 в. н. э. Видимо, на этой территории был небольшое поселение, но его КС был переработан полностью в результате активного строительства и функционирования кладбища XVI–XVII вв.

Среди находок эпохи средневековья особый интерес представляет серебряная монета рязанского князя Олега Ивановича, которая датируется концом XIV в. Ранее артефактов этого периода на территории Тульского кремля выявлено не было. Видимо, находка подобной монеты может косвенно говорить о наличии какой-то активности на этом участке в XIV в., например существовании брода через реку.

При исследовании культурного слоя, сформировавшегося после строительства каменной крепости в начале XVI в., собрана коллекция находок XVI–XVII вв., в которой преобладают бытовые предметы: фрагменты круговой посуды, муравленные изразцы XVII в., ножи, ключи, замки, рыболовные грузила. Найдены также детали костюма (пуговицы, обувные подковы), предметы христианского культа (нательные кресты и их фрагменты), наконечники стрел.

Объект и методы исследования

Город Тула располагается в долине р. Упы, правого притока р. Оки, бассейн р. Волги, в центральной части Восточно-Европейской равнины, на севере Среднерусской возвышенности (рис. 1: а)⁷.

Климат — умеренно-континентальный. Среднегодовая температура в г. Туле составляет 5.1 °С. Самый тёплый месяц года — июль со средней температурой 18.6 °С. Самые низкие средние температуры приходятся на январь и составляют около - 9.4 °С. Среднегодовое количество осадков — 621 мм. Самый засушливый месяц — февраль с осадками 30 мм. Наибольшее количество осадков выпадает в июле, в среднем — 84 мм.

В северной и северо-западной части территория Тульской области относится к зоне широколиственных лесов, южной и юго-восточной — к зоне лесостепей. В зоне широколиственных лесов преобладают серые лесные почвы (34,9 % территории), которые занимают широкие водораздельные

⁷ Овчинников Ю. И. География Тульской области. Тула, 1978; Экология XXI века в Тульском регионе: научно-практ. конф., 11–12 апреля 2001 г.: К 15 годовщ. аварии на Чернобыльской АЭС / под общ. ред. Н. И. Володина. Тула, 2001.

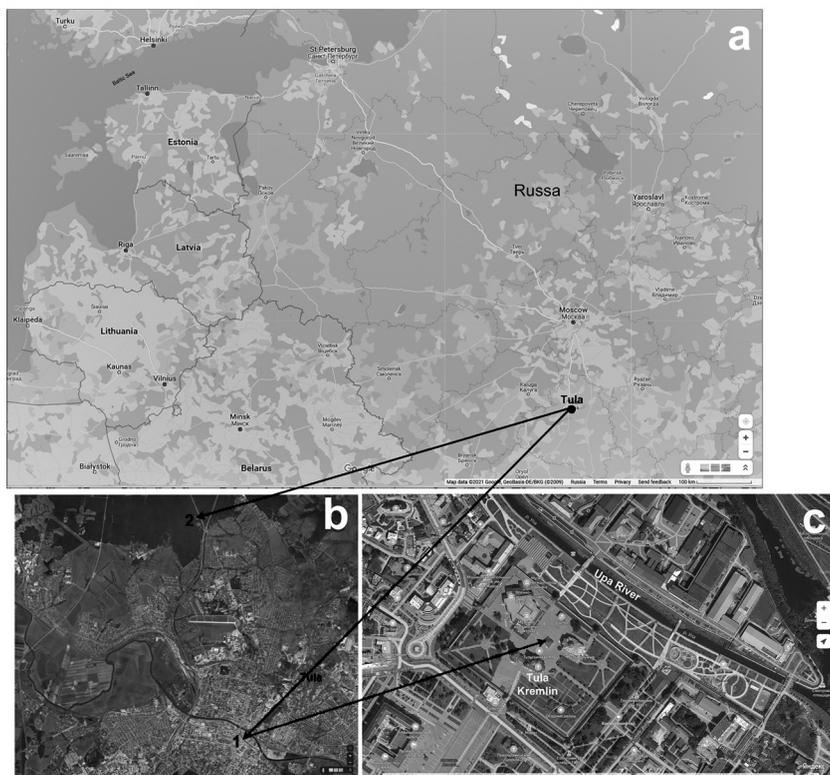

Рис. 1. План Тульского кремля с обозначением места раскопок 2019 года.
Карта взята с сайта <https://google-maps>

пространства. Основной массив широколиственных лесов протягивается в виде узкой извилистой полосы от низовий реки Упы к Ясной Поляне, Туле и далее на северо-восток, и место нашего исследования попадает в эту полосу.

Тульский кремль находится на левом берегу реки Упы, точнее — на берегу рукава раздваивающегося в этом месте русла реки (рис. 1: б, в). Несмотря на близость к руслу реки, местоположение кремля — цокольная терраса реки Упы. Уровень воды в р. Упе рядом с кремлём — 153 м над ур. м., раскоп — 160 м над ур. м. с учётом культурных слоёв и мостовых. Цокольная терраса сложена водораздельными лёссовыми отложениями (покровными суглинками), подстилаемыми древнеаллювиальными отложениями первой и второй надпойменных террас⁸. Согласно Государственной

⁸ Геологическая карта четвертичных отложений Тульской области М:500000 / Ред. С. М. Шик. МПР РФ Центральный региональный геологический центр, 1998.

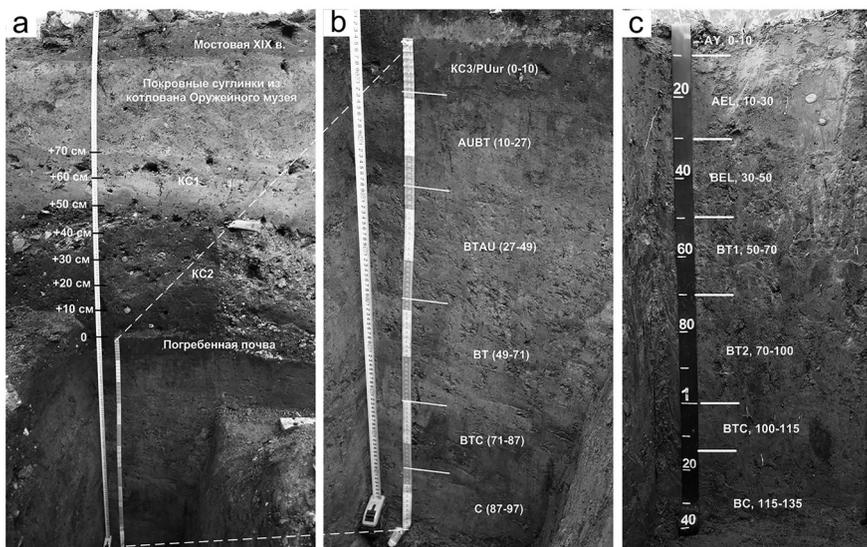

Рис. 2. Почва, погребённая культурными слоями. Общий вид раскопа (а); профиль погребённой почвы (б). Отсчёт глубин проведён от верха погребённой почвы; профиль поверхностной почвы. Глубины в см

почвенной карте СССР М 1 : 1 000 000, лист N-37, непосредственно к долине реки Упы на правом берегу примыкает массив светло-серых лесных почв, а на левом берегу — серых лесных. Необходимо упомянуть, что при очередном этапе археологических раскопок на территории кремля проводились и естественнонаучные исследования почв и культурных отложений⁹, но отчёт об этой работе не был опубликован, и материалы отчёта не были использованы в настоящем сообщении.

Изученный разрез (54°11'43.195»N 37°37'14.279»E) расположен в центральной части Тульского кремля между Успенским собором и Оружейным музеем (рис 1: b, 1), 23-й квадрат археологических раскопок, проведённых Институтом археологии РАН (г. Москва) в октябре–ноябре 2019 г. под руководством А. В. Энгватовой. Вскрыта толща, состоящая из пяти культурных слоёв, перекрывающих почву, погребённую в XV–XVI вв. (рис. 2: a, b). Изначально на данном участке находилась деревянная церковь (XVI в.), затем была возведена церковь из известняка, которая

⁹ Александровский А. Л. Отчёт на тему: «Комплексные географические исследования почв и культурных отложений Тульского кремля» // Научный архив ГУК ТО «Объединение “Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей”». Опись № 1. Дело № 745. Тула, 1992.

просуществовала до конца XVII века. Затем, после разрушения каменной церкви, началось строительство Успенского собора (рис. 1: с).

Для сравнения с погребённой почвой на водораздельной поверхности (54°16'30.8"N 37°35'26.0"E, 240 м над ур. м.) была изучена фоновая почва (рис. 1: b, 2; рис. 2: c), сформированная на едином плаще лёссовых отложений, покрывающем водоразделы и склоны и спускающемся на цокольный участок поймы в районе Тульского кремля¹⁰. Разрез заложен в 10 км к С-СЗ от места раскопок в вязово-дубово-липовом лесу, 1В (*Ulmus parvifolia*), -3Д (*Quercus robur*), -5Л (*Tilia cordata*) с подростом из клёна (*Acer platanoides* L.) и осины (*Populus tremula*), подлеском из лещины (*Corylus avellana*), в травянистом ярусе (проективное покрытие в середине августа 2021 г. не более 50 %) сныть (*Aegopodium podagraria*), копытень (*Asarum europaeum*), медуница (*Pulmonaria obscura*), вороний глаз (*Paris quadrifolia* L.), герань лесная (*Geranium sylvaticum* L.), папоротник (*Pteridium aquilinum*), осоки (*Carex*). Выбор разреза в этом месте был обусловлен наличием ненарушенной или слабонарушенной зональной лесной растительности с соответствующим зональным почвенным покровом.

В ходе полевых работ проведены морфологическое описание изучаемых почв и культурных слоёв и отбор образцов для последующих аналитических исследований. Почвы описывались и классифицировались по «Классификации и диагностике почв России»¹¹ и международной классификации WRB¹², цвет определили по шкале Манселла¹³. Шлифы для микроморфологического анализа были изготовлены из ненарушенных почвенных монолитов погребённой и современной почв и культурных слоёв и изучены на оптическом микроскопе CarlZeissHBO 50(AC) в Центре коллективного пользования ИФХиБПП РАН.

Далее в лабораторных условиях почвенные образцы для изучения подготавливались к анализу по стандартной методике¹⁴. В лаборатории были выполнены следующие анализы: содержание общего углерода — метод Тюрина в модификации Антоновой и др.¹⁵, при этом содержание выделившегося при окислении CO₂ определяли на хроматографе; CO₂ карбонатов — манометрически по разнице давлений в контроле и образце в герметичных сосудах с резиновыми пробками, в которых образцы реагировали с 10 % соляной кислотой, результаты для общего углерода

¹⁰ Геологическая карта четвертичных отложений Тульской области М:500000...

¹¹ Классификация и диагностика почв России / Л. Л. Шишов, В. Д. Тонконогов, И. И. Лебедева, М. И. Герасимова. — Смоленск : Ойкумена, 2004.

¹² IUSS Working Group WRB, 2015. World Reference Base for Soil Resources 2014, update 2015. An international soil classification system for naming soils and creating legends for soil maps. World Soil Resources Reports No 106.

¹³ Munsell Soil Color. Charts Munsell Color. Grand Rapids, MI. 2014.

¹⁴ Ариунжикина Е. В. Руководство по химическому анализу почв. М., 1970.

¹⁵ Орлов Д. С., Гришина Л. А. Практикум по химии гумуса. М., 1981.

и карбонатов затем пересчитаны на С; органический углерод рассчитали как разность между общим углеродом и углеродом карбонатов; рН водной вытяжки (вода по отношению к почве 2,5/1); гранулометрический состав — методом пипетки с использованием пирофосфата натрия для диспергирования.

Также было проведено определение двух форм соединений железа: обработка дитионит-цитрат-бикарбонатом по Мера-Джексоу (Федит) и кислым оксалатом аммония по Тамму (Геокс)¹⁶. Определение Федит и Геокс после каждой из обработок проводили атомно-абсорбционным методом на спектрофотометре ААС-3. Измерения концентраций макро- и микроэлементов в погребённой почве и культурных слоях выполнены методом рентгеноспектрального флуоресцентного анализа (РФА) по методикам НСАМ ВИМС на вакуумном спектрометре последовательного действия Axios Max Advanced, производитель «Malvern Panalytical» (Нидерланды) в лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН. Для анализа главных элементов из предварительно растёртой до порошкообразного состояния навески выплавлялись стеклообразные диски путём индукционного нагрева прокалённого материала проб с боратами лития при температуре 1200 °С. Прокалённый материал проб получали после определения потерь при прокаливании (LOI) при температуре 1000 °С. На основании данных валового состава рассчитаны геохимические коэффициенты. Также с учётом данных по содержанию валового железа, Федит и Геокс получили ряд расчётных показателей для характеристики состояния железа в погребённой почве и культурных слоях.

Результаты

Исследуемый разрез в Тульском кремле (рис. 2: *a, b*) состоит из:

1. Мостовой XIX века.
2. Покровных суглинков из котлована для строительства Оружейного музея (XIX век). Эти два слоя в дальнейший анализ не брались, поскольку не представляли интереса для выяснения исторического прошлого исследуемого объекта.
3. КС1 (+50 – +80 см), XVIII–XVII вв. Белёсый, включает в себя кирпичи, щебень, известь. Этот слой представлен обломками (преимущественно известняк) разрушенной в XVIII веке церкви из известняка.
4. КС2 (0 – +50 см), XVI–XVII вв. Возник во время строительства и разрушения первого деревянного храма, в поле был разделён на более тёмный и более светлый прослой: КС2 (0 – +20 см) и (+20 – +50 см), соответственно, (рис. 2: *a*), из них отобраны отдельные образцы.

¹⁶ Водяницкий Ю. Н. Химия и минералогия почвенного железа. М., 2003.

5. Практически ненарушенных горизонтов почвы, погребённой в XV–XVI вв. Мощность — около 1 метра (рис. 2: *b*). Её морфологическое описание приведено в таблице 1. Описанный набор признаков позволяет классифицировать погребённую почву как агротемно-серую урбистратифицированную постагрогенную среднесуглинистую на покровных суглинках, подстилаемых флювиогляциальными отложениями¹⁷ или Luvic Phaeozem (Anthric, Loamic, Aric)¹⁸. Фоновая почва (описание в табл. 1) была классифицирована как серая среднесуглинистая на покровных суглинках или Folic Retisol (Loamic, Cutanic).

По морфологическому облику современная почва отличается от погребённой более светлым цветом гумусового горизонта, очень хорошо выраженной сетью силтан в средней части профиля, проникновением Fe-глинистых кутан на большую глубину в профиле, а также наличием признаков оглеения в нижней части профиля. Также в погребённой почве можно отметить полное отсутствие горизонта E и контрастно выраженную разницу в цвете Fe-глинистых кутан и ВПМ в горизонтах BT, чего не наблюдалось в современной почве.

Микроморфологический анализ показал, что для КС1 (+50 – +80 см) характерно присутствие сравнительно крупных углей древесной и травянистой растительности, осколков костей, зёрен крупного песка (рис. 3: *a, b*). Обнаруживается большое количество и разнообразие растительных остатков (рис. 3: *a*), в том числе сохранивших клеточное строение (рис. 3: *b*). Слой окарбоначен — в мелкодисперсной массе представлены обильные зёрна известняковой щебенки, зёрна первичных минералов и растительные остатки окружены микритово-микроспаритовой карбонатной массой (рис. 3: *b*).

В КС2 (0 – +50 см) отмечаются округлые зернистые агрегаты, выбросы мезофауны, растительные остатки, внедрённые в тонкодисперсную почвенную массу (рис. 3: *c*). Следы деятельности человека проявляются в наличии угольной пыли и крупных углей древесной растительности, песчаных зёрен размером >0,25 мм, специфических фрагментов строительного материала — тёмно-бурых плотных глинистых конгломератов (рис. 3: *c*, стрелка). В отличие от КС1, растительных остатков в КС2 существенно больше, но они практически не сохранили клеточное строение. Масштаб окарбоначивания, по сравнению с КС1, здесь существенно меньше. Карбонатные аккумуляции — фитоморфные, представлены псевдоморфозами кальцита по растительным остаткам, а также приурочены к выбросам мезофауны, в которых содержится значительное количество измельчённых растительных остатков (рис. 3: *d*).

¹⁷ Классификация и диагностика почв России...

¹⁸ IUSS Working Group WRB, 2015...

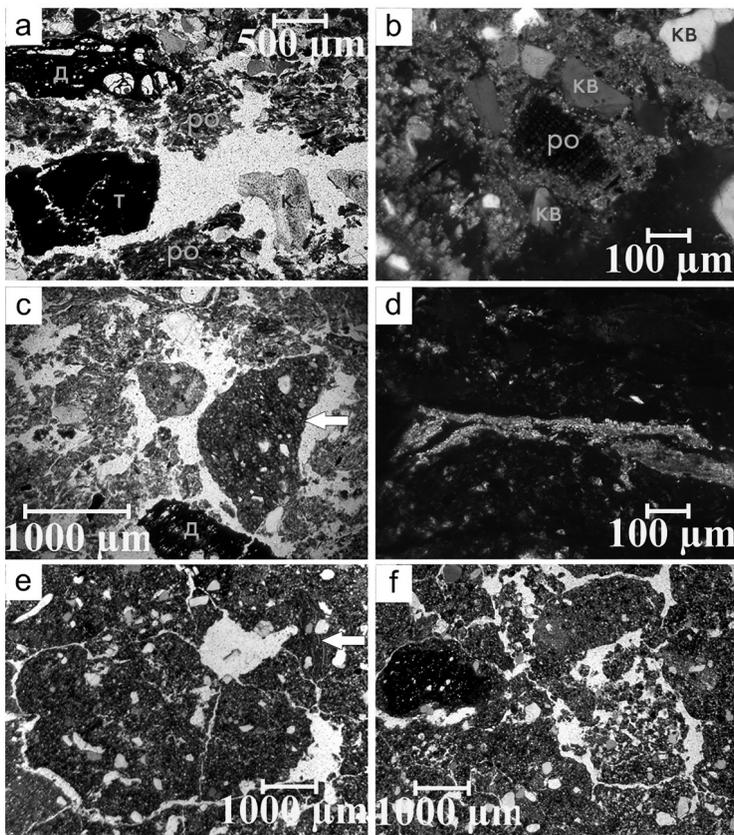

Рис. 3. Микростроение культурных слоёв.

КС1, +50 – +80 см: а – крупные угли травянистой (т) и древесной (д) растительности, фрагменты костей (к), обилие бурых и тёмно-бурых растительных остатков (ро), PPL; б – растительный остаток с сохранившимся клеточным строением (ро), почвенная масса вокруг этого остатка и всех минеральных зёрен окarbonачена, зёрна кварца размером среднего и мелкого песка (кв), XPL;

КС2, 0 – +50 см: с – крупный фрагмент ожелезнённого и глинистого конгломерата ярко-бурого цвета – строительный материал (стрелка) и уголь древесной растительности (д), PPL; д – фитоморфное карбонатное новообразование по растительному остатку в поре, XPL;

КС3/PUиг, 0 – 10 см: е – микрзоны обугленной почвенной массы вокруг угловатых агрегатов, оконтуренных порами-трещинами, ожелезнённый конгломерат – обломок строительного материала (стрелка), PPL; ф – выбросы мезофауны, зёрна крупного песка в тонкодисперсной массе и железисто-марганцевая конкреция, PPL

Таблица 1. Морфологическое описание профилей погребённой и современной фоновой почв

<i>Индекс слоя/ горизонта, глубина, см</i>	<i>Цвет по Манселлу</i>	<i>Описание</i>
Погребённая почва		
КСЗ/PUur, 0–10	Gley 1 2/5N	Влажный, пористый, комковато-ореховатый, равномерно окрашенный, с синеватым оттенком. Корней нет. Встречаются фрагменты строительных материалов — известковый щебень, крупный песок. КСЗ, вероятно, времени строительства первой деревянной церкви (XV–XVI вв.), сформирован в гумусовом бывшем пахотном горизонте погребённой почвы, что отражено в его индексе
AUBT, 10–27	10YR 3/2–4/2	Тёмно-серый, влажный, цвет неоднородный, темнеет к верхней части горизонта, тяжёлый суглинок, пористый, комковато-ореховатый с зернистостью, кутаны по граням педов, корней нет, признаки деятельности мезофауны — копролиты. Видны немногочисленные пятна ожелезнения
ВТАU, 27–49	10YR 4/1	Бурый с сизоватым оттенком, влажный, тяжёлый суглинок, мелкоореховатый, с глянцевыми кутанами, корней нет
BT, 49–71	10YR 5/2–5/3	Влажный, тяжёлый суглинок, пористый, ореховато-мелкопризматический, с острыми гранями, глянцевые тёмные кутаны, корней нет
BTC, 71–87	10YR 4/2–4/3	Влажный, бурый с сизоватым оттенком, тяжёлый суглинок, пористый, ореховато-призматический, с острыми гранями. Корней нет. Переход заметный по цвету, граница ровная. В горизонте выделена сеть мелких криогенных трещин, заполненных гумусо-железисто-глинистым материалом
C, 87–97	10YR 5/4	Влажный, тяжёлый суглинок, пористый, бесструктурный, с редкими сероватыми кутанами. Корней нет
Современная почва		
AУ, 0–10	10YR 4/3	Свежий, цвет серый с буроватостью, не совсем однородный, есть посветление в отдельных морфонах, среднесуглинистый, комковатый, комки разных размеров и порядков, 1–3 см, много корней, в том числе древесной растительности, копролиты, уплотнённый, переход заметный по цвету и мелким корням, граница волнистая

<i>Индекс слоя/ горизонта, глубина, см</i>	<i>Цвет по Манселлу</i>	<i>Описание</i>
АЕL, 10–30	10YR 4/3 с пятна-ми 6/2	Свежий, цвет тот же, что и сверху, но более заметны белёсые пятна, состоящие из отмытых зёрен кварца, среднесуглинистый, комковатый с ореховатостью, уплотнённый, есть корни древесных растений до 2 см в диаметре, угольки, переход заметный по плотности, цвету, граница волнистая
ВЕL, 30–50	10YR 4/4 с 5/2	Свежий, цвет неоднородный, серовато-бурый с белёсыми пятнами силтан, плотный, ореховатая структура, тяжелосуглинистый, копролиты, корнеходы, корней ещё много, в основном травянистые и тонкие древесные, переход заметный по цвету и корням, граница слабоволнистая
ВТ1, 50–70	10YR 3/3 и 5/2	Свежий, цвет неоднородный, тёмно-бурый с белёсыми пятнами силтан, ореховатая с признаками призматичности структура, более плотный, чем вышележащий горизонт, легкоголинистый, силтан меньше, появляются Fe-глинистые кутаны немного светлее по цвету, чем ВПМ, корней мало, тонкие, переход заметный по цвету и увеличению количества кутан, граница слабоволнистая
ВТ2, 70–100	10YR 4/4, кутаны 2/1	Свежий, бурый с тёмными Fe-глинистыми кутанами и светлыми редкими пятнами силтан, глинистый, плотный, структура крупнопризматическая или бесструктурный, редкие корни, тёмно-бурые Fe-глинистые кутаны сплошь, встречаются Fe-Mn конкреции с небольшим затвердением, переход очень постепенный
ВТС, 100–115	7,5YR 4/6	Влажноват, бурый с красным оттенком, плотный, липкий, глинистый, редкие силтаны наблюдаются до конца разреза. Отмечена единичная кротовина 5 × 10 см более тёмного цвета
ВС, 115–135	7,5YR 4/5–4/4	Неоднороден по цвету, пятна оглеения и Fe-Mn пятна и конкреции, глинистый, бесструктурный, единичные корни

КСЗ/РУиг [0–10 см] в поле был описан как остаток (нижняя часть) гумусового горизонта погребённой почвы, но в процессе исследования выяснилось, что он является ещё одним культурным слоем (КСЗ), поскольку состоит из значительной доли угольной пыли, здесь наблюдается небольшая примесь крупного песка, а также встречаются включения строительного материала — конгломераты более ожелезненного и оглиненного уплотнённого материала (рис. 3: *e*, стрелка), похожие на таковые в КС2. Педогенные признаки: зоогенное измельчение почвенной массы (рис. 3: *f*), единичные Fe-Mn пятна и нодулы (рис. 3: *e, f*). Слой необычно для этого почвенного горизонта уплотнён, разбит сетью трещин на плоские угловатые агрегаты, что больше похоже на плужную подошву, некоторые микрзоны имеют чёрный оттенок в окраске, указывающий на обугленность, которая могла возникнуть при выжигании растительности. Но обугленность не имеет однородного характера в массе материала этого горизонта, а видна лишь в некоторых фрагментах. Перекристаллизованные карбонаты в КСЗ отсутствуют, хотя имеются единичные зёрна литогенной известковой щебенки, характерной для покровных суглинков этого региона.

Следы обугливания почвенной массы ещё немного видны в следующем горизонте, АУВТ [10–27 см] (рис. 4: *a*), но в целом горизонт имеет обычное «почвенное» строение: более уплотнённое микросложение, чем в КСЗ/РУиг, местами зернистые агрегаты, выбросы мезофауны, пятна ожелезнения. Единично встречаются включения строительного материала: крупные (размер среднего песка) зёрна кварца замешаны и цементированы в тонкодисперсном материале, включения имеют признаки ожелезнения — плёнки оксидов железа по краю включения (рис. 4: *b*). В горизонте ВТАУ [27–49 см] ещё можно отметить единичные выбросы мезофауны в порах, почвенная масса консолидирована, разбита трещинами на угловатые агрегаты (рис. 4: *c*). Но наиболее ярким признаком почвенных горизонтов ВТАУ, ВТ, ВТС являются хорошо морфологически выраженные слоистые железисто-глинистые кутаны, как приуроченные к порам, так и расположенные в межпоровом пространстве (рис. 4: *d–f*). Пятна ожелезнения в почвенной массе тоже отчётливы. Описанные признаки являются характерными для серых почв с текстурно-дифференцированным профилем.

Для гумусового горизонта АУ современной фоновой почвы характерны признаки высокой биогенности: почвенная масса проработана мезофауной, микроструктура губчатая, местами зернистая (рис. 5: *a*). Уже с поверхности хорошо заметны Fe-Mn стяжения, как сравнительно крупные, до 1 мм в *d* (рис. 4: *a*, верхний левый угол), так и точечные, разбросанные повсюду в почвенной массе. Отчётливы округлые и удлинённые зёрна литогенных известняков, замаскированные гумусо-глинистым тонкодисперсным материалом (рис. 4: *b* стрелки), которые наблюдаются

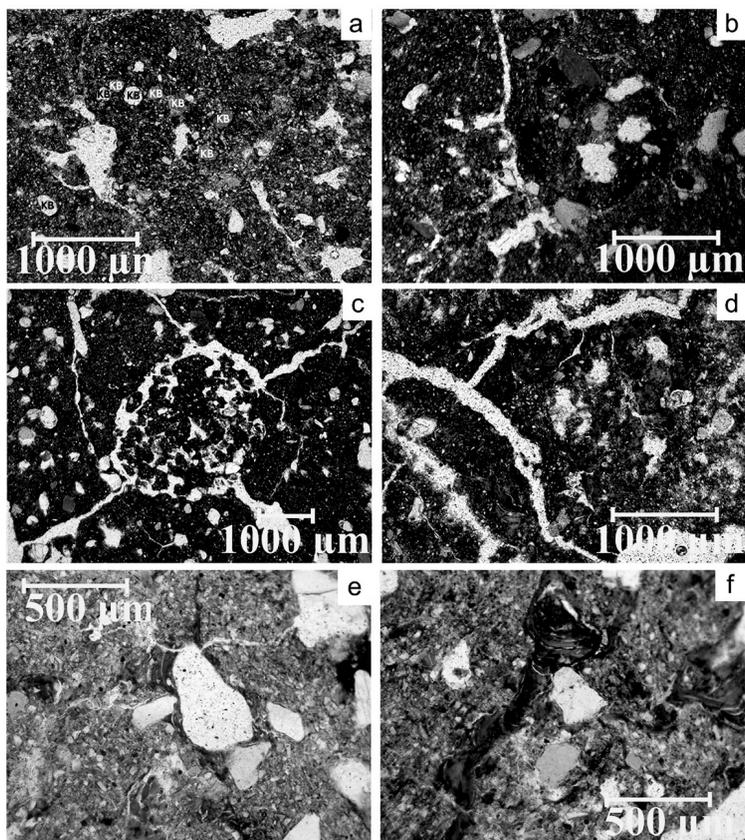

Рис. 4. Микростроение погребённой почвы.

- Горизонт АВВТ, 10–27 см: а – обугливание микрозоны почвенной массы, скопления зёрен кварца (кв) песчаного размера в этом материале, PPL; б – включение строительного материала с пятнами ожелезнения по краю, PPL;
- горизонт ВТАУ, 27–49 см: с – выбросы мезофауны, встречено единично, фрагменты Fe-глинистых кутан в микромассе, PPL; д – ярко-бурые железисто-глинистые кутаны в порах и тонкодисперсной массе, PPL;
- горизонт ВТ, 49–71 см: е – железисто-глинистые кутаны в порах, ассимилированные в почвенную массу, PPL;
- горизонт ВТС, 71–87: д – железисто-глинистые кутаны, полностью заполнившие пору, ассимилированные в почвенную массу, PPL.
- PPL – снято без анализатора в проходящем свете

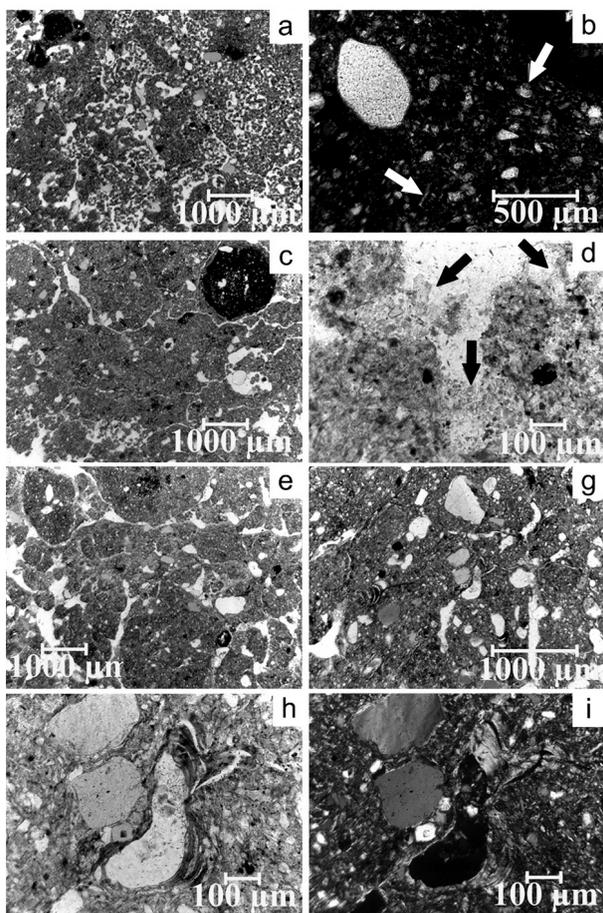

Рис. 5. Микростроение фоновой почвы.

Горизонт АУ, 0–10 см: а — губчатая, местами зернистая микроструктура и выбросы мезофауны, PPL; б — округлые и удлинённые зёрна литогенной карбонатной щебенки (стрелки), XPL; горизонт АЕЛ, 10–30 см: с — округло-блоковая микроструктура, признаки горизонтальной делимости, Fe-Mn конкреция в верхнем правом углу, PPL; д — скопления зёрен кварца пылеватого размера (силтаны) в порах и ходах корней, множество мелких Fe-Mn пятен разбросано в почвенной массе, PPL; горизонт ВЕЛ, 30–50 см: е — микрозоны, обогащённые (бурого цвета) и обеднённые (серого цвета) тонкодисперсным веществом, занимают примерно равные площади, PPL; горизонт ВТ1, 50–70 см: г — множество Fe-глинистых слоистых кутан в порах и ассимилированных в почвенной массе, PPL; горизонт ВТ2, 70–100 см: h — сложное переслаивание силикатных зёрен пылеватой размерности (силтан) и Fe-глинистых слойков (кутан), особенно отчётливо видимое в центре пор, PPL; i — то же, но в XPL

не только здесь, но и в других горизонтах по всему профилю. Наличие таких зёрен характерно для покровных (лессы, лёссовидные отложения) четвертичных отложений центра Восточно-Европейской равнины. Самое крупное зерно кварца размером ~0,5 мм в *d* встречено единично (рис. 4: *b*, верхний левый угол).

В гор. АЕЛ современной почвы ещё в некоторых микрозонах сохраняются признаки активности мезофауны и зернистая микроструктура, но преимущественно почвенная масса демонстрирует признаки субгоризонтальной делимости: округло-блоковая микроструктура, почвенная масса разбита субгоризонтальными протяжёнными трещинами, что свойственно на макроуровне пластинчатой структуры горизонтов Е (рис. 4: *c*). В порах и ходах корней обнаруживаются скопления зёрен кварца пылеватого размера — силтаны (рис. 4: *d*). Множество Fe-Mn пятен самого разного размера разбросаны в почвенной массе.

В гор. ВЕЛ микрозоны, обогащённые и обеднённые тонкодисперсным веществом, занимают примерно равные площади (рис. 5: *e*, чередование буроватых и сероватых микрозон), агрегаты имеют округлую и иногда угловатую форму, а также в микромассе отмечается множество Fe-Mn пятен. Горизонты ВТ так же, как и аналогичные горизонты погребённой почвы, характеризуются наличием множества Fe-глинистых слоистых кутан, располагающихся в порах и ассимилированных в почвенной массе (рис. 5: *g*). Но при большем увеличении и детальном рассмотрении отдельных кутан в них прослеживается сложное переслаивание скоплений силикатных минералов пылеватой размерности (силтан) и Fe-глинистых слоёв (кутан), в центре пор скопления пылеватых силикатных зёрен наиболее отчётливы (рис. 5: *h*). Глинистые кутаны обнаруживают высокую степень анизотропности (рис. 5: *i*) и имеют интенсивную коричневую окраску, свидетельствующую об их обогащённости несиликатными соединениями железа.

Физико-химические свойства. По гранулометрическому составу погребённая и современная фоновая почвы очень близки. Текстуриная дифференциация чётко проявляется в обеих почвах по распределению илистой фракции. Обе почвы классифицируются как среднесуглинистые среднекрупнопылеватые вверху и среднесуглинистые иловато-крупнопылеватые в горизонтах ВТ (рис. 6: *a* и *e*). Культурные слои отличаются от горизонтов погребённой почвы заметно большим содержанием фракции среднего песка (1–0,25 мм) и меньшим — ила (<0,001 мм).

Все культурные слои и горизонты погребённой почвы в Тульском кремле характеризуются слабощелочной реакцией среды, значения от 7,3 до 7,9, тогда как в современной почве по всей глубине эти значения не превышают 6,0 единиц (рис. 6: *b* и *f* соответственно). Все культурные слои имеют более кислые значения рН вод по сравнению с погребённой почвой.

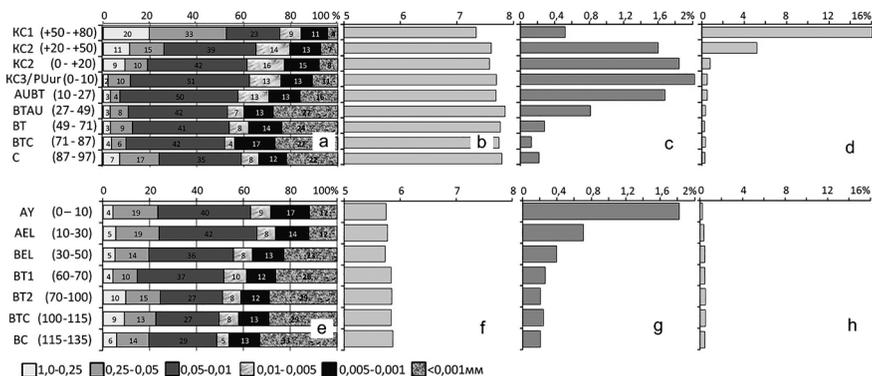

Рис. 6. Физико-химические свойства культурных слоёв и погребённой почвы (a-d) и фоновой почвы (e-g):

a, e – гранулометрический состав; b, f – pH водный; c, g – содержание органического углерода, %; d, e – содержание CaCO₃, %

Содержание органического углерода увеличивается с глубиной в культурных слоях, а в погребённой почве постепенно уменьшается вниз по профилю (рис. 6: c). Максимальные значения приходятся на KC3/PUr, 2,0 %, а в KC2 и гор. AUBT погребённой почвы ещё довольно высокое – 1,6–1,8 %. При этом в современной почве содержание органического углерода в гор. AY не превышает 1,8 %, и его убывание по профилю не такое постепенное, как в погребённой почве, а довольно резкое, поскольку уже в гор. AEL оно составляет 0,7 %, ниже практически сразу уменьшаясь до 0,2–0,3 % (рис. 6: g).

Учитывая, что почва Тульского кремля находилась в погребённом состоянии около 500 лет, в течение которых происходила диагенетическая биоминерализация органического вещества, и к моменту нашего исследования содержание органического углерода уменьшилось в погребённой почве как минимум на 30 %¹⁹, очевидно, что в погребённой почве на момент погребения содержание органического углерода было заметно выше, чем в современной почве сейчас, причём не только в верхнем горизонте, но и во всём в верхнем полуметре.

Наибольшее содержание карбонатов (16,1 %) обнаружено в KC1 (рис. 6: d), который содержал остатки известняков после разрушения второго храма, построенного из известняковых блоков. Ниже в разрезе Тульского кремля происходит резкое уменьшение данного показателя.

¹⁹ Ivanov I. V., Pesochina L. S., Semenov V. M. Biological mineralization of organic matter in the modern virgin and plowed Chernozems, buried Chernozems, and fossil Chernozems // Eurasian Soil Sci. 2009. V. 42. № 10. P. 1109–1119.

В профиле погребённой почвы значения минимальны и составляют не более 0,3 % CaCO_3 . В современной почве содержание CaCO_3 также не превышает 0,3 % (рис. 6: *h*). Очевидно, такие значения являются характерными для почв на покровных суглинках, содержащих небольшие включения осколков литогенных известняков девона и карбона (коренные породы региона), которые мы наблюдали при микроморфологическом анализе.

Содержание валового железа увеличивается вниз по разрезу Тульского кремля в соответствии с содержанием ила (табл. 2). Силикатные формы железа составляют от 79 до 89 % от валового. Закономерно, что культурные слои имеют меньшие величины Fec , чем горизонты погребённой почвы, эта разница может достигать двух и более раз. Содержание аморфного железа (Fea) в разрезе Тульского кремля очень мало, не более 0,4 %, при этом в культурных слоях содержание Fea примерно в два раза выше, чем в горизонтах погребённой почвы. Содержание несиликатного железа (Fenc) в этом разрезе тоже невелико (максимальная величина 0,7 %). В средней и нижней частях профиля погребённой почвы содержание Fenc выше, чем в гор. АУВТ и культурных слоях. Коэффициент Швертмана, который используется для оценки степени гидроморфизма почв²⁰, в целом снижается вниз по профилю Тульского кремля, что указывает на снижение в этом же направлении степени гидроморфизма. Максимальные значения (0,9 и 0,8) приходятся на КС1 и КС2 соответственно, а минимальные (0,2) – на горизонты ВТС и С. Но и максимальные значения этого коэффициента недостаточно высоки, чтобы говорить, что в изучаемом профиле наблюдаются процессы длительного застоя влаги. Весь профиль развивался и развивается в автоморфных условиях.

По содержанию различных форм железа погребённая и современная почвы близки, лишь в горизонтах ВТ в последней содержание Fenc ниже, чем в погребённой. Поэтому, согласно коэффициенту Швертмана, в нижней части профиля современной почвы величины этого показателя выше, чем в этой же части профиля у погребённой, что совпадает с морфологическими наблюдениями о более заметном проявлении процессов оглеения в нижней части профиля современной почвы.

Данные валового анализа элементного состава изученных культурных слоёв и горизонтов в разрезе Тульского кремля позволили рассчитать индексы преобразования минерального вещества, которые показывают соотношения элементов с различными скоростями выщелачивания, то есть, более выветриваемых катионов оснований Ca, Mg, K и Na и менее растворимых Al, Si, Ti.

Соотношение $\text{SiO}_2/\text{Al}_2\text{O}_3$ показывает состояние наиболее стабильных алюмосиликатных веществ в профиле почв, и в природных условиях

²⁰ Зайдельман Ф. Р. Эколого-мелиоративное почвоведение гумидных ландшафтов. М., 1991.

Таблица 2. Формы соединений железа

Слой/горизонт, глубина, см	Fe _{вал} , %	Fe _а , %	Fe _{нс}	Fe _а /Fe _{нс}	Fe _с	Fe _о
Разрез Тульского кремля						
КС1, +50 – +80	1,77	0,31	0,37	0,85	1,40	0,06
КС2, +20 – +50	2,78	0,22	0,37	0,59	2,41	0,15
КС2, 0 – +20	2,99	0,42	0,53	0,80	2,46	0,10
КС3/PU _{ur} , 0–10	2,68	0,18	0,34	0,51	2,34	0,17
AUBT, 10–27	2,88	0,12	0,33	0,37	2,55	0,21
BTAU, 27–49	4,66	0,12	0,51	0,23	4,15	0,39
BT, 49–71	4,42	0,14	0,58	0,24	3,84	0,44
BTC, 71–87	4,64	0,12	0,68	0,18	3,96	0,56
C, 87–97	4,36	0,13	0,57	0,22	3,79	0,44
Современная фоновая почва						
AУ, 0–10	-	0,17	0,31	0,56	-	0,14
AEL, 10–30	-	0,16	0,28	0,58	-	0,12
BEL, 30–50	-	0,11	0,32	0,34	-	0,21
BT1, 50–70	-	0,11	0,35	0,32	-	0,24
BT2, 70–100	-	0,15	0,40	0,38	-	0,25
BTC, 100–115	-	0,13	0,41	0,32	-	0,28
BC, 115–135	-	0,17	0,46	0,36	-	0,29

Fe_{вал} – валовое железо; Fe_а – аморфное (оксалаторастворимое, по Тамму) железо; Fe_{нс} – несиликатное (по Мера-Джексона) железо;
 Fe_а/Fe_{нс} – коэффициент Швертмана; Fe_с – силикатное железо
 (расчётное: Fe_{вал} – Fe_{нс} = Fe_с); Fe_о – окристаллизованное железо
 (расчётное: Fe_{нс} – Fe_а = Fe_о)

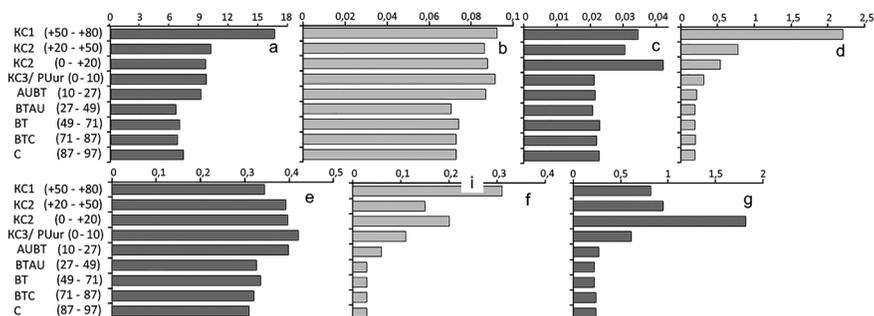

Рис. 7. Данные валового состава и рассчитанные на основе этих данных индексы для культурных слоёв и погребённой почвы:
 а – SiO₂/Al₂O₃, %; б – TiO₂/Al₂O₃; в – MnO/Fe₂O₃;
 д – (CaO+MgO)/Al₂O₃; е – (K₂O+Na₂O)/Al₂O₃; ф – S, %; г – P₂O₅, %

в почвах этот показатель может меняться в связи развитием элювиально-иллювиальных процессов²¹, а также при смене почвообразующего субстрата. В разрезе Тульского кремля наиболее заметно по этому индексу выделяется КС1, здесь зафиксирована почти в два раза большая величина индекса (17,5) по сравнению с остальными слоями и горизонтами (рис. 7: а). Затем следует четыре слоя, вплоть до горизонта АУВТ, где индекс демонстрирует однородные величины, равные 10. И затем в остальных горизонтах погребённой почвы этот показатель снижается и равен 7.

Соотношение TiO_2/Al_2O_3 позволяет оценить степень однородности почвообразующей породы. Все культурные слои и гор. АУВТ отличаются от остальных горизонтов погребённой почвы более высокими значениями этого индекса (рис. 7: б), в основном за счёт снижения содержания Al_2O_3 в два–три раза в них по сравнению с остальными горизонтами погребённой почвы.

Отношение MnO/Fe_2O_3 характеризует уровень биологической активности и продуктивности в мезоморфных почвах и уровень окисления в гидроморфных почвах. В изученном профиле этот индекс был в целом высоким во всех культурных слоях с максимумом значений 0,042 в КС2 (0 – +20 см) (рис. 7: в).

Отношение $(CaO+MgO)/Al_2O_3$ отражает накопление кальцита и доломита и для изучаемого разреза полностью коррелирует с распределением $CaCO_3$ (рис. 7: д сравнить с рис. 6: д).

Отношение $(K_2O+Na_2O)/Al_2O_3$ характеризует поведение легкорастворимых солей. Культурные слои и гор. АУВТ демонстрируют бóльшие величины этого индекса по сравнению с остальными горизонтами погребённой почвы (рис 7: е), но не за счёт аккумуляции K_2O и Na_2O , а за счёт существенного снижения содержания Al_2O_3 в верхней части разреза Тульского кремля, о чём говорилось выше. Распределение величины индекса засоления по профилю коррелирует с распределением серы (рис. 7: ф).

Распределение валового фосфора, являющегося маркёром при определении характера и интенсивности человеческой деятельности, в целом повторяет закономерность распределения органического углерода: в культурных слоях его содержание в несколько раз больше, чем в горизонтах погребённой почвы (рис. 7: г), и достигает максимума в КС2 (0 – +20). В КС3/РУиг [0–10 см] наблюдается снижение содержания фосфора, однако его концентрация всё равно более чем в два раза превосходит таковую в нижележащих горизонтах погребённой почвы.

Микробиоморфный анализ. Культурные слои обогащены древесным детритом, особенно КС1 (табл. 3, 4). В целом культурные слои различаются незначительно по фитоливному спектру. Здесь же отмечается

²¹ Роде А. А. Подзолообразовательный процесс. М.; Л., 1937.

Таблица 3. Сравнительное полуколичественное содержание микробиоморф

Образец, глубина, см	Детрит	Аморфная органика	Диатомовые водоросли//Спиккулы губок	Фитопыльцы	Другие частицы	Примечание					
КС1, (+50 – +80)	+++	+++	-	++	Корни, гифы, пыльца, споры	Детрит крупный, преимущественно древесный					
КС2, (0 – +20)	+++	+++	Ед./-/-	+++		Детрит мелкий					
							0-2	+	+++		
							2-5	+	+++		
							5-7	+	+++		
КС3/Р _{III}	+++	+	-//Ед.	+++		Детрит преимущественно древесный					
							7-10	+	+++		

Примечание. Крестиками показано сравнительное содержание микробиоморф: +++ много; ++ среднее; + мало; Ед. – единично; - отсутствуют.

Таблица 4. Содержание кремниевых микробиоморф и распределение диагностических групп фитолитов (%)

	Всего (шт./%)	Диатом//Спиккулы (%)	Фитолиты (шт./%)	1*	2*	3*	4*	5*	6*	7*	8*	9*	10*
КС1, (+50 – +80)	62/100	-	62/100	38	10	18	32	-	2	-	-	-	-
КС2, (0 – +20)	339/100	3/1//-	336/99	38	4	2	10	-	3	3	-	40	-
	0-2	-	138/100	50	7	7	26	-	-	1	-	2	7
КС3/Р _{III}	220/100	-	220/100	54	5	6	25	-	1	3	1	5	6
	5-7	-//3/1	388/99	49	5	4	38	1	1	4	2	2	-
7-10	419/100	-//3/1	416/99	39	4	6	31	-	3	5	2	10	-

Примечание. *Цифрами показаны следующие растительные ценозы: 1 – двудольные травы; 2 – иглы хвойных; 3 – лесные злаки; 4 – луговые злаки; 5 – степные злаки (сухие луга); 6 – культурные злаки; 7 – тростник; 8 – сорная флора (крапива или конопля); 9 – мхи; 10 – обломки

минимальное количество фитолитов. Максимальное же количество фитолитов выявлено в нижней части КСЗ/РУиг. Подобная инверсия количественного распределения фитолитов (увеличение количества частиц сверху вниз в пределах гумусированного горизонта) типична для пахотных горизонтов с плужной подошвой²². Во всех культурных слоях встречаются формы, характерные для сорной растительности (крапивы или конопли), а также фитолиты культурных злаков. То есть все эти слои являются культурными слоями поселения, все созданы искусственно.

Содержание частиц, диагностов повышенного увлажнения (диатомовые водоросли и спикулы губок) во всех образцах мало, они единичны. Скорее всего, эти частицы попали в образцы случайно.

КС1 и КС2 содержат большое количество грибных гифов, корней трав, копролитов почвенной фауны, пыльцевые зёрна и споры. Поскольку данный набор микробиоморф характерен для поверхностных горизонтов почв, возможно, что данные слои какое-то время были поверхностными, на них росли травы, шли процессы почвообразования. Обилие крупного древесного детрита в самом верхнем слое позволяет также предположить, что здесь на нём располагалась деревянная конструкция — настил, строение и т. п.

КС2 выделяется абсолютным преобладанием фитолитов мхов (40 % от их общего количества). Подобный состав, учитывая большое количество фитолитов и наличие диатомовых водорослей, характерен для отложений, представляющих собой навоз, смешанный с подстилками для животных.

КСЗ/РУиг отличается от остальных культурных слоёв отсутствием признаков почвообразования — в нём нет грибных гифов, корней, копролитов, детрит преимущественно мелкий, т. е. переотложенный. Следовательно, данный слой не является поверхностным почвенным горизонтом — это один из культурных слоёв, причём достаточно быстро перекрытый другим материалом.

Обсуждение результатов

Тулский кремль расположен на поверхности древнеаллювиальной террасы на низком гипсометрическом уровне (160 м над у. м.). Превышение над руслом реки Упы, расположенной в непосредственной близости от стен кремля, составляет около 7 м. Выбор столь низкого места для строительства крупного культурного и промышленного центра вызывает удивление. Ведь, казалось бы, территория со столь незначительным

²² Golyeva A., Svirida N. Quantitative distribution of phytoliths as reliable diagnostical criteria of ancient arable lands // Quaternary International. 2017. V. 434. P. 51–57. DOI 10.1016/j.quaint.2015.12.062.

превышением над урезом реки должна подвергаться интенсивным паводкам, мешающим организации хозяйственной и культурной жизни. Однако проведённый палеопочвенный и геоморфологический анализ позволяет установить, что динамика реки на данном участке не вызывала паводковых разливов. Терраса представляет собой цокольную поверхность, сложенную древними флювиогляциальными отложениями, перекрытыми плащом водораздельных отложений (лёссов). Привноса аллювиального материала не обнаружено. Почвы на лёссовых отложениях характеризуются строением профиля, типичным для окружающих водораздельных пространств. Строение профиля позволяет реконструировать погребённую почву как агротемно-серую. Признаки оглеения в погребённой почве выражены слабо. Микробиоморфный анализ также подтверждает, что содержание частиц, диагностов повышенного увлажнения (диатомовые водоросли и спикулы губок) мало, они единичны.

На основании изучения разрезов в Тульском кремле и фоновой современной почвы можно охарактеризовать особенности антропогенного воздействия на культурные слои и погребённую почву при строительстве кремля и в предшествующий период; отделить диагенетические изменения культурных слоёв и погребённой почвы; выявить сходство и отличия в строении и свойствах погребённой и современной почв; провести палеоклиматические реконструкции на основе изучения педогенных признаков, сохранившихся в культурных слоях и погребённой почве, и сравнения их с таковыми современной почвы.

Антропогенное воздействие чётко прослеживается не только в культурных слоях изученного в Тульском кремле разреза, но и в верхних горизонтах погребённой под ними почвы. В культурных слоях к антропогенным включениям следует отнести:

- карбонатный щебень и песок, а также насыщенные глиной конгломераты предположительно строительного материала ярко-бурого цвета, уплотнённые, ожелезненные;
- большое количество углистых частиц, причём не только травянистой, но и древесной растительности;
- разнообразие растительных остатков разной степени сохранности и иногда залегающих компактными прослоями тоже говорят о влиянии человека.

На микроуровне в культурных слоях можно отметить ряд педогенных признаков (оструктуренность, деятельность роющих животных, вторичные карбонаты). Данные фитолитного анализа свидетельствуют о наборе микробиоморф, свойственных обычным поверхностным почвенным горизонтам. Тем не менее, достаточно чётко диагностируется нарушенность, «неестественность» залегания основной массы материала. Таким образом, культурные слои обладают как почвенными свойствами,

так и антропогенными признаками, что обычно для культурных слоёв археологических объектов²³.

По физико-химическим свойствам КС1 и КС2 характеризуются:

- заметной долей частиц среднего и мелкого песка в гранулометрическом составе, что коррелирует с наблюдаемыми при микроморфологическом анализе скоплениями частиц песчаного размера;
- пониженными величинами рН;
- в КС2 — повышенным содержанием органического углерода;
- в КС1 — максимальным, в КС2-повышенным содержанием карбонатов, что коррелирует с соответствующими повышенными величинами геохимического индекса окарбоначивания;
- максимальным содержанием валового фосфора;
- максимальным содержанием серы;
- контрастными отличиями от горизонтов погребённой почвы по содержанию как валового, так и других форм железа, в целом свидетельствующих о повышенном гидроморфизме культурных слоёв по сравнению с погребённой почвой, что подтверждается и данными геохимического индекса окисления;
- повышенными величинами отношений $\text{SiO}_2/\text{Al}_2\text{O}_3$ и $\text{TiO}_2/\text{Al}_2\text{O}_3$, особенно заметно для КС1, что можно связать с различиями в вещественном составе субстратов, в котором формировались КС1 (в меньшей степени — для остальных культурных слоёв) и погребённая почва.

Эти свойства свидетельствуют о том, что многие материалы были привнесены в культурные слои человеком при строительстве кремля. Обнаружение разнообразия растительных остатков и повышенное содержание органического углерода в КС2 обусловлено привнесением отходов (щепа, кора) от строительства первого деревянного храма. Использовались и такие материалы, как песок и глина, например, для создания фундаментов и погребов. Увеличение отношений $\text{SiO}_2/\text{Al}_2\text{O}_3$ и $\text{TiO}_2/\text{Al}_2\text{O}_3$ за счёт уменьшения содержания Al_2O_3 — тоже следствие внесения в культурные слои отличных от покровных суглинков материалов, а именно известняков и большого количества органики. По данным микробиоморфного анализа в КС2 можно предположить наличие навоза. Это подтверждается цифрами валового фосфора, содержание которого в данном слое типично для куриного помёта и/или твёрдой фракции экскрементов крупного рогатого скота²⁴. Присутствие значительных

²³ Естественно-научные методы исследования культурных слоёв древних поселений / С. А. Сычева, Н. Б. Леонова, А. Л. Александровский [и др.]. М.: Изд-во НИИ «Природа», 2004.

²⁴ Методические рекомендации по технологическому проектированию систем удаления и подготовки к использованию навоза и помёта. РД-АПК 1.10.15.02-17. М., 2017. С. 28.

по мощности отложений навоза в составе средневековых культурных слоёв достаточно частое явление. Например, навоз был выявлен в культурных слоях Московского Кремля²⁵.

Повышенное содержание серы в культурных слоях можно отнести на счёт глобального загрязнения атмосферы кислотообразующими веществами (окислами серы и азота) в течение прошлого столетия, главным образом от сгорания мазута, каменного угля и в процессе выплавки металлических руд, что привело к формированию кислотных осадков, которые обусловили закисление почв²⁶, учитывая тот факт, что Тула — это крупный промышленный центр, где все вышеперечисленные техногенные воздействия имели и имеют место быть. Кроме того, повышенное содержание серы и, возможно, легкорастворимых солей в культурных слоях может быть связано с активным использованием противогололёдных реагентов зимой в кремле, который является местом посещения большого числа экскурсантов. Реагенты содержат серу в виде примесей²⁷. Попадая в профиль почвы, сера способна образовывать очень активные и подвижные соединения, извлекая элементы для них из силикатной минеральной основы почв и почвообразующих пород. Поэтому следы антропогенной серы прослеживаются вплоть до горизонта АУВТ погребённой почвы (рис. 7: *f*). Примечательно, что несмотря на насыщенность КС1 и КС2 известняковым щебнем, величины рН культурных слоёв и горизонта АУВТ **заметно ниже, чем нижележащих горизонтов погребённой почвы**, что мы объясняем образованием высокоактивных техногенных соединений серы, подкисляющих культурные слои и верхние горизонты погребённой почвы. Вероятно, аккумуляция серы и, возможно, легкорастворимых солей в культурных слоях — это диагенетическое изменение, произошедшее с изучаемыми образованиями уже после окончания их функционирования и связанное с недавней или современной человеческой деятельностью.

Помимо деятельности, связанной со строительством, в КС3, являющемся одновременно и верхним горизонтом почвы, на которой строили первый деревянный храм, выявлены признаки использования участка перед началом строительства в качестве пашни либо огорода. В этом слое отмечены: неоднородность микростроения, обугленность некоторых

²⁵ Гольева А. А. Информационные возможности естественнонаучных исследований отложений навоза в культурных слоях // АП. М., 2010. Вып. 6. С. 298–303; The Application of Buried Soil Properties for Reconstruction of Various Stages of Early Habitation at Archaeological Sites in Moscow Kremlin...

²⁶ Moiseenko T. I. Evolution of biogeochemical cycles under anthropogenic loads: Limits impacts // Geochemistry International. 2017. V. 55. № 10. P. 841–860. DOI 10.1134/S0016702917100081.

²⁷ Черноусенко Г. И., Ямнова И. А., Скрипникова М. Н. Антропогенное засоление почв Москвы // Почвоведение. 2003. № 1. С. 97–105.

микрон, специфическая уплотнённость и оструктуренность, а также наличие максимального количества фитолитов в образце с глубины 7–10 см этого слоя, что свойственно плужной подошве, наличие культурных злаков и сорняков в составе фитолитов. Слабая гомогенность КСЗ/РУг свидетельствует о том, что пахали недолго, предположительно не более 5–7 лет.

На основе наблюдений за трансформацией карбонатного вещества, привнесённого в культурные слои в виде осколков плит известняка, из которого возводился первый каменный храм, а также на основе соотношения форм соединений железа, можно сделать вывод об условиях среды, в которых формировались эти признаки в КС1 и КС2.

КС1, относящийся к XVII–XVIII вв., скорее всего, формировался преимущественно во влажных условиях. В нём присутствуют сильно преобразованные растительные остатки и кости; включения известняковой щебенки растворены, вторично перекристаллизованы, ассимилированы в основу почвенного материала. Обилие железоглинистых фрагментов свидетельствует о частой смене окислительно-восстановительных условий, возникающих при чередовании периодов переувлажнения-иссушения. В слое КС1 выявлено максимальное содержание аморфного железа, максимальная величина индекса Швертмана (табл. 2) и повышенный индекс окисления (рис. 7: с).

В КС2, относящемуся к XVI–XVII вв., описаны особые формы вторичных карбонатов: фитоморфозы по растительным остаткам. Подобные карбонатные новообразования встречаются в современных почвах Прибайкалья, Тувы, т. е. длительно промерзающих, имеющих чёткое сезонно выраженное криогенное воздействие на почвенный профиль²⁸. Условия формирования КС2 были немного суше, но и холоднее, чем КС1. Возможно, были морозные зимы. Согласно работе²⁹, в центральной России (это территория обозначена как 50–60 °N and 30–50 °E) во время малого ледникового периода в 1620–1680 гг. отмечались экстремально холодные зимы.

Погребённая и современная поверхностная водораздельная почвы сформированы на едином плаще лёссовых пород. Сходство гранулометрического состава двух почв делает возможным прямое сопоставление их остальных свойств с целью выявить изменения климатических условий в периоды их формирования.

²⁸ Почвы криосубаридных степных ландшафтов Терехольской межгорной котловины нагорья Сангилен / М. А. Бронникова, И. В. Турова, Е. П. Кузнецова [и др.] // Почвоведение. 2011. № 6. С. 643–659; Голубцов В. А., Черкашина А. А., Хохлова О. С. Карбонатный профиль почв Байкальского региона: строение, возраст и условия формирования // Почвоведение. 2019. № 12. С. 1471–1491. DOI: 10.1134/S0032180X19120050.

²⁹ Soon W., Baliunas S. Proxy climatic and environmental changes of the past 1000 years // Climate Research. 2003. V. 23. № 2. P. 89–110. doi:10.3354/cr023089.

Итак, основные отличия сравниваемых почв заключаются в следующем. Погребённая почва характеризуется более тёмной окраской гумусового горизонта и более высоким содержанием органического углерода в верхней полуметровой толще, отсутствием горизонта Е, контрастно выраженной разницей в цвете Fe-глинистых кутан и внутрипедной массы в горизонтах ВТ. При микроморфологическом анализе в поверхностной почве отмечено наличие пластинчатой структуры в горизонте Е и чётко выраженной сети силтан в подгумусовой части профиля, вплоть до самого нижнего горизонта ВТС. **Fe-глинистые кутаны в горизонтах ВТ** поверхностной почвы при детальном рассмотрении состоят из чередования слоек отмытого, пылеватого и Fe-глинистого материалов. В нижней части профиля поверхностной почвы виден сизоватый оттенок в общей окраске горизонтов ВТС и ВС, а также отмечены сизые пятна и Fe-Mn конкреции. Коэффициент Швертмана в нижней части поверхностной почвы заметно выше, чем в той же части профиля погребённой почвы.

Поверхностная почва характеризуется слабокислой реакцией среды, тогда как погребённая — слабощелочной. Отчасти щелочные значения рН вод в погребённой почве можно отнести на счёт влияния сильнокарбонатного строительного материала вышележащих культурных слоёв и проникновения щелочных растворов с поверхности в глубь почвенных горизонтов (то есть считать диагенетическим изменением, произошедшим уже после погребения почвы). Однако, возможно, что более высокие значения рН вод обусловлены и темноцветным характером почвообразования во время малого климатического оптимума, когда была сформирована погребённая почва.

Отличаются сравниваемые почвы и на классификационном уровне: серая, или **Retisol** — **поверхностная и тёмно-серая, или Phaeozem** — погребённая. По совокупности признаков можно утверждать, что в целом профиль погребённой почвы формировался в более тёплых и сухих климатических условиях, свойственных малому климатическому оптимуму. Согласно литературным данным³⁰, анализируя график изменения среднегодовых температур, построенный авторами как на основе собственных палинологических данных, так и при использовании исторических свидетельств, погребение почвы на территории Тульского кремля под КС2 завершилось к середине XVI в., **поскольку в течение столетия, предшествующего этому временному интервалу, среднегодовые температуры были выше в среднем на 0,4–0,5 °С, чем современные.** При этом авторы упомянутой работы утверждают, что одновременно с ростом среднегодовых температур происходил и рост количества среднегодовых осадков.

³⁰ Изменение климата на западе Европейской части России в позднем голоцене / В. В. Клименко, В. А. Климанов, А. А. Сирин, А. М. Слепцов // Доклады Академии наук. Т. 376. 2001. № 5. С. 679–683.

Но в таком случае для объяснения полного отсутствия отбеленного горизонта в профиле погребённой почвы необходимо признать, что рост среднегодового количества осадков возможен, но при условии снижения их за вегетационный сезон и существенного увеличения в холодное время года. Например, на современном этапе потепления в лесостепной зоне, по данным инструментальных измерений, среднегодовая температура увеличилась за последнее столетие на 1,0–1,3 °С относительно климатической нормы³¹, среднегодовые осадки — на 50–100 (до 125) мм, при этом осадки за вегетационный сезон снизились примерно на 30 мм³². Увеличение количества осадков в холодное время года, даже существенное (на 100–150 мм), не могло повлиять на отбеливание профиля погребённой почвы, поскольку в это время года она находилась в замёрзшем состоянии.

Заключение

Изучение погребённой почвы и серии культурных слоёв археологического раскопа в Тульском кремле позволило объяснить расположенность крупного культурного и хозяйственного центра позднего средневековья на низком гипсометрическом уровне в непосредственной близости от уреза реки Упы, а также охарактеризовать основные этапы освоения территории и строительства кремлёвских сооружений в диапазоне XV–XVIII вв. Кремль расположен на останце цокольной древнеаллювиальной террасы, перекрытой маломощным плащом водораздельных отложений (покровных суглинков) без малейших следов привноса аллювиального материала. Это позволяло людям начиная с каменного века спокойно жить и строить на этом месте, не опасаясь паводков.

Строение профиля погребённой почвы типично для водораздельных почв окружающих пространств Тульской области. Сравнение с современной поверхностной почвой подтверждает этот вывод. Почвы характеризуются наличием текстурно-дифференцированного профиля. Но если в современной почве сверху чётко выделяются осветлённые горизонты, а отбеленные песчано-пылеватые зёрна прослеживаются в кутанном комплексе вплоть до самых нижних горизонтов, то в погребённой эти признаки отсутствуют, как мы полагаем, в результате её формирования в сравнительно тёплое и влажное время малого климатического оптимума, в частности столетия, предшествующего погребению.

³¹ Худяков О. И., Решоткин О. В. Эволюция почв в связи с современным потеплением климата // Теоретическая и прикладная экология. 2017. № 2. С. 38–43.

³² Амелин А. В., Петрова С. Н. Особенности изменений климата на территории Орловской области за последние 100 лет и их влияние на развитие растениеводства в регионе // Вестник Орловского государственного аграрного университета. 2006. № 2–3. С. 76–79.

Погребённая почва испытала воздействие хозяйственной деятельности человека на изученной территории, как до начала, так и во время строительства Кремля. Самый верхний горизонт погребённой почвы, представляющий собой бывший пахотный слой, насыщен антропогенными включениями. До начала строительства почва недолго, 5–7 лет, использовалась под пашню или огород, здесь обнаруживаются фитоциты сорняков и культурных злаков, но горизонт недостаточно гомогенен, чтобы можно было говорить о длительной культивации.

Почва в кремле погребена несколькими культурными слоями, связанными с различными этапами строительства. КС2 сформирован в XVI–XVII вв., когда начали строить первый деревянный храм. Педогенные признаки этого слоя свидетельствуют о том, что климатические условия в период его формирования были немного суше, но и холоднее, чем для КС1. Возможно, были морозные зимы, что подтверждается литературными данными.

КС1 характеризуется наличием антропогенных включений времени строительства и разрушения в XVII–XVIII вв. второго каменного (из блоков известняка) храма, а также педогенными признаками, свидетельствующими о том, что этот слой формировался в сравнительно гумидных условиях малого ледникового периода.

К диагенетическим изменениям профиля в Тульском кремле можно отчасти отнести щелочные значения рН погребённой почвы и культурных слоёв в результате окисления за счёт привноса известнякового материала, а также обогащение культурных слоёв и погребённой почвы до горизонта АУВТ серой и легкорастворимыми солями в результате недавней хозяйственной деятельности.

Список источников и литературы

1. *Александровский, А. Л.* Отчёт на тему: «Комплексные географические исследования почв и культурных отложений Тульского кремля» / А. Л. Александровский // Научный архив ГУК ТО «Объединение “Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей”». — Опись № 1. Дело № 745. — Тула, 1992.
2. *Амелин, А. В.* Особенности изменений климата на территории Орловской области за последние 100 лет и их влияние на развитие растениеводства в регионе / А. В. Амелин, С. Н. Петрова // Вестник Орловского государственного аграрного университета. — 2006. — № 2–3. — С. 76–79.
3. *Аринюшкина, Е. В.* Руководство по химическому анализу почв / Е. В. Аринюшкина. — Москва : Изд-во МГУ, 1970. — 487 с.
4. *Водяницкий, Ю. Н.* Химия и минералогия почвенного железа / Ю. Н. Водяницкий. — Москва : Почв. ин-т им. В. В. Докучаева, 2003. — 238 с.

5. Геологическая карта четвертичных отложений Тульской области М : 500 000 / Ред. С. М. Шик. — МПР РФ Центральный региональный геологический центр, 1998.
6. *Голубцов, В. А.* Карбонатный профиль почв Байкальского региона : строение, возраст и условия формирования / В. А. Голубцов, А. А. Черкашина, О. С. Хохлова // Почвоведение. — 2019. — № 12. — С. 1471–1491. DOI: 10.1134/S0032180X19120050
7. *Гольева, А. А.* Информационные возможности естественнонаучных исследований отложений навоза в культурных слоях / А. А. Гольева // АП. — Вып. 6. — Москва : ИА РАН, 2010. — С. 298–303.
8. *Гольева, А. А.* К вопросу о полифункциональности оборонительных сооружений Тьмацкой линии мысовой части Тверского кремля (по материалам естественнонаучных исследований на раскопе № 23) / А. А. Гольева, А. Б. Иванова, А. Н. Хохлов // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Вып. 9. — Тверь : ТНИИР-Центр, 2016. — С. 87–97.
9. *Гольева, А. А.* Характеристика погребённых почв, вскрытых на раскопе 11/15 на территории Тверского кремля (при реставрации здания бывшего реального училища) в 2015 году / А. А. Гольева, А. Б. Иванова, А. Н. Хохлов // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Вып. 12. — Тверь : ТНИИР-Центр, 2019. — С. 130–135.
10. Естественно-научные методы исследования культурных слоев древних поселений / С. А. Сычева, Н. Б. Леонова, А. Л. Александровский [и др.]. — Москва : Изд-во НИА «Природа», 2004. — 161 с.
11. *Зайдельман, Ф. Р.* Эколого-мелиоративное почвоведение гумидных ландшафтов / Ф. Р. Зайдельман. — Москва : Агропромиздат, 1991. — 320 с.
12. Изменение климата на западе Европейской части России в позднем голоцене / В. В. Клименко, В. А. Климанов, А. А. Сирин, А. М. Слепцов // Доклады Академии наук. — Т. 376. — 2001. — № 5. — С. 679–683.
13. Исследование древних почв восточной части Московского Кремля / А. А. Гольева, О. С. Хохлова, А. В. Энгватова [и др.] // АП. — 2019. — № 15. — С. 29–42. DOI 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-272-8.29-42.
14. Классификация и диагностика почв России / Л. Л. Шишов, В. Д. Тонконогов, И. И. Лебедева, М. И. Герасимова. — Смоленск : Ойкумена, 2004. — 341 с.
15. *Лаврентьев, А. В.* «Два града на Туле». К 500-летию Тульского кремля / А. В. Лаврентьев. — Тула : Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2020. — 102 с.
16. Методические рекомендации по технологическому проектированию систем удаления и подготовки к использованию навоза и помёта. РД-АПК 1.10.15.02-17. Москва, 2017.
17. *Овчинников, Ю. И.* География Тульской области / Ю. И. Овчинников. — Тула : Приокское кн. изд-во, 1978. — 111 с.
18. *Орлов, Д. С.* Практикум по химии гумуса / Д. С. Орлов, Л. А. Гришина. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 273 с.
19. Почвы криосубаридных степных ландшафтов Терехольской межгорной котловины нагорья Сангилен / М. А. Бронникова, И. В. Турова, Е. П. Кузнецова [и др.] // Почвоведение. — 2011. — № 6. — С. 643–659.

20. Роде, А. А. Подзолообразовательный процесс / А. А. Роде. — Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1937. — 454 с.
21. Худяков, О. И. Эволюция почв в связи с современным потеплением климата / О. И. Худяков, О. В. Решоткин // Теоретическая и прикладная экология. — 2017. — № 2. — С. 38–43.
22. Черноусенко, Г. И. Антропогенное засоление почв Москвы / Г. И. Черноусенко, И. А. Ямнова, М. Н. Скрипникова // Почвоведение. — 2003. — № 1. — С. 97–105.
23. Экология XXI века в Тульском регионе : научно-практ. конф., 11–12 апреля 2001 г. : К 15 годовщ. аварии на Чернобыльской АЭС / под общ. ред. Н. И. Володина. — Тула, 2001. — 197 с.
24. Dolgikh, A. V. Soils and cultural layers in Velikii Novgorod / A. V. Dolgikh, A. L. Aleksandrovskii // Eurasian Soil Science. — 2010. — V. 43. — № 5. — P. 477–487.
25. Engovatova, A. V. Anthropogenic soils in Yaroslavl (Central Russia) : History, development, and landscape reconstruction / A. V. Engovatova, A. A. Golyeva // Quaternary International. — 2012. — V. 265. — P. 54–62. DOI 10.1016/j.quaint.2012.02.039.
26. Golyeva, A. Quantitative distribution of phytoliths as reliable diagnostical criteria of ancient arable lands / A. Golyeva, N. Svirida // Quaternary International. — 2017. — V. 434. — P. 51–57. DOI 10.1016/j.quaint.2015.12.062.
27. Ivanov, I. V. Biological mineralization of organic matter in the modern virgin and plowed Chernozems, buried Chernozems, and fossil Chernozems / I. V. Ivanov, L. S. Pesochina, V. M. Semenov // Eurasian Soil Sci. 2009. — V. 42. — № 10. — P. 1109–1119.
28. Landscape change and occupation history in the Central Russian Upland from Upper Palaeolithic to medieval : Paleopedological record from Zaraysk Kremlin / T. Romanis, S. Sedov, S. Lev etc. // Catena. — 2021. — V. 196. — 104873. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.catena.2020.104873>
29. Moiseenko, T. I. Evolution of biogeochemical cycles under anthropogenic loads : Limits impacts / T. I. Moiseenko // Geochemistry International. — 2017. — V. 55. — № 10. — P. 841–860. DOI 10.1134/S0016702917100081.
30. Munsell Soil Color Charts, 2014. Munsell Color. Grand Rapids, MI.
31. Soon, W. Proxy climatic and environmental changes of the past 1000 years / W. Soon, S. Baliunas // Climate Research. — 2003. — V. 23. — № 2. — P. 89–110. DOI: 10.3354/cr023089.
32. The Application of Buried Soil Properties for Reconstruction of Various Stages of Early Habitation at Archaeological Sites in Moscow Kremlin / A. Golyeva, O. Khokhlova, A. Engovatova etc. // Geosciences. — 2018. — V. 8. — № 12. — P. 447–456. DOI 10.3390/geosciences8120447.

А. В. Энзоватова (3), С. В. Борзова (1), О. Н. Глазунова (2)¹

Москва

Вокруг зубчатой капители (к вопросу о кирпичности и изразцовом производстве Ярославля XVII в.)

Вопрос о местном или привозном характере ярославских изразцов не решён до сих пор. Исследователи отмечают, с одной стороны, богатство изразцового декора Ярославля и искусство применения в нём изразцов: «Такого сочного и мастерского распределения изразцов московская архитектура не знает»². А с другой стороны, определённую зависимость сюжетных линий: «В пользу московского производства говорят сами ярославские изразцы, — пишет известная исследовательница русского изразца С. И. Баранова. — Аналоги московской керамики в ярославских изделиях встречаются почти на всех памятниках города»³.

Помимо изразцов и в органичном сочетании с ними при украшении ярославских церквей XVII в. применялся разнообразный, многочисленный, разноформатный, оригинальный кирпичный декор. Кирпичное производство в Ярославле хорошо развито уже в первой половине XVII в.⁴, о чём свидетельствует ярославская перечневая Опись 1630 года. Она фиксирует в городе ситуацию развитой торговли кирпичом, а не только постройки временных кирпичных заводов для нужд строительства

¹ Статья опубликована по плановой теме «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

² Султанов Н. В. Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему соизволению В. А. Прохоровым. Вып. 4 / А. В. Прохоров, Н. В. Султанов. СПб., 1885. С. 62.

³ Баранова С. И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М., 2011. С. 273.

⁴ Сперанский А. Н. Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства. М.: РАНИОН, 1930.

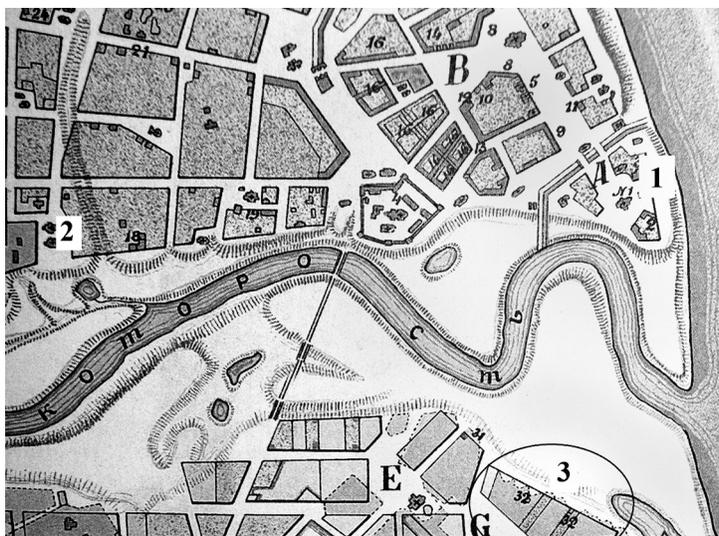

Рис. 1. План г. Ярославля 1799 г. (Ивана Коренева):

1 — раскоп по адресу Волжская набережная, д. 1;

2 — шурфы в церкви Николая Мокрого;

3 — предполагаемое место кирпичных заводов Ярославля XVII в.

определённых зданий и сооружений. В горшечном ряду там записано 7 кирпичных лавок⁵. Пожалуй, после Москвы это был второй русский город с таким высоким уровнем кирпичной, уже можно сказать, промышленности.

Единственный в Ярославле (а, кроме Ярославля, такое известно только в Новом Иерусалиме) некрополь, украшенный изразцами, в церкви Иоанна Златоуста принадлежит семье посадских людей Неждановских. Надгробия 1701 года. А Описание 1630-х годов упоминает Тренку Неждановского как владельца двух лавок в кирпичном ряду⁶. Скорее всего, несколько поколений этой семьи занималось кирпичным и изразцовым производством.

Свою лепту в историю ярославского изразца может внести археология. Ещё в 1896 году в Коровниках на территории кирпично-изразцового завода на глубине 1,8 м были найдены сложенные в стопки неиспользованные красные изразцы с коробчатой румпой⁷ (рис. 1: 3). В настоящее время, благодаря планомерному археологическому исследованию Ярославля

⁵ Ярославские губернские ведомости. 1861 год. Часть неофициальная. С. 100.

⁶ Там же. С. 200.

⁷ Воронов Н. В., Блохина И. В. Ярославские изразцы // Краеведческие записки. Вып. 1. Ярославль, 1956. С. 113.

экспедицией ИА РАН под руководством А. В. Энговатовой, собран значительный материал, который позволит добавить новую страницу в историю изучения ярославского изразца.

Приведём материалы с трёх объектов: двух — из раскопок на Волжской набережной возле Митрополичьего дома, построенного ростовским митрополитом Ионой Сысоевичем около 1690 г., и из исследовательских шурфов в церкви Николая Мокрого (рис. 1: 1, 2). Во всех трёх, абсолютно разных, как будет видно, комплексах присутствует один очень близкий элемент — зубчатая кирпичная капитель. Именно она позволила не объединить, конечно, но увидеть определённую схожесть разнородных структур.

Первые два печных комплекта происходят из жилой постройки XVII в. (раскоп 2010 г. на Волжской набережной, д. 1) (рис. 1: 1) и являются печами. Помещение погибло в пожаре 1658 года. Особо отметим эту дату. Большинство исследователей считает, что расцвет каменного строительства с обильным применением изразцов начался как раз после этого пожара. Таким образом, перед нами предстаёт начало изразцовой истории Ярославля.

Первая печь обрушилась в подпол. Эту печь трудно назвать изразцовой, хотя изразцы в её оформлении есть (рис. 2). Это городки, арки и перемычки. Кирпичные детали выполнены из грубого, плохо промешанного теста с большим количеством примесей. При изготовлении изразцовых элементов использовали лучше вымешанное тесто, хотя примесей и здесь достаточно много. Вместо лицевых изразцов печь обложена крупными кирпичными плитками размером $26,0 \times 22,0$ и толщиной 5,0 см. Сопряжение углов оформлено наугольным лекальным кирпичом, образующим плавную ложбинку на всю высоту угла печного зеркала. Валики и карнизы тоже выполнены как лекальные кирпичи. Перемычки обычные изразцовые. Интересно, что рисунок на них не вполне симметричен, хотя явно стремится к этому. Аналогов этому стилизованному геометрическому узору, выполненному в одногубтовой технике, не известно. Корона печи полностью изразцовая. Состоит из увеличивающего карниза размерами $8,0 \times 30,0$ см, нижняя часть которого имеет вид витого валика, а верхняя прямая — зубчатая. Румпа коробчатая. Городки с луковичным завершением, одинаковой формы и размера ($13,5 \times 8,0 \times 6,0$ см), но двух видов рисунка: с распускающимся бутонем и с цветущим кустиком. Наклонены вперёд. То есть корона слегка нависала, выдаваясь над верхним зеркалом. Нижняя часть печи с лавкой образована сочетанием кирпичных и изразцовых деталей. Поверхность лавочки состоит из плиток и кирпичного валика по краю. Под ней изразцовая арка с довольно простым рисунком: звёздчатые элементы по углам и несколько рядов полукружий, повторяющих линию арки. Оригинальна конструкция гирьки в центре арки. Этот элемент формовался отдельно и вставлялся в отверстие в румпе. Размеры

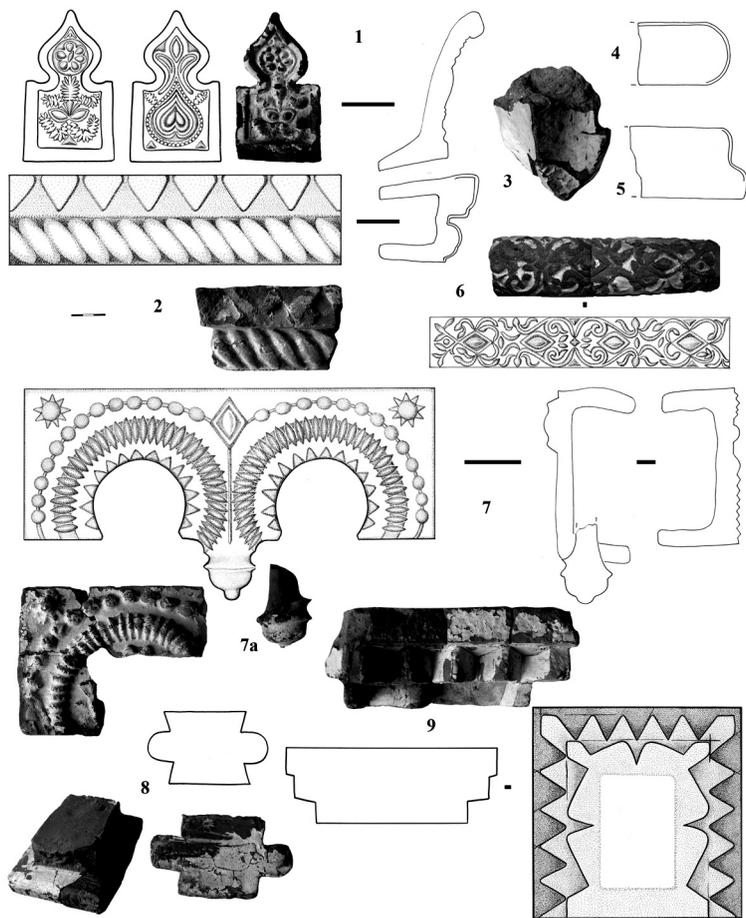

Рис. 2. Элементы кирпично-изразцовой печи (Волжская набережная, д. 1):
 1 — городки, 2 — карниз с валиком, 3 — наугольник, 4 — валик, 5 — карниз,
 6 — перемычка, 7 — арка, 7а — гирька арки, 8 — колонка, 9 — зубчатая капитель
 (фото Глазуновой О. Н., прориси Борзовой С. В.)

арки — $13,5 \times 37,0$ см. Арка опирается на трёхъярусную кирпичную зубчатую капитель. Её размеры — $18,5 \times 18,5 \times 6,5$ см. Верхний ярус прямой, средний — с зубчиками и нижний, самый узкий, сложной, плавно изгибающейся формы с углублениями по центру каждой из сторон и выступами по углам. По центру нижней части образуется прямоугольная площадка для сопряжения с ножкой (стволом). Ножкой служит прямоугольная кирпичная колонка с валиком посередине. Узорчатые арки с гирьками,

Рис. 3. 1 — лицевой изразец с изображением грифона из декора церкви Афанасия и Кирилла (Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство, 1976. № 50), 3 — изразец с изображением птицы из декора церкви Вознесения Вознесенского прихода; 2, 4–6 — печные изразцы Волжская набережная: 2 — лицевой изразец с изображением химеры; 4 — фризый изразец с изображением птиц; 5 — перемычка, 6 — зубчатая капитель (фото Борзовой С. В.)

стоящие на колонках с резными капителями, отсылают нас к декору крыльца многих ярославских храмов.

Поверхность печи покрыта толстым слоем побелки с большим количеством слюды. Побелка носит следы воздействия сильного жара. Она местами пузырится, покрыта трещинами и отстает от поверхности. Так как печь белилась уже собранной на месте, то на деталях остались места, куда побелка не попадала, что позволяет точно определить вероятность стыковки отдельных элементов. Помогают тут и остатки глины, с помощью которой соединялись, примазывались друг к другу части печи.

Мы видим перед собой печь, хотя внешне и похожую на привычные нам изразцовые, но имеющую огромные отличия: отсутствие рисунка на зеркале и орнамента на значительной части деталей, которые представляют собой кирпичные элементы. Этот печной комплект явно создан в мастерской кирпичника. Надо сказать, что и в XIX в. ярославские заводы были именно кирпично-изразцовыми, то есть выполняли двойное предназначение. Видимо, эта особенность идёт ещё с XVII в. Если взглянуть на кирпичный декор ярославских церквей, становится ясно, что, помимо рядовых форматов, кирпичники использовали множество лекальных форм. Профильный кирпич с затейливым орнаментом широко применялся наряду с простыми полукруглыми формами, валиками, полуваликами на протяжении всего XVII в. Сложный детальный рельеф производил сильное впечатление. Тот же приём — сочетание простых кирпичных форм и мелкого рельефа изразцов — использован и при оформлении кирпично-изразцовой печи. Трудно сказать, насколько широко были распространены такие кирпично-изразцовые печи. Но это явно не единственный случай.

Вторая печь была обложена красными изразцами, некоторое количество которых и было, собственно, собрано на соседнем с подполом участке раскопа, явно в пределах того же сооружения, но всё-таки, как минимум, в соседнем помещении (рис. 3: 2, 4–6). Поверхность печи побелена гораздо аккуратнее, нежели в первом случае, видимо, для того чтобы слой побелки не скрыл, не смазал контуры тонкого рисунка с большим количеством мелких деталей.

Лицевые изразцы квадратные широкорамочные размерами 18,5 × 18,5 см. Румпа коробчатая сужающаяся и невысокая — 5,0–6,0 см. Лицевая пластина довольно тонкая. Глина хорошо промешанная, без видимых примесей либо с равномерной примесью мелкого песка. Изразцы отличаются хорошим обжигом. На лицевом изразце изображена химера — существо, соединяющее черты льва, козы и дракона (рис. 3: 2). Так как источник не определяет сочетания этих частей в звере, то и мастера распределяли их согласно своей интерпретации. Здесь у нас задняя часть козы, морда и передние когтистые лапы льва и крылья дракона. Московский «вариант» сложен по-иному: там наоборот — голова козы и задняя часть льва. Сюжетная часть заключена в двойную рамку: первая обычная широкая рамка ранних красных изразцов, а дальше идёт более тонкое обрамление рисунка. Фон заполнен характерными цветками с зубчатой сердцевинкой и округлыми лепестками на длинном извивающемся стебле. Поверхность земли изображена в виде холмиков, сложенных из каплевидных элементов и небольших полукружий с сетчатым заполнением. Изразец этой серии с такими же элементами заполнения фона и земли, только с изображением

грифона⁸, зафиксирован в декоре церкви Афанасия и Кирилла (1664 г.) Афанасьевского монастыря в Ярославле (рис. 3: 1).

На фризе размером 10,0 × 27,0 см на побегах, по обе стороны от распускающегося бутона сидят две птицы с характерными хохолками. По бокам половинки всё тех же зубчатых цветков с округлыми лепестками (рис. 3: 4). Аналогов этому фризу не известно. Однако похожие птицы есть на изразцах в декоре церкви Вознесения Вознесенского прихода (1677–1682 гг.) (рис. 3: 3). Румпа такая же, как и у лицевого изразца.

Перемышка длиной 24,5 см украшена родом пальметт, созданных из каплевидных элементов и перемежающихся с другими растительными фигурами (рис. 3: 5). Аналогов рисунку не найдено.

От короны печи ничего не сохранилось. А вот от её нижней части остались обломки капителей с зубчатым краем и «рустом» (рис. 3: 6). Внешне они почти не отличимы от капителей первой печи. Верхний ярус зубчатый, средний рустованный и самый узкий нижний прямой. Возможно, их поставили здесь специально для «переключки» с первой печью из соседнего помещения. Впрочем, не исключено и то, что это был обычный элемент печного декора Ярославля, который здесь использовали вместо простых плиток московских печей.

Подчеркнём своеобразие стиля мастера, изготовлявшего матрицы для изразцов этой печи. Наличие у него собственной специфической манеры заполнения фона, характерной только для Ярославля. Чёткий стилистически выверенный рисунок с мелкими хорошо проработанными деталями. И тот факт, что аналогий этим печным изразцам в других городах не известно. Хотя в самом Ярославле имеется ряд изразцов церковного декора, матрицы для которых изготавливал явно тот же мастер в присущей ему оригинальной манере.

Следующий комплекс, тоже погибший в пожаре, печью назвать сложно. Он был обнаружен в одном из шурфов в интерьере церкви Николы Мокрого (построена между 1665 и 1672 гг.) в составе подсыпки, по которой уложен пол паперти. Кирпичный развал попал сюда при отсышке грунта и принадлежал более раннему сооружению со сложной архитектурной декорацией. В состав комплекса входят фрагменты и целые формы кирпича, и большое количество разнообразных профилированных кирпичных деталей: объёмные вертикальные формы; консоли; горизонтальные тяги, в том числе мелкий поребрик; обрамления ниш или аркатура трёхлопастного очертания (рис. 4–6). Лицевая поверхность сооружения, в котором они использовались, была покрыта слоем известковой побелки. В качестве связующего материала использовалась глина, что исключает внешний декор зданий. Швы между деталями достаточно тонкие (до 1 см).

⁸ Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М., 1976. № 50.

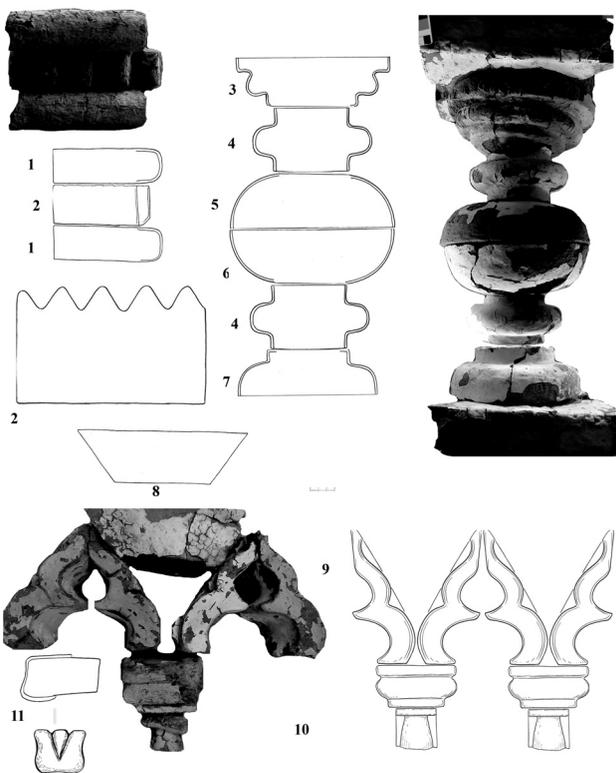
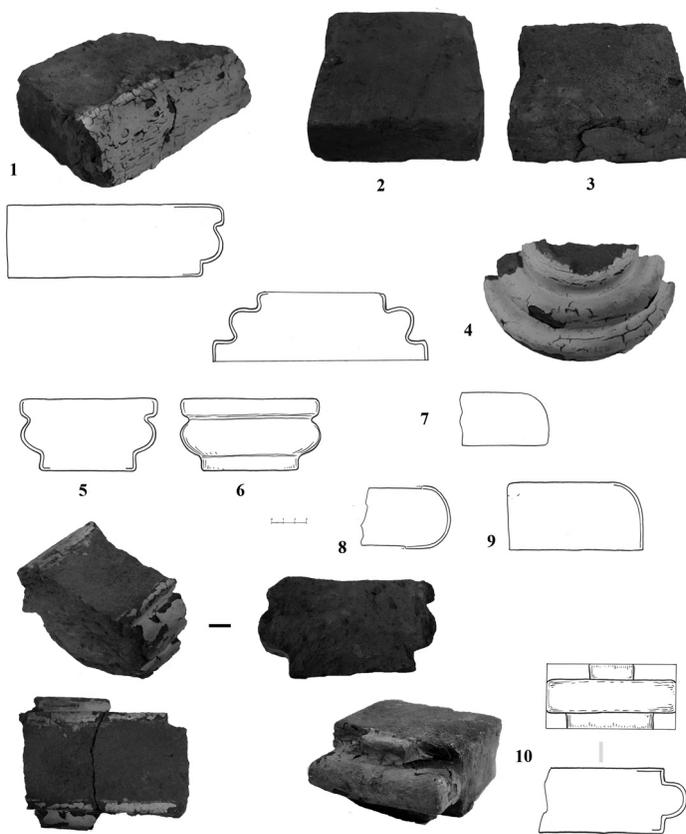

Рис. 4. Элементы кирпичного декора из шурфа в ц. Николы Мокрого:
 1 — валик, 2 — поребрик, 3 — круглая капитель, 4 — колонка с валиком,
 5 — полусфера, 6 — полусфера, 7 — круглое основание, 8 — трапецевидная деталь,
 9 — аркатура трёхлопастного очертания, 10 — колонка, 11 — замковый камень
 (фото Глазуновой О. Н., прориси Борзовой С. В.)

Керамические элементы изготовлены из слоистого, плохо промешанного теста с избытком (?) песка и мелкой гальки, комочками грязи между слоями. Использована светло-коричневая глина с многочисленными вкраплениями тёмно-коричневых частиц (органогенного известняка?) Отметим слабый обжиг, при котором изделие покрывалось трещинами, что может говорить о недостаточно просушенном сырце.

До разборки конструкция перенесла воздействие сильного пожара: некоторые из деталей деформированы и вспучены, а к лицевым сторонам пристали кусочки кирпичного щебня. Побелка, которой они были покрыты, под воздействием высокой температуры превратилась в стекловидную корку и повсеместно отстает от поверхности. Глиняные швы при пожаре

*Рис. 5. Элементы кирпичного декора из шурфа в ц. Николы Мокрого:
 1 – карниз; 2, 3 – плитки; 4 – полукруглая капитель;
 5, 6, 10 – профильные детали; 7, 9 – полувалики; 8 – валик*

подверглись обжигу. Таким образом, по фрагментам швов и побелке возможно определить, как отдельные элементы стыковались друг с другом и с лицевой поверхностью стен сооружения.

Кирпичи (или кирпичные плитки) все квадратные и встречены двух форматов — мелкий размером 19,0 × 19,0 см и крупный 24,0 × 24,0 см, при толщине 6,5 см (рис. 5: 2, 3). К этой толщине привязаны и все найденные детали.

Кирпичные детали складываются в несколько архитектурных модулей. Первый можно назвать сложной балясиной (рис. 5: 3–7). Поверху и по низу стоит по кирпичу. Между ними выстраивается целый набор из шести профилированных форм. Внизу полусферическое основание. Далее «основа»,

посередине которой между одинаковыми по форме, но разными по высоте, круглыми прямыми стволами с валиком посередине (аналогичными квадратному стволу ножки первой печи) находятся две полусферы, образующие крупный шаровидный элемент. Выше трёхъярусная ступенчатая круглая капитель, каждый последующий ярус которой шире нижнего.

Второй состоит из трёх деталей: между двумя кирпичными валиками располагается ещё один лекальный кирпич с зубчиками по длинной лицевой стороне (рис. 5: 1, 2). Именно этот модуль послужил, скорее всего, прототипом для создания зубчатых кирпичных печных капителей.

Третий, видимо, представлял собой обрамление ниш трёхлопастного очертания (рис. 5: 8–10).

Это касается того, что можно явно сложить по определённой схеме, подсказанной следами побелки и глины. Помимо этого, в комплексе имеется большое количество других деталей, так достоверно в модули не складывающихся, а, возможно, просто предназначенных для горизонтальных, а не вертикальных тяг. Это кирпичные элементы, по середине ложка которых проходит валик с идущими по центру вверх и вниз от него узкими выступами, валики простые и валики с двумя полочками, прямоугольные детали с валиками по середине высоты с обоих ложков, карнизы, замковые камни.

К тому же, помимо, например, круглых капителей, есть и полукруглые; стволики, как уже упоминалось, бывают разной высоты; имеются сгёсанные на угол элементы; есть и ряд других особенностей. К сожалению, небольшие проектные размеры шурфа не позволили открыть этот комплекс полностью и собрать все элементы.

В декоре церкви Николы Мокрого ничего подобного нет. Однако весьма похожие детали внутреннего убранства имеются в ряде более ранних по времени церквей Ярославля и его окрестностей (рис. 6: 1, 5, 9–11).

Ближе всего к этому комплексу стоит декор церкви Николы Надеина, построенной в 1620-е годы. Отдельные кирпичные детали интерьерного декора её стен (рис. 6: 1) подходят на кирпичные колонки (рис. 6: 6) и полукруглые основания колонок из раскопок (рис. 6: 7). Стоит отметить, что ктитору этой церкви Елифанию Светешникову (Надее) принадлежал, как минимум, один кирпичный завод⁹.

Зубчатые капители и элементы портала церкви Ильи Пророка 1647–1650 годов постройки (рис. 6: 9, 10) напоминают мелкий поребрик с валиками (рис. 6: 2) и кирпичные полусферы с колонками (рис. 6: 12), собранные под полом паперти ц. Николы Мокрого.

Из деталей, аналогичных археологизированной круглой капители (рис. 6: 8) и всё тех же поребрика (рис. 6: 2) и колонок (рис. 6: 7), собран интерьерный портал Воскресенского собора в Тутаеве 1687 года (рис. 6: 11).

⁹ Бахрушин С. В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 224–255.

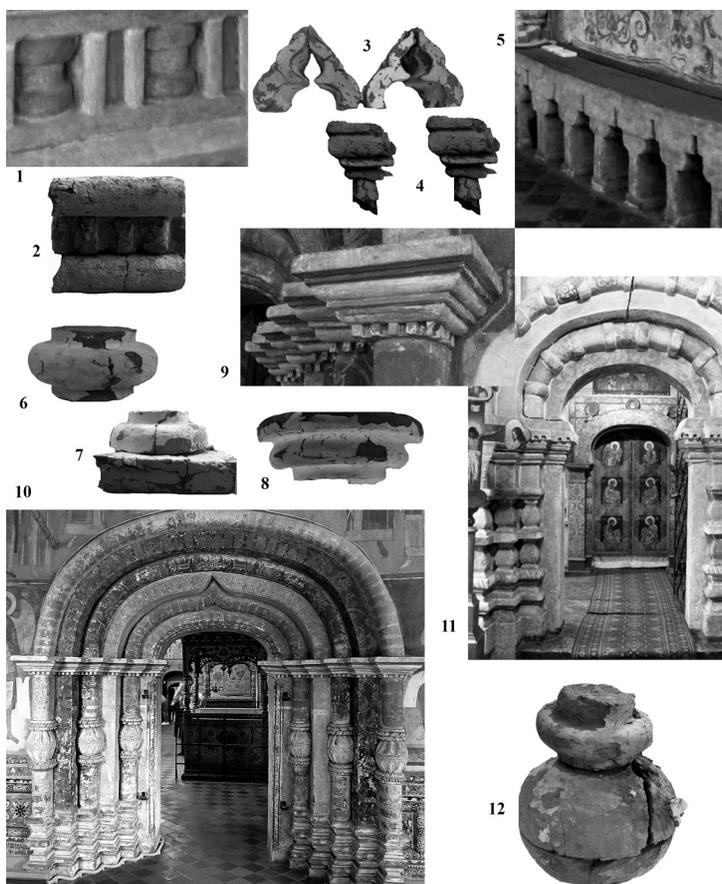

Рис. 6. 1 — детали интерьера ц. Николая Надеина;
 2–4, 6–8, 12 — элементы кирпичного декора из шурфа в ц. Николая Мокрого;
 5 — скамья ц. Ильи Предтечи; 9 — капители портала ц. Ильи Пророка;
 10 — портал ц. Ильи Пророка; 11 — портал ц. Воскресенского собора (в Тутаеве)

Аркатуры трёхлопастного очертания (рис. 6: 3) и столбики их оснований (рис. 6: 4) вполне могли быть частью церковной скамьи, как это сделано в интерьере церкви Иоанна Предтечи 1687 года (рис. 6: 5).

Одна из основных загадок этой находки — её происхождение: рядом с церковью Николая Мокрого нет и никогда не было никаких других кирпичных церквей, к тому же более ранних. А для гражданских зданий этого времени такой декор и вовсе не характерен. Откуда этот комплекс взялся в подсыпке пола паперти, даже предположить трудно. Необычным, хотя и не невозможным, является сборка на глине. Так всё-таки склады-

вались обычно только печи. Но печь из найденных деталей, пожалуй, тоже не сложишь. Хотя и имеются отдельные «переклички» с первой кирпично-изразцовой печью.

Все три приведённых в статье примера открывают совершенно неожиданную страницу истории изразцового дела. Близость технологий изготовления кирпича, особенно лекального, фигурного, кирпичных архитектурных деталей и элементов декора и неполивных изразцов очевидна. Многие авторы упоминают это обстоятельство. Оно даёт им повод предполагать возможность объединения этих производств, что вроде бы подтверждается и данными письменных источников, где кирпичное и изразцовое производство, зачастую, никак не разграничиваются. Однако мы впервые видим столь явное доказательство этого факта, подтверждённое материальными свидетельствами. Вполне ясно и то, что изначально изразцовое производство Ярославля развивалось весьма своеобразно. Комплекты кирпично-изразцовых печей служат довольно неплохой заменой печам чисто изразцовым, если иметь в виду только неполивные красные изразцы. Понятно, что подобную замену печи, даже муравленой, не говоря уже о полихромной, сделать невозможно, поэтому продолжалась эра кирпично-изразцового дела очень недолго, оставив нам лишь отдельные следы в культурном слое города.

Список источников и литературы

1. *Баранова, С. И.* Русский изразец. Записки музейного хранителя / С. И. Баранова. — Москва : МГОМЗ, 2011. — 432 с.
2. *Бахрушин, С. В.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке / С. В. Бахрушин // Бахрушин С. В. Научные труды. — Т. 2. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. — С. 224–255.
3. *Воронов, Н. В.* Ярославские изразцы / Н. В. Воронов, И. В. Блохина // Краеведческие записки. — Вып. 1. — Ярославль, 1956. — С. 113.
4. *Маслих, С. А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX веков / С. А. Маслих. — Москва : Изобразительное искусство, 1976. — 30 с.
5. *Сперанский, А. Н.* Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства / А. Н. Сперанский. — Москва : РАНИОН, 1930. — 222 с.
6. *Султанов, Н. В.* Изразцы в древнерусском искусстве / Н. В. Султанов // Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему соизволению В. А. Прохоровым. — Вып. 4. / А. В. Прохоров, Н. В. Султанов. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1885 (2). — 28 с.
7. Ярославские губернские ведомости. 1861 год. Часть неофициальная.

А. В. Энгобатова, М. Б. Мезникова, А. А. Тарасова

Москва

Возвращаясь к изучению антропологических материалов из раскопок Волосово-Даниловского могильника фатьяновской археологической культуры¹

Волосово-Даниловский могильник, крупнейший из известных погребальных памятников фатьяновской археологической культуры, находится в Даниловском районе Ярославской области, в 0,25 км к северо-востоку от дер. Волосово². Он практически полностью был раскопан Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР под руководством Д. А. Крайнова в 1962–1964 и 1966–1969 гг. На площади около 2 400 кв. м было открыто 117 погребений в 107 могилах (рис. 1)³.

Д. А. Крайнов относил этот могильник к позднему этапу культуры и датировал его временем около сер. II тыс. до н. э. (или XVII–XVI вв. до н. э.). Радиоуглеродную дату по углю из могилы 58 (Le-1044 – 3650 ± 80) он интерпретировал как «около 1700 г. до н. э.»⁴. Применение современных методов калибровки с использованием программы OxCal v4.4.4 даёт возрастной интервал образца 2140–1922 calBC (68,3 %) лет до н. э., т. е. конец III — начало II тыс. до н. э. Ещё одна дата из Волосово-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-29-01002 «Миграции населения эпохи бронзы в лесной полосе на Русской равнине по данным палеогенетики и археологии».

² Археологическая карта России: Ярославская область / под ред. А. В. Кашкина. М., 2005. С. 288.

³ Крайнов Д. А., Гадзьяцкая О. С. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. М., 1987. С. 58.

⁴ Там же. С. 38, 39.

ВВА)-69

Волосово Даниловский могильник.
План раскопа. М-1:100

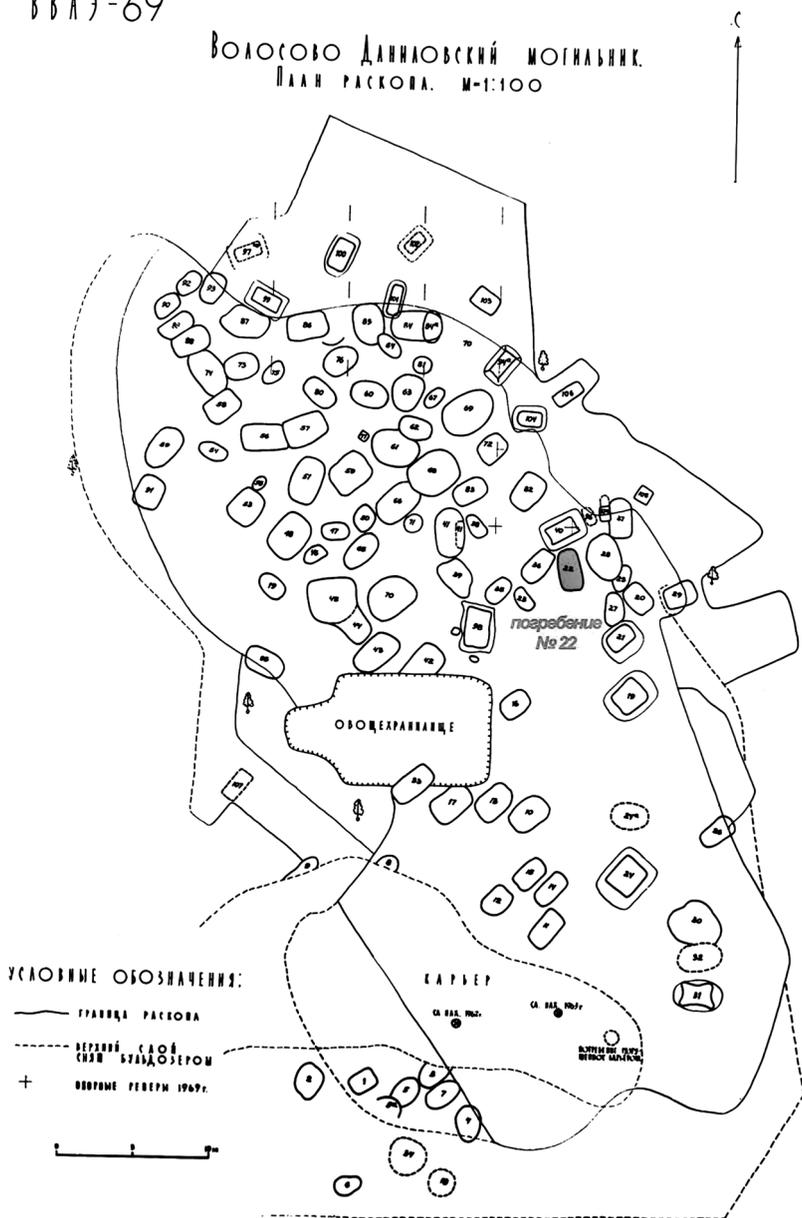

Рис. 1. План-схема раскопа 1969 г.

(по: Отчёт Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР за 1969 г. М., 1970 // Архив ИА РАН: № Р-1. 4008а. Рис. 207)

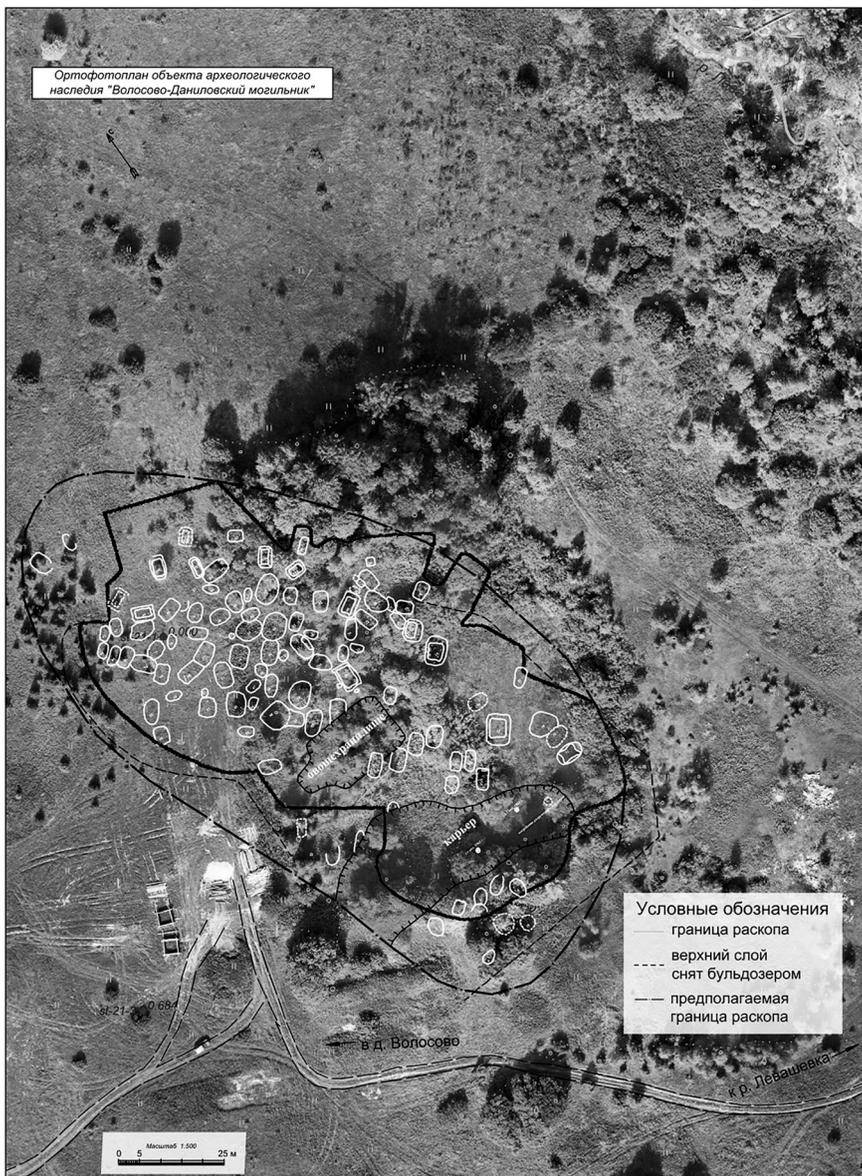

Рис. 2. Ортофотоплан объекта археологического наследия «Волосово-Даниловский могильник»

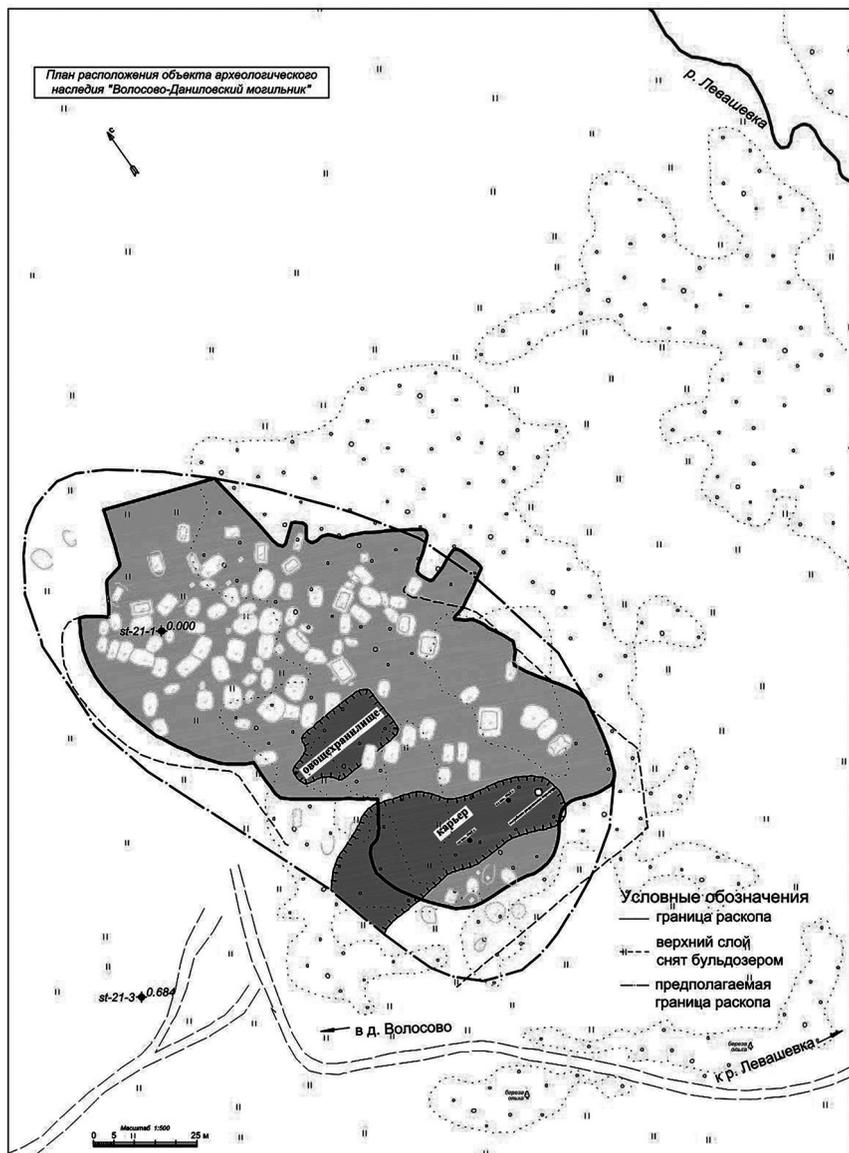

Рис. 3. План расположения объекта археологического наследия «Волосово-Даниловский могильник»

Даниловского могильника, полученная в акселераторной лаборатории, опубликована в 2021 г. — 2572–2299 кал. лет до н. э.⁵

Территория могильника была частично разрушена карьером в 1930-е гг. и на рубеже 1950–1960-х гг. Погребения, по мнению его исследователей, были разграблены в древности; многие ко времени раскопок оказались повреждёнными норами барсуков. Непотрявоженными сохранились только 28 из исследованных захоронений⁶.

В рамках возобновления работы с материалами Волосо-Даниловского могильника Подмосковной экспедицией ИА РАН в 2021 г. с целью мониторинга современного состояния памятника была организована съёмка его территории с воздуха при помощи квадрокоптера. На полученный ортофотоплан были нанесены схемы раскопок 1960-х гг. (рис. 2). Проведена топосъёмка территории расположения объекта (рис. 3). Результат позволяет сделать вывод о том, что на территории могильника ещё могут оставаться неисследованные погребения. Перспективным представляется дальнейшее археологическое изучение его территории, в том числе методами геомагнитной разведки с целью проверки выдвинутого предположения.

Собранная при раскопках археологическая коллекция по сей день составляет основу (и большую часть) собрания предметов фатьяновской культуры Ярославского музея-заповедника. В её составе глиняные сосуды (около 400 единиц), каменные сверленные топоры-молотки, кремневые клиновидные топоры, кремневые орудия и отщепы, изделия и украшения из меди и кости, куски вара, кости животных. Значительная часть металлических изделий, по мнению Д. А. Крайнова, видимо, была изъята в ходе ограбления могил в древности⁷.

Антропологическая коллекция, полученная при раскопках могильника, была передана в лабораторию реконструкции Института этнографии АН СССР (сегодня Институт этнологии и антропологии РАН). Весной 1992 г. её значительная часть, включавшая, прежде всего, посткраниальные скелеты, наряду с остеологическими материалами из раскопок других комплексов (в т. ч. Пепкинского кургана средневожской абашевской археологической культуры), была передана для хранения и изучения в Институт археологии РАН.

Краниологические материалы Волосово-Даниловского могильника были составной частью масштабного этногенетического исследования,

⁵ Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain / L. Saag, S. V. Vasilyev, L. Varul et al. *Sci. Adv.*, 2021, 7 (4). Tab. 1.

⁶ Волкова Е. В. Социальная структура населения фатьяновской культуры // Российская археология. 2012. № 3. С. 5–19.

⁷ Крайнов Д. А. Отчёт Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР за 1964 г. // Архив Института археологии РАН г. Москвы. Р-1. № 4008а. С. 74.

предпринятого Р. Я. Денисовой в рамках её докторской диссертации и впоследствии опубликованной монографии⁸. При хронологической разбивке материалов автор пользовался консультациями руководителя раскопок Д. А. Крайнова.

Привлечение сравнительных материалов (краниологических серий культур боевых топоров и шнуровой керамики с территорий Эстонии, Восточной Пруссии, Саксонии-Тюрингии, юго-западной части Германии, Богемии, Моравии, Словакии, юго-восточной Польши) к рассмотрению верхневолжских фатьяновских черепов привело к выводу о неоднородности антропологического состава носителей культур шнуровой керамики⁹. Фатьяновцы Волго-Окского междуречья образовывали единую группу с племенами культур боевых топоров Эстонии и висло-неманской культурой в Польше.

Нельзя не упомянуть о работах, связанных с реконструкцией облика населения, оставившего Волосово-Даниловский могильник. Были получены графические портреты погребённых в могилах 12, 5б и 101¹⁰.

Образцы зубной ткани, взятые из фатьяновских черепов в хранении Института этнологии и антропологии РАН, были проанализированы эстонскими специалистами в области палеогенетики¹¹. Сравнение образцов с территории Поволжья и из Эстонии показало, что фатьяновцы, будучи потомками людей смешанного происхождения (степняков и европейских ранних земледельцев), были биологически родственны другим носителям культур шнуровой керамики, являясь участниками широкой миграции на северо-восток из Центральной Европы через Прибалтику.

Находящиеся в настоящий момент в хранении ИА РАН материалы из 43 погребений Волосово-Даниловского могильника исследуются с применением стандартных методов (остеометрия, остеоскопия, регистрация индикаторов физиологического стресса и палеопатологий) и современных высокотехнологических приёмов (цифровая микрофокусная рентгенография и микротомография). Проведён тотальный отбор образцов костной ткани, которые были переданы для анализа древней ДНК в лабораторию исторической генетики, радиоуглеродного анализа и прикладной физики МФТИ. Количественная оценка качества выделенного из фатьяновских скелетов генетического материала показала очень высокие параметры для древней ДНК. По 27-маркерной панели получено почти полное покрытие. К десяти образцам были применены методы NGS (next-generation sequencing) — секвенирования нового по-

⁸ Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975.

⁹ Там же. С. 108.

¹⁰ Лебединская Г. В. Облик далёких предков. М., 2006. С. 129–131.

¹¹ Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain... Sci. Adv., 2021, 7 (4).

коления, являющегося самым современным инструментом анализа ДНК. Ожидаются результаты биоинформационной обработки. Будут получены Y-хромосомные гаплогруппы, данные по полной митохондриальной ДНК и фенотипические признаки (цвет глаз, волос, кожи).

При работе с антропологической коллекцией из Волосо-Даниловского могильника особое внимание уделялось контекстуальному рассмотрению результатов антропологической экспертизы, в том числе половозрастной диагностики.

Ранее по материалам Волосово-Даниловского могильника были зафиксированы устойчивые погребальные традиции, специфические для мужских, женских и детских погребений¹². В соответствии с ними, тела мужчин всегда клали в погребении на правый бок, преимущественно головой на юго-запад (74 % мужских погребений); женщин хоронили на левом боку, головой преимущественно на северо-восток (40 % всех женских погребений) или на восток (33 %). Размеры могильной ямы для мужских могил были в среднем — 270 × 190 см, глубина — 150. Средние размеры могильной ямы для женщин — 260 × 180 см, глубина — 130. В мужские захоронения помещали не меньше двух сосудов, топор-молот у головы, кремневые ножи у пояса, топоры, подвески из клыков и зубов животных, бусы, пронизки, наконечники стрел. Женские захоронения содержали два и более сосуда, кремневые нож и топор-клин в ногах, а также бусы, пронизки, подвески из клыков и зубов животных. Детей хоронили на правом или левом боку в могилу меньшего размера — в среднем 180 × 120 см, глубиной 110, и погребального инвентаря у них было меньше, чем у взрослых. «Детские» вещи часто имели votивный характер, среди них глиняные копии каменных топоров-молотов, маленькие сосудики. Каменные выкладки детских могил редки (они составляют всего 14 % от всех детских погребений).

Недавнее обследование антропологической коллекции позволило уточнить прежнюю информацию о некоторых погребениях, целостность которых была нарушена.

Особое внимание было уделено материалам погребения 22 (рис. 4). Это захоронение в крупной яме размерами 2,2 × 1,4 м и глубиной 1 м содержало останки нескольких человек, и, возможно, впускное погребение было разрушено барсучьей норой. В результате оказался перемешанным погребальный инвентарь, перемешаны и разнесены человеческие кости. Разница в уровне залегания останков составляла до 1,0 м.

Согласно полевым наблюдениям, в могиле № 22 были погребены не менее двух человек, что подтверждается имеющимися в хранении ИА РАН антропологическими материалами из этого захоронения. Нами иденти-

¹² Волкова Е. В. Социальная структура населения фатьяновской культуры... С. 6.

ПОГРЕБЕНИЕ 22

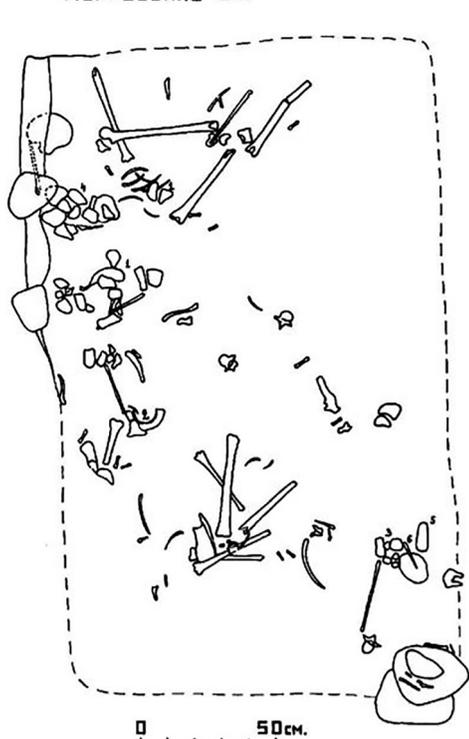

Рис. 4. План-схема погребения 22
(по: Результаты работ Верхневолжской
экспедиции за 1964 г. М., 1965 //
Архив ИА РАН: № Р-1. 2918а. Рис. 145)

фицированы посткраниальные останки женщины 30–35 лет. Останки другого индивида под № 22 принадлежали мужчине 25–29 лет (среди них левая плечевая, левая лучевая, левая большеберцовая кости, фрагмент правой лопатки). Здесь, как и на первом скелете, присутствует эпигенетический признак — межмышцелковое отверстие на плечевой кости, что не исключает возможного родства этих мужчины и женщины. Среди прочих особенностей обращает на себя внимание сильно развитый рельеф дельтовидной бугристости на левой плечевой кости.

Также обследованы материалы из раскопок того же погребения с этикетками 22А и 22Г. Идентификация пола и биологического возраста у индивида 22А:

мужчина, 35–45 лет. Идентификация пола и биологического возраста у индивида 22Г «верхний горизонт восточной стенки»: мужчина, 25–29 лет. По результатам антропологической экспертизы, это кости мужчины № 22 (см. выше). Таким образом, в могиле были захоронены двое мужчин (№ 22А и 22Г) и женщина. Примечательно, что у мужчин из этого погребения были встречены следы участия в боевых столкновениях¹³. Ближайшие аналогии обнаруженным травмам ранее были описаны у представителей культур шнуровой керамики на территории Германии (памятник Ойлау)

¹³ Прижизненные травмы скелета у носителей фатьяновской культуры в свете данных археологии и генетики / М. Б. Медникова, Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова, А. В. Энговатова // Вестник Московского университета. Серия «Антропология». 2022. № 1. В печати.

и в Польше (Крушин), где они были также интерпретированы как военные (оборонительные) ранения.

Таким образом, возвращение к материалам важного в научном отношении археологического памятника позволило оценить перспективы исследования Волосово-Даниловского могильника. Возобновлена работа с антропологической коллекцией, полученной в ходе раскопок 1960-х гг. Контекстуальный подход к её изучению и анализ её генетического состава, на наш взгляд, могут помочь в дальнейшем уточнить детали обряда погребения, которые, в свою очередь, могут быть связаны с особенностями внутригрупповой структуры фатьяновской общности, оставившей этот могильник.

Список источников и литературы

1. Археологическая карта России. Ярославская область / автор-сост. К. И. Комаров / под ред. А. В. Кашкина. — Москва : Ин-т археологии РАН, 2005. — 408 с.
2. Волкова, Е. В. Социальная структура населения фатьяновской культуры / Е. В. Волкова // Российская археология. — 2012. — № 3. — С. 5–19.
3. Денисова, Р. Я. Антропология древних балтов / Р. Я. Денисова. — Рига : Знание, 1975. — 403 с.
4. Крайнов, Д. А. Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры / Д. А. Крайнов // Сов. археология. — 1964. — № 3. — С. 5–19.
5. Крайнов, Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура II тыс. до н. э. / Д. А. Крайнов. — Москва : Наука, 1972. — 272 с.
6. Крайнов, Д. А. Отчёт Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР за 1964 г. / Д. А. Крайнов // Архив Института археологии РАН г. Москвы. Р-1. № 4008а.
7. Крайнов, Д. А. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье / Д. А. Крайнов, О. С. Гадзяцкая. — Москва : Наука, 1987. — 144 с.
8. Лебединская, Г. В. Облик далёких предков / Г. В. Лебединская. — Москва : Наука, 2006. — 244 с.
9. Прижизненные травмы скелета у носителей фатьяновской культуры в свете данных археологии и генетики / М. Б. Медникова, Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова, А. В. Энгватова // Вестник Московского университета. Серия «Антропология». — 2022. — № 1. В печати.
10. Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain / L. Saag, S. V. Vasilyev, L. Varul et al. — Sci. Adv., 2021, 7 (4), eabd6535.

А. В. Энговатова, А. А. Тарасова, К. А. Петрова,
Х. Х. Мустафин, У. Э. Альборова

Москва

Комплексное исследование
массового захоронения
в сооружении № 60
в Рубленом городе Ярославля
(раскопки 2008, 2020 гг.)

Целью статьи является краткая публикация комплексного исследования одного из девяти массовых захоронений, найденных при раскопках детинца древнего Ярославля. Погребение было обнаружено при раскопках участка в районе митрополичьих палат по адресу «Волжская набережная, д. 1»¹ (рис. 1). Исследование сооружения с порядковым № 60, находившегося в пределах этого раскопа, проводилось в два этапа. Большая его площадь была открыта в 2008 г., а небольшой северо-западный участок удалось изучить лишь в 2020 г., когда была демонтирована и перенесена действующая теплотрасса и участок под ней освобождён для раскопок (рис. 2).

По результатам работ 2008 г., сооружение № 60 было охарактеризовано как заглублённая часть постройки — подклет или подвал, использованный для погребения останков не менее двух десятков людей. По аналогии с другими найденными на территории ярославского детинца массовыми

¹ Энговатова А. В. Древнерусский город Ярославль в домонгольский период и его разрушение во время нашествия Батые (1238 г.) // Археология в средневековых городах. Россия и Германия — сравнение. Berlin, 2020. С. 139–154; Engovatova A. V., Cherkinsky A., Zaiseva G. I. The extermination of the ancient Russian city of Yaroslavl at the beginning of the 13th century: the long journey to exact dating // Radiocarbon. 2021. 62(6): 1833–1844.

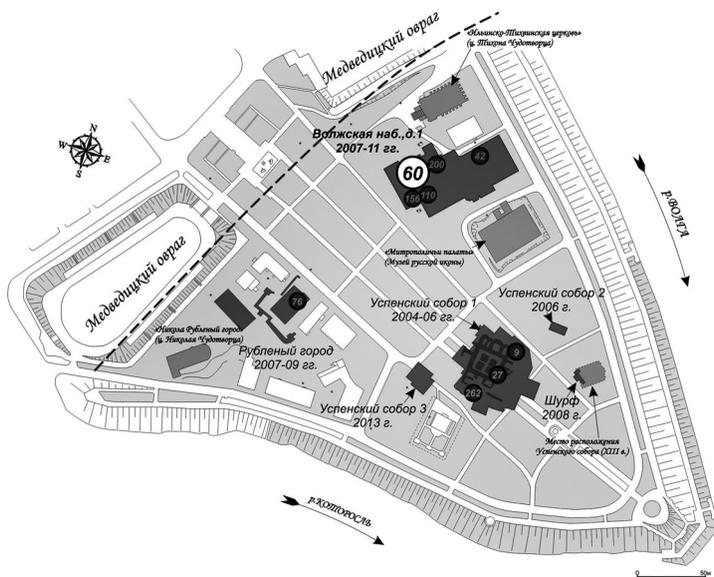

Рис. 1. Раскопки и сооружение № 60 на ситуационном плане территории «Стрелки» г. Ярославля

Рис. 2. Сооружение № 60. Раскопки 2008 г. Открытая часть и участок, перекрытый коллектором теплотрассы. Вид с северо-востока

захоронениями², оно датировано археологами 1238 г. В данной статье авторы подробно представляют материалы, позволившие провести эту аналогию.

Сооружение размером в плане 6,60 × 8,20 м имело прямоугольную форму и было ориентировано по оси СЗ – ЮВ. Остатки стен конструкции № 60 были в верхней части прослежены в виде полос древесного тлена, ниже фиксировались в виде брёвен плохой сохранности (ширина сплюснутых брёвен – около 10 см). Дугообразный изгиб внутрь северо-восточной стенки указывает на то, что внутренняя часть сооружения некоторое время оставалась не плотно заполненной грунтом. Прослежен южный угол постройки, где видна вырубленная чашка, сруб был сложен в «обло»³. Юго-западная стенка, брёвна которой сохранились лучше, сохранилась в целом на пять венцов. Северо-западная стенка, как в 2008 г., так и в 2020 г., на доисследованном участке под теплотрассой прослеживалась только в виде тонкой полосы древесного тлена.

Отмеченное выше смещение стенок постройки было связано с давлением окружающего грунта, т. к. загубленная часть сооружения врезана в насыпь вала XI в⁴. Котлован постройки прорезал городни этого вала, зафиксированные в раскопах 2008 и 2020 гг. Внутреннее заполнение сооружения представлено тёмно-серой супесью с примесью жёлтого песка и единичными включениями угля. Нужно обратить внимание на отсутствие внутри сооружения каких-либо следов печи, что позволяет охарактеризовать это помещение как нежилое.

Найденный во внутреннем заполнении массовый материал представлен древнерусской круговой керамикой, относящейся, по определениям Е. К. Кадиевой, к рубежу XII–XIII вв. и началу XIII в.⁵

Из 171 фрагмента, найденных в данном сооружении в 2008 г., 32 принадлежали верхним частям сосудов. Из них категорию горшков представлял 31 фрагмент (97 %). К группе I (с эсвидной шейкой) относились 25 фрагментов (81 %) (рис. 3: 1–8) и к группе III (с раструбовидной

² Массовое средневековое захоронение в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов / А. В. Энговатова, Д. О. Осипов, Н. Н. Фараджева и [др.] // РА. 2009. № 2. С. 68–78; Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле (результаты комплексного исследования) / А. В. Энговатова, Е. Е. Антипина, Д. В. Власов и [др.] // Археология: история и перспективы: Пятая межрегиональная конференция: сборник статей. Ярославль, 2012. С. 185–208; *Engovatova A. V., Cherkinsky A., Zaiseva G. I.* The extermination of the ancient Russian city of Yaroslavl at the beginning of the 13th century..

³ *Энговатова А. В.* Отчёт об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2008 году // Архив ИА РАН. Р-1. 2009. № 30438. С. 40.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ *Энговатова А. В., Кадиева Е. К.* Характеристика керамических комплексов из девяти массовых захоронений на территории древнего кремля г. Ярославля // Археология: история и перспективы: Восьмая межрегиональная конференция: сборник статей. Ярославль, 2018. С. 204–217.

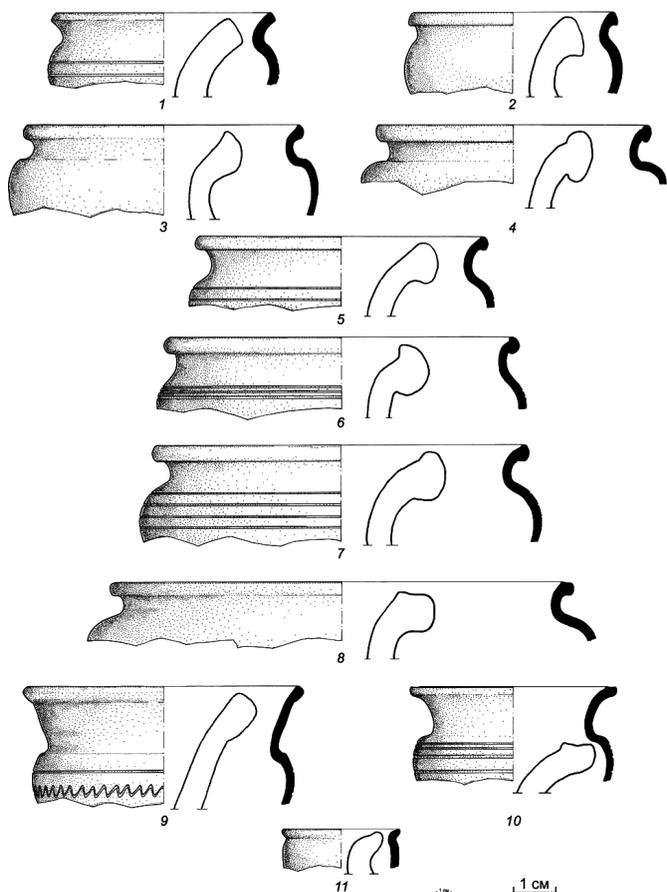

Рис. 3. Профилированные части сосудов из сооружения № 60 (2008 г.)

шейкой) — 6 фрагментов (19 %) (рис. 3: 9, 10). Диаметры венчиков варьируются от 13 до 31 см. Орнаментировано 60 % горшков. Орнаментация однообразна: линии толщиной от 1 до 3 мм и сочетания линий и волн. К категории стаканов отнесена 1 верхняя часть одного неорнаментированного сосуда (рис. 3: 11).

Те же формы реконструируются на основании 119 фрагментов керамики, обнаруженных в раскопках 2020 г., 79,8 % которых относится к древнерусской круговой (первая половина XIII в.) (рис. 4: 1–8). Ещё 13,5 % датируется в широких рамках XIII в. Встречен один фрагмент стенки белоглиняного сосуда XIII в. Кроме того, здесь были обнаружены 4 стенки красноглиняной керамики XVII в. и три стенки и один венчик поздней

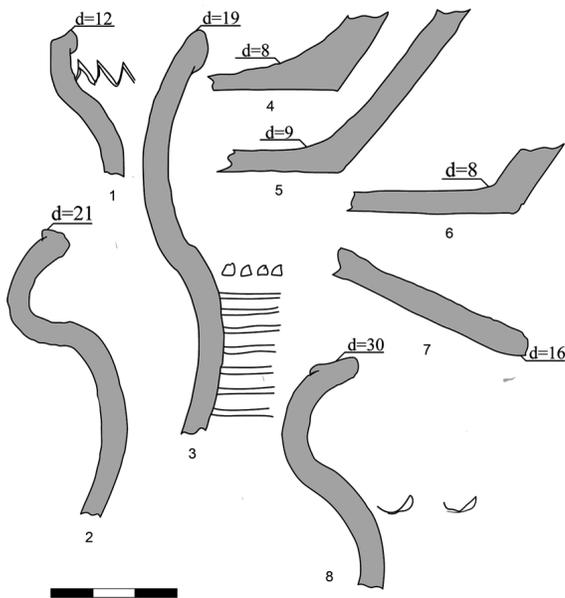

Рис. 4. Профилированные части сосудов из сооружения № 60 (2020 г.)

чернолощёной посуды, вероятно, попавшие сюда при нарушении верхней части конструкции в связи с обустройством коллектора теплотрассы XX в., что подтверждается данными стратиграфии (в описании профиля раскопа 2020 г. котлован сооружения 60 фиксируется непосредственно под балластным слоем).

Среди индивидуальных находок преобладают фрагменты стеклянных браслетов, вероятно, попавших в объект во время его засышки, период бытования которых ограничивается в Ярославле XII–XIII вв. (рис. 5; табл. 1).

Таблица 1. Стеклянные браслеты из сооружения № 60

Форма	Цвет	№ описи / год раскопок
«гладкие»	чёрный с красной и жёлтой нитями	557/2008
	жёлто-зелёный	676/2008
		559/2008
	оливковый	722/2008
	фиолетовый	551/2008
44/2020		
«кручёные»	тёмно-оливковый	570/2008
	оливковый	678/2008
		718/2008
	бирюзовый	39/2020
	сине-зелёный	677/2008
	фиолетовый	571/2008
	зелёный	42/2020
	н/о (обгорел)	43/220
светло-зелёный	70/2020	

Два обнаруженных в засыпке сооружения железных предмета не имеют чётких датировок и относятся к группе хозяйственного и домашнего инвентаря с неопределённым назначением⁶.

В 2020 г. среди индивидуальных находок были представлены две бусины (янтарная многогранная уплощённая и кашинная зонная бирюзовая) (рис. 6: 4, 5), два фрагмента плинфы начала XIII века⁷ без следов использования в кладке и фрагмент амфоры⁸ (рис. 6: 1–3).

В 2008 и 2020 гг. внутри сооружения под завалами брёвен были обнаружены человеческие кости. Из образцов костной ткани была получена серия радиоуглеродных дат, ставшая дополнительным независимым источником реконструкции времени функционирования постройки (табл. 2).

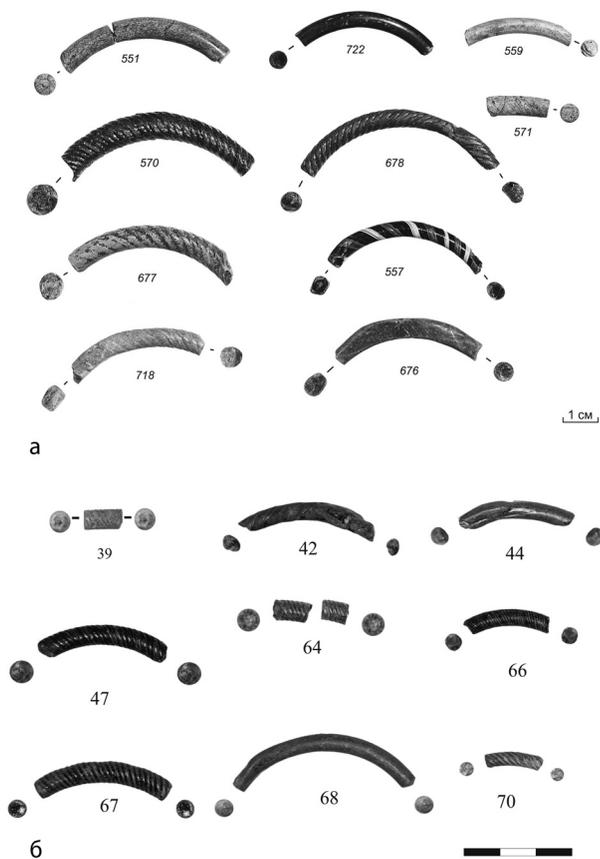

Рис. 5. Стекланные браслеты из сооружения № 60 (а — из раскопок 2008 г.; б — из раскопок 2020 г.).
Номера по описи

⁶ Захаров С. Д., Адаменко О. Н. Изделия из железа // Археология северорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 2. М., 2008. С. 10–11, рис. 213.

⁷ Энгватова А. В., Яганов А. В. Новые данные об Успенском соборе XIII в. в Рубленом городе Ярославля // Российская археология. 2011. № 3. С. 144–153.

⁸ Энгватова А. В. Отчёт об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2020 году // Архив ИА РАН. Р-1. 2021.

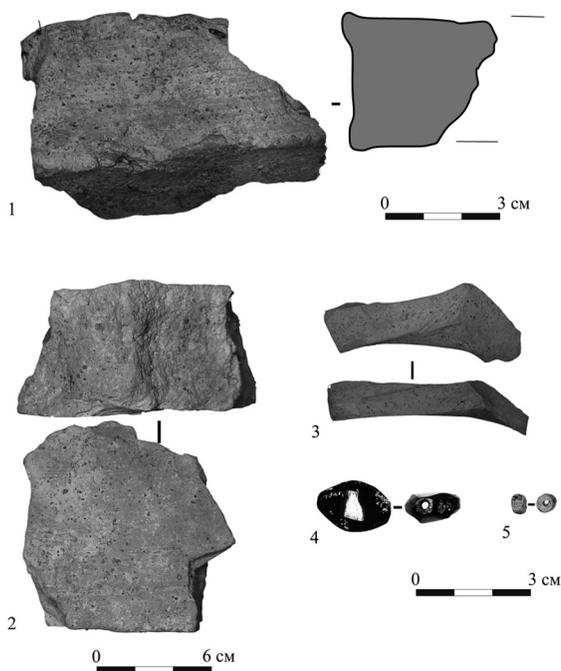

Рис. 6. Находки из сооружения № 60 (2020 г.):
1–2 – плинфы фрагменты;
3 – амфорной тары фрагмент; 4–5 – бусы

Человеческие останки в 2008 г. фиксировались и разбирались по слоям, с фотографированием общих планов ярусов и отдельных костяков, с максимально детальной прорисовкой положений скелетов и их частей. В подписях как «индивидов», так и разрозненных костей указывались их локализация (квадраты) и глубины залегания.

На фотографиях и чертежах отчетливо видны различия в полноте сохранности скелетов. Изначально в археологической документации

как относительно полные костяки, так и лежащие в анатомическом порядке части скелетов (кости туловища, рук, ног и др.), а также черепа и нижние челюсти в разной степени сохранности были маркированы как «индивиды». Всего так было названо 20 «скоплений костей», среди которых представлено лишь четыре относительно целых скелета (инд. №№ 2, 8, 15, 18). «Индивидами» были обозначены изолированные черепа и нижние челюсти

Таблица 2. Результаты AMS-датирования образцов костной ткани индивидуумов, погребённых в коллективном захоронении «сооружение № 60»

№ n/n	Лабораторный №		Пол	Образец	BP	CalAD (95.4 %)
1	UGAMS-35962	Инд. 15	Реб.	Кость человека	784±20	1224-1275
2	UGAMS-35963	Инд. 8	Муж.	Кость человека	807±19	1218-1269
3	UGAMS-35964	Инд. 18	Жен.	Кость человека	759±19	1228-1283
4	UGAMS-35965	Инд. 2	Муж.	Кость человека	838±19	1174-1262

(№№ 4–7, 10, 12, 16(2)), а также найденные в сочленении какие-либо части скелетов (инд. №№ 1, 16(3), 19, 20). Ещё как шесть «индивидов» были зафиксированы объёмные скопления костей, находящиеся не в анатомическом порядке, но представляющие с точки зрения археолога отдельную целостность (№№ 3, 9, 11, 13, 14, 16(1)).

Позы погребённых, чьи останки лежали в анатомическом порядке и были представлены относительно полными костяками, либо их большей частью, по-

зволяют говорить о том, что люди были захоронены без соблюдения какого-либо обряда и предварительной подготовки места погребения.

Среди останков из данного сооружения были обнаружены правые большеберцовая и малоберцовая кости, нижние части которых были полностью отделены (рис. 7). Отделённые части найдены не были. Судя по линии отруба, удар был нанесён слева направо сзади вперёд по отношению к костям голени в условно принятом вертикальном положении костяка⁹.

В 2020 г. при исследовании сооружения нами была предпринята попытка ввести новые наименования, которые могли бы быть использованы вместо устоявшегося термина «индивид», не вполне отражающего особенности депонирования останков в массовом погребении. Подробно эта попытка и её итоги описаны в статье, посвящённой новой методике регистрации останков в массовых захоронениях санитарного характера¹⁰.

В ходе работ 2020 г. в квадратах 29, 29а, 34, 35 раскопа 2 были обнаружены лишь человеческие останки, не составляющие на момент обна-

Рис. 7. Отруб правой голени.
Индивид 16(3) (2008 г.)

⁹ Определения и описания травматических повреждений проведены экспертом высшей квалификационной категории, главным специалистом Бюро судебно-медицинской экспертизы г. Москвы С. А. Никитиным.

¹⁰ *Энговатова А. В., Тарасова А. А.* К вопросу об учёте человеческих останков в коллективных захоронениях санитарного характера на этапе полевых работ // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2021. № 4. С. 100–115.

ружения полные скелеты (рис. 8). В ходе разборки погребения было выделено 10 скоплений костей, представлявших собой отдельные сегменты костяка. Остальные кости располагались в захоронении не в анатомическом порядке и были сняты как разрозненные, с указанием глубин залегания и квадратов.

Для подсчёта минимального количества индивидов, погребённых в открытой в 2020 г. части данного сооружения, нами была составлена таблица, в которую вносились определяемые парные и одиночные кости скелета и черепа, за исключением рёбер, позвонков, костей кисти, плюсны и фаланг стоп. По количеству наиболее представленных гомологичных фрагментов костей (правых лопаток) минимальное число погребённых, чьи останки были открыты в этой части захоронения, — 4 (двое мужчин и двое взрослых, пол которых определить не удалось). Однако также здесь были найдены рёбра и фрагмент плоской кости черепа ребёнка, что говорит о присутствии в этой части захоронения не менее 5 индивидов.

Добавление данных о вновь обнаруженных останках в таблицу «сохранности»¹¹, составленную для костных материалов, найденных в этом сооружении в 2008 г.¹², не даёт оснований для изменения результатов подсчёта общего количества погребённых здесь людей. Минимальное количество наиболее представленных гомологичных костей черепа изменяется с 18 до 21, однако ранее при сопоставлении данных по всем определяемым костям скелета было установлено, что здесь погребены останки не менее 22 человек (одиннадцать мужчин, четыре женщины, семь детей).

Датировка артефактов из заполнения сооружения, полученные радиоуглеродные даты и находка человеческих останков, погребённых в нём без соблюдения обряда, а также зафиксированная боевая травма ноги одного из захороненных здесь мужчин, позволяют отнести данное погребение к найденным на этой территории и описанным ранее коллективным захоронениям жителей и защитников города войсками Бату-хана в 1238 г.¹³ Данные планиграфии также показывают относительно близость сооружения № 60 к ранее исследованным массовым

¹¹ Под сохранностью здесь имеется в виду наличие костей.

¹² *Тарасова А. А.* Население Ярославля по материалам раскопок массовых захоронений времени Батыева нашествия: дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2019. С. 99, 100, 112–115.

¹³ Массовое средневековое захоронение в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов... С. 68–78; Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле... С. 185–208; *Энговатова А. В.* Рубленый город Ярославля в домонгольский период по данным археологии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4(78). С. 91–111; *Энговатова А. В.* Древнерусский город Ярославль в домонгольский период и его разрушение во время нашествия Батыея (1238 г.)... С. 139–154; *Engovatova A. V., Cherkinsky A., Zaiseva G. I.* The extermination of the ancient Russian city of Yaroslavl at the beginning of the 13th century...

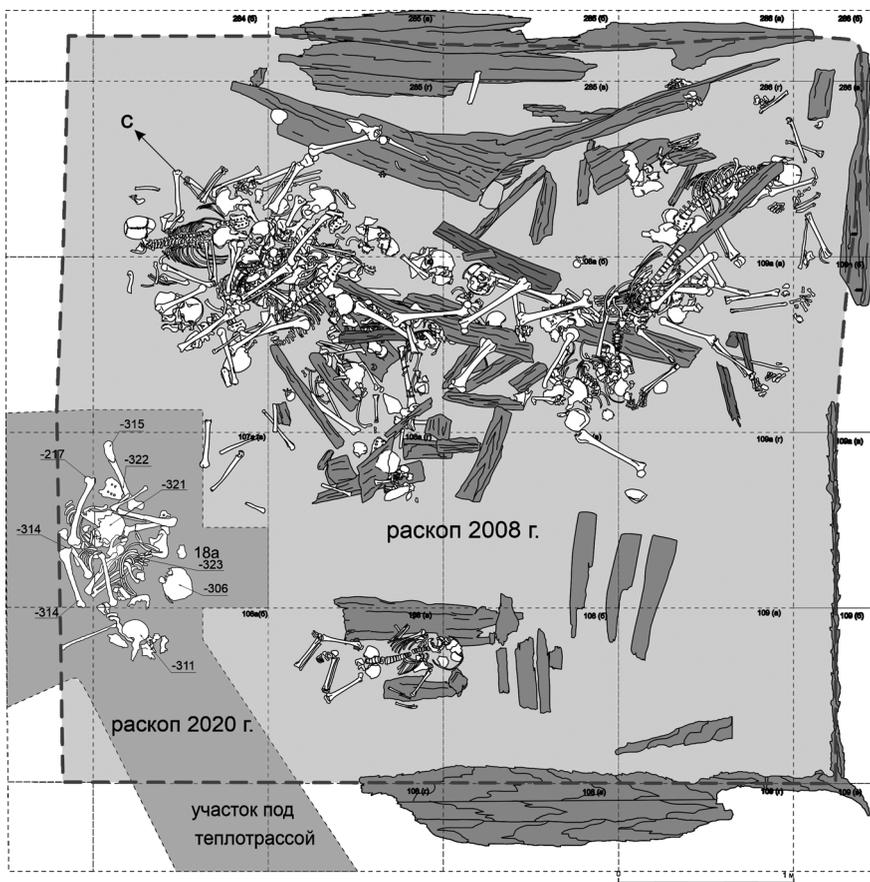

Рис. 8. План сооружения № 60

захоронениям. Оно располагалось в 140–160 м к северо-западу от коллективных погребений в сооружениях №№ 9, 27 и 262, обнаруженных при раскопках Успенского собора 2004–2006 гг., и в около 120 м к северо-северо-востоку от массового захоронения в сооружении № 76, исследованного в 2007–2009 гг. в раскопе «Рубленный город» (рис. 1).

По аналогии с другими комплексами 1238 г., открытыми на территории детинца Ярославля экспедицией ИА РАН¹⁴, также предполагается

¹⁴ Массовое средневековое захоронение в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов... С. 68–78; Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленного города в Ярославле... С. 185–208; *Энговатова А. В.* Рубленный город Ярославля в домонгольский период по данным археологии... С. 91–111.

санитарный характер погребения в сооружении № 60. Причиной для этого послужила неполная комплектность части скелетов, а также нахождение большого количества разрозненных костей и скопления костей в данном захоронении при отсутствии следов повреждения «могилы» после её засыпки.

Останки шести человек (пяти мужчин и одной женщины) из данного захоронения были переданы в лабораторию исторической генетики, радиоуглеродного анализа и прикладной физики Московского физико-технического института для проведения палеогенетической экспертизы. В наших предыдущих публикациях¹⁵ подробно описаны все стадии и методика процедуры выделения ДНК из образцов костной и зубной ткани индивидов из трёх других массовых захоронений XIII в. с территории ярославского детинца. Описанный в них алгоритм был применён и при обработке и секвенировании образцов из сооружения № 60.

В результате фрагментного анализа получены гаплотипы, а по ним предсказаны Y-хромосомные гаплогруппы для всех пяти исследуемых мужских образцов. Для них также было осуществлено таргетное NGS Y-хромосомы (табл. 3). По результатам NGS митохондриальной ДНК были определены митотипы, и по ним предсказаны митохондриальные гаплогруппы для четырёх мужчин и одной женщины (табл. 4).

Четыре из диагностированных для образцов из сооружения № 60 гаплогруппы Y-хромосомы (R1a1a1(M417), R1a1a(M512), R1a1a1b1(Z283), N1a1a1a1a1a(CTS2929=VL29)) были также встречены нами при исследовании индивидов из коллективных захоронений в сооружениях № 9, 76 и яме № 110 (раскопки ЯАЭ ИА РАН 2005, 2008 и 2007 гг. соответственно). Распространение этих гаплогрупп в средневековых могильниках подробно описано в таблице № 4 нашей публикации 2022 г.¹⁶ Судя по собранным в этой таблице данным, в период с X по XIII вв. их носителями являлись индивиды, чьи останки были обнаружены в захоронениях преимущественно на территориях современных Норвегии, Швеции, Эстонии и Венгрии.

Один из мужских образцов из сооружения № 60 принадлежит гаплогруппе J2b2a1(L282>M241>L283). Ранее при исследовании ДНК образцов из других массовых захоронений эта гаплогруппа не выявлялась.

¹⁵ Палеогенетическая экспертиза останков из одного массового захоронения 1238 года в Ярославле / Х. Х. Мустафин, А. В. Энговатова, И. Э. Альборова, А. А. Тарасова // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Выпуск 18. М.: Институт археологии РАН, 2022. С. 107–119; Палеогенетическая экспертиза останков из двух наиболее крупных массовых захоронений 1238 г. в ярославском детинце / Х. Х. Мустафин, А. В. Энговатова, И. Э. Альборова, А. А. Тарасова // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 215–230.

¹⁶ Палеогенетическая экспертиза останков из двух наиболее крупных массовых захоронений 1238 г. в ярославском детинце... С. 215–230.

**Таблица 3. Результаты фрагментного анализа и таргетного анализа
NGSY-хромосомы индивидуумов,
погребённых в коллективном захоронении «сооружение № 60»**

№ индивида	3	6	8	9	12
<i>Предполагаемый возраст, лет</i>	25–35	35–45	30–39	30–39	?
Локусы Y-хромосомы	DYS393	13	12		14
	DYS390	24	24	24	24
	DYS19			16	15
	DYS391				10
	DYS385 a	15	10		11
	DYS385 b	15	17		13
	DYS439		12		10
	DYS389 I	13	13	13	16
	DYS392		11		14
	DYS389 II	30			30
	DYS458	15	18	15	17
	DYS437	14		14	14
	DYS448		19		19
	DYS449	32			30
	DYS460	11	11		10
	Y-GATA-H4		11		12
	DYS456	15	13	15	14
	DYS576	18	16	19	17
	DYS570	20	17		19
	DYS438		9		10
DYS481		23		21	
DYS533				11	
DYS635	24		24	21	
DYS627				21	
DYS518	40		42	40	
F387S1 a				37	
F387S1 b				37	
Гаплогруппа по предиктору	R1a Z282>> Z280>> CTS3402	J2b2a M241>> L283	R1a Z282> Z280> Z92		N1a1 M46 >> VL29 >> L1026
Гаплогруппа по NGS	R1a1a1 (M417)	J(F1181)	R1a1a (M512)	R1a1a1b1 (Z283)	N1a1a1a1a1a (VL29)

**Таблица 4. Результаты NGS митохондриальной ДНК
(митотипы и гаплогруппы) индивидуумов,
погребённых в коллективном захоронении «сооружение № 60»**

№ индивида	пол	Митотипы	Гаплогруппа
3	М	A73G T146C T152C A263G C534T C16111T T16224C T16311C G16472A T16519C	K2a
8	М	C150T G228A A263G C16111T A16127T C16222T G16483A T16519C	H1a
9	М	T72C T195C G228A A263G T310TC T16298C T16311C	H
12	М	A263G A16080G G16145A T16189C C16190T T16356C	HV0
18	Ж	A73G G185A G228A A263G C295T C462T T489C C16069T T16126C G16213A G16471A	J1c

К периоду средневековья сейчас относится всего один образец с такой же гаплогруппой — из раскопок заброшенного поселения Краков в Германии¹⁷.

В современности максимальных значений доля гаплогруппы J2b(L282) достигает в Поволжье у популяции мордвы мокша (17 %) и татар из Мещеры (свыше 19 %)¹⁹.

Как указано в недавно опубликованной работе о генофонде татар, особенностью субклада J2b2a1(L282>M241>L283) является тот факт, что в его составе обнаруживается самое большое число потомков старинных татарских княжеских (бекских) родов, а также татар, входивших в состав в служилого сословия в XVI–XVII вв.²⁰

Все выявленные митохондриальные гаплогруппы уже встречались среди образцов из других исследованных нами массовых захоронений. Они имеют широкое распространение и в средневековье обнаруживаются в могильниках на территории Северной и Восточной Европы.

¹⁷ A systematic investigation of human DNA preservation in medieval skeletons / C. Parker, A. B. Rohrlach, S. Friederich et al. Sci Rep 10, 18225 (2020). URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-75163-w>.

¹⁸ *Балановский О. П.* Генофонд Европы. М., 2015. С. 104.

¹⁹ Генофонд татар: историко-генетическое исследование. Гаплогруппы Y-хромосомы / М. М. Акчурин, О. О. Владимиров, Р. Р. Салихов, Р. С. Хакимов. Казань, 2021. С. 17.

²⁰ Там же. С. 63.

Заключение

В 2008 и 2020 гг. полностью исследован объект, именуемый в археологической документации «сооружение № 60», представлявший собой погреб или подвал построенного в первой трети XIII в. сооружения, на месте спланированного вала XI в.

Анализ массового и индивидуального материала из данного объекта, а также полученная серия радиоуглеродных дат позволяет отнести конец его бытования к середине XIII века.

В заполнении сооружения были обнаружены останки не менее 22 человек, захороненные без соблюдения обряда. Судя по неполной комплектности большинства найденных скелетов, а также множеству разрозненных костей, можно предположить, что погребение носило санитарный характер. По аналогии с другими массовыми захоронениями, открытыми на территории «Рубленого города» Ярославля, временем его совершения можно считать 1238 г. Данные стратиграфии и полученные радиоуглеродные даты, а также атрибуция артефактов из заполнения сооружения не противоречат этой гипотезе. Дополнительным аргументом в её пользу может также служить обнаруженная на останках одного из погребенных здесь мужчин боевая травма ноги.

Среди индивидов, чьи останки были переданы на палеогенетическую экспертизу, у большинства были диагностированы найденные у других погибших в 1238 г. ярославцев гаплогруппы. Однако один мужчина имел гаплогруппу J2b(L282), на данный момент лишь однажды встретившуюся среди средневековых серий. Этот факт позволяет рассматривать генетический профиль населения Ярославля как более разнообразный.

Список источников и литературы

1. *Балановский, О. П.* Генофонд Европы / О. П. Балановский. — Москва : Тов-во научн. изданий КМК, 2015. — 354 с.
2. Генофонд татар : историко-генетическое исследование. Гаплогруппы Y-хромосомы / М. М. Акчурин, О. О. Владимиров, Р. Р. Салихов, Р. С. Хакимов. — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. — 112 с.
3. Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле (результаты комплексного исследования) / А. В. Энговатова, Е. Е. Антипина, Д. В. Власов и [др.] // Археология : история и перспективы : Пятая межрегиональная конференция : сб. статей. — Ярославль, 2012. — С. 185–208.
4. *Захаров, С. Д.* Изделия из железа / С. Д. Захаров, О. Н. Адаменко // Археология северорусской деревни X–XIII веков : средневековые поселения и могильники на Кубенском озере : в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров. — Т. 2. — Москва : Наука, 2008. — 365 с.

5. Массовое средневековое захоронение в Ярославле : анализ археологических и антропологических материалов / А. В. Энговатова, Д. О. Осипов, Н. Н. Фараджеева и [др.] // РА. — 2009. — № 2. — С. 68–78.
6. Палеогенетическая экспертиза останков из двух наиболее крупных массовых захоронений 1238 г. в ярославском детинце / Х. Х. Мустафин, А. В. Энговатова, И. Э. Альборова, А. А. Тарасова // Поволжская археология. — № 2 (40). — Казань : Изд-во «Фэн», 2022. — С. 215–230.
7. Палеогенетическая экспертиза останков из одного массового захоронения 1238 года в Ярославле / Х. Х. Мустафин, А. В. Энговатова, И. Э. Альборова, А. А. Тарасова // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. — Вып. 18. — Москва : Институт археологии РАН, 2022. — С. 107–119.
8. Тарасова, А. А. Население Ярославля по материалам раскопок массовых захоронений времени Батыева нашествия : дис. ... канд. ист. наук / А. А. Тарасова. — Москва : Ин-т археологии РАН, 2019. — 235 с.
9. Энговатова, А. В. Древнерусский город Ярославль в домонгольский период и его разрушение во время нашествия Батыя (1238 г.) / А. В. Энговатова // Археология в средневековых городах. Россия и Германия — сравнение. — Berlin, 2020. — С. 139–154.
10. Энговатова, А. В. К вопросу об учёте человеческих останков в коллективных захоронениях санитарного характера на этапе полевых работ / А. В. Энговатова, А. А. Тарасова // Вестник Московского университета. — Серия 23 : Антропология. — 2021. — № 4. — С. 100–115.
11. Энговатова, А. В. Новые данные об Успенском соборе XIII в. в Рубленом городе Ярославля / А. В. Энговатова, А. В. Яганов // Российская археология. — 2011. — № 3. — С. 144–153.
12. Энговатова, А. В. Отчёт об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2008 году // Архив ИА РАН. Р-1. 2009. № 30438.
13. Энговатова, А. В. Отчёт об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2020 году // Архив ИА РАН. Р-1. 2021.
14. Энговатова, А. В. Рубленый город Ярославля в домонгольский период по данным археологии / А. В. Энговатова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2019. — № 4(78). — С. 91–111.
15. Энговатова, А. В. Характеристика керамических комплексов из девяти массовых захоронений на территории древнего кремля г. Ярославля / А. В. Энговатова, Е. К. Кадиева // Археология : история и перспективы : Восьмая межрегиональная конференция : сборник статей. — Ярославль, 2018. — С. 204–217.
16. A systematic investigation of human DNA preservation in medieval skeletons / С. Parker, A. B. Rohrlach, S. Friederich et al. — SciRep 10, 18225 (2020). — URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-75163-w>.
17. Engovatova, A. V. The extermination of the ancient Russian city of Yaroslavl at the beginning of the 13th century : the long journey to exact dating / A. V. Engovatova, A. Cherkinsky, G. I. Zaiseva // Radiocarbon. — 2021. — 62(6): 1833–1844.

А. В. Энговатова, А. В. Яворская

Москва

Эпигрфическое захоронение животных из Ярославля: археозооповивческий контекст заполнения объекта № 1 из раскопа на Волжской набережной в 2021 году

Археологические исследования экспедиции Института археологии РАН в Ярославле на территории объекта культурного наследия федерального значения «Стрелка — место основания города Ярославля в начале XI века» на участке строительства гостиницы у д. 1 по Волжской набережной проводятся уже почти два десятилетия, хорошо изучены культурные напластования и объекты всех исторических эпох в этом районе. Тем не менее, этот участок города не перестаёт удивлять и приносить сюрпризы. При работах 2021 года в юго-западной части раскопа 1 были выявлены остатки деревянного сруба (далее — объект № 1)¹ с необычным заполнением (рис. 1).

Постройка № 1 находилась на расстоянии менее 70 см к северо-западу от бывшей здесь каменной ограды митрополичьих палат и не более 15–30 м от остатков выявленных ранее в раскопах каменных фундаментов хозяйственных построек усадьбы Литовых-Ленинцевых первой половины XIX — начала XX в. Менее чем в двух метрах к юго-западу от стенки постройки находится предполагаемая граница кладбища при ц. Иоанна Златоуста (рис. 2).

¹ Энговатова А. В. Отчёт о выполнении спасательных археологических исследований (раскопки) на территории объекта культурного наследия федерального значения «Стрелка — место основания города Ярославля в начале XI в.» на участке строительства гостиницы у д. 1 по Волжской набережной в г. Ярославле Ярославской области в 2021 г. // Архив ИА РАН. Открытый лист № 1164-2021 от 28.06.2021.

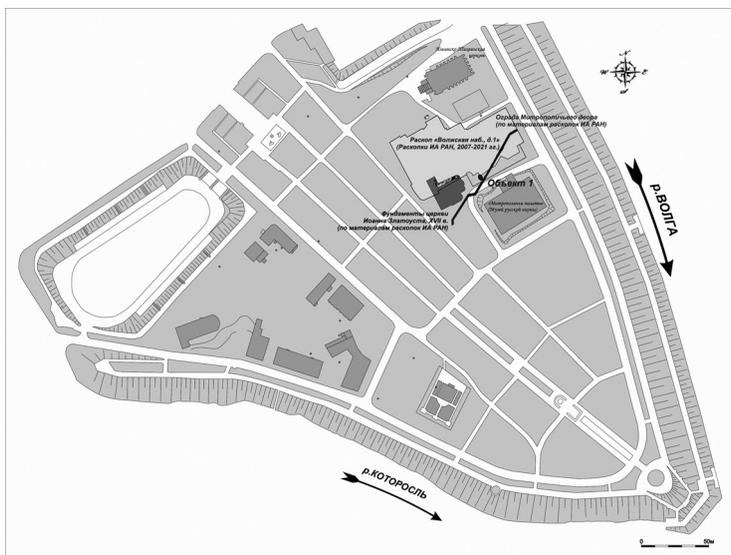

Рис. 1. Схема расположения раскопа «Волжская наб., д. 1»

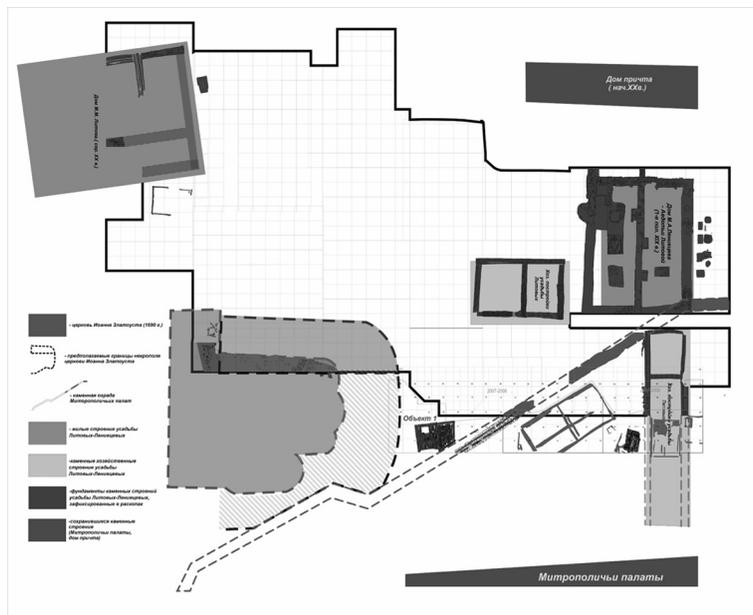

Рис. 2. Схема расположения объекта № 1 на раскопе «Волжская наб., д. 1»

*Рис. 3. «Волжская наб., д. 1-2021», участок 1. Объект № 1.
Внутренний разрез. Вид с севера*

Сразу после снятия балласта было выявлено пятно извести с красной кирпичной крошкой размером $3 \times 3,5$ м. На глубине 10 см от верха объекта его размеры увеличились до 6×4 м. Внутреннее заполнение постройки с этого уровня было представлено рыхлой тёмно-серой супесью с остатками костей животных, битой посуды, кирпича, стекла, известковой крошки, угля мощностью 7–67 см.

Начиная с отметки -2,6 м выявлено плотное скопление целых костей животных мощностью 27–59 см. Кости были предположительно сброшены в постройку вместе с основной засыпкой (рис. 3).

На место проведения работ были вызваны сотрудники санэпидемстанции г. Ярославля, которыми после взятия проб грунта было принято решение утилизировать кости животных в порядке, предусмотренном законодательством РФ.

Объект 1 представляет собой заглубленную часть наземного сооружения, а именно сруб размерами по внешним сторонам 6×4 м, спущенный в котлован. Котлован был выкопан на всю мощность более ранних культурных напластований и углублён в материк на 40 см. Сруб-пятистенник (прямоугольный в плане) сохранился на 5 венцов в северо-западной стене и на 4 венца в остальных стенах (рис. 4), общей высотой от нижнего венца 1,2 м, диаметрами 27–30 см. Перегородка (переруб) состояла из 3 брёвен диаметром от 23 до 27 см, уложенных вертикально одно на другое с врубкой «в лапу». Юго-восточная стена постройки состояла из двух брёвен,

*Рис. 4. «Волжская наб., д. 1-2021», участок 1. Объект № 1.
Северо-восточная и восточная стенки сруба*

одно из которых уложено под углом параллельно фундаменту ограды Митрополичьих палат (рис. 5).

Стены рублены из брёвен 27–30 см «в лапу» без выпусков. Сруб делился поперечной стеной (перерубом) на две части: размеры северо-восточной части $2,2 \times 3,6$ м; размеры юго-западной части зафиксированы полностью на ширину 2,6 м и на вскрытую раскопом длину — 3,5 м. В каждом помещении подвала зафиксированы брёвна длиной 1,3 м и диаметром 30 см с пазами для тетивы лестницы. Размер пазов в упоре под тетиву 10×16 –20 см (три паза), 20×20 –22 см (один паз). В помещениях имелись полы из 17 досок толщиной 4–5 см и шириной 25–30 см, уложенные параллельно длинным сторонам помещения, они фиксировались на отметках -3,55 – -3,58 м. Доски были положены на подкладки из брёвен длиной 1,5–2,3 м, диаметром до 30 см, каких-либо крепежей досок к подкладкам или между собой не зафиксировано. Часть досок пола проломлена посередине. Подкладки под полы были уложены на предварительно выровненный материк (на глубине -3,66 – -3,84 м).

В западном углу постройки в кв. 26, на отметке -3,67 м в полах прослеживается выпиленное отверстие прямоугольной формы размерами $1,02 \times 0,92$ м, заполненное тёмно-серой супесью с примесью битого кирпича, крошки известкового раствора и угля.

Необычное заполнение данного сооружения (было плотно набито крупными фрагментами или целыми костями животных (рис. 6),

*Рис. 5. «Волжская наб., д. 1-2021», участок 1. Объект № 1.
Зачистка на уровне расчистки перекрытий пола*

*Рис. 6. «Волжская наб., д. 1-2021», участок 1. Объект № 1.
Скопления крупных костей животных в заполнении сооружения*

пересыпанными известью) поставило перед археологами несколько принципиальных вопросов. Предстояло определить характер подобного скопления в центре города; датировать время совершения захоронения, чтобы определить его связь с упоминаемыми в письменных источниках эпидемиями. Перед археозоологами встала задача определения, остатки каких животных в каком виде попали в подпол разрушенного/разобранного

строения: в виде разрозненных костей (возможно, кухонных остатков) или целыми тушами и их частями.

Уточнить время постройки самого сооружения стало возможно с помощью дендрохронологии. Были получены данные по пяти спилам брёвен сооружения. Полученные датировки: 1739, 1759, 1763, 1765 и 1766 гг. Датировки 1765 и 1766 гг. показали два бревна с присутствующим подкорковым кольцом. Группировка датировок ближе к концу интервала говорит о высокой точности определения времени строительства — после 1766 г.²

Как же датируется само захоронение?

Деревянные хозяйственные сооружения в городе могли бытовать в среднем 20–30 лет. Определённым признаком окончания функционирования постройки может служить датировка вещей, попавших в её заполнение при засыпке.

Находки из заполнения сооружения 1 были представлены в основном фрагментами красноглиняной и чернолощёной керамики, период бытования которой ограничен XVIII в. (82,69 %)³. Встречены фрагменты железных ножей, ножниц, пластин, подковы, чугунного котла, гвоздь; стеклянные бусины, фрагменты фужера, бутыль; обломки поливных изразцов и черепицы, костяных изделий, свинцовая пломба, войлок, пуговицы (металлические и костяная). Найденные в засыпке костей медные монеты датируются 1741, 1749, 1768 и 1790 гг. (рис. 7).

Таким образом, захоронение может датироваться самым концом XVIII столетия (не ранее 1790 г.).

Подобные необычные комплексы редко встречаются и, соответственно, нечасто подвергаются тщательному археологическому и археозоологическому исследованию. В настоящей работе поставлена цель введения в научный оборот выборки костных остатков животных из объекта № 1 и первичной интерпретации изученной ситуации.

Коллекции костных остатков животных из раскопа «Волжская набережная, д. 1» исследуются уже почти два десятилетия по методической схеме, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА РАН⁴. Хорошо изучена специфика заполнения костями животных культурных напластований всех исторических эпох этой

² *Энговатова А. В., Лазарев А. С., Мацковский В. В.* Новые археологические находки для дендрохронологической шкалы по хвойным породам для Ярославской и Костромской областей // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 18. М., 2022. С. 102.

³ Определение Е. К. Кадиевой.

⁴ *Антипина Е. Е.* Археозоологические материалы (глава 7) // Каргалы / ред. и сост. Е. Н. Черных. Т. III. М., 2004. С. 182–239; *Антипина Е. Е.* Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / отв. ред. Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М., 2016. С. 96–118.

№ п/п	№ по описи	Предмет
1	1335	Монета медная «Денга». 1741 г.
2	452	Монета медная «Денга». 1749 г.
3	1336	Монета медная «ПОЛУШКА». 1768 г.
4	272	Монета медная «ПОЛУШКА». 1790 г.

Рис. 7. «Волжская наб., д. 1-2021», участок 1. Объект № 1.
Монеты из заполнения

части Ярославля⁵. Остеологические остатки из работ 2021 г., как и весь массовый археологический материал, отбирался по пластам и квадратам и группировался по слоям и объектам, выявленным на раскопе. Общий объём выборки из верхних напластований XVII–XX вв. (слои балласта, а также пласты 5, 6, 7) и из объекта № 1 составил 10 357 костных фрагментов. Сохранность всех фрагментов хорошая — не менее 4 баллов по пятибалльной шкале⁶.

В связи с необходимостью выявить специфику заполнения костями животных объекта № 1 археозоологические материалы из верхних культурных напластований данного раскопа анализировались по трём условным комплексам:

1. Костные остатки, происходящие из культурных напластований всего раскопа, датируемые в пределах XVII–XX вв. (9 выборок — 5 287 фрагментов) — далее это комплекс костных остатков будет обозначаться «культурный слой».
2. Костные остатки, полученные из квадратов раскопа, расположенных непосредственно над объектом № 1 (6 выборки — 2 094 фрагмента), выше уровня венцов сруба.
3. Выборка костных остатков, полученная непосредственно из сруба — объекта № 1 (1 выборка — 2 976 фрагментов).

⁵ Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю. Глава VI. Растения и животные // Археология древнего Ярославля: загадки и открытия. М., 2012. С. 144–229.

⁶ Антипина Е. Е. Археозоологические материалы (глава 7)... С. 182–239.

Таблица 1. Ярославль. Волжская набережная, дом 1 (раскопки 2021 года).
Основные параметры археозоологической коллекции
из культурных напластований XVII–XX вв.

	Млекопитающие						Другие классы		Всего	ИР*	% определяемых	% «кухонных»
	неопределимые		домашние		дикие		птицы	рыбы				
	кр.	ср.	копытные	хищники	промысловые	грызуны						
Культурный слой 17–20 вв.	906	339	3 875	26	16	3	102	20	5 287	20,8	76,4	92,4
%	17,1	6,4	73,3	0,5	0,3	0,1	1,9	0,4	100,0			
Объект 1. Верхние напластования	338	37	1 681	11	1		22	4	2 094	9,04	82,09	54,3
%	16,1	1,8	80,3	0,5	0,05		1,1	0,2	100,0			
Объект 1. Выборка	334		2 540	86			16		2 976	3,3	81,1	14,7
%	11,2		85,3	2,9			0,5		100,0			
Всего по коллекции	1 578	376	8 096	123	17	3	140	24	10 357			

Все рассмотренные условные комплексы костных остатков представительны — в каждом из них учтено не менее двух тысяч костных фрагментов. Под «фрагментом» в данном исследовании подразумевается одна остеологическая единица, даже если кость была целой или почти целой. Рассмотрим археозоологические данные по комплексам.

Из наиболее общих параметров следует отметить, что доля фрагментов, определяемых до вида (или класса), почти одинакова в двух рассматриваемых комплексах (81–82 %) и лишь немного ниже в культурном слое (76 %) (табл. 1). Ещё один важный параметр — индекс раздробленности, который показывает, сколько фрагментов из данной выборки могло бы заполнить объём в 1 куб. дм, то есть как сильно раздроблены кости. Для комплекса «культурный слой» показатель обычный — 20,8 фр., свойственный городским культурным напластованиям Средневековья и Нового времени. В комплексе «над объектом № 1» этот индекс снижается до девяти фрагментов в 1 куб. дм и становится очень низким: три

фрагмента, в «выборке из объекта 1» (табл. 1). Это означает, что в двух последних выборках содержатся преимущественно целые или очень мало раздробленные кости. В такой ситуации получают объяснение необычные показатели доли «кухонных» остатков, то есть костей с отчётливыми следами разделки и дробления. Для «культурного слоя» доля таких фрагментов свыше 90 % представляется нормальной, так как в культурный слой городов преимущественно и выпадают кости в виде «кухонных» остатков. В комплексе «выборка из объекта № 1» кухонные остатки присутствуют, но в очень небольшом количестве — 14 %, остальную часть этой выборки занимают целые кости животных без разделки (табл. 1). Комплекс «над объектом № 1», где кухонных остатков 54 %, занимает промежуточное положение — часть костей в этом комплексе из культурного слоя, а часть уже принадлежит к объекту № 1 и являются целыми, без разделки. Уже по этим сравниваемым параметрам (индекс раздробленности и доля костей со следами кухонной разделки) отчётливо проявились различия комплексов «культурного слоя XVII–XX вв.» и «выборки из объекта № 1»: первый выглядит очень типично для городов позднего Средневековья и Нового времени, заполнен раздробленными «кухонными» остатками. «Выборка из объекта № 1» совершенно другая и содержит преимущественно целые, неразделанные кости животных. Комплекс «над объектом № 1» содержит как кухонные остатки, так и целые кости, индекс раздробленности в нём также оказался средним между указанными комплексами.

В наблюдениях за таксономическим набором проявились чёткие различия по тем же двум комплексам, а кости из напластований «над объектом № 1» заняли между ними среднее «промежуточное» положение, то есть обладают чертами обеих выборок. Доля костей птиц в «культурном слое» обычна для Ярославля Нового времени — около 2 %, остатки рыб составляют 0,5 %⁷. Доля костей птиц в «выборке из объекта № 1» составила 0,5 %, костей рыб не обнаружено вовсе. Показатели в выборке «над объектом № 1» по остаткам птиц — 1,1 %, по костям рыб — 0,2 % (табл. 1). В комплексе из культурного слоя присутствуют остатки диких животных, как промысловых, так и городских комменсалов-грызунов, совокупно занимая долю в 0,5 % в общем объёме выборки, что соотносится с показателями по остаткам диких видов в культурных напластованиях Ярославля XVI–XIX вв.⁸ Однако в «выборке из объекта № 1» диких животных не выявлено, а в комплексе костей над объектом № 1 зафиксирована одна кость зайца, соответственно, доля диких животных во всей выборке совсем низка — 0,05 % (табл. 1).

Интересны наблюдения и за видовым составом костей домашних животных разных хозяйственных групп. Остатки домашних копытных,

⁷ Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю. Растения и животные... Рис. 4.

⁸ Там же. Рис. 5.

составляющие основу всех рассматриваемых комплексов, имеют в сравниваемых выборках разные показатели: в «культурном слое» — 73 %, а в «выборке из объекта № 1» существенно выше — 85 %. Показатель в комплексе «над объектом № 1» средний — 80 % (табл. 1). Кости домашних хищников — собак и кошек — в «культурном слое» и в слоях «над объектом № 1» представлены в обычных показателях для поздних городских культурных напластований и составляют 0,5 %⁹, а в выборке из объекта № 1 их доля существенно выше — почти 3 % (табл. 1). Как показывает практика, неопределимые до вида кости млекопитающих принадлежат, преимущественно, домашним копытным, и доли таких остатков совпадают с совокупными долями определимых, соответствующих по размеру видов копытных. Отметим полное отсутствие неопределимых остатков средних копытных для выборки из объекта № 1 (табл. 1). В заполнении есть остатки средних копытных, но это целые кости, которые определимы, разломанных неясных мелких фрагментов среди них нет.

Таблица 2. Ярославль. Волжская набережная, дом 1 (раскопки 2021 года). Археозоологические данные по остаткам домашних животных

Объекты / виды	Копытные				Хищники		Всего
	КРС	лошадь	МРС	свинья	собака	кошка	
Культурный слой XVII–XX вв.	2 361	267	740	507	22	4	3 901
%	60,5	6,8	19,0	13,0	0,6	0,1	100,0
Объект 1. Верхние напластования	675	716	195	95	10	1	1 692
%	39,9	42,3	11,5	5,6	0,6	0,1	100,0
Объект 1. Выборка	390	2 085	39	26	86		2 626
%	14,9	79,4	1,5	1,0	3,3		100,0

Видовой набор остатков домашних млекопитающих в данной коллекции обычен для русских городов. Традиционно фиксируются пять видов копытных: крупный рогатый скот (*Bos Taurus*, далее — КРС), мелкий рогатый скот (среди мелкого рогатого скота есть остатки коз (*Capra hircus*) и овец (*Ovis aries*), не всегда легко различимых, их кости подсчитаны вместе в колонке «МРС»), лошадь (*Equus caballus*) и свинья (*Sus scrofa domestica*). А также два вида хищников — собаки (*Canis familiaris*) и кошки (*Felis catus*). Кости обоих видов домашних хищников-«помощников» составляют 0,6 %

⁹ Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю. Растения и животные... Рис. 3.

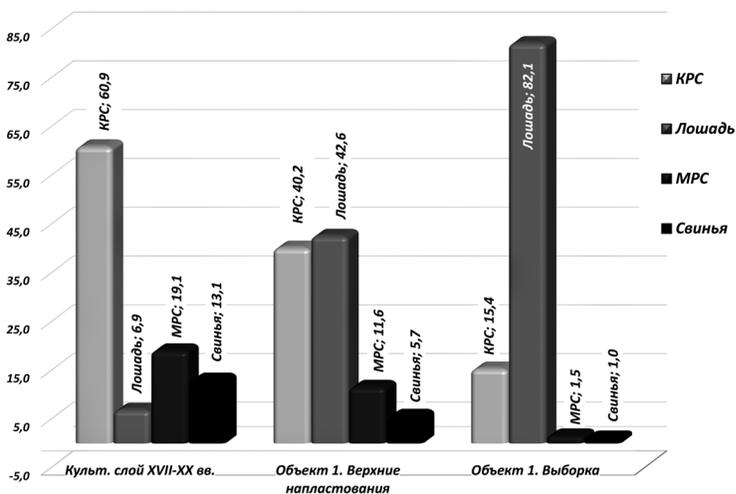

Рис. 8. «Волжская наб., д. 1-2021».
Остеологические спектры домашних копытных

(собаки) и 0,1 % (кошки) в обсуждаемых выборках из «культурного слоя» и «над объектом № 1», и эти соотношения выглядят совершенно обычно для Ярославля почти любого времени¹⁰. Но в «выборке из объекта № 1» остатков кошек не зафиксировано, а доля костей собак вырастает до 3,3 % (табл. 2). Выборки из «культурного слоя» и «объекта № 1» принципиально различаются между собой по соотношениям костных остатков различных видов домашних копытных. В «культурном слое» доминирует крупный рогатый скот (60 %), второе «место» — у мелкого рогатого скота (19 %), следующую позицию занимают остатки свиньи (13 %), а кости лошади завершают иерархию (6,8 %). В остеологическом спектре домашних копытных «выборки из объекта № 1» неожиданно и решительно преобладают остатки лошади (79 %), на долю КРС пришлось лишь около 15 % костей в этом комплексе, доли МРС и свиньи незначительны (1,5 % и 1 % соответственно) (табл. 2, рис. 8).

Комплекс костных остатков «Объект 1. Верхние напластования» вновь занимает среднее положение: доли МРС и свиньи (11,5 % и 5,6 % соответственно) здесь ниже, чем в «культурном слое», но выше, чем в выборке из «объекта № 1». Черты, свойственные «выборке из объекта № 1», здесь проявились в том, что очень высока, по сравнению с городскими культурными напластованиями, доля остатков лошади (42 % против обычных

¹⁰ Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю. Растения и животные... Рис. 4.

6–8 %) и снижена всегда высокая, доминирующая в городах доля остатков крупного рогатого скота (около 40 % против обычных 60 %).

Промежуточные итоги таковы: в «выборке из объекта № 1» обнаруживаются кости домашних животных, традиционно содержащихся в городе. Однако состояние костных остатков в этом комплексе необычно: кости целые или почти целые, не раздроблены, на них крайне мало следов «кухонной разделки». Необычны и соотношения внутри остеологического спектра городских домашних животных: преобладают кости лошадей, костей других домашних копытных существенно меньше, чем обычно остатков этих видов в культурном слое. Доля собак, напротив, существенно выше обычных для города показателей.

По-видимому, перед нами захоронение городских животных, скорее всего, одновременно погибших именно в данном районе города, плотно уложенных в небольшой сруб (объект № 1). Не все утилизируемые таким образом останки поместились в границы сруба, часть была навалена сверху, и, по-видимому, именно так образовалось заполнение, обнаруженное в культурных слоях выше уровня объекта № 1, которые названы в таблицах и диаграмме «Объект 1. Верхние слои». По археозоологическим параметрам эта выборка сочетала в себе черты выборок из культурного слоя и из объекта № 1.

Укажем ещё на некоторые особенности исследуемого остеологического комплекса из объекта № 1. Помимо весьма немногочисленных костей со следами кухонной разделки, на отдельных фрагментах обнаруживаются следы разрубов, не характерных для кухни. По-видимому, некоторые туши разрубали или подрубали выступающие их части, чтобы «затолкать» в имеющуюся полость сруба. Такие следы присутствуют на костях взрослых коров и лошадей. Однако зафиксированы и следы «кухонной» раздробленности, которые наиболее характерны оказались для костных остатков крупного рогатого скота. Кости с такими следами могли попасть в анализируемый объект № 1 из близлежащих обычных городских культурных напластований. Однако не исключён и вариант предварительной разделки туш и даже снятия с животных шкур перед захоронением.

Полностью изучить все кости из объекта № 1 возможности не представилось, однако при разборе заполнения объекта № 1 удалось просмотреть весь остеологический материал и подсчитать примерное количество захороненных в нём особей разных видов, предварительно оценить возраст и размеры взрослых животных, зафиксировать некоторые патологии.

В объекте № 1 обнаружены разрозненные кости и неполные скелеты собак не менее чем от пятнадцати особей разного размера — от небольших до крупных, что вполне характерно для городской популяции Ярославля

разных эпох¹¹. Патологические особенности, выявленные на костях этих животных, преимущественно связаны с их охранной функцией или особой «стадной» жизнью на городских помойках — зажившие травмы, переломы, патологии, связанные с длительными периодами голода. На некоторых костях копытных, как из верхних напластований над объектом № 1, так и непосредственно из выборки, отмечены следы собачьих зубов. По-видимому, перед укладыванием в сруб туши животных лежали где-то ещё и были доступны этим городским падальщикам. Эти данные позволяют предполагать быстрое единовременное формирование санитарного захоронения в объекте № 1.

Остатки овец, коз и свиней в объекте № 1 немногочисленны, не более, чем от двух–трёх особей каждого вида, обнаружены преимущественно разрозненными, но целыми костями от взрослых животных без следов разделки. В анатомическом наборе имеются все кости, включая черепа.

Костные остатки крупного рогатого скота в объекте № 1 представлены в трех вариантах:

1. Фрагменты костей с отчётливыми следами «кухонных» сломов.

2. Разрозненные целые кости от взрослых животных, на некоторой части которых встречаются «подрубы», не характерные для кухонной разделки.

3. Целые кости новорождённых телят без следов искусственного воздействия. В анатомическом наборе «кухонных остатков» (вариант 1) присутствуют фрагменты позвонков, рёбер, а также кости от «мясных» частей передних и задних конечностей. То есть это именно остатки мясной пищи. Среди целых костей от взрослых животных (вариант 2) присутствуют эти же части скелета, но ещё метаподии и фаланги, стержни рогов с фрагментами черепов, верхние и нижние челюсти, подиальные кости. Минимально в исследуемое санитарное захоронение целой тушей попали около 15 особей разного размера. В анатомическом наборе новорождённых телят (вариант 3) присутствуют все кости скелета, которые потенциально могут сохраниться. Нет рогов, поскольку они ещё не выросли, сменные (молочные) зубы присутствуют только в составе нижних челюстей, хрупкие неприсосшие диски позвонков, головки рёбер и эпифизы длинных костей разрушились в условиях археологического комплекса. Можно считать скелеты телят из объекта № 1 полными. Поскольку в анатомическом наборе присутствует несколько нижних челюстей, легко устанавливается возраст этих животных: от нескольких дней до 1 месяца. В позднем средневековье в хозяйствах старались приурочить рождение телят к весенне-летнему сезону. Если принять гипотезу, что комплекс данного сруба заполнялся в короткие сроки, а животные погибли условно

¹¹ Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю. Растения и животные... С. 224–227.

единовременно, то возможный период его формирования, судя по возрасту телят, приходился на весенне-летний сезон.

Самыми многочисленными остатками в комплексе являются кости лошадей, представленные целыми или почти целыми костями полного анатомического набора этих животных. При разборе заполнения сруба удалось установить примерное количество особей — их оказалось около 70. Тщательное изучение возрастного и размерного состава этих животных ещё впереди. Предварительно можно говорить, что понемногу, примерно по 2 особи, есть остатки от юных (моложе 5 лет) и старых (старше 15 лет) животных. Примерно по 4–5 особей из соседних возрастных когорт — 5–8 лет и 12–15 лет. Но основное поголовье захороненных животных (свыше 60 %) — взрослые рабочие жеребцы и кобылы в возрасте 8–12 лет. Патологии на их костях связаны с использованием их на тяжёлых работах под седлом и хомутом, есть также травмы грифельовых костей метаподиев, связанные с транспортировкой тяжёлых грузов в упряжке на колесном и полозном видах транспортных средств. Размеры животных варьируют от малорослых до очень крупных, но, в основном, средние.

Таким образом, сравнительный археозоологический анализ комплексов костных остатков из объекта № 1 и культурного слоя позволяет реконструировать картину события, произошедшего с домашними животными на изучаемом участке Ярославля в конце XVIII века. Целые туши обычных домашних животных, рабочее и маточное поголовье, которых в срочном порядке утилизировали в сруб, старательно туда утрамбовывая, и вдобавок к этому погибшие новорождённые телята — вся наличная ситуация свидетельствует о каком-то инфекционном заболевании, поразившем преимущественно лошадей и другой, содержащийся поблизости от конюшен скот, включая ослабленных родами коров и телят. Собаки, как падальщики, скорее всего, заражались от трупов, и их тела тоже попали в данное эпидемическое захоронение. Не исключено, что утилизацию жертв эпидемии сопровождали некоторые «криминальные» эксцессы, связанные с разделкой говяжьих туш, снятием с них шкур, а также с тем, что трупы были доступны городским падальщикам, которые могли увеличить очаг заболеваемости.

Версию, что комплекс имеет эпидемическое происхождение, дополняет археологический контекст. При разборе объекта № 1 обнаружилось, что некоторую часть заполнения составили остатки извести, как в виде порошка, так и крупными кусками и прослойками. В правительственных постановлениях по борьбе с эпидемиями среди домашних животных для первой трети XVIII века **есть настоятельные рекомендации утилизировать жертвы животных эпидемий в огне или закатывать в срубы, с целью недопущения в эти скопления землеройных животных и падальщиков, а**

также пересыпать трупы известью¹². Как видно из данного археологического и археозоологического исследования, рекомендация по укрыванию трупов в срубе и пересыпанию их известью была выполнена. Однако полностью уложить останки всех жертв эпидемии в отведённый для них сруб не удалось, как и ограничить доступ собакам-падальщикам, трупы которых утилизировали сюда же.

В дальнейших исследованиях по данной необычной находке планируется более детально проработать комплекс археологических и археозоологических данных по этому объекту, погрузить описанный случай в археологический и исторический контекст конца XVIII века.

Список источников и литературы

1. *Антипина, Е. Е.* Археозоологические материалы (глава 7) / Е. Е. Антипина // Каргалы / ред. и сост. Е. Н. Черных. — Т. III. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — С. 182–239.
2. *Антипина, Е. Е.* Современная археозоология : задачи и методы исследования / Е. Е. Антипина // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / отв. ред. Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. — Москва : Ин-т археологии РАН, 2016. — С. 96–118.
3. *Антипина, Е. Е.* Глава VI. Растения и животные / Е. Е. Антипина, Е. Ю. Лебедева // Археология древнего Ярославля : загадки и открытия. — Москва : Ин-т археологии РАН, 2012. — С. 144–229.
4. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. — Том XII. 1744–1748. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 960 с.
5. *Энговатова, А. В.* Новые археологические находки для дендрохронологической шкалы по хвойным породам для Ярославской и Костромской областей / А. В. Энговатова, А. С. Лазарев, В. В. Мацковский // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. — Вып. 18. — Москва : Институт археологии РАН, 2022. — С. 91–106.
6. *Энговатова, А. В.* Отчёт о выполнении спасательных археологических исследований (раскопки) на территории объекта культурного наследия федерального значения «Стрелка — место основания города Ярославля в начале XI в.» на участке строительства гостиницы у д. 1 по Волжской набережной в г. Ярославле Ярославской области в 2021 г. // Архив ИА РАН. Открытый лист № 1164-2021 от 28.06.2021.

¹² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Том XII. 1744–1748. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 529–533.

А. В. Яганов, А. В. Энговатова, Е. У. Рузаева

Москва

Западное крыльцо Спасской церкви 1515 г. Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле по результатам археологических исследований 2008 г.

Архитектурно-археологические исследования на территории ярославского Спасо-Преображенского монастыря были проведены Ярославской экспедицией Института археологии РАН (руководитель А. В. Энговатова) в рамках охранных раскопок сезона 2008 г. В данном случае практические задачи определения базовых отметок для разработки проекта благоустройства территории позволили вновь обратиться к исследованиям фрагментов Спасской церкви 1216–1221 гг.¹, а также дали возможность изучить и несохранившиеся элементы сменившего её здания начала XVI в.

Натурные исследования центрального храмового комплекса Спасского монастыря проводились в несколько этапов, как связанных с производством реставрационных работ, так и преследовавших чисто научные цели. Среди них особо следует выделить 1950–1960-е гг., когда ансамбль приобрёл свой нынешний вид, ставший хрестоматийным. Архитекторами-реставраторами, работавшими тогда в монастыре, были Е. Г. Ефремов, Э. Д. Добровольская, Е. М. Караваева; археологические исследования проводились под руководством М. К. Каргера, но, к сожалению, не все их результаты получили отражение в публикациях².

¹ Яганов А. В., Энговатова А. В., Рузаева Е. И. Архитектурно-археологические исследования Спасского собора ярославского Спасо-Преображенского монастыря в 2008 году // Археология Подмосковья. М., 2022. Вып. 18. С. 120–135.

² Обзор археологических исследований 1958 г. помещён нами в статье: Яганов А. В., Энговатова А. В., Рузаева Е. И. Архитектурно-археологические исследования Спасского

Следующим значительным этапом в истории изучения центрального комплекса памятников монастыря стали 1980-е годы. Археологические исследования были продолжены в 1982–1983 гг. и 1986 г. Архитектурно-археологической экспедицией ЛОИА АН СССР и Государственного Эрмитажа под руководством О. М. Иоаннисяна³.

В ходе работ 2008 г. Ярославской экспедиции ИА РАН были разведаны культурные напластования XIII–XX вв. к востоку, западу и югу от центральной группы памятников монастыря, изучены конструкции фундаментов отдельных объектов комплекса. Результатом археологических раскопок стало выяснение сохранности культурного слоя, степень его повреждений и утрат (рис. 1).

Спасская церковь 1515 г. — один из первых монастырских памятников, построенных за пределами Москвы при непосредственном участии итальянского архитектора⁴. Это отмечали многие исследователи⁵, причём А. Г. Мельник назвал его имя — Иван Фрязин, которое, по его мнению, зафиксировано в синодике 1656 г.⁶ Как и в московских монастырских храмах времени Ивана III — Василия III (например, в Новоспасском (1491–1496 гг.) и Чудовом (1501–1503 гг.) монастырях), здесь применена новая архитектурно-пространственная и конструктивно-технологическая схема. На это указывает строгая геометричность в разбивке плана, ряд объёмно-пространственных, декоративных и конструктивно-технологических особенностей, бывших в тот период новаторскими. Отметим, в частности, типологические новшества памятника — подклет, состоящий из двух палат с отдельными входами, который известен, например, в близком по времени памятнике — дмитровском Успенском соборе. В Спасском, как и в Успенском, соборе он имел хозяйственное

собора... С. 120–123; Яганов А. В., Рузаева Е. И. Рецензия на статью: Иоаннисян О. М. Вновь о древнейших храмах Спасского монастыря в Ярославле // *Дорéя: К 90-летию Энгелины Сергеевны Смирновой: сборник статей / отв. ред. М. А. Орлова. М., 2022. С. 152–163 // Вестник сектора древнерусского искусства: журнал по истории древнерусского искусства. 2022. № 1. М., 2022. С. 199–200.*

³ *Иоаннисян О. М. Комплекс древнейших построек Спасского монастыря в Ярославле // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 199–228; Иоаннисян О. М. Вновь о древнейших храмах Спасского монастыря в Ярославле // *Дорéя: К 90-летию Энгелины Сергеевны Смирновой: сборник статей / отв. ред. М. А. Орлова. М.: Государственный институт искусствознания, 2022. С. 152–163.**

⁴ *Анкудинова Е. А., Мельник А. Г. Спасо-Преображенский собор Спасского монастыря в Ярославле. М., 2002. С. 36–37.*

⁵ *Вятчина Т. Н. Архангельский собор Московского Кремля как образец в русском зодчестве XVI в. // АН. М., 1986. Вып. 34. С. 216–218; Мельник А. Г. Об истоках основных форм собора XVI в. ярославского Спасского монастыря // Новодевичий монастырь в русской культуре. [Труды ГИМ. Вып. 99]. М., 1998. С. 180–187.*

⁶ *Мельник А. Г. Новое о соборе Ярославского Спасского монастыря // Краеведческие записки. Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений. Ярославль, 2005. Вып. 8. С. 433.*

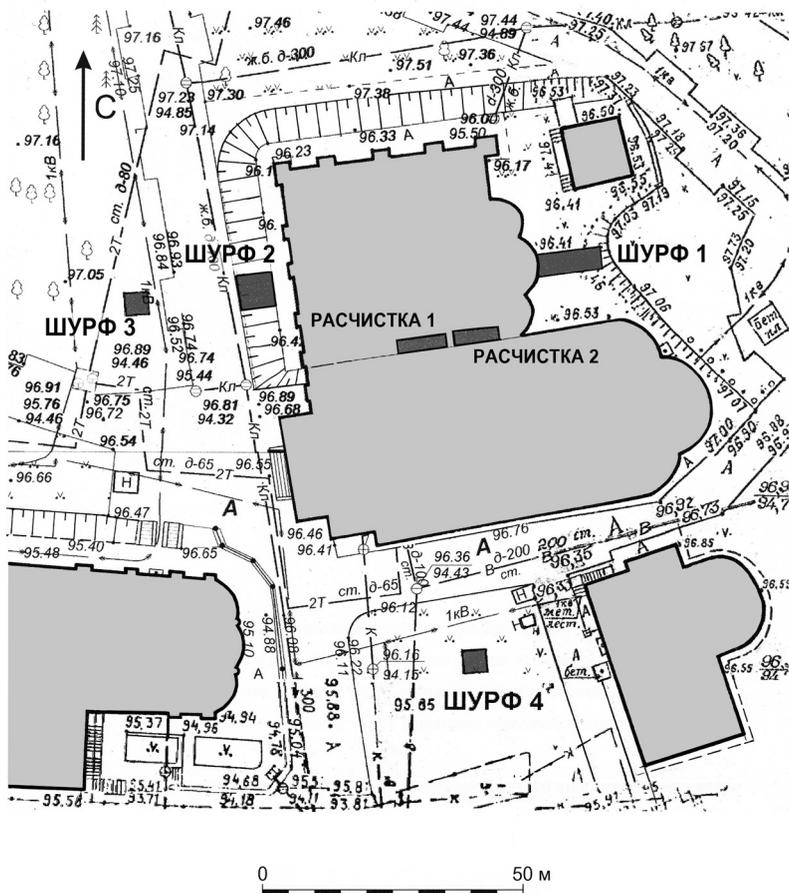

Рис. 1. Схема расположения шурфов и расчисток, 2008 г.

назначение и никогда не был усыпальницей, в чём пытаются уверить некоторые авторы⁷.

Церковь, освящённая в октябре 1515 г., по композиционному замыслу составляет единое целое с реконструированным во второй половине XV в. домонгольским храмом начала XIII в. Поэтому оба здания, составляющие центральный комплекс построек монастыря, в начале XVI в. были объединены с запада и юга двухъярусной папертью, перекрытой крестовыми

⁷ Хохлова С. П. Успенский собор города Дмитрова (к вопросу об итальянских влияниях в древнерусской архитектуре первой трети XVI века) // АН. М., 2009. Вып. 50. С. 151.

*Рис. 2. Общий вид
Спасской церкви с запада.
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1911 г.*

*Рис. 3. Вид западного крыльца
с юго-запада.
Фото 1940-х — начала 1950-х гг.*

сводами, которая сохранилась на западном участке и частично (в уровне первого яруса) с юга и юго-запада. В верхнем ярусе располагались престолы Преображения Господня, Входа в Иерусалим и Ярославских чудотворцев. На паперть поднимались по каменным лестницам, но их количество и местоположение вызывало вопросы у исследователей памятника.

Западное крыльцо собора до начала реставрационных работ 1950-х гг. представляло собой прямоугольный в плане кирпичный объём, перекрытый двускатной крышей, с двухмаршевой лестницей со входом с запада и парой арочных проёмов в северной и южной стенах (рис. 2; 3; 4). Фасады были обработаны монотонным узким ленточным рустом и завершались белокаменным карнизом небольшого выноса с мутулами. Главный фасад крыльца — западный — выделен низким треугольным фронтоном, увенчанным небольшой шаровидной главкой с крестом на пьедестале. В архитектурном отношении это громоздкое крыльцо весьма неудачных пропорций являлось типичным примером раскритикованного в работах А. А. Титова тотального «обновления» значительных церквей Ярославской епархии, проводимого в 1820–1830-х гг. тогдашним архиепископом Авраамом (Шумилиным) и губернским архитектором П. Я. Паньковым⁸.

⁸ Титов А. А. Летописец о ростовских архиереях. СПб., 1890. С. 59–60.

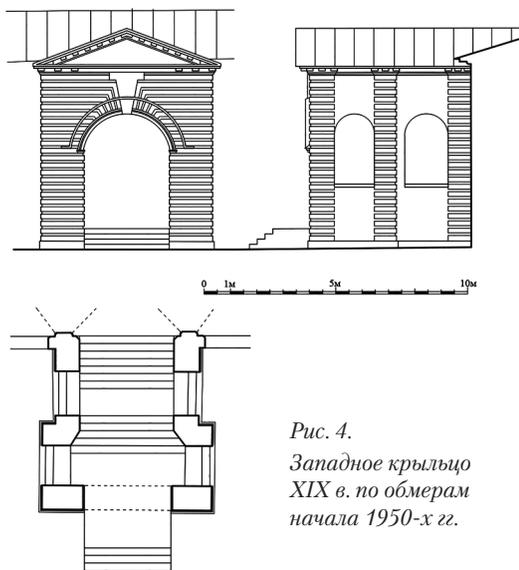

Рис. 4.
Западное крыльцо
XIX в. по обмерам
начала 1950-х гг.

Автор исследований Спасской церкви и проекта её реставрации архитектор Е. Г. Ефремов считал существовавшее крыльцо пристроенным в 1812 г. Выполненные им зондажи №№ 6 и 6' показали, «что первоначально здесь не было крыльца и проходил парапет, который... при устройстве крыльца был разобран. Следы срубленного кирпича обнаружили в зондаже № 6»⁹. В ходе работ 1953–1954 гг. объём XIX в. снесли, не проводя при этом ни архитектурно-археологических наблюдений, ни натурных исследований участка фасада паперти, к которому крыльцо примыкало. Впрочем, крыльца в памятниках XVI–XVII вв., как правило, пристраивались на завершающем этапе строительства, и их конструкции прикладывали к фасадам галерей, поэтому отсутствие перемычки, каких-либо срубленных следов на фасаде не может быть решающим аргументом в пользу того, что его не было изначально.

Обращение к письменным и графическим источникам XVIII–XIX вв. позволяет сделать вывод о существовании западного крыльца ранее 1810-х гг. По результатам осмотра ветхостей Спасо-Ярославского монастыря архитектором Коллегии экономии И. Ф. Метлиным в 1778 г. крыльцо обозначено ветхим и требующим починки. В смете на предполагаемые работы И. Ф. Метлин указывал, что «всхожие во оную церковь от западных дверей крыльцо за ветхостию следует розобрать и вновь зделать открытое, а ступени выслатъ чугунными плитами, с поручами кирпичными и з заливкою цемента»¹⁰. На плане монастыря оно показано двухмаршевым, с рундуком перед входом, и выделено розовым колером как предлагаемое к переделке (рис. 5). Следовательно, здесь изображён вариант реконструкции крыльца, возможно, учитывавший его прежние формы и габариты.

⁹ Ефремов Е. Г. Исследование Спасо-Преображенского собора б. Спасского монастыря в гор. Ярославле. ЯСНРПМ. Черновик без даты. Копия в архиве А. В. Яганова. Л. 1–3.

¹⁰ РГАДА Ф. 280. Оп. 1. Д. 17304. Л. 17 об.

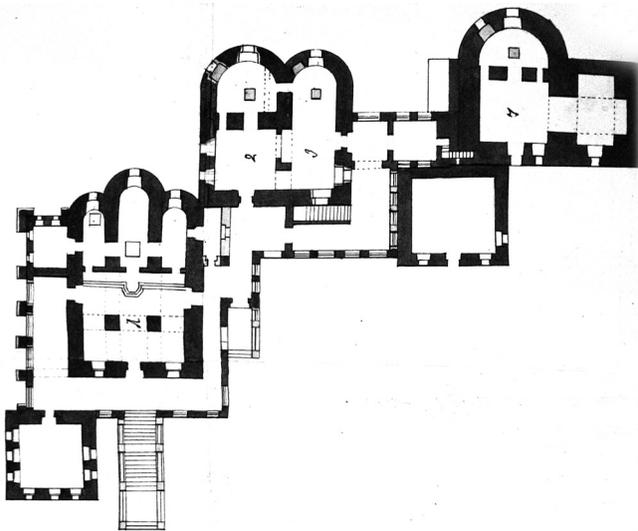

Рис. 5. Фрагмент плана Спасо-Преображенского монастыря 1777–1778 гг.
Архитектор И. Ф. Метлин

В деле есть отметки об отпуске необходимой по смете суммы, но следует ли считать, что работы, выполненные в течение 1778–1779 гг., заключались в полной перестройке крыльца с разборкой старого, или оно было только капитально отремонтировано? В ведомости 1788 г. отмечена «полатка жилая с печью под всходом в соборную церковь пустая»¹¹, сооружение которой не планировалось в перечне работ И. Ф. Метлина. Это означает, что крыльцо не было разобрано полностью, а лишь реконструировано с использованием более ранней основы.

Указание в труде архиепископа Нила, что «вместо старинного, нынешнее крыльцо строено в 1817 году»¹², видимо, неточно. Этим временем датирован подряд на устройство деревянной лестницы «у входа Преображенской церкви крестьянином Колобовым»¹³, который, скорее всего, свидетельствует о ремонте (покрытии деревом) ветхих ступеней, чем о более серьезных переделках. Заметим также, что автор описания монастыря архиепископ Нил называет западное крыльцо «старинным». Кроме того, он сообщает, что постройка 1817 г. была «улучшена» в 1833 г.¹⁴

¹¹ ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 1746. Л. 4.

¹² Нил, архиепископ. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом. Ярославль: типография Г. Фалька, 1869. Изд. 2. С. 6. Прим. 7.

¹³ ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 1578. Л. 1–3.

¹⁴ Нил, архиепископ. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь... С. 6. Прим. 7.

Другой автор, ссылаясь на документы Архиерейского дома, указывает, что «в 1832 г. к Преображенской церкви устроена лестница путиловской плиты»¹⁵. Это время является наиболее вероятной датой капитальной переделки западного крыльца. В результате оно приобрело тот вид, в котором и сохранялось до разборки в 1950-х гг.

Полемизуя с автором проекта по поводу принятого решения, А. И. Суслов замечал: «архитектор Е. Г. Ефремов, восстанавливавший в 1953–1954 гг. западную аркаду (Спасской церкви — *авт.*), заделал парапетом средний проём, ошибочно предположив, что вход был с юга, т. е. общий для собора и Иерусалимской церкви»¹⁶. Упомянутая здесь лестница, примыкавшая к углу, образованному южной папертью Спасской церкви и западным участком галереи церкви Входа в Иерусалим, несомненно, первоначальная. Её фрагменты — свод XVI в. и расположенная под ним хозяйственная палатка с дверным проёмом в южной стене — сохранились в натуре, включённые в состав обстройки XIX в.

Мнения об изначальности западного входа придерживалась Е. М. Караваева, продолжившая вслед за Е. Г. Ефремовым реставрацию Спасской церкви: «западное крыльцо вело по продольной оси храма к западному portalу (остатки этого крыльца найдены в земле при рытье траншей в 1958 г.)», то есть вне пределов сооружения XIX в.¹⁷ Но по причине мнимой «художественной органичности» восприятия фасада Спасской церкви без крыльца или же из-за недостатка данных о его первоначальном облике и невозможности изменения уже осуществленного проектного решения, вопрос о реконструкции этого элемента тогда не был поставлен.

Руководствуясь свидетельством Е. М. Караваевой о находке частей древнего крыльца при прокладке сетей, нами было решено выявить их шурфом, заложенным по оси западного фасада Спасской церкви на площадке, свободной от инженерных коммуникаций. Участок имеет значительный уклон с запада на восток, что явилось следствием срезки грунта у западного фасада Спасского собора после реставрационных работ 1950-х гг. Наличие этого перепада (более 40 см), по нашим прикидкам, позволяло проследить и части древнего крыльца, и основание сменившего его сооружения XIX в.

Конструкции обнаружались под дерном и прослойкой переотложенного грунта, перемешанного со строительным мусором. В пределах шурфа обозначились только северный и участок западного ленточных фундаментов XIX в., габаритная ширина которых не определяется. С юга и востока они разрушены перекопом, связанным с разборкой крыльца в 1950-х гг.

¹⁵ Владимир, иеромонах. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, ныне Архиерейский дом. М., 1881. С. 190.

¹⁶ Суслов А. И., Чураков С. С. Ярославль. М., 1960. С. 264.

¹⁷ Караваева Е. М. Собор Спасского монастыря в Ярославле // АН. М., 1963. № 15. С. 47.

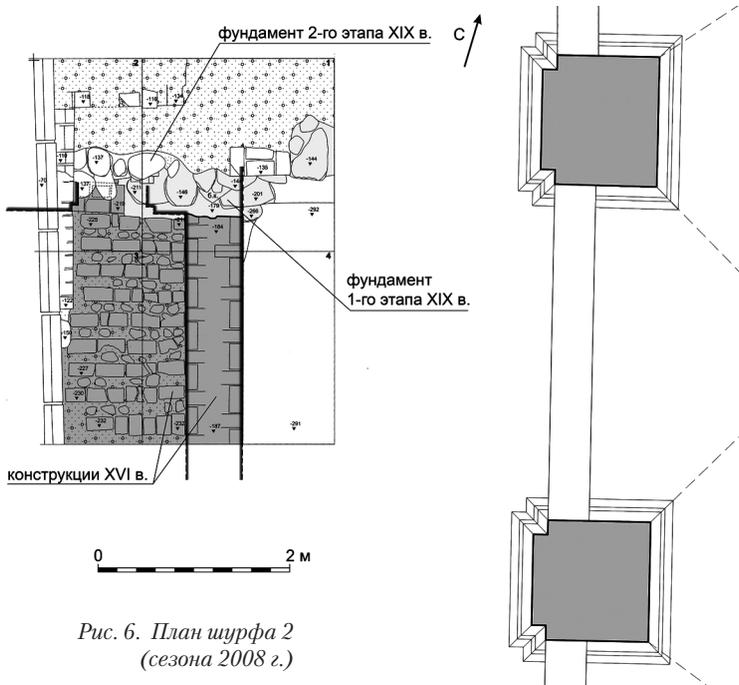

Рис. 6. План шурфа 2
(сезона 2008 г.)

Над верхним обрезом фундаментов сохранились участки кирпичной кладки (высотой от 1 до 3 рядов), выполненной, в основном, из большемерного кирпича вторичного использования (по большей части из половняка; тычок — 15 см, толщина 8 см). Применённый здесь раствор довольно непрочный, состоит из извести серо-коричневатого оттенка, содержащей не распавшиеся при гашении зёрна, с крупным песком (рис. 6).

Судя по характеру кладки, в верхней зоне фундаментов прослеживаются два разновременных строительных этапа, не выходящие за пределы XIX в. Конструкция более раннего времени видна в северо-восточной части шурфа. Она выполнена из крупных валунов (0,35 × 0,70 м; 0,40 × 0,60 м; 0,50 × 0,70 м), кусков белокаменных плит (видимо, от надгробий XVI–XVII вв.) с расцебенкой швов кирпичным щебнем в нижних рядах и использованием раствора в верхних. Фундаментный ров доведён до материка, хотя дно траншеи перекрыто прослойкой из мешаного грунта, вероятно, ссыпавшегося сюда из отвалов. Непосредственно над верхним обрезом этого фундамента выявлена пята кирпичной разгрузочной арки, располагавшейся под основанием лестничного марша.

С запада к нему примыкает более поздний фундамент, выполненный в близкой технике из крупных валунов в северной ленте (0,30 × 0,30 м; 0,30 × 0,60 м; 0,35 × 0,60 м) и более мелких (0,15–0,20 м) в западной. Основ-

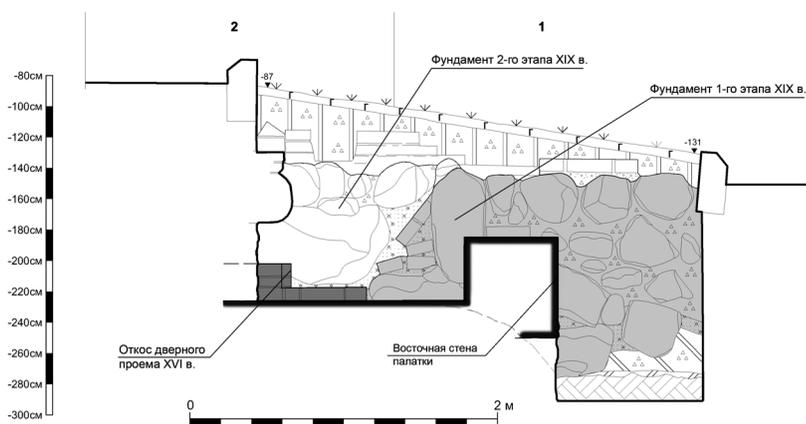

Рис. 7. Северный профиль шурфа 2 (сезона 2008 г.)

ной материал для его кладки получен, очевидно, при частичной разборке предшествующей конструкции. Глубина заложения фундамента различается на 0,3–0,4 м, причём западная лента (её высота не превышает 0,35 м) заложена в засыпке строительного мусора. Верхний обрез этого участка выровнен кирпичным щебнем с устройством поверх него растворной стяжки; над ним сохранилось до трёх рядов кирпичной кладки (рис. 7).

В северо-западной части шурфа, под лентой фундамента второго этапа XIX в. обнаружена ещё одна каменная конструкция, несомненно, принадлежавшая более раннему сооружению. Это кирпично-бутовая платформа (выстилка) толщиной 0,17–0,20 м, устроенная несколько выше отметки материка. На её восточном краю поставлена стена толщиной в 2 кирпича, прослеженная на высоту до 7 рядов. Она ориентирована с севера на юг, параллельно линии столбов западной паперти; никаких следов проёмов в ней не выявлено (рис. 8).

Кладка стены выполнена в верстовой системе перевязки из кирпича формата 29–29,5 × 13,5–14 × 6,5–7,5 см, с затиркой швов, на однородном прочном растворе, составленном из хорошо промешанной извести с наполнителем из мелкого кварцевого песка. Он заметно отличается от использованного в вышележащих фундаментах XIX в. и визуально близок к раствору в стенах Спасской церкви 1515 г.

Лицевая поверхность примыкающей к стене выстилки состоит из чередующихся полос большемерного кирпича (по большей части половняка) и мелкого булыжника на известково-песчаном растворе. Полосы ориентированы по оси «запад – восток», перпендикулярно стене паперти. Кирпич и раствор, применённый в выстилке, визуально близки к материалам, использованным в кладке стены. Поверх выстилки следов

Рис. 8. Общий вид шурфа 2 с востока. Фото А. В. Яганова

какого-либо покрытия не обнаружено, но и следов выхоженности выявлено также не было.

Обнаруженные в шурфе конструкции принадлежат помещению, расположенному на продольной оси храма XVI в., которое возможно атрибутировать как жилую палатку «под всходом в соборную церковь», упоминаемую в ведомости 1788 г. Выявлен участок её восточной стены (длиной около 2,3 м в границах шурфа) и фрагмент основания, являвшегося одновременно подготовкой под пол. Точно определить габаритные размеры палатки не представлялось возможным, так как её западная и южная стены находятся за пределами площади наших исследований.

Удалось зафиксировать небольшой фрагмент северной стены палатки, уходящий в западный профиль шурфа. На высоту двух рядов кладки выявлена нижняя часть западного откоса дверного проёма с внутренней четвертью и примыкавший к нему порог (рис. 9). Восточный откос этого проёма вместе с участком кладки, примыкающим к северо-восточному углу помещения, полностью разрушены при устройстве фундамента первого этапа XIX в. **Край рва прошёл ровно по границе внутренней плоскости северной стены;** под весом находящихся выше крупных валунов северная оконечность платформы откололась от неё и заметно просела, сохранившийся небольшой фрагмент внутренней лицевой поверхности северной стены даже несколько отклонился от вертикали.

Так как фундаментные и стеновые кладки, а также кирпично-булыжную выстилку, выявленные в шурфе, необходимо было сохранить, дальнейшие раскопки производились только в его восточной части, вне

Рис. 9. Фрагмент дверного проёма в северной стене палатки начала XVI в.
Фото А. В. Яганова

пределов обнаруженного помещения. Там был зафиксирован предмет, представляющий собой тёмно-серую супесь со следами распашки и огородного перекопа. Поверх него местами выявлена тонкая (до 0,05 м) прослойка известковой крошки, вероятно, относящаяся ко времени возведения Спасского собора 1216–1224 гг. (рис. 10). К сожалению, уточнить это не представляется возможным, так как датирующих находок в ней не обнаружено. К востоку от стены палатки шурф доведён до материка, в верхней части перемешанного при распашке или огородном перекопе¹⁸. Подобная стратиграфическая ситуация, демонстрирующая освоение монастырской территории в начале XIII в., прослежена также в шурфах 3 и 4 и уже была описана нами¹⁹. Отметим лишь особенности рельефа, на котором расположена Спасская церковь, — он характеризуется небольшим падением с северо-востока на юго-запад, причём разница отметок составляет около 30 см. При подготовке площадки под строительство она была снивелирована подсыпкой серой супесью с включениями кирпичного и растворного щебня, но велика вероятность, что это было сделано уже после выведения фундаментов до подошвы.

¹⁸ О. М. Иоаннисян трактовал эту тёмно-серую супесь как следы легендарного пожара 1501 г., лежащие поверх «засыпки стерильным песком», за который он принимал материк (Иоаннисян О. М. Комплекс древнейших построек Спасского монастыря... С. 200–201).

¹⁹ Яганов А. В., Энгватова А. В., Рузаева Е. И. Архитектурно-археологические исследования Спасского собора... С. 131–133; Яганов А. В., Рузаева Е. И. Рецензия на статью... С. 204–205.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в центре западного фасада церкви 1515 г. имелось первоначальное каменное крыльцо, ведущее на паперть и ориентированное по центральной оси здания. Под промежуточной площадкой лестницы крыльца располагалась небольшая палатка, служащая для хозяйственных или жилых целей, со входом с севера. Несмотря на то, что её стены удалось выявить лишь частично и они оказались значительно повреждёнными при устройстве более поздних фундаментов, сопоставление планов обнаруженных в шурфе фрагментов и западной паперти Спасского собора даёт определённый материал для графической реконструкции крыльца 1515 г.

Необычным строительным приёмом было устройство основания под всей площадью палатки и, вероятно, примыкавшей к ней с запада нижней площадкой крыльца в виде единой известково-щебёночной стяжки толщиной до 0,25 м, не доведённой до материка, а выполненной по прослойке тёмно-серой супеси. Своего рода «армирование» рядами кирпича и булыжника, по мнению строителей, должно было придавать ей дополнительную жёсткость.

Перекрывающие остатки конструкций XVI в. фундаментные кладки из крупных валунов и фрагменты кирпичных стен и свода относятся к капитальной перестройке западного крыльца, произведённой в два этапа: в 1778–1779 гг. (по смете архитектора И. Ф. Метлина 1777 г.) и в 1833 г., когда западное крыльцо приобрело вид, зафиксированный на фотографиях и обмерах, просуществовавший вплоть до его разборки при реставрации 1950-х гг.

Итак, какими данными мы располагаем для графической реконструкции западного крыльца? Археологический материал даёт место-

Рис. 10. Фрагмент южного профиля шурфа 2. Видны следы освоения участка и начала каменного строительства XIII в. Фото А. В. Яганова

положение палатки, которая располагалась на центральной продольной оси Спасской церкви. Сопоставление этой оси и привязки внутреннего северо-восточного угла палатки даёт вероятный внутренний размер её восточной стены. Кроме того, немаловажна прослеженная при раскопках толщина восточной стены.

Пол палатки не сохранился, но его отметка реконструируется по образцу южного подлестничного помещения. При расчистке там был выявлен пол из кирпича на плашку, уложенный по песчаной подсыпке, аналогичный которому, вероятно, был и на исследуемом объекте. К сожалению, из-за значительной просадки оказалось невозможным установить первоначальную отметку порога северного проёма, но местоположение его западного откоса не вызывает сомнений.

В документе 1778 г. нас могут заинтересовать следующие детали: наличие кирпичных парапетов и покрываемых чугунными плитами капитальных ступеней древнего крыльца, которые должны были основываться на сводчатых перекрытиях. Немаловажно и указание, что новое крыльцо планировалось «розобрать и вновь сделать открытое», следовательно, предшествующее имело покрытие, вероятно, покоившееся на столбах. Но они показаны и на проектном варианте И. Ф. Метлина, поэтому архитектурные характеристики, основанные на графических и письменных источниках, противоречивы.

Прямых аналогов крылец первой половины XVI в. до нас дошло крайне мало. Из них можно назвать паперти собора Новоспасского (1491–1496 гг.) и трапезной палаты Пафнутьево-Боровского (1511 г.) монастырей²⁰, а также крыльца церкви Вознесения в Коломенском (1532 г.)²¹. Из них наиболее полно сохранилась пафнутьевская паперть, остальные — с утратами разной степени.

Отметим, что лестницы на этих памятниках, ведущие на верхний ярус, имеют г-образную конфигурацию в плане и состоят из нижнего марша, промежуточной площадки, под которой расположено палатное помещение, и верхнего марша, развёрнутого по отношению к нижнему на 90°. Вариантов с прямой лестницей немного, и они достаточно поздние, например, северное крыльцо Смоленского собора Новодевичьего монастыря (1550-е гг.). Небольшое количество аналогов не даёт нам оснований говорить о приоритете той или иной композиции.

В результате мы можем предложить два варианта реконструкции западного крыльца. Первый базируется на чертеже И. Ф. Метлина и представляет

²⁰ Подьяпольский С. С. О малоизвестном типе папертей конца XV — начала XVI века // РА. 1994. № 3. С. 198–204.

²¹ Гаврилов С. А. Церковь Вознесения в Коломенском. Исследования 1972–1990 гг. // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. Вып. 1. С. 162–163.

собой осевое расположение трёх площадок — верхней, промежуточной и нижней. Марши и площадки покоятся на двух четвертьцилиндрических сводах — большом, пята которого опирается на восточную стену палатки, и малом, перекрывающем собственно палатку. Лестницу ограждают кирпичные парапеты, на которых установлены столбы, подобные имеющимся в аркаде паперти. По ним устроены деревянные конструкции односкатной крыши; её высота и уклон корректируются накладками над столбами. Выбор между деревянным или каменным сводчатым покрытием сделан в пользу первого из-за слишком слабых фундаментов под стенами палатки, которые, вероятно, не были рассчитаны на два яруса сводов (рис. 11).

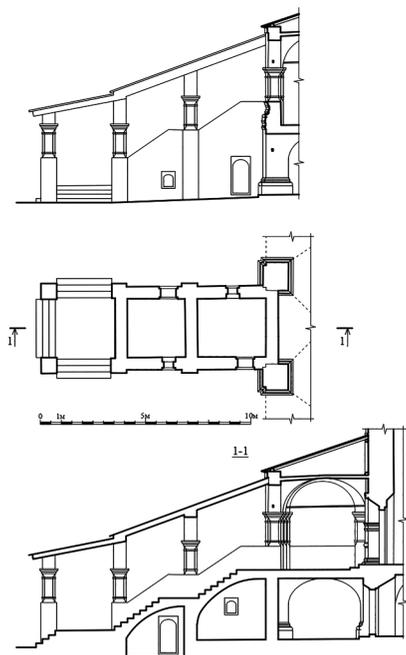

Рис. 11. Графическая реконструкция западного крыльца Спасской церкви начала XVI в. Вариант 1. Фасад, план, продольный разрез

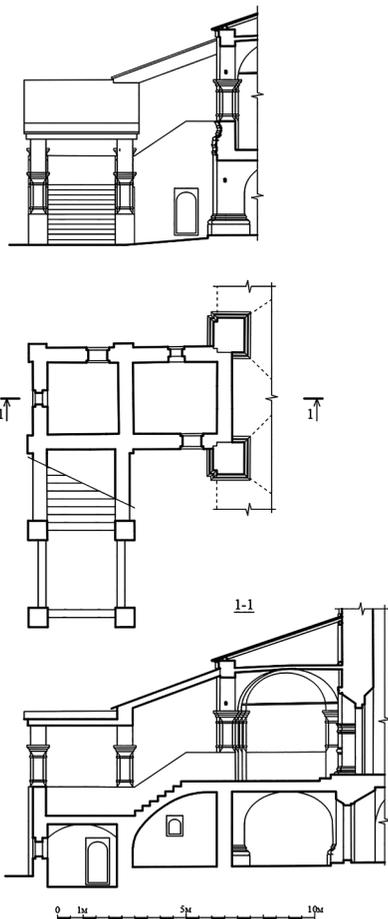

Рис. 12. Графическая реконструкция западного крыльца Спасской церкви начала XVI в. Вариант 2. Фасад, план, продольный разрез

Вторым вариантом видится разворот нижнего марша на юг, в сторону святых ворот монастыря, и, соответственно, перекрытие подлестничной палатки коробовым или крестовым сводом небольшого подъёма. Версия крыльца с г-образной конфигурацией плана базируется исключительно на аналогах начала XVI в., **хотя и такой его облик не идёт вразрез с данными археологии.** Гипотетичности обеим реконструкциям добавляет отсутствие натуральных исследований западного фасада паперти после разборки крыльца XIX в. и достоверной археологической информации о размерах плана палатки. Докомпоновка надземных элементов, базирующаяся на аналогах, не является бесспорной (рис. 12).

По результатам комплексных исследований мы можем определённо утверждать, что западное крыльцо Спасской церкви 1515 г. ярославского Спасо-Преображенского монастыря являлось частью изначального замысла и просуществовало с серьёзными переделками XVIII–XIX вв. до 1830-х гг., когда заменено новым, которое, в свою очередь, разобрано в 1953–1954 гг. Из конструкций XVI в. раскопками 2008 г. выявлены платформа-фундамент, трассы северной и восточной стен, фрагмент откоса дверного проёма палатки, условная отметка пола в этом помещении.

Существенным дополнением является прослеженная в шурфе стратиграфия, которая позволяет ещё раз убедиться в достоверности сделанных нами выводов о начальном освоении монастырского участка и строительстве на нём каменной церкви 1216–1221 гг.

Список источников и литературы

1. *Анкудинова, Е. А.* Спасо-Преображенский собор Спасского монастыря в Ярославле / Е. А. Анкудинова, А. Г. Мельник. — Москва : Северный паломник, 2002. — 104 с.
2. *Владимир, иеромонах.* Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, ныне Архиерейский дом. — Москва : типолитография В. А. Александровской, 1881. — 204 с.
3. *Вятчина, Т. Н.* Архангельский собор Московского Кремля как образец в русском зодчестве XVI в. / Т. Н. Вятчина // АН. — Москва : Стройиздат, 1986. — Вып. 34. — С. 215–223.
4. *Гаврилов, С. А.* Церковь Вознесения в Коломенском. Исследования 1972–1990 гг. / С. А. Гаврилов // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. — Москва : ВНИИТАГ, 1991. — Вып. 1. — С. 158–178.
5. *Иоаннисян, О. М.* Вновь о древнейших храмах Спасского монастыря в Ярославле / О. М. Иоаннисян // Дорей : К 90-летию Энгелины Сергеевны Смирновой : сборник статей / отв. ред. М. А. Орлова. — Москва : Государственный институт искусствознания, 2022. — С. 152–163.

6. *Иоаннисян, О. М.* Комплекс древнейших построек Спасского монастыря в Ярославле / О. М. Иоаннисян // Древнерусское искусство : Русь. Византия. Балканы. XIII век. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1997. — С. 199–228.
7. *Караваяева, Е. М.* Собор Спасского монастыря в Ярославле / Е. М. Караваяева // АН. — Москва : Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1963. — № 15. — С. 39–50.
8. *Мельник, А. Г.* Новое о соборе Ярославского Спасского монастыря / А. Г. Мельник // Краеведческие записки : материалы XVIII и IX Тихомировских чтений. — Ярославль : ЯГИАХМЗ, 2005. — Вып. 8. — С. 429–434.
9. *Мельник, А. Г.* Об истоках основных форм собора XVI в. ярославского Спасского монастыря / А. Г. Мельник // Новодевичий монастырь в русской культуре. [Труды ГИМ. Вып. 99]. — Москва : ГИМ, 1998. — С. 180–187.
10. *Нил, архиепископ.* Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом. — Ярославль : типография Г. Фалька, 1869. — Изд. 2-е. — 96 с.
11. *Подъяпольский, С. С.* О малоизвестном типе папертей конца XV — начала XVI века / С. С. Подъяпольский // РА. — 1994. — № 3. — С. 186–207.
12. *Суслов, А. И.* Ярославль / А. И. Суслов, С. С. Чураков. — Москва : Госстройиздат, 1960. — 278 с.
13. *Титов, А. А.* Летописец о ростовских архиереях / А. А. Титов. — Санкт-Петербург : типография С. Добродеева, 1890. — 115 с.
14. *Хохлова, С. П.* Успенский собор города Дмитрова (к вопросу об итальянских влияниях в древнерусской архитектуре первой трети XVI века) / С. П. Хохлова // АН. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. — Вып. 50. — С. 13–158.
15. *Яганов, А. В.* Архитектурно-археологические исследования Спасского собора ярославского Спасо-Преображенского монастыря в 2008 году / А. В. Яганов, А. В. Энговатова, Е. И. Рузаева // Археология Подмоскovie. — Москва : Ин-т археологии РАН, 2022. — Вып. 18. — С. 120–135.
16. *Яганов, А. В.* Рецензия на статью: Иоаннисян, О. М. Вновь о древнейших храмах Спасского монастыря в Ярославле / О. М. Иоаннисян // *Δορεά* : К 90-летию Ангелины Сергеевны Смирновой : сборник статей / отв. ред. М. А. Орлова. — Москва : Государственный институт искусствознания, 2022. — С. 152–163 / А. В. Яганов, Е. И. Рузаева // Вестник сектора древнерусского искусства : журнал по истории древнерусского искусства. 2022. — Москва : ГИИ, 2022. — № 1. — С. 198–212.

С. Б. Янишевский, В. Н. Орлов, Н. Г. Сатойпович

Москва

Результаты раскопок на Подозёрке в Ростове Великом¹ (предварительная публикация)

В 2020 г. Волго-Окская экспедиция Института археологии провела спасательные раскопки в прибрежной части Ростова. Участок работ расположен в историческом центре города, в 120 м к западу от Кремля, в 80 м от юго-западного бастиона Земляной крепости, на углу ул. Спортивной и ул. Подозёрка, в 25 м от кромки берега оз. Неро (рис. 1). Ранее археологические исследования в этой части города не проводились.

Прибрежная территория в городе всегда была низинной и подболоченной, представляя собой, по существу, пойменный луг. Современный ландшафт городской прибрежной зоны сложился на протяжении последних 35–40 лет, когда для борьбы с паводками и подтоплением начались работы по регулированию уровня озера Неро: была построена плотина на реке Вексе, а в прибрежной полосе городской территории отсыпали привозным грунтом дорогу вдоль озера.

Участок работ 2020 г. выморочный, долгое время заброшенный подболоченный пустырь, на который для повышения уровня поверхности свозились отвалы с городских траншей и строительных котлованов. Археологические исследования были связаны с проектом строительства здесь жилого дома. Раскоп площадью 154 кв. м был заложен в 30 м от кромки озера. Мощность вскрытых отложений с учётом естественной покатости поверхности в сторону озера составила 2,6–2,8 м.

Учитывая полученные сведения о значительном слое балласта на участке, верхние отложения до глубины 1,4 м от дневной поверхности были сняты с помощью техники.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

*Рис. 2. Постройка 1 усадьбы второй пол. XIII – XIV вв.
Вид с запада*

*Рис. 3. Постройка 2.
Вид с запада*

Ситуацию можно интерпретировать следующим образом: сначала была построена небольшая постройка с печью, затем её площадь была увеличена за счёт пристройки с южной, западной и северной сторон помещений шириной до 1 м. Позже с северной стороны сруба к нему была сделана ещё одна пристройка шириной 1,5 м, судя по заполнению, служившая хлевом. Учитывая практическое совпадение нивелировочных отметок двух сооружений, можно полагать, что переустройство происходило в относительно короткий промежуток времени.

В северо-восточном углу малой постройки под глиной находилось основание печи — небольшой деревянный настил размером $1,4 \times 1,4$ м был выстлан полотнищами бересты.

Ещё одна постройка с печью была зафиксирована у южного борта раскопа (рис. 3). Сохранность дерева очень плохая, расчищено бревно северной стенки длиной 2,5 м и два рубленых «в обло» угла. В северо-западном углу располагалась печь, от которой сохранилось основание подквадратной формы размерами 1×1 м, сбитое из материковой глины.

Все постройки находились на окраине усадьбы, вблизи них прослежены остатки ограды, представлявшей собой обычный для древнерусских усадеб частокол из вбитых вплотную друг к другу кольев диаметром 8–13 см с обноской из длинных лаг, положенных вдоль основания. Граница усадьбы со временем расширялась — сохраняя общее направление, ограда дважды переносилась на 0,8–1,0 м к западу.

Коллекция находок, связанных с усадьбой, составляет около восьмисот предметов, отражающих разные стороны жизни и занятий её обитателей. Среди железных предметов, не считая многочисленных гвоздей, есть шиферное пряслице, нескольких ножей, шилья, двусторонние наборные костяные гребни (рис. 4: 1, 2, 7–9). Для определения времени существования усадьбы важны находки четырёх навесных цилиндрических замков, ключей для них типа ВП и Г (по Б. А. Колчину) XIII — начала XV вв., овальных кресал того же времени.

Из усадебного слоя происходят два костяных наконечника стрел (рис. 4: 3, 4) — использование кости для изготовления стрел в это время представляется достаточно архаичным, хотя оба типа — и «пулевидный» трёхгранный, сделанный из полой птичьей кости, и листовидный — по А. Ф. Медведеву, использовались до XIV в., отмечены и в других древнерусских городах, но находки их редки².

Разнообразна коллекция бытовых предметов, среди которых проколки, костяная игла, кочедык, деревянные ложки и такие нечастые, как ложка-шумовка с отверстием, игрушка-волчок (рис. 4: 5, 6). Помимо многочисленных фрагментов обувного кроя, были найдены целый

² Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М., 1966. Табл. 25, 23.

Рис. 4. Некоторые бытовые предметы из слоя усадьбы.
 1 — пряслице; 2 — костяной гребень; 3, 4 — костяные наконечники стрел; 5 — волчок (?);
 6 — ложка; 7 — шило; 8, 9 — ножи. 1 — шифер; 2–4 — кость; 5, 6 — дерево; 7–9 — железо

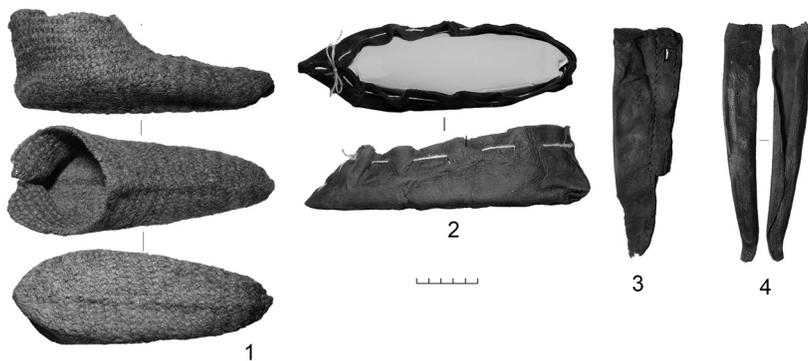

Рис. 5. Изделия из шерсти и кожи.
 1 — носок; 2 — поршень; 3, 4 — ножны

поршень и ножны ножей. Полностью сохранился вязаный шерстяной носок, сделанный в технике «вязание иглой» (рис. 5).

Изделия из цветных металлов представлены женскими украшениями — найдено височное кольцо с тремя напускными бусинами и ещё 12 бусин из белого металла со сканью и зернью (рис. 6: 4–6, 8), большая

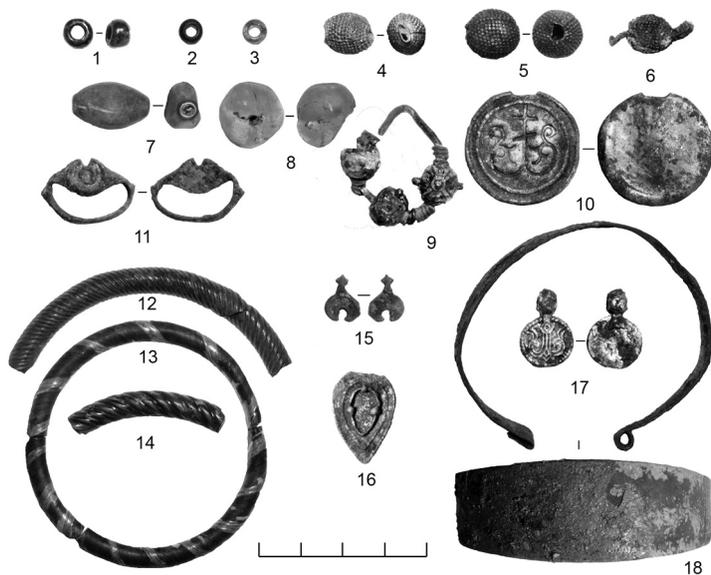

Рис. 6. Изделия из стекла и цветных металлов.
 1–8 – бусы; 9 – височное кольцо; 10, 15, 17 – подвески; 11 – перстень;
 12–14, 18 – браслеты; 16 – накладка. 1–3, 8, 12–14 – стекло;
 4–6, 9–11, 15–18 – цветной металл; 8 – янтарь

серия аналогичных изделий происходит из усадьбы *Б* Конюшенного раскопа, датируемой XIII–XIV вв.³ Там же имеют аналогии два щитковых перстня (рис. 6: 7)⁴. Найдены пластинчатый браслет с пуансонным орнаментом, миниатюрная подвеска-лунница, бронзовая накладка сердцевидной формы (рис. 6: 15, 16, 18). Две монетовидные подвески несут изображения «процветшего креста» (рис. 6: 10, 17). Подвески небольшого размера с ушком в виде массивной бусины и ободком из ложной зерни хорошо известны в городских материалах XIII–XIV вв.⁵ В Ростове аналогичная происходит из усадьбы *Б* Конюшенного раскопа⁶.

³ Самойлович Н. Г. Конюшенный раскоп в Ростове Великом. Результаты охранных археологических исследований 2001–2005 гг.: материалы охранных археологических исследований. Т. 9. М., 2007. С. 76. Рис. 45.

⁴ Самойлович Н. Г. Металлические перстни Ростова Великого // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2012. С. 238. Рис. 1: 28.

⁵ Энгватова А. В. Исследования Ярославской экспедиции Института археологии РАН 2004–2013 гг. // Археология: история и перспективы: Шестая межрегиональная конференция: сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль, 2014. С. 265. Рис. 5: 7.

⁶ Кашкин А. В., Самойлович Н. Г. Отчёт о работе Волго-Окской экспедиции Института археологии РАН в 2008 году. Раскопки в Конюшенном дворе г. Ростова Великого. Раскоп 2. Рис. 46: 1 // Архив ИА РАН Р-1.

Среди стеклянных бус имеются несколько экземпляров крупных шаровидных бусин из бесцветного полупрозрачного сильно патинированного стекла, хорошо известных в Ростове по находкам в домонгольских слоях⁷, а также зонные синего, зелёного и жёлтого цвета (рис. 6, 1–3, 8). Помимо стеклянных, была встречена одна янтарная бусина (рис. 5: 8). Найдены также 32 фрагмента и один целый экземпляр стеклянных браслетов (рис. 6: 12–14).

Свидетельством основных занятий жителей побережья являются предметы, связанные с рыболовством — найдено около 200 глиняных грузил для сетей различной формы и размеров — крупные бочонковидные, округлые, битрапецидные, плоские дисковидные (рис. 7: 9–14). К рыболовному комплексу принадлежит и серия берестяных предметов в виде вырезанных по шаблону двух скреплённых берестяной лентой берестяных пластинок, некоторые из которых имели знаки в виде крестов, насечек, букв (рис. 7: 1–7). Отдельные находки подобных изделий встречались на других раскопах⁸, их предназначение нам определить не удавалось, аналогов в материалах других городов нами не встречены. В коллекции раскопа на Подозёрке насчитывается более 40 таких изделий, и, учитывая контекст, можно с уверенностью утверждать, что это поплавки. Ещё один поплавок был вырезан из сосновой коры (рис. 7: 8). Находки рыболовных принадлежностей в основном были приурочены к площади постройки 1, в ней же была найдена скрученная в плотный комок рыболовная сеть из льняной нити.

Усадебная керамическая коллекция насчитывает около двух тысяч фрагментов, основу коллекции составляют горшки среднего размера с характерным изгибом венчика, орнаментированные по тулову редкой линейкой (рис. 8: 1, 2). Такая посуда характерна для комплексов второй половины XIII — XIV вв.⁹

Обнаруженные постройки относятся к одному строительному периоду и едва ли функционировали дольше нескольких десятилетий. Керамика и совокупность датировемых находок позволяют определить период их существования в пределах второй половины XIII — первой половины XIV в. Датировка может быть уточнена после получения дендродат. Дальнейшая история усадьбы остаётся неизвестной, поскольку отложения последующих двух столетий на участке отсутствуют (о причине см. ниже).

В керамической коллекции есть отдельные находки выпадающих из общего хронологического ряда. Это фрагменты древнерусской лепной

⁷ *Самойлович Н. Г.* Стеклянные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М., 2006. С. 372. Рис. 1, 2; *Самойлович Н. Г.* Конюшенный раскоп в Ростове Великом... С. 65. Рис. 25: 16.

⁸ *Самойлович Н. Г.* Конюшенный раскоп в Ростове Великом... С. 66. Рис. 26.

⁹ *Кадиева Е. К.* Поздняя древнерусская круговая керамика XIII–XIV вв. Ростова Великого (по материалам раскопа Конюшенного двора 2002–2003 гг.) // История и культура Ростовской земли: материалы научной конференции. Ростов, 2004. С. 516–527.

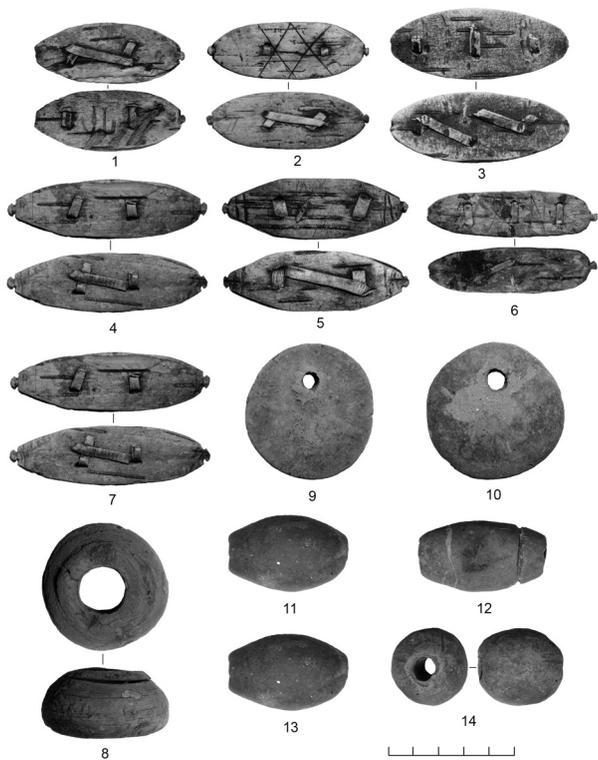

Рис. 7.
Рыболовные принадлежности.
1–8 – полавки;
9–14 – грузила.
1–7 – береста;
8 – сосновая кора;
9–14 – глина

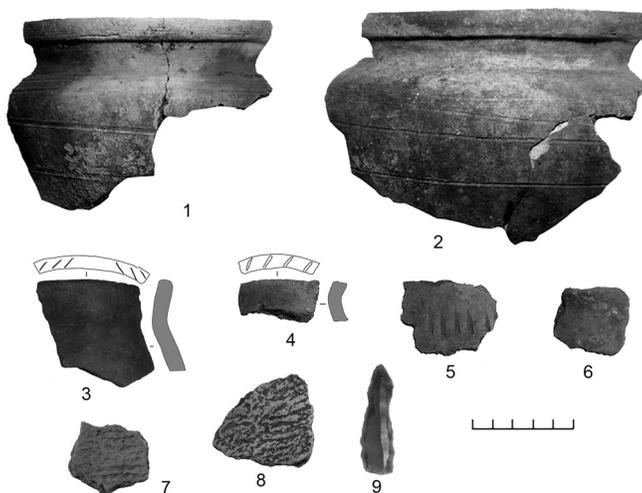

Рис. 8. Керамика.
1, 2 – круговая керамика
усадебного слоя;
3–6 – фрагменты
древнерусской
летней керамики;
7, 8 – сетчатая
керамика эпохи
бронзы;
9 – кремневое
орудие

1

2

Рис. 9. Погреб XVII в. (до 1632 г.).

*1 — обнажившаяся часть погребца за пределами раскопа. Фото с уровня материка.
2 — заглубленная в материк часть погребца. Вид с северо-запада*

керамики — горшки из теста с примесью крупной дресвы, часто с насечками по краю венчика (рис. 8: 3–6). Для Ростова такая посуда является надёжным маркером отложений конца X–XI в.¹⁰ Очевидно, ранее XIII в. эта приозёрная территория могла использоваться под покосы, выгоны, как место рыбалки, но застроена не была. Интересно, что среди лепной керамики отсутствуют фрагменты мерянской посуды, что свидетельствует о том, что граница догородского поселения находилась значительно восточнее.

В нижнем предматериковом горизонте погребённой почвы были найдены разрозненные фрагменты лепной керамики эпохи бронзы (II тыс. до н. э.), несколько кремневых орудий (рис. 8: 7–9) и обломок каменного сверленого топора. Керамика эпохи бронзы — обычные находки на всех раскопах в приозёрной части Ростова — в Конюшенном дворе, Митрополичьем саду, в Петровском монастыре¹¹, а также на территории Белогостицкого монастыря¹². Находки на Подозёрке — ещё одно свидетельство того, что в эпоху бронзы побережье озера Неро было хорошо освоено.

Отдельным объектом, исследованном на участке, являлся обнаруженный в юго-восточном углу раскопа погреб, представлявший собой

¹⁰ Самойлович Н. Г. Конюшенный раскоп в Ростове Великом... С. 8. Рис. 16.

¹¹ Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г., Яганов А. В. Археологические исследования в ростовском Петровском монастыре // Археология: история и перспективы: Пятая межрегиональная конференция: сб. докладов / под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль, 2012. С. 124.

¹² Самойлович Н. Г. Археологические исследования в Белогостицком монастыре близ Ростова Великого // Археология: история и перспективы: Десятая межрегиональная конференция: сб. статей. Ярославль, 2022 [настоящий сборник].

сруб размером в площади раскопа $1,3 \times 1,4$, сохранившийся на 22 венца, уходящий в глубину от уровня материка почти на полтора метра. На дне была вырыта яма глубиной 50 см, очевидно, для сбора грунтовой воды (рис. 9). Верхний венец погребя появился примерно в тех же отметках, что и расположенная в 6 м севернее усадебная постройка, что позволяло предполагать одновременность сооружений. Но в засыпке погребя встречены заведомо более поздние фрагменты чернолощённой и сероглиняной керамики, в его придонной части находился целый чернолощённый кувшин

Рис. 10. Находки в заполнении погребя.
1 — чернолощённый кувшин;
2 — фрагмент ручки ангобированного
расписного кумгана или кумгана

и сохранилась ручка ангобированного кувшина или кумгана с росписью (рис. 10). Кувшин относится к типу, получившему распространение в XVI–XVIII вв.¹³, сосуды с росписью по белому ангобу бытовали в XV — начале XVI в.¹⁴ В Ростове аналогичные находки (чернолощённый кувшин и фрагменты расписного кумгана) были сопряжены с горизонтом строительства в 1566 г. ц. Вознесения (Исидора Блаженного)¹⁵.

Местоположение раскопа поблизости и его стратиграфия (рис. 11) позволяют связать разрушение погребя, как и всей связанной с ним застройкой, с созданием в 1632 г. бастионной земляной крепости в Ростове. Как отмечают письменные источники¹⁶, подтверждаемые археологически-

¹³ Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Е1-39. М., 1968. С. 31. Табл. 9: 4; Кадиева Е. К., Энгватова А. В. Чернолощённые кувшины из Ярославля и Троице-Сергиева монастыря XVI–XVIII вв. (опыт сравнительной характеристики) // Археология: история и перспективы: Девятая межрегиональная конференция: сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль, 2020. С. 94–102. В отсутствие валика на шейке ростовский кувшин, по классификации Е. К. Кадиевой, относится к виду 1.1 и датируется XVI в.

¹⁴ Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв... С. 25, 26. Табл. 7: 1.

¹⁵ Кашкин А. В., Самойлович Н. Г. Охранные работы у церкви Вознесения в валах (Исидора Блаженного) в Ростове Великом // Археология: история и перспективы: Четвёртая межрегиональная конференция / под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль, 2010. С. 20.

¹⁶ Переписные книги Ростова Великого второй половины XVII в. / Издание А. А. Титова. СПб., 1887. С. 1–3.

Рис. 11. Восточная стенка раскопа

ми данными, строительство сопровождалось сломом застройки в полосе укреплений. Для насыпки валов использовался близлежащий грунт, что привело к полной или частичной утрате культурного слоя на прилегающей к укреплениям территории. Впоследствии долгое время застройка по внешнему периметру крепости не возобновлялась¹⁷. Эти исторические обстоятельства объясняют отсутствие на исследованном участке отложений XV–XVI вв. и слабый, образовавшийся после строительства крепости культурный слой XVII–XIX вв.

Список источников и литературы

1. *Кадиева, Е. К.* Поздняя древнерусская круговая керамика XIII–XIV вв. Ростова Великого (по материалам раскопа Коноушенного двора 2002–2003 гг.) / Е. К. Кадиева // История и культура Ростовской земли – 2003 : материалы науч. конференции. – Ростов, 2004. – С. 516–527.
2. *Кадиева, Е. К.* Чернолощёные кувшины из Ярославля и Троице-Сергиева монастыря XVI–XVIII вв. (опыт сравнительной характеристики) / Е. К. Кадиева, А. В. Энгватова // Археология : история и перспективы : Девятая межрегиональная конференция : сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. – Ярославль, 2020. – С. 94–109.
3. *Кашкин, А. В.* Отчёт о работе Волго-Окской экспедиции Института археологии РАН в 2008 году. Раскопки в Коноушенном дворе г. Ростова Великого / А. В. Кашкин, Н. Г. Самойлович // Архив ИА РАН Р-1.
4. *Кашкин, А. В.* Охранные работы у церкви Вознесения в валах (Исидора Блаженного) в Ростове Великом / А. В. Кашкин, Н. Г. Самойлович // Археология : история и перспективы : Четвертая межрегиональная конференция : сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. – Ярославль, 2010. – С. 15–24.

¹⁷ *Леонтьев А. Е., Печкина Л. В.* Ростовская крепость 1632 г. От постройки до современности // Вопросы истории фортификации. № 3. СПб.; М., 2012. С. 97–100.

5. *Леонтьев, А. Е.* Археологические исследования в ростовском Петровском монастыре / А. Е. Леонтьев, Н. Г. Самойлович, А. В. Яганов // Археология : история и перспективы : Пятая межрегиональная конференция : сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль, 2012. — С. 116–136.
6. *Леонтьев, А. Е.* Ростовская крепость 1632 г. От постройки до современности / А. Е. Леонтьев, Л. В. Печкина // Вопросы истории фортификации. — № 3. — Санкт-Петербург ; Москва : Издательский центр «Остров», 2012. — С. 95–102.
7. *Медведев, А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев // САИ. — Вып. Е1-36. — Москва, 1966. — 180 с.
8. Переписные книги Ростова Великого второй половины XVII в. / Издание А. А. Титова. — Санкт-Петербург : Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1887. — 94 с.
9. *Розенфельдт, Р. Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / Р. Л. Розенфельдт // САИ. — Вып. Е1-39. — Москва : Наука, 1968. — 123 с.
10. *Самойлович, Н. Г.* Конюшенный раскоп в Ростове Великом. Результаты охранных археологических исследований 2001–2005 гг. : материалы охранных археологических исследований / Н. Г. Самойлович. — Т. 9. — Москва : Ин-т археологии РАН, 2007. — 87 с.
11. *Самойлович, Н. Г.* Археологические исследования в Белогостицком монастыре близ Ростова Великого / Н. Г. Самойлович // Археология : история и перспективы : Десятая межрегиональная конференция : сб. статей. — Ярославль, 2022. [настоящий сборник]
12. *Самойлович, Н. Г.* Металлические перстни Ростова Великого / Н. Г. Самойлович // Археология Владимиро-Суздальской земли : материалы научного семинара. — Вып. 4. — Москва : Ин-т археологии РАН, 2012. — С. 236–243.
13. *Самойлович, Н. Г.* Стекланные бусы Ростова Великого / Н. Г. Самойлович // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). — Москва : Ин-т археологии РАН, 2006. — С. 371–386.
14. *Энговатова, А. В.* Исследования Ярославской экспедиции Института археологии РАН 2004–2013 гг. / А. В. Энговатова // Археология : история и перспективы : Шестая межрегиональная конференция : сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль, 2014. — С. 255–266.

Список сокращений

АН СССР — Академия наук СССР	МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
АН — Архитектурное наследство	ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
АО — Археологические открытия	РА — Российская археология
АП — Археология Подмосковья	РАН — Российская академия наук
ВНИИТАГ — Всесоюзный научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства	РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
ГАЯО — Государственный архив Ярославской области	СА — Советская археология
ГИИ — Государственный Институт искусствознания	САИ — Свод археологических источников
ГИМ — Государственный Исторический музей	ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН
ИА РАН — Институт археологии РАН	ЯГВ — Ярославские губернские ведомости
ИАК — Известия археологической комиссии	ЯГИАХМЗ — Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук	ЯЕВ — Ярославские епархиальные ведомости
ИКРЗ — История и культура Ростовской земли	ЯСНРПМ — Ярославская специальная научно-реставрационная проектная мастерская
КСИА — Краткие сообщения Института археологии	
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии	

Археология: история и перспективы Десятая межрегиональная конференция *Сборник статей*

Ответственный редактор *А. Е. Леонтьев*
Корректор *М. В. Шахова*
Обложка и компьютерная верстка *Т. Ю. Лалюковой*

Подписано в печать 30.10.2022.
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура «PeterburgC».
Усл. печ. л. 18,00. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Канцлер»
150008, Ярославль, ул. Клубная, 4-49. Тел.: (4852) 58-76-37, 58-76-39
kancler2007@yandex.ru